

РЕДКАЯ КНИГА

РЕДКАЯ КНИГА

КНИГА • РЕДКАЯ

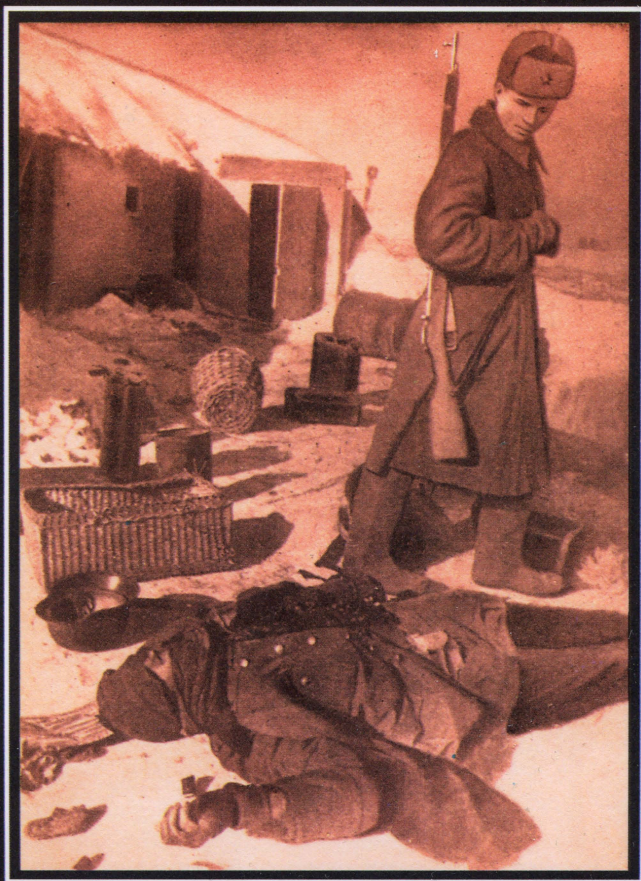
КНИГА • РЕДКАЯ

РЕДКАЯ КНИГА

РЕДКАЯ КНИГА

СТАЛИНГРАД

Русские силы истощились в боях зимой и весной. При этих обстоятельствах необходимо и возможно привести войну на востоке к решающему исходу. Моя основная мысль — занять область Кавказа, возможно основательнее разбив русские силы... Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, я должен прекратить войну... Для защиты фланга продвигающихся на Кавказ сил мы должны в излучине Дона продвинуться как можно дальше на восток...

Адольф ГИТЛЕР

Русские перешли в наступление и сразу же нанесли сокрушительный удар сначала по румынским соединениям, находящимся на левом фланге нашей группировки... Развивая наступление, превосходящие танковые и кавалерийские соединения русских в тот же день молниеносно обошли нас с севера, а на следующий день и с востока. Вся наша армия была взята в стальные клещи. Уже три дня спустя в Калаче на берегу Дона кольцо окружения сомкнулось.

Иоахим ВИДЕР

Дальнейшее сопротивление, как приказано, в окружении невозможно. Слишком мало сил... Поэтому из-за зимних условий борьбы, которые люди выдержать не могут, и из-за недостаточного снабжения с воздуха, зависящего зимой от метеорологических условий, дальше в котле удержаться невозможно...

Фридрих ПАУЛЮС

СТАЛИНГРАД

**К 60-ЛЕТИЮ
СРАЖЕНИЯ
НА ВОЛГЕ**

**МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2002**

ББК 68.49(2)243
С 77

С 77   **Сталинград: К 60-летию сражения на Волге. Сб.** — М.: Воениздат, 2002. — 335 с., илл. — (Редкая книга).

ISBN 5-203-01918-5

В сборник вошли малоизвестные воспоминания военачальников вермахта и документы о сталинградской катастрофе. Это протоколы допросов фельдмаршала Паулюса, записки его подчиненного офицера-разведчика Видера, Цейтшлера, Дёрра, директивы за подписью Гитлера и др.

После Сталинграда многие офицеры и солдаты вермахта, в том числе и некоторые военачальники, пришли в уныние и стали терять веру в благополучный для фашистской Германии исход войны.

Книга уникальна по подбору материалов и дает реальную картину сражения на Волге. Так это было...

ISBN 5-203-01918-5

ББК 68.49(2)243

© Предисловие, оформление, Воениздат, 2002.

Как это было...

В начале 1943 г. как надежда на спасение покоренную фашистами Европу облетело слово «Сталинград». Его повторяли как заклинание, уверовав, что теперь-то не за горами конец страшному нацистскому «новому порядку», установленному на континенте. Из уст в уста передавалась весть, что в сражениях на Волге, продолжавшихся с июня 1942 г. по февраль 1943 г., вермахт и войска союзников Германии потеряли почти полтора миллиона солдат и офицеров, а в Сталинграде окружена и уничтожена 330-тысячная группировка Паулюса и сам он оказался в русском плену. Вся Германия услышала звон погребальных колоколов — в стране был объявлен трехдневный траур...

О событиях того времени и повествует эта книга, составленная из документов и воспоминаний тех, кто участвовал в Сталинградской битве на стороне противника.

В военных планах немецкого командования Сталинград занимал особое место. Впервые задачу по его захвату Гитлер поставил перед войсками группы армий «Юг» еще в ноябре 1941 г. Но... не получилось из-за контрнаступления советских войск под Ростовом.

Планируя наступление на лето 1942 г., гитлеровское командование в качестве одной из важнейших задач вновь поставило захват Сталинграда. Главной целью нового наступления являлся последовательный разгром войск левого крыла Красной Армии и захват важнейших военно-экономических районов юга Советского Союза, в первую очередь богатейших нефтяных районов Кавказа.

Первоначально немецкое командование решило овладеть Сталинградским районом и Кавказом одновременно. Однако в силу складывавшейся обстановки оно было вынуждено значительную часть своих резервов, предназначавшихся для развития наступления на Кавказе, перебросить на усиление ударной группировки группы армий «Б», наступавшей на Сталинград. Таким образом, это направление из вспомогательного стало основным. Достаточно сказать, что в октябре на сталинградском направлении действовало уже более 50 вражеских дивизий, а на Северном Кавказе — всего 26.

В течение первых четырех месяцев советские войска в упорных оборонительных боях сначала в большой излучине Дона, а затем

на подступах к Сталинграду и в самом городе измотали рвавшуюся к Волге крупную вражескую группировку и вынудили ее перейти к обороне. В последующие два с половиной месяца Красная Армия, перейдя в контрнаступление, разгромила войска противника северо-западнее и южнее Сталинграда, окружила и полностью ликвидировала 330-тысячную группировку немецко-фашистских войск.

Военно-политическое значение битвы под Сталинградом трудно переоценить. Она положила начало коренному перелому в ходе Великой Отечественной войны и явилась поворотным пунктом в ходе всей Второй мировой войны в пользу антигитлеровской коалиции.

Разгромив отборные вражеские войска на Волге, Красная Армия наносила все новые удары, которые следовали один за другим до полной капитуляции противника в мае 1945 г. После Сталинграда в Польше, Югославии, Чехословакии, Греции, Франции и других странах ширилось движение Сопротивления, в сердцах людей появилась уверенность в скорой победе над общим врагом.

Прозрение пришло и в само германское общество. После Сталинграда не только многие офицеры и солдаты действующей армии, но и некоторые высокопоставленные генералы пришли в уныние и стали терять веру в благополучный исход войны.

Это случилось, например, с Иоахимом Видером, чьи воспоминания открывают книгу. Он участвовал в битве на Волге в составе 6-й армии в качестве офицера для особых поручений и офицера разведотдела VIII армейского корпуса этой армии, разделил участь окруженных войск.

Видер начинает свою книгу с черного для гитлеровцев дня — 19 ноября 1942 г. «В то пасмурное утро глубокой осени, — пишет он, — промозглый туман вскоре сменился метелью — наступила суровая русская зима. Но еще раньше, в предрассветных сумерках, здесь, на самом опасном участке Восточного фронта, где мы, немцы, глубже всего проникли на территорию противника, разразилась катастрофа, которую предчувствовали и ждали с нараставшей тревогой многие из нас. Русские перешли в наступление и сразу же нанесли сокрушительный удар сначала по румынским соединениям, находившимся на левом фланге нашей группировки...Развивая наступление, превосходящие танковые и кавалерийские соединения русских в тот же день молниеносно обошли нас с севера, а на следующий день и с востока. Вся наша армия была взята в стальные клещи. Уже три дня спустя в Калаче на берегу Дона кольцо окружения сомкнулось».

Со скрупулезностью прокурора Видер исследует степень виновности и ответственности за сталинградскую трагедию двух военачальников — Манштейна и Паулуса. И устанавливает, что основное бремя ответственности несет Манштейн. Если, отмечает

Видер, Паулюс безоговорочно признал свою ответственность за поражение, то Манштейн виновником «утраченной победы» считал Гитлера, не следовавшего его, Манштейна, и других военных специалистов советам.

Впервые воспоминания Видера под заголовком «Сталинградская трагедия» были изданы в 1955 г. В дальнейшем он дополнил их второй частью «Спустя 20 лет. Критические раздумья». (В этом сборнике из нее публикуется только «Заключение».)

Первая часть — это сгусток непосредственных личных впечатлений, документальные зарисовки событий, то есть своеобразные свидетельские показания о разыгравшейся трагедии. Потому они обретают особую ценность для теперешнего поколения. Так это было! И к этому излишни последующие комментарии.

В «Заключении» из второй части важен вывод Видера. Он пишет: «Именно битва на Волге продемонстрировала, в какой роковой степени германский вермахт был превращен в инструмент осуществления бредовых целей нацистского режима».

Собственно воспоминания Видера и определили содержание этого сборника, который включает также протоколы допросов Паулюса, мемуары Цейтцлера и Дёрра, архивные документы.

По возвращении из плена Паулюс в одном из своих выступлений весьма верно отметил символическое значение сталинградской катастрофы. «В событиях Сталинградской битвы и сопутствовавших ей явлениях, — отмечал Паулюс, — отразились как в капле воды все противоречия между требованиями стратегической обстановки, с одной стороны, и теми политическими и экономическими целями, которые ставило перед собой верховное руководство, — с другой стороны. Мы видим самоотверженность немецких солдат и офицеров. Но их самоотверженность была использована в преступных целях. Мы видим также предел человеческих и материальных возможностей, видим потрясающие личные трагедии, — короче говоря, мы стали свидетелями всех бедствий, которые претерпел немецкий народ. В результате развязанной Гитлером войны обрушились бедствия на подвергшийся нападению Германии советский народ».

Схожие мысли высказывает и начальник генерального штаба сухопутных сил (сентябрь 1942 г. — июль 1944 г.) генерал Курт Цейтцлер в мемуарах «Сталинградская битва». (Они перепечатываются из книги «Роковые решения». Воениздат, 1958. С. 153—209.) Он знакомит читателей с взаимоотношениями, сложившимися между генеральным штабом сухопутных сил и главным командованием вермахта. Как теперь известно, Гитлер еще в начале апреля 1942 г. поставил перед войсками задачу: овладеть богатыми сельскохозяйственными районами Дона и Кубани и захватить нефтяные месторождения Кавказа. Этим он надеялся

парализовать экономику Советского Союза и в то же время увеличить материальные ресурсы своей армии.

Столь обширные цели были не по силам германской армии, уже перенесшей серьезное потрясение под Москвой. Трезво оценивавшие положение генералы понимали нереальность этого плана. Понимал это и Цейтцлер. Пять требований, которые он выдвинул в своем докладе Гитлеру, были направлены на то, чтобы несколько улучшить условия войскам групп армий «А» и «Б», проводившим наступательную операцию на широком фронте.

Цейтцлер пишет о том, как настойчиво и долго боролся генеральный штаб за принятие выдвинутых им предложений. Однако Гитлер был непреклонен. Это и явилось причиной серьезных разногласий между Гальдером и Гитлером, который после снятия Браухича стал одновременно верховным главнокомандующим и главнокомандующим сухопутными силами.

Из мемуаров Цейтцлера читатели узнают о том, что происходило в гитлеровской ставке, когда она находилась в Виннице, а затем в Растенбурге — в «Волчьем логове», куда переместился Гитлер со своим штабом в ноябре 1942 г. Цейтцлер рассказывает, как в немецком генеральном штабе оценивались силы и возможности советских войск, какие варианты рождались в ставке Гитлера для спасения 6-й армии, окруженной под Сталинградом.

Главная мысль, красной нитью проходящая через воспоминания Цейтцлера, выражена вполне отчетливо: в трагедии у берегов Волги виновен только Гитлер. Если бы он прислушался к своему начальнику штаба и согласился с его предложениями, то армия Паулюса была бы спасена. Таков общий ход рассуждений Цейтцлера.

Подобная трактовка причин поражений германских войск под Сталинградом и в целом на советско-германском фронте ненова. Она высказывалась Гальдером, Гудерианом, Манштейном и другими гитлеровскими генералами. Цейтцлер лишь подчеркивает свою роль человека, который якобы и сделал все, чтобы спасти армию от разгрома. По его убеждению, немецкие армии Восточного фронта попали в кризисное положение не по своей вине. Цейтцлер полагает, что, если бы войсками управляли правильно, положение коренным образом изменилось бы. При этом он забывает упомянуть о тех факторах, которые в действительности определили судьбу германских войск под Сталинградом.

Завершается сборник оперативным обзором «Поход на Сталинград» Ганса Дёрра, изданным в ФРГ в 1955 г. и на русском языке Военным издательством в 1957 г.

Автор, рассматривая Сталинградскую битву с точки зрения немецкого командования, оценивает ее как величайшее поражение немецкой армии. Основной целью книги, по заявлению автора,

является раскрытие причин катастрофы под Сталинградом. Дёрр начинает свой труд с изложения плана немецкого командования на лето 1942 г., затем коротко характеризует события, связанные с наступлением немецких войск на воронежском направлении и в Донбассе. Весь остальной материал его оперативного обзора посвящен описанию боевых действий под Сталинградом.

«Сталинград, — пишет автор, — должен войти в историю войн как величайшая ошибка, когда-либо совершенная военным командованием, как величайшее пренебрежение к живому организму своей армии, когда-либо проявленное руководством государства». На самом же деле неудачи, постигшие вермахт на советско-германском фронте, объясняются прежде всего недооценкой немецким командованием военной и экономической мощи Советского Союза, переоценкой своих сил и эйфорией от успехов летней кампании 1941 г.

Игнорируя недочеты оперативного руководства германского командования, Дёрр неудачи немецких войск зачастую объясняет такими причинами, как нехватка горючего и влияние неблагоприятной погоды. Так, например, провал снабжения окруженных под Сталинградом войск 6-й армии по воздуху он объясняет тем, что «плохая погода способствовала уменьшению количества перебрасываемых грузов». Состояние погоды, конечно, оказало какое-то влияние на деятельность немецкой авиации, но решающей причиной была умело организованная блокада окруженной группировки противника с воздуха. Достаточно сказать, что только в декабре 1942 г. и январе 1943 г. советской авиацией и зенитной артиллерией было уничтожено около 700 транспортных самолетов противника. Данные, приведенные Дёрром в отношении советских войск, не всегда достоверны, а оценки — субъективны, поэтому к ним следует относиться критически.

Дёрр, стремясь показать работу немецкой разведки в выгодном свете, утверждает, что германское командование уже в октябре вскрыло подготовку наступления советских войск под Сталинградом. Факты же говорят об обратном. Из бюллетеня оценок немецким генеральным штабом обстановки на советско-германском фронте видно, что немецкое командование ни в октябре, ни в первой декаде ноября не ожидало крупного наступления советских войск под Сталинградом. Наоборот, оно предполагало, что главный удар Красной Армии осенью 1942 г. последует против группы армий «Центр», то есть на смоленском направлении. Об этом же свидетельствовало потом показание Йодля, который признавал, что в немецкой разведке были крупные провалы и наиболее серьезный из них — провал в ноябре 1942 г., когда она просмотрела сосредоточение крупной группировки советских войск под Сталинградом.

Автор освещает деятельность командования группы армий «Б» только с положительной стороны и делает все для того, чтобы на генерал-фельдмаршала Вейхса и генерала от инфантерии Зоденштерна не пала тень вины за катастрофу под Сталинградом. Видимо, только этим можно объяснить необоснованные претензии Дёрра к генерал-фельдмаршалу Паулюсу, его утверждения о возможности самостоятельного выхода из окружения 6-й армии в период между 20 и 23 декабря 1942 г., когда она уже была предельно истощена и плохо обеспечена боеприпасами и горючим.

В целом же Дёрр делает правильный вывод о том, что катастрофа, постигшая вермахт под Сталинградом, серьезно подорвала моральный дух солдат и офицеров. «Для Германии, — отмечает он, — битва под Сталинградом явилась тяжчайшим поражением в ее истории».

Это действительно так. Знамя, водруженное над освобожденным Сталинградом, воплотилось потом в Знамя Победы над рейхстагом.

«Я освобождаю человека, — говорил Гитлер, — от уничтожающей химеры, которая называется совестью. Совесть, как и образование, калечит человека...» Фюрер обещал офицерам и солдатам легкую победоносную войну, награды, поместья на Востоке. Но вместо этого солдаты вермахта и армий германских сателлитов оказались в братских могилах, а в лучшем случае — на нарах в лагерях для военнопленных, как это случилось и с авторами публикуемых воспоминаний Фридрихом Паулюсом и Иоахимом Видером...

Книга эта во многом уникальна благодаря своеобразному подбору материалов, путеводителем по которым стали воспоминания офицера-разведчика 6-й немецкой армии Иоахима Видера. Особую ценность представляют протоколы откровений генерал-фельдмаршала Паулюса, документы ставки фюрера, ОКВ, ОКХ и другие, относящиеся ко времени Сталинградской битвы.

Сейчас, из-за хлопот и стараний новоявленных историков и публицистов «демократической волны», подорвано доверие к героическому прошлому нашей страны и ее Вооруженных Сил, к фундаментальным трудам по истории Великой Отечественной войны. В этих условиях не грех обратиться к признаниям и свидетельствам наших бывших врагов. Почтайте, что они пишут о минувшей войне, и вам станет предельно ясно, кто есть кто и как это было...

Полковник в отставке В. АМЕЛЬЧЕНКО

ИОАХИМ ВИДЕР

КАТАСТРОФА НА ВОЛГЕ

**ВОСПОМИНАНИЯ
ОФИЦЕРА-РАЗВЕДЧИКА
6-й АРМИИ ПАУЛЮСА**

*Перевод с немецкого
Н.С. Португалова*

«Хаос огня, свинца и исковерканной брони... чудовища стальные, выйдя из-под власти своих творцов, их обрекли на смерть...

Тот, на чьих глазах разорванные в клочья погибали друзья и братья, тот, кто искал спасенья, извиваясь, как червь, на обесцещенной, истерзанной земле, — лишь горько усмехнется, услышав речи лживые, «героям» воздающие хвалу... нет больше Марса, дряхлый Бог сражений сам сгинул в пламени войны...»

Стефан Георге

JOACHIM WIEDER

**STALINGRAD
UND
DIE VERANTWORTUNG
DES SOLDATEN**

V. MANSTEIN, PAULUS,
V. SEYDLITZ

NYMPHENBURGER
VERLAGSHANDLUNG
MÜNCHEN, 1962

Немецкая группировка окружена

19 НОЯБРЯ 1942 года навсегда сохранится в моей памяти как самый черный день из всех, что мне довелось пережить.

В то пасмурное утро глубокой осени промозглый туман вскоре сменился метелью — наступила суровая русская зима. Но еще раньше, в предрассветных сумерках, здесь, на самом опасном участке Восточного фронта, где мы, немцы, глубже всего проникли на территорию противника, разразилась катастрофа, которую предчувствовали и ждали с нарастающей тревогой многие из нас. Русские перешли в наступление и сразу же нанесли сокрушительный удар сначала по румынским соединениям, находившимся на левом фланге нашей группировки.

Наступлению предшествовала тщательная подготовка, проведенная советским командованием в грандиозных масштабах; наши вышестоящие штабы в общем были осведомлены о длительном процессе сосредоточения сил противника, хотя развертывание проходило в лесистой местности и под прикрытием осенних туманов. Развивая наступление, превосходящие танковые и кавалерийские соединения русских в тот же день молниеносно обошли нас с севера, а на следующий день и с востока. Вся наша армия была взята в стальные клещи. Уже три дня спустя в Калаче на берегу Дона кольцо окружения сомкнулось. Соединения русских непрерывно усиливались.

Ошеломленные, растерянные, мы не сводили глаз с наших штабных карт — нанесенные на них жирные красные линии и стрелы обозначали направления многочисленных ударов противника, его обходные маневры, участки прорывов. При всех наших предчувствиях мы и в мыслях не допускали возможности такой чудовищной катастрофы! Штабные схемы очень скоро обрели плоть и кровь в рассказах и донесениях непосредственных участников событий; с севера и с запада в Песковатку — еще недавно тихую степную балку, где размещался наш штаб, вливался захлестнувший нас поток беспорядочно отступавших с севера и запада частей. Беглецы принесли нам недобрые вести: внезапное появление советских танков 21 ноября в сонном Калаче — нашем армейском тылу — вызвало там такую неудержимую панику, что даже важный в стратегическом отношении мост через Дон перешел в

руки противника в целости и сохранности. Вскоре из расположения XI армейского корпуса, нашего соседа слева, чьи дивизии оказались под угрозой удара с тыла, к нам в Песковатку хлынули новые толпы оборванных, грязных, вконец измотанных бессонными ночами людей.

Прелюдией ураганного русского наступления на участке Клетская, Серафимович была многочасовая артиллерийская подготовка — уничтожающий огонь из сотен орудий перепахал окопы румын. Перейдя затем в атаку, русские опрокинули и разгромили румынские части, позиции которых примыкали к нашему левому флангу. Вся румынская армия попала в кровавую мясорубку и фактически перестала существовать. Русское командование весьма искусно избрало направление своих ударов, которые оно нанесло не только со своего донского плацдарма, но и из района южнее Сталинграда, от излучины Волги. Эти удары обрушились на самые уязвимые участки нашей обороны — северо-западный и юго-восточный, на стыки наших частей с румынскими соединениями; боеспособность последних была ограничена, поскольку они не располагали достаточным боевым опытом. Им не хватало тяжелой артиллерии и бронебойного оружия. Сколько-нибудь значительных резервов у нас, по существу, не было ни на одном участке; к тому же плохие метеорологические условия обрекли на бездействие нашу авиацию. Поэтому мощные танковые клинья русских продвигались вперед неудержимо, а многочисленные кавалерийские подразделения, подвижные и неуловимые, роем кружились над кровоточащей раной прорыва и, проникая в наши тылы, усиливали неразбериху и панику.

Впрочем, обстановка вскоре окончательно прояснилась: наша 6-я армия и части 4-й танковой армии — более 20 первоклассных немецких дивизий, составлявших четыре армейских и один танковый корпус, — были полностью окружены. Вместе с ними в гигантский котел попали дивизия ПВО и несколько крупных авиационных соединений; приданные артиллерийские подразделения резерва главного командования: два дивизиона самоходок и два минометных полка, с десятков отдельных саперных батальонов, а также многочисленные строительные батальоны, санитарные подразделения, автоколонны, отряды организации Тодта («Имперская трудовая повинность»), части полевой жандармерии и тайной военной полиции. Здесь же оказались и остатки разгромленной румынской кавалерийской дивизии, хорватский пехотный полк, приданный одной из наших егерских дивизий, и, наконец, несколько тысяч русских военнопленных и «вспомогательные части». Всего, таким образом, в окружение попало более 300 тысяч человек, чья судьба связала друг с другом в буквальном смысле слова не на жизнь, а на смерть.

Лишь много позднее мы поняли, что окружение 6-й армии было только частью гигантской операции по охвату наших войск, спланированной и проведенной русскими по известным немецким образцам¹. С севера нас охватывали лучшие ударные части русских, в том числе и переброшенные сюда отборные дивизии их Юго-Западного фронта, которому до начала наступления противостояли соединения, примыкавшие к нашей 6-й армии слева. И этот внезапный и сокрушительный удар был нанесен противником, который, как упорно твердила наша официальная пропаганда, давно уже исчерпал все свои резервы и возможности. Но особую тревогу у нас вызывал тот факт, что советская стратегия и тактика обрели теперь гибкость, прочно захватили инициативу.

Вообще говоря, сила русского натиска и участие в наступлении большого количества свежих соединений и ударных частей не явились для нас полной неожиданностью. Уже в течение нескольких недель мы с возрастающим беспокойством наблюдали, как в лесистой местности на противоположном берегу Волги и особенно в северной излучине Дона скапливались части противника — верный признак близкой грозы. Будучи в то время офицером для поручений в разведотделе штаба VIII армейского корпуса, я по долгу службы постоянно анализировал многочисленную информацию о противнике, обрабатывал сведения о численности его частей и соединений, об их структуре и боевых порядках, вооружении и моральном состоянии, а также вел оперативные карты. В ходе работы я убедился, что начиная с весны 1942 года обстановка на фронте изменялась под влиянием совершенно новых факторов, которые вначале вызвали у меня живой интерес, а затем гнетущую тревогу.

В мае 1942 года русские начали использовать крупные танковые соединения для достижения оперативных целей. Однако эта попытка провести по немецкому образцу крупную операцию на окружение окончилась для них неудачей. Красному командованию пришлось еще раз дорого заплатить нам за науку: наступавшая 6-я русская армия, которой уже почти удалось прорвать наш фронт юго-восточнее Харькова, была взята в клещи, окружена и полностью уничтожена. В плен попало, по меньшей мере, 200 тысяч солдат и офицеров противника, мы захватили более 3000 танков и орудий. Командующий ударной армией русских в безысходном отчаянии покончил с собой. Через штаб нашего корпуса прошли по этапу несколько советских генералов, взятых в

---

¹ В истории мирового военного искусства немало примеров операций на окружение, начиная от знаменитых Канн. Однако контрнаступление на Волге было спланировано весьма оригинально советским командованием, что неоднократно подтверждает и сам Видер. (*Прим. ред.*)

плен в этом сражении¹. Я помню, какое сильное впечатление произвели на нас тогда некоторые сведения, полученные от них на допросах, и в первую очередь данные о непрерывно растущем производстве танков на эвакуированных далеко за Урал русских заводах, за которыми наша собственная военная промышленность, судя по всему, не могла угнаться.

Летом того же года последовало наше мощное наступление на Южном фронте, в ходе которого мы вышли через Оскол в большую излучину Дона и достигли Волги. Эти успехи приободрили нас до поры до времени. Быстрое продвижение наших войск явно привело противника в замешательство. О неразберихе у русских свидетельствовали и показания множества пленных всех чинов и званий, в том числе и одного генерала — командира дивизии, захваченного в перелеске вместе со всем своим штабом. В сапоге у него мы обнаружили орден Ленина.

62-я Сибирская армия лишилась значительной части своего личного состава; остатки русской 1-й танковой армии, потерявшей еще в июле в котле северо-западной Калача почти всю боевую технику, поспешно отошли за Дон. И все же для наступательной операции таких масштабов мы захватили до удивления мало пленных, оружия и снаряжения. Создавалось впечатление, что русские, действуя по намеченному плану, упорно уклоняются от решающих сражений и отходят в глубь своей территории. Это подтверждали и трофейные документы, среди которых попалась и одна чрезвычайно любопытная карта, на которую цветными карандашами был нанесен разработанный до мельчайших деталей план-график отхода крупного соединения. Это был великолепный образчик штабной культуры в работе.

Я и поныне глубоко убежден, что отход советских соединений летом 1942 года был блистательным достижением традиционной военной тактики русских, которая в данном случае хотя и поставила страну на грань гибели, но в конечном счете все же оправдала себя. Я считаю также, что одно роковое событие, происшедшее незадолго до начала нашего летнего наступления, которое привело нас к волжскому берегу, существенно облегчило разработку и осуществление этого плана стратегического отступления. Лишь узкий круг людей знал в то время об этом злосчастном инциденте, который заставил штаб армии в Харькове и наш корпусной штаб в городишке Волчанск в течение нескольких дней развернуть лихорадочную активность и поставил главное командование сухо-

---

¹ 23 мая 6-я немецкая армия, наступавшая с севера, и соединения группы армий «Клейст», наступавшей с юга, соединились в районе Балаклеи. Войска советских 6-й, 57-й армий и группы генерала Л.В. Бобкина были окружены. До 29 мая они вели тяжелую борьбу с превосходящими силами противника. Лишь отдельным отрядам удалось вырваться из окружения.

путных сил перед ответственными решениями. А случилось вот что: в середине июня, когда наши части занимали исходные рубежи для большого наступления на Донецком переднем укреплении, только что захваченном после кровопролитных боев, начальник штаба одной из наших дивизий, молодой майор, вылетел на разведывательном самолете «Физелер-Шторх» в штаб соседнего соединения, чтобы обсудить там вопрос о предстоящих операциях. Портфель майора был битком набит секретными приказами и штабными документами. Самолет не прибыл к месту назначения. По-видимому, сбившись с курса в тумане, он перелетел линию фронта. Вскоре мы, к ужасу своему, обнаружили обломки сбитого «Физелер-Шторха» на «ничейной земле» между окопами. Русские уже успели буквально растащить машину по винтикам, а наш майор исчез, не оставив никаких следов. Немедленно возник вопрос: попал ли в руки противника его портфель, в котором находились важнейшие секретные документы — приказы вышестоящих штабов?

Несколько дней подряд все линии связи между главным командованием сухопутных сил, штабом армии и штабом нашего корпуса были постоянно заняты: срочные вызовы к аппарату следовали один за другим. Поскольку беда стряслась в расположении нашего корпуса, мы получили задание до конца выяснить все обстоятельства дела и избавиться командование от мучительной неопределенности. Мы провели несколько разведывательных поисков с сильной огневой поддержкой на участке фронта, где сбит был самолет, и захватили пленных. Вначале полученные от них сведения были крайне противоречивы, но постепенно картина стала проясняться. Оказалось, что самолет подвергся обстрелу и совершил вынужденную посадку на «ничейной земле». Находившийся в нем «офицер с красными лампасами на брюках»¹ был убит не то еще в воздухе, не то при попытке к бегству, а его портфель взял с собой «кто-то из комиссаров». Наконец, пленный, захваченный в результате нашего последнего по счету поиска, точно указал нам место, где, по его словам, был зарыт этот погибший немецкий офицер. Мы начали копать на этом месте и вскоре обнаружили труп злополучного майора. Итак, наши наихудшие предположения подтвердились: русским было теперь известно все о крупном наступлении из района Харьков, Курск на восток и юго-восток, которое должны были начать наши 6-я и 2-я армии в конце июня. Противник знал и дату его начала, и его направление, и численность наших ударных частей и соединений. Точно так же мы про-

---

¹ Высшие штабные должности в соединениях вермахта (от дивизии и выше) занимали офицеры генштаба, которым была присвоена форма с некоторыми отличиями, в частности красными лампасами на брюках.

тив воли осведомили русских и о наших исходных позициях, детально ознакомили их с нашими боевыми порядками.

Вскоре рассеялись и последние сомнения на этот счет: начались яростные воздушные налеты на районы развертывания наших частей, а также на штаб нашего корпуса, причинившие нам немалый ущерб. К тому же мы вскоре установили, что противник проводит перегруппировку сил на противостоящих нам участках. Но было поздно — главное командование сухопутных сил уже не могло пересмотреть принятые решения и отменить столь тщательно подготовленную операцию. Таким образом, наше наступление на Сталинград с самого начала проходило под несчастливой звездой.

Последующие события, развернувшиеся в конце лета и осенью того же года на Дону и на Волге, и коренные изменения, происшедшие у противника, давали достаточно оснований для серьезной тревоги и оправданных опасений. Начиная с августа боевой дух советских армий непрерывно поднимался — они сражались с возрастающим упорством. О том, что русские не намерены больше отступать, свидетельствовал и захваченный нами приказ советского командования, в котором говорилось о смертельной опасности, нависшей над страной, и о том, что у Красной Армии отныне остается только один выбор: победа или смерть. В сентябре, когда наши дивизии в Сталинграде истекали кровью в ожесточенных боях с вновь сформированной 62-й армией¹, упорно оборонявшей каждую улицу, каждый дом, каждый метр земли, противник начал одновременно яростные отвлекающие атаки против наших отсечных позиций между Волгой и Доном к северу от Сталинграда и неоднократно пытался прорвать здесь линию фронта. В ходе этих боев действовавшая в составе нашего корпуса доблестная Потсдамская дивизия (ее тактическим знаком был старый прусский гренадерский шлем) отражала натиск свежих советских ударных частей. Большое количество уничтоженных русских танков, появление на передовой многочисленных отлично оснащенных свежих соединений противника, тактические новшества в его боевых порядках, частые перемещения войск по фронту — все это убедительно свидетельствовало о том, что советские армии не сломлены, что их боеснабжение увеличивается в устрашающих масштабах, а резервуар живой силы просто неисчерпаем.

Наконец, эти события в излучине Дона — на северном участке фронта нашей группировки — совершенно ясно показали, какую страшную угрозу представляет для нас мощный стратегический резерв, сконцентрированный здесь противником. Против нашей

¹ 62-я армия не была вновь сформирована, а лишь получала время от времени пополнения. (Прим. ред.)

6-й армии на фронте от Сталинграда до излучины Дона было сосредоточено, по меньшей мере, семь русских армий, не считая крупных танковых и кавалерийских соединений. Сомнений не было — противник готовил гигантское наступление. Радиоперехват приносил нам особенно обширную тревожную информацию о развертывании вражеских ударных соединений, подробности их эшелонирования, оснащения и боеснабжения. Хотя армии у русских по численности примерно соответствовали лишь нашим армейским корпусам, их превосходство в живой силе стало здесь подавляющим. По нашей оценке, русские обладали уже к тому времени, по меньшей мере, трехкратным численным перевесом. Целыми неделями я обрабатывал и направлял по инстанции все более тревожную информацию о противнике — сообщения, поступившие из частей, результаты воздушной разведки, радиоперехвата и пеленгации, а также наиболее интересные протоколы допросов плененных, которые я получал не только со своего участка, но и из соседнего корпуса. Штаб армии, полностью разделявший наше беспокойство, не раз предостерегал, предупреждал и даже заклинал командование группы армий. Но сам по себе он был бессилен что-либо изменить.

Помочь нашим дивизиям в сталинградской «мясорубке» и растянутым по фронту незначительным силам на отсечных позициях севернее Сталинграда в большой излучине Дона могли либо мощные подкрепления, либо своевременный отход, то есть сокращение линии фронта на его самом опасном для нас, далеко выдвинутом вперед участке, сама конфигурация которого словно подсказывала противнику, где ему готовить решающий удар. Мы ничего не знали о том, принимают ли штаб группы армий и верховное командование какие-либо меры для предотвращения грозившей нам катастрофы, о неминуемом приближении которой мы с большой тревогой доносили вот уже много недель. Нам стало известно лишь, что задача обеспечения наших угрожаемых флангов была возложена на свежие румынские соединения. Но эти войска наших союзников были плохо оснащены и мало боеспособны. Оперативных резервов у нас не было вовсе, и нам оставалось лишь с тревогой констатировать, что на всем огромном участке нашей армии не предпринимается ничего ни для ее усиления, ни для выравнивания линии фронта.

И случилось то, чего следовало ожидать, — беда обрушилась на крайне уязвимые, не обеспеченные с флангов позиции нашей армии в глубине вражеской территории. Быть может, русские, планомерно уклонявшиеся от решающих сражений в течение всего лета, заманили нас в ловушку, чтобы с наступлением лютых зимних морозов раздавить и уничтожить? Я не раз мысленно задавал себе этот вопрос, и тревожные предчувствия не покидали меня. В

последний раз я думал об этом незадолго до катастрофы, когда серым октябрьским днем ехал в штаб армии в станицу Голубинскую. Путь лежал через выжженную, унылую Донскую степь, простиравшуюся до самого горизонта. Бескрайняя и безлюдная, она показалась мне в этот раз грозной, недоброй. И вдруг я с мучительной ясностью представил себе, как сквозь пургу ползут по заснеженной степи бесчисленные русские танки, а на большой оперативной карте штаба корпуса, которую я знал почти наизусть, появляются зловещие стрелы, охватывая наши части, попавшие в гигантскую «мышшеловку». Мой страх перед русской зимой, которую все мы считали опаснейшим союзником противника, породил тогда это кошмарное видение. Теперь оно стало явью — мы действительно оказались в ловушке. Удастся ли нам выбраться отсюда? Сколь ни серьезна была с самого начала обстановка в котле, в первое время в наших штабных блиндажах в Песковатке мы не падали духом и даже сохраняли чувство некоторого превосходства над противником. Все наши мысли были прикованы к предстоящему выходу из окружения. В тот момент никто не сомневался, что подобная операция будет успешно проведена. Прорыв кольца должен был показать противнику, что мы не позволим ему окончательно вырвать у нас из рук инициативу и навязать нам свою волю.

Впрочем, уже тогда я не мог избавиться от мучительного беспокойства, вспоминая о фанатизме, которым были проникнуты недавние публичные заявления Гитлера. «Немецкие солдаты стоят на Волге, и никакая сила в мире не заставит их уйти оттуда», — провозглашал верховный главнокомандующий, который, судя по всему, не собирался отказываться от своего предсказания, что Сталинград будет взят «с ходу». Накануне русского наступления он снова говорил об экономическом и политическом значении этой «гигантской перевалочной базы на Волге», захват которой «перережет жизненно важную артерию русских, лишив их 30 миллионов тонн пшеницы, марганцевой руды и нефти». Больше того, фюрер самонадеянно клялся «перед богом и историей», что никогда не отдаст «уже захваченный» город. Можно ли было при такой установке верховного главнокомандующего думать об уходе с берегов Волги и вообще об отступлении?! Быть может, нашей армии на берегах Волги предстояло не просто сражаться не на живот, а на смерть во имя собственного спасения, а отстаивать военный и политический престиж, кровью расплачиваясь за обещания «фюрера», данные перед лицом всего мира? Ведь Гитлер поставил на карту свою репутацию полководца здесь — в этом городе на берегу Волги. Увы, уж очень скоро мы стали убеждаться в том, что нам не уйти с берегов Волги и что в Сталинграде настигла нас неотвратимая судьба.

Час роковых решений

Это тягостное чувство не покидало меня с первых дней окружения. Я был тогда временно откомандирован в распоряжение оперативного отдела штаба корпуса, где кипела лихорадочная работа. В ходе вынужденной перегруппировки окруженных соединений нам были оперативно подчинены XIV танковый и XI армейский корпуса, а на командира нашего корпуса были возложены, таким образом, функции командующего всем северным участком нашей армии. Благодаря этому я имел довольно полное представление не только о положении на всем нашем участке, но и о тех решениях, которые в конце концов были приняты на расстоянии 2 тысяч километров от котла в Восточной Пруссии — в Растенбурге, где находилось главное командование сухопутных сил и ставка Гитлера. Именно там решалась наша судьба — участь армии, насчитывавшей более 250 тысяч человек¹. Гитлер из Растенбурга не раз обращался непосредственно с приказами и воззваниями к немецкой армии на Волге, которая была теперь подчинена вновь созданной группе армий «Дон».

Оперативный отдел штаба нашего корпуса походил на растревоженный пчелиный улей. События развивались с нарастающей быстротой и держали нас в постоянном напряжении. Под непрерывный писк зуммера полевых телефонов мы принимали новые распоряжения, составляли приказы и донесения. Один за другим приходили и уходили офицеры связи, порученцы и ординарцы; то и дело прибывали командиры частей — офицеры всех рангов и всех родов оружия докладывали обстановку, требовали новых указаний. Линия фронта непрерывно изменялась: противник с севера неудержимо продвигался в междуречье Дона и Волги. Мы не сомневались, что очень скоро в наших землянках разместятся новые «постояльцы» — русские штабы. Штабу армии уже пришлось сломать голову эвакуироваться из казачьей станицы Голубинской буквально на виду у русских танков, внезапно появившихся на ближних придонских холмах.

Воскресным вечером 22 ноября (это был, как сейчас помню, день поминовения погибших, стужа стояла лютая, и настроение было не только тревожное, но даже паническое) к нам ввалились несколько офицеров из оперативного отдела штаба армии, драпавших из Голубинской. Они рассказали о печальном положении в нашем армейском тылу, превратившемся теперь в передовую. По их словам, командующий вместе с начальником штаба вылетел в станицу Нижне-Чирская, расположенную к западу от нашего котла,

¹ Видер, видимо, ошибочно приводит эту цифру, раньше он сам называл 300 тысяч, в действительности было окружено 330 тысяч человек. (Прим. ред.)

где еще раньше были подготовлены зимние квартиры штаба армии. Некоторое время они находились там, но потом тем же воздушным путем возвратились в расположение своих окруженных войск, в район Сталинграда. Теперь штаб армии размещался в Гумраке.

Генштабистам в нашем оперативном отделе приходилось в те дни ломать голову над сложнейшими тактическими задачами. Всего с месяц назад в корпус прислали нового начальника штаба, до тех пор он работал в Восточном отделе разведуправления генерального штаба сухопутных сил и оттуда попал на фронт. Помню, меня самого посылали на вездеходе за новым начальником в штаб армии. В тот же день я и привез его, плечистого полковника, с красными лампасами генштабиста на брюках в наше «поместье» Песковатку, затерянную среди унылой степи, где кругом на много километров ни кустика, ни деревца.

Новому начальнику штаба пришлось входить в курс дела, что называется, с места в карьер. Начальник оперативного отдела также пришел в наш корпус недавно — его перевели к нам в первые дни русского наступления из штаба 8-й итальянской армии, где он возглавлял специальную группу связи с нашим командованием. Теперь же ему приходилось не только разрабатывать обычные приказы по корпусу, но и обеспечивать отход целой армейской группировки в высшей степени сложной и угрожающей обстановке.

Прежде всего необходимо было вывести из донской излучины на восток некоторые наши соединения, которые, беспорядочно отступая под напором наседавшего противника и временно оказавшись в окружении, вынуждены были поспешно уничтожить большую часть тяжелой боевой техники и снаряжения. Предстояло переправить их по двум мостам на восточный берег Дона, отвести в междуречье Дона и Волги и здесь вновь сконцентрировать и перегруппировать. Одновременно нужно было как можно скорее создать новую линию обороны в совершенно оголенном тылу нашей армии, преградив путь противнику, наступавшему с юга и запада. Выполнение этой ответственной задачи в значительной степени облегчалось образцовыми действиями наших тыловых служб и подразделений и их командиров, которые в общей сумятице и панике не потеряли голову и с боями пробивались на восток — на соединение с основными частями армии, помешав таким образом противнику сокрушить нас ударом с тыла.

Итак, оказавшись в окружении, вся наша армия вынуждена была отходить не на запад — на соединение с немецкими войсками, стремившимися стабилизировать прорванный русскими фронт, а на восток — с конечной целью перегруппировать 6-ю армию в районе западной и северной Сталинграда и занять исходные позиции для прорыва кольца окружения. Только этот прорыв через Дон на юго-запад мог теперь спасти нас.

В ожидании предстоящих событий напряжение в нашем штабе нарастало изо дня в день. Ни о чем другом не говорили. Мы, молодые офицеры, с особым нетерпением ждали детальных инструкций по подготовке этой операции, от которой зависело наше спасение. Все мы ясно понимали, что промедление смерти подобно, ибо наши запасы и продовольствия, и горючего таяли с каждым днем. Кроме того, необходимо было решительными действиями помешать противнику укрепить вновь созданную линию фронта. Разумеется, мы осознавали при этом всю серьезность нашего положения и учитывали, что в ходе предстоящего прорыва в ожесточенных боях армия неизбежно понесет значительные потери в живой силе и технике. Но мы не сомневались, что при таком количестве окруженных дивизий главные силы нашей армии сумеют в упорных боях проложить себе путь из окружения. К тому же у нас оставалось еще как-никак 130 исправных танков с необходимым запасом горючего и почти столько же бронемашин и бронетранспортеров. Таким образом, наша армия еще располагала в тот момент боеспособными моторизованными соединениями. Боевой дух войск был еще высок даже в частях, понесших наиболее тяжелые потери в последних боях. На солдат вполне можно было положиться. В этом я имел случай убедиться, выполняя некоторые задания штаба у переправ через Дон и Песковатку. Речь шла о том, чтобы через мост, забитый частями, отступавшими на восток, перебросить в обратном направлении — на западный берег Дона боевую технику XIV танкового корпуса. Танковые колонны, двигавшиеся на запад навстречу русским, благотворно действовали на отступавших солдат, возродили их веру в свои силы и в своих офицеров. Все ждали, как избавления, сигнала к атаке и, затаив дыхание, следили за подготовкой к прорыву, развернувшейся главным образом на западном участке армии.

В ходе этой подготовки был отдан приказ уничтожить — сжечь или привести в негодность — весь «балласт»: излишки снаряжения и прочего военного имущества. Во всех частях и подразделениях уничтожали поврежденные орудия, танки и грузовики, ненужные теперь технические средства связи и саперный инструмент, запасы обмундирования, документацию и даже часть продовольствия. Гигантский костер из ценного снаряжения запылал и неподалеку от нашего штаба. Солдаты проходивших мимо частей тянули из огня все, что могло еще пригодиться.

По решению командования отход 6-й армии из Сталинграда был назначен на 26 ноября¹. Мощный танковый клин, усиленный моторизованными частями, должен был проложить войскам доро-

---

¹ По данным Дёрра, эта операция намечалась на 25 ноября 1942 года (Г. Дёрр. Поход на Сталинград. М.: Воениздат, 1957. С. 77).

гу на юго-запад, прорвав кольцо русского окружения и обеспечив фланги. Пехотные дивизии намечалось ввести в прорыв без дополнительной огневой подготовки.

Этот план, как говорили в нашем штабе, был представлен на утверждение в штаб группы армий «Дон» и в вышестоящие инстанции. Мы не сомневались, что верховное командование убедится в необходимости его осуществления, и всей душой верили в успех и в скорое спасение. В штабе только и разговору было, что о предстоящем сражении. Иного выхода мы не видели, и все наши мысли, все надежды были неразрывно связаны с планом прорыва.

Никогда не забуду, как все мы были потрясены сообщением из штаба армии о том, что Гитлер отменил готовившийся прорыв и приказал немецкой группировке на Волге «занять круговую оборону». Особенно старших офицеров это известие привело в величайшее возбуждение, которое, впрочем, сменилось вскоре леденящим ужасом. Незадолго до этого я стал свидетелем драматического телефонного разговора командующего 6-й армией генерала танковых войск Паулюса с моим корпусным командиром генералом артиллерии Хейтцем. Я слушал, как генералы говорили о безвозвратно упускаемых возможностях, об угасающих последних надеждах, о том, какими опасностями чреват для нас переход на боевое снабжение воздушным путем, — и лютая тоска сжимала мне сердце. Помню, как Паулюс с нескрываемым скептицизмом и озабоченностью заметил, что для организации воздушного моста, который мог бы обеспечить сохранение боеспособности наших окруженных дивизий, главное командование должно в предельно короткий срок выделить не менее двух тысяч самолетов.

И вот, 24 ноября словно гром среди ясного неба поразила нас радиограмма из ставки Гитлера — роковой приказ, запрещающий командованию 6-й армии осуществить намеченный отход с северного участка своего фронта и вывод наших соединений из Сталинграда. Все надежды на прорыв рухнули. В штабе армии, судя по всему, не меньше нас были ошеломлены этим неожиданным решением ставки. Мы не могли взять в толк, почему же были оставлены без внимания все донесения, предостережения и просьбы наших руководящих штабов, которые лучше, чем кто бы то ни было, могли оценить создавшуюся угрожающую обстановку. Еще тогда, когда ударные соединения Советской Армии только начали обходить нас с флангов, наш командующий, ясно представляя себе всю серьезность положения, сразу же предложил в вышестоящем штабе группы армий немедленно выпрямить линию фронта, отведя армию на новые позиции в междуречье Дона и Чира. И после получения от главного командования сухопутных сил приказа любой ценой удерживать Сталинград и фронт на Волге генерал Паулюс неоднократно просил предоставить ему оперативную свободу действий. В последний раз

он обратился с этой просьбой непосредственно к Гитлеру, которому 23 ноября направил по радио личное донесение с исчерпывающей и неприкрашенной оценкой обстановки. В этой радиোগрамме, свидетельствовавшей о высоком чувстве ответственности военачальника, командующий, ссылаясь также на единодушное мнение подчиненных ему корпусных командиров, подчеркивал, что ввиду невозможности организовать своевременное достаточное боеснабжение, окруженная 6-я армия обречена на уничтожение, если только ему не удастся, сосредоточив все имеющиеся в его распоряжении силы, нанести сокрушительный удар по наступающему с юга и запада противнику. Для этого Паулюс считал необходимым немедленный отвод всех наших дивизий из Сталинграда и последующий прорыв кольца с выходом из окружения на юго-запад. Все было тщетно! Фюрер, он же верховный главнокомандующий вермахта, через голову штаба группы армий «Дон» принял единоличное решение и отказал Паулюсу в предоставлении оперативной самостоятельности, которой тот столь упорно добивался. Обращение Гитлера по радио заканчивалось призывом к чувству долга доблестной 6-й армии и ее командующего. Правда, Гитлер обещал нам организовать боеснабжение в нужных масштабах и своевременно провести операции по прорыву вражеского кольца извне. Это обещание и служило отныне единственной основой для всех действий и мероприятий нашего командования. Но для нас оно явилось слабым утешением. В нашем штабе все были глубоко разочарованы и подавлены.

В самом деле, положение теперь стало критическим. Такого в вермахте еще не бывало. Целая армия, отрезанная от остальных частей, после тяжелых оборонительных боев в окружении и отхода на восток теперь по собственной инициативе отказывалась от каких-либо попыток прорвать кольцо и, «заняв круговую оборону», ожидала неведомо чего, между тем как положение ее с каждым днем ухудшалось.

Наш командир корпуса ходил туча тучей, сумрачно насупив свои густые клочковатые брови.

Он сразу же объявил нам, что не намерен сидеть сложа руки и дожидаться, пока его окончательно разгромят. «Лучше уж пробиться хотя бы с парой дивизий, чем потерять всю армию! — повторял он, задыхаясь от возмущения. — Черт знает что! За сорок лет службы ничего подобного не видел!»

И все же в конце концов он махнул рукой и подчинился, хотя и по-прежнему был убежден, что лишь немедленный прорыв дал бы нам шанс на спасение. Приказ есть приказ, что бы там ни случилось. Теперь нам не осталось ничего иного, как надеяться на освобождение извне.

Однако на обещанную помощь вообще можно было рассчитывать лишь по истечении нескольких недель. Мы ясно представля-

ли себе, что это значит — драгоценное время уйдет, противник будет непрерывно подбрасывать подкрепления, боеспособность и дух нашей армии, отчаянно сражавшейся в тяжелых условиях окружения, будут падать, а наши последние резервы — таять с каждым днем. Судьба 300-тысячной армии отныне почти полностью зависела от снабжения по воздуху. А располагает ли наше главное командование необходимым количеством самолетов? Окажемся ли мы в состоянии обеспечить ежедневную посадку сотен машин в нашем котле, учитывая превосходство русских в воздухе и тяжелые зимние метеорологические условия в Донских степях!

Итак, роковое решение, предписывавшее в армии «занять круговую оборону», было принято через голову ее командующего и минуя вышестоящий штаб группы армий. Мало того, общее начертание наших оборонительных линий, которые надлежало удерживать любой ценой, также было установлено приказом свыше. В результате наша главная оборонительная линия во многих местах тянулась на десятки километров по голой степи, лишенной каких-либо естественных рубежей. Наши войска, державшие оборону на таких участках, окапывались в мерзлой земле, а то и в снегу. Впоследствии мы лишь в исключительных случаях, и то с большим трудом, добивались от ставки Гитлера разрешения изменить на отдельных участках линию фронта. Не считая самого Сталинграда — его руины составляли лишь сравнительно небольшую часть переднего края — да нескольких выгодных для обороны участков по берегам рек, наша армия нигде не имела укрепленных позиций. И понятие «сталинградская крепость», пушенное в ход в первых приказах главного командования сухопутных сил, окруженные воспринимали как горькую иронию, а подчас и как издевательство.

«Бунт» генерала Зейдлица

Среди генералов окруженной 6-й армии нашелся один, который не пожелал мириться с роковыми приказами, обрекавшими все 22 окруженные дивизии (в большей своей части лучшие в германской армии) на изматывающие оборонительные бои и пассивное выжидание. Он хотел действовать — не теряя времени идти на прорыв, чтобы спасти то, что еще можно было спасти.

Этим человеком был командир LI армейского корпуса генерал артиллерии Зейдлиц. Его считали способным, энергичным военачальником с большим практическим опытом. Подтверждением тому были и «Дубовые листья» к Рыцарскому кресту — высшая военная награда, которую Зейдлиц получил еще задолго до описываемых событий. К тому же он слыл специалистом по окружениям.

Весной 42-го года он сыграл решающую роль в выводе немецких войск из демянского котла, который, впрочем, значительно уступал нынешнему. И действительно, Зейдлиц полностью отдавал себе отчет в том, что над 6-й армией нависла угроза полного уничтожения. На карту была поставлена судьба без малого 300 тысяч немецких солдат. Генерал Зейдлиц готов был пойти на любой риск, чтобы предотвратить нашу гибель.

Командир LI корпуса вместе с офицерами своего штаба был непоколебимо убежден, что для окруженных соединений, которым грозит смертельная опасность, остается лишь один путь к спасению: немедленно идти на прорыв кольца на юго-запад с выходом в район Котельниково. Поначалу командование армии придерживалось того же мнения. На этот прорыв в корпусе Зейдлица возлагались все надежды. Приказы штаба армии, отданные в ходе его подготовки, исполнялись здесь особенно тщательно и неуклонно.

Как только было решено избавиться от всего лишнего груза, оставив лишь самое необходимое, командир корпуса первым подал пример: в огонь полетели его чемоданы, архив и даже его личные вещи. Зейдлиц не оставил себе ничего, кроме обмундирования, которое было на нем. После этого в его корпусе, как, впрочем, и в других соединениях нашей армии, начали с каким-то остервенением уничтожать все, без чего можно было обойтись.

Собрав старших штабных офицеров своих восьми дивизий, Зейдлиц прямо сказал, что армия поставлена перед выбором: Канны или Бржезины, имея в виду известный прорыв русского фронта под Лодзью в 1914 году, в котором он, тогда еще молодой офицер, принимал самое непосредственное участие.

Дивизии LI корпуса, сильно потрепанные в предыдущих боях, обороняли участок фронта протяженностью 70 километров. Чтобы облегчить им выполнение ответственных задач в ходе будущего прорыва, Зейдлиц решил в северной части своего участка выпрямить линию фронта, отведя свои войска на новые позиции. Это было тем более необходимо, что после отхода XIV танкового корпуса в линии фронта здесь образовалась 25-километровая дыра, которую подошедшие обескровленные дивизии LI корпуса Зейдлица не могли ни заполнить, ни по-настоящему оборонять. Это решение Зейдлиц, готовясь к предстоящему прорыву, принял на свою ответственность в первые дни наступления русских, когда штаб армии еще находился за Доном. Генерал имел все основания предполагать, что проведенное им сокращение линии фронта окажется в полном соответствии с решениями, созревающими в штабе армии, и лишь облегчит подготовку прорыва. О том, что прорыв не состоится, он тогда, естественно, и думать не мог. Поэ-

тому впоследствии его действия, вся смелость и дальновидность которых, очевидно, обнаружались бы в том случае, если бы первоначальный план был осуществлен, привели к столь же тяжелым последствиям, как и уничтожение ценного снаряжения, проведенное по приказу штаба армии все с той же целью — подготовить части к прорыву. Хотя сокращение фронта и было подсказано сложившейся в тот момент обстановкой, в конечном итоге части LI корпуса лишились заранее подготовленных зимних позиций, что еще более усложнило их положение и грозило им новыми опасностями и невзгодами. К тому же пехотные подразделения одной из отходивших дивизий корпуса — впрочем, уже до этого измотанной и потерявшей большую часть личного состава — были настигнуты русскими и полностью разгромлены.

В довершение всего по иронии судьбы именно на генерала Зейдлица, того самого Зейдлица, который с самого начала советовал командующему армией немедленно идти на прорыв, не согласовывая свои действия с высшими инстанциями, специальным приказом Гитлера была возложена ответственность за организацию обороны на северном и восточном участках котла. Паулюс передал ему этот приказ, поступивший вместе с ошеломляющим известием о том, что ставка запрещает идти на прорыв и тем самым лишает командование 6-й армии какой-либо свободы действий. Генерал Зейдлиц сначала не мог прийти в себя. Он без возражений принял приказ, хотя, разумеется, в душе никак не мог с ним согласиться, отлично сознавая, что теперь-то он и вовсе ничего не сможет сделать по своей инициативе, ибо принимать решения мог отныне один только Паулюс как «командующий сталинградской крепостью». Лишь на следующий день, 25 ноября 1942 года, последовала темпераментная реакция генерала Зейдлица на эти приказы, которая свидетельствовала о его высоком чувстве ответственности как военачальника. Он передал командующему армией докладную записку, подготовленную по его поручению начальником штаба LI корпуса. В этом документе, содержащем тщательный анализ обстановки, были вновь сведены воедино все аргументы против организации круговой обороны и все доводы в пользу немедленного прорыва кольца. На основании своего опыта, полученного при выходе из окружения 16-й армии в районе Демянска, Зейдлиц с присущим ему реализмом и ясностью мысли предостерегал от механического сравнения сложившейся тогда обстановки с нынешней и от тех ложных выводов, к которым это могло привести. В своих собственных выводах, четких и недвусмысленных, генерал Зейдлиц исходил из трезвой оценки нашего положения, предполагаемых действий противника и минимальных шансов на успех возможной операции по прорыву кольца извне. Командир LI корпуса призывал командующего 6-й армией

ввиду сложившегося чрезвычайного положения, которое еще более усугублялось действиями главного командования сухопутных сил, без промедления нарушить полученные приказы, то есть действовать вопреки воле Гитлера. Зейдлиц подчеркивал, что долг командующего перед вверенной ему армией и всем немецким народом властно требует от него подчиниться велению разума и сердца и взять на себя всю полноту ответственности для предотвращения грозящей катастрофы.

Можно сказать, что в этом ответственном документе Зейдлиц выступал от имени всей окруженной армии. Он подчинился в тот момент голосу своей совести, не думая о том, что это может стоить ему головы. Паулюс передал его докладную записку в ставку, но она была оставлена без последствий.

Трагедия командира LI корпуса и его начальника штаба заключалась именно в том, что, являясь, подобно всем попавшим в окружение, пассивными участниками событий, они в отличие от всех нас, надеявшихся и отчаявшихся, осведомленных об истинном положении дел и пребывавших в неведении, ясно предвидели неминуемую катастрофу, но не в силах были ее предотвратить. Поэтому им было особенно тяжело, когда в конце концов у них не осталось ничего другого, как повиноваться бессмысленным приказам и исполнить свой воинский долг вплоть до горького конца.

Но Зейдлиц и после этого не успокоился, не смирился. Многим из нас, особенно молодым офицерам, для которых выжидательная тактика постепенно становилась невыносимой, один вид этого сухощавого, подтянутого генерала с седеющей шевелюрой внушал надежду. До самого конца сражения мысль о прорыве не умирала. Подобные планы возникали вновь и вновь не только у отдельных командиров, но и в частях и целых соединениях даже тогда, когда время было уже безнадежно упущено и любая попытка соединиться с нашими основными силами, отброшенными на сотни километров в суровых условиях наступавшей зимы, явилась бы безнадежной авантюрой и окончилась бы неминуемой гибелью измотанных в боях людей. Прорыв так и остался для нас табу. В штабе армии уповали на помощь извне, полагая, очевидно, что, находясь в котле, невозможно объективно оценить общую обстановку на фронтах и шансы на успех операции по спасению окруженной группировки, операции, которую верховное командование обещало провести в ответ на наши просьбы о помощи.

Приказы ставки определяли все наши действия почти до конца, кроме последних бесславных дней нашей армии.

Командующий беспрекословно исполнял их, постоянно опираясь при этом на энергичную поддержку своего начальника штаба, генерал-майора Шмидта, который особенно упорно настаивал на неуклонном проведении в жизнь всех директив главного командо-

вания сухопутных сил. Весьма характерным было и отношение Паулюса к Зейдлицу, корпусному командиру, который, находясь в его непосредственном подчинении, столь смело и настойчиво выступал против выполнения роковых приказов свыше. Командующий не предпринял никаких мер против «бунтовщика», вероятно, потому, что полученные им директивы вызывали сомнения у него самого. Да иначе и быть не могло — ведь то, что ему приказывали делать, полностью противоречило всему тому, что он еще совсем недавно считал абсолютно необходимым, исходя из собственной оценки обстановки, сложившейся на участке его армии. Можно себе представить, какие мучительные раздумья терзали в те дни обоих попавших в безвыходное положение военачальников, на плечи которых легло бремя чудовищной, необозримой по своим последствиям ответственности.

Разумеется, в те полные напряжения дни мы в Сталинградском котле ничего не знали о том, что происходило в это время в ставке Гитлера, который, не посчитавшись с мнением своих наиболее опытных военных советников, принял столь роковое для нас решение, опираясь при этом лишь на безответственное обещание Геринга обеспечить снабжение окруженной армии воздушным путем. Впрочем, тяжелые предчувствия не покидали нас. Так или иначе, все были тогда встревожены, подавлены, а в глубине души и возмущены. То, что вменили нам в обязанность, не только противоречило нашему профессиональному опыту, но и подрывало наш боевой дух и веру в себя, лишая нас последней надежды на успешный прорыв собственными силами.

«Держитесь! Фюрер выручит вас!»

В последнюю неделю ноября, когда наши части и соединения, сильно потрепанные в отступательных боях, лихорадочно закреплялись на новых рубежах, постоянно преодолевая все новые трудности, командующий отдал весьма серьезный по своим последствиям приказ по армии. Я и по сей день помню его слово в слово. Начинался он так: «6-я армия окружена. Вашей вины, солдаты, в этом нет. Вы сражались доблестно и упорно до тех пор, пока противник не вышел нам в тыл». Дальше в приказе говорилось о предстоящих тяжелых боях, о страданиях и лишениях, которые неминуемо ждут немецкие войска, о том, что, несмотря на голод и морозы, нам нужно во что бы то ни стало продержаться еще некоторое время, твердо веря в обещанную подмогу. Наконец, упоминалось и о том, что Гитлер лично обещал провести операцию по спасению окруженной армии. Воззвание было составлено весьма искусно и убедительно и заканчивалось фразой, рассчитанной на нужный психологический эффект: «Держи-

тес! Фюрер выручит вас!» Эти слова, сулившие скорое избавление, должны были ободрить и вдохновить солдат.

Этот заключительный призыв, который живо обсуждался в нашем штабе, придавал документу чисто эмоциональную окраску, столь необычную для трезвого и делового тона приказов. Меня самого он окончательно убедил в том, что после всего происшедшего наших людей обрекают на новые, еще более тяжелые жертвы. Наши части в высшей степени нуждались в отдыхе и отводе на перестроение еще на исходе лета, когда 6-я армия в результате наступления вышла к Волге у Сталинграда и, втянувшись здесь в кровопролитные бои, наступательные на одних участках, оборонительные — на других, была вынуждена в буквальном смысле слова сражаться на два фронта. Солдаты, в большинстве своем старые фронтовики, вот уже два года провели в непрерывных тяжелых боях без отпусков, ни разу не побывав за это время на родине. В ходе летнего наступления, начавшегося в районе Харькова непосредственно после ожесточенных оборонительных боев, части долгие месяцы без отдыха были на марше — постоянное напряжение и походные лишения уже тогда измотали солдат. Мне запомнились колонны обессиленных людей, бредущих по бесконечной степи, днем под палящим солнцем в клубах пыли, ночью — в пламени многочисленных степных пожаров, которые часто тянулись на много километров. Не хватало воды, жажда терзала людей; я вспоминаю пересохшие степные колодцы, однообразную и скудную походную пищу (снабжение не поспевало за наступающими войсками) и, наконец, мириады мух, не дававших нам покоя. Тогда в частях начались желудочные и другие инфекционные заболевания, вспыхивали эпидемии малярии, а под конец и желтухи. Многие в глубине души ждали тогда болезни как избавления, рассчитывая попасть в тыловые госпитали еще до начала страшной русской зимы.

После боев на Волге и Дону люди обессилели окончательно. Главные силы нашей армии с середины августа по октябрь вели бои в развалинах Сталинграда, окутанных клубами пыли и дымом пожаров. Багровое зарево днем и ночью стояло над мертвым городом и было видно уже издалека. Но за два месяца непрерывных кровопролитных боев нам так и не удалось выбить из города русских, стоявших насмерть на своих последних оборонительных рубежах по эту сторону Волги. В то же время части нашего корпуса понесли огромные потери, отражая в сентябре яростные атаки противника, который пытался прорвать наши отсечные позиции с севера. Дивизии, находившиеся на этом участке, были обескровлены; в ротах оставалось, как правило, по 30—40 солдат. Пополнение, прибывавшее на фронт, было совершенно недостаточным. В результате боевой состав многих частей сократился в среднем до

одной трети, если не до четверти первоначального. Затаенные надежды людей на то, что после столь тяжелых боев и лишений их отведут наконец в тыл, рассеялись после получения приказа зимовать на занятых позициях. В довершение всего русское наступление положило конец и последним надеждам людей, мечтавших хотя бы об очередном или рождественском отпуске на родину. Теперь же роковой приказ, в котором уже открыто говорилось об окружении и о необходимости «продержаться», не оставлял и тени сомнения во всей серьезности нашего положения.

Но, естественно, солдаты-фронтовики тогда еще не представляли себе в полной мере, какие страдания и лишения им уготованы. Они не разбирались в сложных проблемах общеармейского снабжения и понятия не имели о тех бесчисленных трудностях, которые уже тогда вставали перед штабами соединений. Вначале они не знали и о том, что окружение вынудило нас сразу же поставить крест на всех еще только начатых мероприятиях по подготовке зимних позиций. Армейские тыловые базы в станицах Морозовской, Тацинской и еще дальше к западу остались за пределами котла. Там хранились десятки тысяч комплектов зимнего обмундирования — шинелей на меху, валенок, шерстяных носков, подшлемников и наушников, — которые теперь уже нельзя было доставить в наше расположение.

В результате войска в подавляющем большинстве своем встретили убийственные русские морозы, почти не имея зимней одежды.

Поскольку намеченный ранее прорыв 6-й армии на юго-запад не состоялся и окруженные соединения вынуждены были готовиться к долговременной обороне, возникла необходимость перегруппировать некоторые подразделения, а также часть тяжелого вооружения. Постепенно, преодолевая большие трудности, удалось укрепить наши рубежи и стабилизировать линию обороны. Особенно туго пришлось при этом дивизиям, расположенным на южном и западном участках, в открытой степи, где не было ни жилых помещений, ни строительного леса, ни дров. Конфигурация кольца обрела свои окончательные очертания, которые и сохранились вплоть до второй недели января. Длина котла с востока на запад составляла примерно пятьдесят километров, ширина — около сорока.

После того как фронт, пришедший в хаотическое движение в результате русского прорыва, наконец стабилизировался, разведотделу штаба нашего корпуса постепенно удалось получить более или менее полное представление об обстановке у противника. Теперь, когда вся 6-я армия оказалась сосредоточенной на сравнительно небольшом участке внутри кольца, мы старались выявить и нанести на карты все действовавшие против 6-й армии ударные соединения

противника. Только крупных русских соединений здесь вначале насчитывалось около 60 — это были главным образом стрелковые дивизии и танковые бригады, сведенные в семь армий. К этому следовало добавить и некоторые находившиеся в резерве соединения, присутствие которых было нелегко обнаружить. Главные силы противника, и прежде всего его артиллерия, были сосредоточены на западном участке кольца, который обороняли части нашего корпуса. Мы подсчитали, что соединения противника, окружившие нас стальным кольцом, обладают по меньшей мере трехкратным численным превосходством и располагают устрашающим количеством тяжелого вооружения.

Наша же армия, численность которой до окружения составляла примерно 330 тысяч человек, теперь после потерь, понесенных в результате русского прорыва, насчитывала, по нашим данным, около 280 тысяч человек, включая румын, а также некоторые части, не входившие ранее в состав армии, но попавшие вместе с нами в котел. Среди окруженных были представители решительно всех немецких земель (один из корпусов армии формировался в Вене). Все они были отныне связаны единой недоброй судьбой. К ним были обращены слова приказа, сулившие спасение: «Держитесь! Фюрер выручит вас!»

И солдаты слепо верили в грядущее избавление.

Их боевой дух еще не был сломлен, и настроение в частях еще долго оставалось куда более оптимистическим, чем в штабах. Люди на передовой считали создавшееся тяжелое положение бедой поправимой, обычным делом, без которого на фронте не обходится, и были даже уверены, что после благополучного исхода участники сражения получат, как это обычно бывает, особый знак отличия — какую-нибудь сталинградскую нашивку или памятную медаль за выход из котла. Разумеется, все были уверены, что внешний фронт окружения будет прорван в ближайшем будущем. Солдаты непоколебимо верили в обещанную помощь, и в этой вере они черпали силы, сражаясь в тяжелейших условиях, страдая от голода и лютой стужи; с этой верой они и погибали в боях.

В течение долгих недель наши части в обороне отражали натиск русских, несмотря на их подавляющее превосходство в танках и других видах тяжелого оружия. Лишь на отдельных участках русским в кровопролитных боях местного значения удавалось потеснить нас и вклиниться в линию обороны, которая к тому времени окончательно стабилизировалась. Особенно упорными были атаки советских войск в первой половине декабря на западном участке котла, где держали оборону части нашего корпуса, а также подразделения XIV танкового корпуса, позиции которого были расположены к западу и юго-западу от нас. Однако прорвать наш фронт на этом участке противнику так и не удалось. Не один под-

виг совершили в те дни наши солдаты — самоотверженность и верность воинскому долгу были повседневным, будничным делом для этих безымянных немецких солдат. Однако в сводках вермахта ход битвы на Волге освещался в тот период лишь в самой общей форме, ограничивался туманными намеками. Главное командование стремилось затушевать истинное положение дел и ни словом не упоминало о том, что целая армия в окружении сражается не на жизнь, а на смерть и находится под угрозой полного уничтожения. И мы, штабные офицеры, возлагали все свои надежды на готовившуюся операцию по спасению нашей окруженной группировки. В тот момент никто и в мыслях не допускал, что Гитлер оставит в беде или, попросту говоря, скинет со счета 6-ю армию. Фюрер уж найдет за нас выход из этой проклятой ловушки! Среди нас находились даже такие фантазеры (правда, это были по большей части неопытные юнцы), которые утверждали, что Гитлер не только выручит нас, но и сумеет превратить наше кажущееся поражение в блистательную победу, охватив гигантским кольцом все соединения русских, окружавшие нашу армию. Эти прожектеры с их слепой верой в чудеса не вывелись среди нас до самых последних дней. Никто из них, впрочем, ясно не представлял себе всей сложности обстановки, в которой немецкие войска одновременно находились и на берегах Бискайского залива, и у мыса Нордкап, под Ленинградом и Вязмой, в Кавказских горах, на острове Крит и в Северной Африке¹. Они не думали о том, что угрожающее положение складывается уже на многих участках гигантской, невероятно растянутой линии фронта, что повсюду не хватает людей, о том, наконец, что союзники уже начали наступление в Северной Африке и что там, в Средиземноморском бассейне, транспортная авиация нужна не меньше, чем здесь, под Сталинымградом. Справедливости ради надо сказать, что тревожные настроения и сомнения в благополучном исходе дела постепенно росли, но нам уже не оставалось ничего другого, как с нетерпением ждать желанного избавления — прорыва внешнего фронта окружения, который должна была осуществить подходявшая группировка фельдмаршала Манштейна, специально сформированная для этой цели.

Тревожные будни аэродрома Питомник

Но время не ждало — боеспособность 6-й армии во второй половине декабря катастрофически упала. Причиной тому было прежде всего недостаточное снабжение по воздуху. Изо дня в день

---

¹ В этих рассуждениях Видера проскальзывает распространенная в западногерманской историографии тенденция поставить на одну доску разновеликие по своему значению события Второй мировой войны. (*Прим. ред.*)

картина здесь все более омрачалась — на этот счет у меня не было никаких иллюзий, ибо я, к своему великому прискорбию, не раз сталкивался по долгу службы с весьма печальным положением дел в этой области. Весь декабрь оперативная группа штаба нашего армейского корпуса размещалась в районе аэродрома Питомник. Я получил специальное задание ежедневно докладывать командиру корпуса о том, какие грузы были доставлены за этот день транспортной авиацией. Для этого я установил постоянный контакт со специальным штабом по воздушному снабжению; штаб этот, возглавляемый весьма энергичным и дельным полковником-зенитчиком, размещался неподалеку в блиндажах.

В первые недели окружения тактическая обстановка в котле беспокоила нас куда меньше, чем вопросы общеармейского снабжения, ибо ситуация здесь с течением времени становилась все более угрожающей. Для сохранения боеспособности и вообще жизнеспособности наша армия должна была получать ежедневно минимум 750 тонн (впоследствии 500 тонн) самых различных грузов. Воздушный мост в нашем котле обслуживали главным образом два типа самолетов — транспортная машина «Юнкерс-52» грузоподъемностью 2 тонны и бомбардировщик «Хейнкель-111», поднимавший в своих бомбовых люках не более 1,5 тонны полезного груза. Таким образом, для обеспечения 6-й армии всем необходимым по воздуху нужен был постоянно действующий воздушный флот в 2 тысячи машин. Эта цифра, которую в первые дни окружения называл и сам командующий армией, была определена с учетом того, что кроме самолетов, непосредственно несущих ежедневную службу снабжения, требовался и резерв, состоящий из значительно большего числа машин, для замены сбитых, поврежденных и находящихся в ремонте самолетов, а также для организации сменной работы экипажей.

Уже очень скоро у нас заговорили о том, что о такой армаде нам нечего и мечтать. Командование люфтваффе передало в наш штаб по снабжению данные, которые заставили нас в буквальном смысле слова «спуститься с небес». По его расчетам получалось, что в оптимальном варианте в Сталинградский котел можно будет доставлять 300 тонн грузов ежедневно. Но вскоре, к сожалению, обнаружилось, что и эта цифра, представлявшая для нас минимум жизненно необходимого, была завышена.

Большую часть обещанного 300-тонного суточного рациона составляли поочередно, смотря по обстановке, то продукты питания, то горючее, то боеприпасы. Для доставки этого количества груза требовалось ежедневно 150 рейсов. Если мне не изменяет память, норма почти никогда не выполнялась. Для нас были небольшим праздником уже и те редкие дни, когда на аэродроме Питомник приземлялось более 100 машин.

В среднем же число прилетавших машин было явно недостаточным. Как правило, мы получали ежедневно лишь 80—120 тонн затребованного груза, то есть не более одной пятой необходимого минимума. Это означало, что нам ежедневно недодавали десятки тысяч килограммов хлеба, что изо дня в день армии доставало необходимого количества боеприпасов и горючего, от которых зависела наша судьба. С течением времени это привело к тому, что наши танки и артиллерия (количество которых и без того быстро уменьшалось) либо обрекались на бездействие, либо использовались недостаточно эффективно. Но еще страшней была угроза голода. Уже в декабре дневной рацион хлеба составлял всего лишь 200 граммов на передовой и 100 граммов — в тыловых службах и штабах. Общую зависть вызывали части, имевшие лошадей, — там люди могли по крайней мере рассчитывать на дополнительный мясной паек.

Но особенно огорчены и возмущены мы бывали каждый раз, когда нам приходилось констатировать, что бесценный для нас воздушный тоннаж используется нецелесообразно, чтобы не сказать вредительно. Мы не в состоянии были найти разумное объяснение тому, что самолеты подчас доставляли нам грузы, без которых мы вполне могли обойтись, а то и совершенно бесполезные вещи. Так, иногда на нашем аэродроме вместо жизненно необходимых хлеба и муки из самолетов выгружали десятки тысяч комплектов старых газет, солдатские памятки, изданные управлением военной пропаганды, кровельный толь, карамель, пряности, подворотнички, мотки колючей проволоки и множество других предметов, которые были нам совершенно ни к чему. Позднее штаб армии откомандировал из котла одного из своих офицеров с поручением предотвратить эти организационные неполадки и проследить за правильным использованием выделенной для нашего снабжения транспортной авиации. Но к тому времени воздушное снабжение ухудшилось настолько, что никакие благие намерения и организационные меры уже не могли помочь делу.

Роковую роль сыграло и то обстоятельство, что положение в интендантских службах окруженной армии вначале вынуждало нас ввозить печеный хлеб вместо более компактной муки и концентратов. К сожалению, мы не смогли иным путем организовать продовольственное снабжение вплоть до того момента, пока нам не удалось наконец пустить в ход полевые хлебопекарни.

Итак, снабжение по воздуху не оправдало возлагавшихся на него надежд: мы получали значительно меньше необходимого минимума. Это объяснялось различными причинами. К летчикам у нас не могло быть никаких претензий. Под постоянной угрозой гибели, в неравной борьбе с непогодой и превосходящими силами советской авиации многие экипажи делали в день по несколько

вылетов в котел и обратно. Но, несмотря на это, нам просто-напросто недоставало машин, как недоставало их и в далеких от нас Средиземноморье и Северной Африке, где к тому времени развернулись решающие бои¹. Авиачасти для воздушного моста в наш котел стягивались с Севера из Франции, с берегов Средиземного моря. Но лишь немало времени спустя после того, как мост начал функционировать, я обнаружил, что среди привычных «старушек» «Юнкерс-52» и «Хейнкель-111» стали попадаться и транспортные машины нового типа — самолеты, поднимавшие до 80 человек, а изредка и огромные четырехмоторные машины большой грузоподъемности, а также гигантские транспортные планеры.

Неустойчивая погода, неблагоприятные метеорологические условия начала зимы в степях Дона и Поволжья мешали бесперебойной работе воздушного моста. Снабжение по воздуху неоднократно прерывалось, и эти роковые простои вселяли тревогу и отчаяние в наши сердца. Временами, например во вторую неделю декабря, густые устойчивые туманы и снежные метели, грозившие самолетам оледенением, обрекали нашу авиацию на полное бездействие. Превосходящие силы русской авиации в свою очередь доставляли немало хлопот пилотам наших транспортных самолетов. Положение особенно осложнилось после того, как в рождественские дни противник занял станицы Морозовская и Тацинская в 200 километрах к востоку от окруженной армии, где находились наши авиабазы. Воздушные подступы к котлу теперь проходили полностью над территорией, занятой противником. На этом пути, который в последний период сражения достигал 300—400 километров, немецких летчиков подстерегали многочисленные опасности, тем более что при таких расстояниях наше командование в конце концов перестало выделять истребители для прикрытия транспортных самолетов. Сотни самолетов в течение этих недель были сбиты русскими или терпели аварии по иным причинам². Но самым трудным и опасным делом считались посадка на аэродроме Питомник и обратный вылет. Поэтому транспортные машины предельно сокращали время стоянки у нас и взлетали сразу же после того, как выгружался драгоценный для нас груз, а вместо него на борт принимались тяжелобольные и раненые, получившие специальные письменные разрешения на вылет из котла. Бомбежки на аэродроме, туманы и оледенение машин постоянно угрожали летчикам. Сплошь и рядом случалось, что самолеты, битком набитые тяжело пострадавшими в этой грандиозной битве окруженцами, которые полагали, что вырвались из этого ада и летят

¹ Бои в Северной Африке отнюдь не были решающими. (Прим. ред.)

² См. далее. По данным Дёрра, немецкая авиация потеряла 488 самолетов и около 1000 человек летного состава, то есть понесла самые большие потери со времени воздушного наступления на Англию. (Прим. ред.)

навстречу жизни и свободе, врезались в землю, сбитые противником над аэродромом или потерпев аварию при старте. Обломками их была усеяна снежная пустыня вокруг Питомника. Русские, разумеется, отлично знали, что в Питомнике, единственном аэродроме, заслуживавшем этого названия в нашем котле (запасной, вспомогательный аэродром был построен в Гумраке), бьется сердце окруженной армии. Здесь выгружалось и распределялось все необходимое для нас: продовольствие для людей, горючее и боеприпасы для машин и оружия. Здесь были размещены важные штабы и узлы связи, группа управления полетами, штаб по снабжению, интендантство с его обширными подземными складами, в которых хранились доставленные нам по воздуху сокровища: хлеб, пакеты с сухими хлебцами, мясо, бобы, спиртные напитки и консервы. Здесь же, в самом центре котла, находился и наш главный эвакогоспиталь, куда со всех сторон свозили тысячами, а потом и десятками тысяч раненых и больных для последующей эвакуации по воздуху. Неподалеку размещался и центральный пересыльный пункт — место сбора солдат, отставших от частей, куда тоже тянулись из всех разгромленных подразделений сломленные, отчаявшиеся, обезумевшие от ужаса и лишений люди. Одним словом, в Питомнике кипела лихорадочная работа, люди сновали, словно муравьи в растревоженном муравейнике, под неумолчный рев моторов, перемежавшийся со взрывами бомб и пулеметными очередями.

Таковы были те тревожные будни, полные бесконечных забот, порождавших то слабую надежду, то безысходное отчаяние.

Неудивительно, что аэродром в Питомнике пользовался особым вниманием русских в качестве постоянного объекта воздушных налетов. Советские бомбардировщики и истребители то и дело наведывались к нам и сбрасывали свой смертоносный груз, стремясь уничтожить как можно больше неповоротливых транспортных самолетов на посадочной площадке и в воздухе над аэродромом. Противник старался сорвать наше воздушное снабжение и хитростью, с помощью различных уловок: так нередко в тумане или в темноте русские сбивали с толку наших пилотов-транспортников, применяя немецкие посадочные световые сигналы. Потеряв ориентировку, машины шли на посадку навстречу гибели. Одних сбивали, другие садились на «ничейной земле» или во вражеском расположении, где русские буквально разносили их по винтикам, забрав предварительно груз на глазах у оцепеневших от горя и ужаса немецких солдат в окопах, которые ничем не могли помочь своим летчикам, ибо русские немедленно открывали на этом участке заградительный артиллерийский и минометный огонь.

Но зато ничто не согревало так душу, как зрелище посадки в Питомнике в ясную погоду сразу нескольких десятков тяжелых транспортных машин, которые вскоре после этого вновь взмывали в воздух и, медленно кружа над нашими головами, строились в боевые порядки, сопровождаемые (увы, лишь на первых порах) истребителями прикрытия — юркими «мессершмиттами». Равномерный низкий гул моторов, не умолкавший ни днем ни ночью, в ясные, морозные дни приобретал неожиданно высокий звенящий оттенок. Этот звон был для наших ушей чудесной музыкой, успокаивавшей и порождавшей светлые надежды. И все же я слишком хорошо знал, что воздушное снабжение не в состоянии обеспечить нам «прожиточный минимум». Хотя в дни после роковых перебоев в котел и прилетало особенно много машин, но того, что они доставляли, было далеко не достаточно. Сухие цифры, которые я ежедневно представлял своему генералу, скрывали жуткий баланс голода, страданий и смерти.

Черные дни декабря

Вспоминая сегодня о недобрых декабрьских днях 1942 года, проведенных мною на аэродроме Питомник (или, лучше сказать, в бункерах под аэродромом), просматривая полученные тогда письма, я не могу избавиться от впечатления, что вновь погружаюсь в ледяной океан безысходного отчаяния и затаенного страха.

Разведотдел нашего штаба устроился в грязной землянке. Нам, шести офицерам отдела, было здесь тесновато, но по крайней мере тепло. Картина надвигавшейся катастрофы вначале складывалась для нас из мозаики самых различных данных, которые мы анализировали, чтобы получить представление об обстановке у русских. Сообщения, поступавшие сверху, из штаба армии, а также из штабов соседнего корпуса и наших собственных дивизий, показания столь редких теперь военнопленных и сбитых русских летчиков, сведения, полученные от немецких солдат, взятых в плен противником и отпущенных назад с пропагандистскими целями, листовки, иностранные радиопередачи, рассказы отпускников и офицеров, вернувшихся в котел на самолетах воздушного моста, наконец, результаты радиоперехвата — все это еще позволяло нам более или менее точно наносить на карты обстановку у противника. Количество жирных красных линий, цифровых и буквенных обозначений, стрел и дуг на этих картах росло с угрожающей быстротой. Все это было охвачено зловещим кроваво-красным кругом, который, постепенно сжимаясь, грозил задушить нас всех. И именно на участке нашего корпуса особенно часто возникали в те дни роковые стрелы и клинья, подползавшие к сердцу 6-й армии — аэродрому в Питомнике.

Об этом весьма ощутимо напоминали нам и частые воздушные налеты — с леденящим душу свистом бомбы неслись к земле, с ревом и адским грохотом рвались вокруг нашей землянки. Впрочем, пережитое во время Восточного похода и особенно испытания, выпавшие на нашу долю уже в первые недели окружения, приучили нас ко всему, и мы не обращали внимания даже на близкие разрывы, когда землянка ходила ходуном, нары дрожали и глина сыпалась с потолка. Не терял присутствия духа и наш седьмой жилец, постоянно урчавший приبلудный кот, гроза донимавших нас мышей. Мы опасались лишь за судьбу многострадального стекла в нашем оконце; заклеенное вдоль и поперек, оно каким-то чудом еще держалось, пропуская днем свет в нашу землянку и спасая нас от стужи. В редкие свободные минуты после очередной бомбежки мы иногда собирались в землянке в дружеском кругу и писали письма родным и близким, о которых в те дни перед рождеством особенно часто думали с тревогой и нежностью. Полевая почта у нас еще работала, но весточки из дома приходили все реже. Иногда мы болтали о том о сем, чтобы хоть немного отвлечься. Но самообман был слишком очевиден и непринужденная беседа как-то не клеилась. Впрочем, «юмор висельников» не покидал нас — так, иногда вспомнив не без удовольствия последний гуляш из конины, мы хором затягивали фронтовую песню о немецком солдате на Востоке, начинавшуюся так: «Кто, попавши в котел, свою лошадь не жрал, тот солдатского горя не знал...» Но так или иначе, мысли наши были постоянно прикованы к нашим трагическим будням, к Сталинграду и Волге, которая стала теперь нашей судьбой.

Беспокойная жизнь в Питомнике посреди унылой степи была не лишена своеобразной мрачной романтики. Хотя бомбежки и воздушные бои над аэродромом давно уже стали обычным делом, это зрелище все же каждый раз притягивало нас. Иногда, забыв об опасности, мы выбирались из своей землянки, чтобы посмотреть на захватывающую картину воздушного боя. Сидя среди снежных сугробов, мы с каким-то странным чувством, в котором смешивались спортивный азарт, любопытство, бездумное желание развлечься и скрытый ужас, наблюдали, затаив дыхание, за поединками небесных фехтовальщиков, которые сражались не на жизнь, а на смерть с подлинной грацией и изяществом. Адская музыка сопровождала этот спектакль — глухие раскаты зениток, еле слышный внизу треск пулеметных очередей, рев и гул моторов. Среди ватных хлопьев зенитных разрывов кружились истребители, преследуя и обгоняя друг друга, проделывая сложные акробатические этюды. Ожесточенная дуэль обычно кончалась тем, что один из ее участников устремлялся к земле, влача за собой быстро увеличивающийся шлейф черного дыма.

Время от времени раздавался оглушительный грохот и языки пламени, взметнувшегося вверх, освещали призрачным светом аэродром — это взрывался от прямого попадания наш транспортный самолет с грузом горючего, только что совершивший посадку. Иногда сраженный насмерть истребитель, охваченный ярким пламенем, метеором падал из голубой бездны зимнего неба, врзался в землю и огромный столб дыма на месте падения завершал одну из бесчисленных маленьких трагедий войны — гибель летчика и машины.

К концу декабря территория Питомника была усеяна обломками сбитых самолетов чуть ли не всех типов. Они мирно лежали теперь рядом — верткие советские истребители и большие немецкие машины с переломленными крыльями или превращенные в груды металла. Много самолетов погибло при неудачном взлете. Непонятно, как затесался сюда и совершенно обледеневший штабной «Физелер-Шторх». Но посреди этого обширного кладбища авиатехники все еще кипела лихорадочная работа, даже под землей. Снежные увалы, крыши землянок с дымившимися трубами, на скорую руку замаскированные машины, стационарные радиостанции с частоколом мачт и антенн, радиостанции на грузовиках, здесь и там белевшие палатки — все это производило впечатление какого-то призрачного поселения, в котором люди, словно муравьи, копошились на земле и под землей. И все же этот человеческий муравейник был затерян и одинок в бескрайней снежной пустыне.

Степь вокруг аэродрома была, пожалуй, самым безрадостным и гнетущим местом из всех тех, что мне довелось видеть в России. Кругом, куда ни помотришь, — ни деревца, ни куста, редко встречаются деревни. В небольшом поселке Питомник, расположенном километрах в пяти от нашего аэродрома (в нем чудом уцелело еще несколько домов), стояло одно-единственное сухое дерево без сучьев, служившее нам дорожным указателем. Неподалеку от поселка степь прорезали многочисленные балки — глубокие крутые овраги, надежно укрывавшие нас во время налетов. Иногда с востока, от Волги, напал серый туман и пронизывающий ледяной ветер гулял по снежной пустыне. Мы так и не смогли привыкнуть к бескрайним восточным просторам, поглотившим нас. Гнетущее чувство усиливали ранние сумерки. К тому же мы жили и работали по средневропейскому времени, которое уж никак не подходило для нашего участка фронта: вскоре после обеда заходило солнце, а между 14 и 15 часами пополудни наступала ночь.

Это лишь обостряло нашу тоску по родине, ежедневно напоминала нам, как далеко мы от нее здесь, в заснеженных степях.

Возвращаясь из поездок на различные участки кольца, куда меня направляли как офицера связи или для того, чтобы на месте

изучить обстановку, я частенько не мог отделаться от мысли, что все мы — живые и мертвые — уже погребены здесь, в огромной братской могиле. Дивизии нашего корпуса в те дни вели ожесточенные оборонительные бои на недоброй памяти высотах в долине реки Россошки, обильно политых немецкой кровью. Солдаты в окопах и засыпанных снегом одиночных ячейках гибли от голода и холода: мизерного хлебного пайка и постоянно уменьшавшихся продовольственных рационов уже не хватало, чтобы поддерживать силы измученных стужей и болезнями людей. Досыта кормилось лишь воронье — эти гнусные прожорливые птицы, которые на Восточном фронте всегда казались мне вестниками грядущей близкой беды. Да, этим каркающим спутникам смерти в те дни жилось вольготно. Лишь нехотя взлетали они при виде людей с лошадиных трупов, превратившихся в своеобразные дорожные знаки. Запекшиеся кровью раны на трупах животных свидетельствовали о том, что изголодавшиеся солдаты уже поработали здесь ножами и штыками, добывая долгожданное жаркое.

Снабжение по воздуху абсолютно не оправдало возлагавшихся на него надежд, и солдаты вынуждены были не только сражаться с нечеловеческим напряжением сил, но и терпеть при этом невероятные лишения. И они воистину делали все, что могли. Сводки потерь постепенно становились страшней. Смерть во всех возможных обличьях собирала обильную жатву. Казалось, что вместо обещанной помощи в наш котел ворвались всадники Апокалипсиса. Мысли о страданиях наших товарищей, об их муках и лишениях, о смертельной опасности, которой они постоянно подвергались и которая со дня на день могла стать и нашим уделом, — эти гнетущие мысли не покидали нас ни на минуту. Надо было сделать что-то для того, чтобы все жертвы не оказались напрасными. Почему нам не разрешили идти на прорыв в тот момент, когда мы еще обладали достаточными для этого силами и были полны энергии? Теперь эти силы и энергия медленно, но неуклонно таяли. В те дни я не раз вспоминал о разговорах, в которых сам принимал участие в первые дни окружения, когда армия получила роковой приказ организовать круговую оборону на данном месте. Ведь уже тогда возникали серьезнейшие сомнения о целесообразности такого решения, уже тогда оно вызывало тревогу и опасения. Снабжение по воздуху, которое считали вначале спасением от всех бед, потерпело полную неудачу, и казалось, что теперь уже ничто не может изменить черную судьбу окруженной армии. И все же одна надежда еще оставалась: надежда на помощь извне. Быстрая и решительная операция по прорыву внешнего фронта окружения могла еще принести желанное изменение ситуации нашей армии, которой грозила смертельная опасность.

Манштейн идет!

Во вторую неделю декабря нам стало известно (на первых порах лишь в штабах), что группа армий «Дон» под командованием генерал-фельдмаршала Манштейна начала долгожданную операцию по освобождению 6-й армии из окружения. Вскоре эта радостная весть дошла и до передовой. С быстротой молнии распространился, словно единый пароль, клич: «Манштейн идет!» Эти слова придавали солдатам новые силы на всех участках кольца, и прежде всего на нашем западном участке котла, где приходилось особенно туго. Угасающие надежды вспыхнули вновь, воскрес оптимизм, проснулась инициатива, люди вновь обрели уверенность в своих силах. Стало быть, все испытанные страдания и принесенные жертвы не были напрасными! Спасение казалось близким. Да иначе и быть не могло — фюрер не мог не выполнить обещанного. И он, конечно уж, не остановится ни перед чем, чтобы сдержать данное им слово. Уповая на это слово, солдаты неукоснительно выполняли полученный приказ держаться любой ценой. И вот теперь помощь извне приближалась. Фюрер выручит нас! Все были убеждены в том, что речь может идти лишь об операции большого масштаба по выводу всей армии из окружения и что успех этой операции обеспечен. С особым удовлетворением было воспринято известие о том, что именно фельдмаршалу Манштейну было поручено проложить нашей 6-й армии путь из вражеского кольца. Незаурядный полководческий талант этого крупного военачальника, о котором в нашем штабе всегда говорили с большим уважением, представлялся нам залогом успеха предстоявшей операции и укреплял нашу уверенность в благополучном исходе дела.

В эти дни мой полевой телефон звонил не переставая. Наши дивизии требовали подробной информации — на передовой хотели знать решительно все, все подробности, которых мы вначале не знали и сами. Командиры частей настоятельно требовали ободряющих сведений о приближении наших спасителей — танковых соединений Манштейна. Они подчеркивали, что подобные сообщения сейчас важнее, чем скудные ежедневные выдачи хлеба и нормы расхода боеприпасов, что ничто другое не может сейчас так поддержать солдат на передовой и поднять их боевой дух. Я с энтузиазмом сообщал им то немногое, что знал сам, — первые радостные известия о начавшейся операции по прорыву кольца извне, которые были получены в нашем штабе.

Я всей душой разделял воскресшие надежды, несмотря на тяжелые предчувствия, не покидавшие меня, хотя я доподлинно знал о крайне тяжелом положении нашей окруженной армии. Мой вновь обретенный оптимизм отражался в те дни и в моих пи-

сьмах на родину — с особой радостью я дал понять своим близким, что наше положение должно вскоре измениться к лучшему. Ведь лучшего подарка к рождеству, чем эта успокоительная весть, они не могли и желать. Если все пойдет на лад, то нас должны выволить как раз к рождеству. Тогда рассеялся бы гибельный мрак, в который мы медленно погружались, и для обреченных солдат 6-й армии воистину взойшло бы новое солнце. Все мы надеялись на приближение великого часа избавления, и каждый, естественно, связывал с этим и свои личные заветные желания и мечтал о собственных маленьких радостях. Для меня это прежде всего были надежды на получение рождественской почты и посылок из дома, чудесных посылок, битком набитых всякой всячиной. Родные уже сообщали, что выслали их мне, и конечно же они давно ждали меня где-то за пределами котла.

12 декабря 4-я танковая армия генерала Гота начала наступление с юга в направлении нашего котла. Судя по первым обнадеживающим сообщениям, соединения Гота быстро продвигались вперед. Имя этого генерала внушало мне лично особое доверие — это был первый генерал, которого мне довелось в свое время увидеть. В одном из гарнизонных городов в Силезии он провел с нами, новобранцами-юнкерами, первое тактическое занятие на ящике с песком. Позднее, во время моей учебы в Бреслау, я вновь встретился с ним. Гот был не только боевым генералом, но и видным специалистом по военной истории; тогда, в Бреслау, он прочел лекцию на нашем военно-историческом семинаре. В моей памяти запечатлелся образ этого художавого генерала, подвижного как ртуть, с седой головой и горящим взглядом. Он представлялся мне олицетворением энергии.

Моторизованные и ударные танковые соединения Гота (часть их была срочно перебросена на Восточный фронт из Франции), шедшие нам на помощь, пошли в наступление из района Котельниково, примерно в 200 километрах юго-западнее Сталинграда. Вначале оно развивалось успешно — Гот стремительно продвигался вперед на соединение с нашей армией, преодолевая сопротивление советских войск, которое, однако, непрерывно нарастало. К 19 декабря части Гота продвинулись уже намного более 100 километров и образовали сильный плацдарм севернее Мишковой. Еще задолго до этого штаб Гота установил постоянную радиосвязь со штабом нашей армии в Гумраке. На западном участке котла мы уже слышали отдаленную артиллерийскую канонаду. Всего лишь 50 километров отделяло нас от танковых авангардов Гота. «Держитесь! Идем на выручку!» — таков был многообещающий текст одной из его радиограмм, которая с быстротой молнии разнеслась по всем частям, оборонявшим западный участок котла.

Приближался решающий час. Теперь уж нельзя было скрыть, что мы полным ходом готовимся к прорыву кольца и выходу на соединение с приближающимися освободителями. В наших штабах распространились слухи о том, что вслед за наступающими танками Гота идут бесконечные автоколонны, везущие тысячи тонн продовольствия и другого имущества для нашей армии. В лихорадочной спешке мы начали в соответствии со специальным приказом выявлять во всех наших частях и сосредоточивать свободные грузовики и транспортеры.

Напряжение и возбуждение в котле, особенно на его западном участке и в штабах, достигли апогея. Сомнений больше не было ни у кого — наши части, затаив дыхание, ждали лишь сигнала, чтобы пойти на прорыв и, проломив вражеское кольцо, двинуться на запад. Все были полны решимости и готовы идти на любые жертвы, чтобы не упустить эту представившуюся нам последнюю возможность спасения.

Официального приказа о подготовке к прорыву штаб нашего корпуса, сколько я помню, не получил, но вместо этого нам были даны некоторые ориентирующие указания. План прорыва, разработанный в штабе армии, мало чем отличался от такого же плана, принятого в первые дни после окружения. Правда, за прошедший период положение наше катастрофически ухудшилось, и ввиду понизившейся боеспособности частей и соединений мы шли теперь на гораздо больший риск. Три дивизии, сохранившие еще максимальную в наших условиях боеспособность, должны были прорвать кольцо юго-западнее Карповки и выйти в степи на соединение с наступавшей танковой армией Гота. Но операция должна была начаться лишь после того, как его авангарды будут не далее чем в 30 километрах от внешнего обвода кольца. Преодолеть большее расстояние наши части не смогли бы из-за нехватки горючего. Командование 6-й армии стремилось действовать наверняка и сократить до минимума неизбежный риск. Остальные наши соединения должны были бы поэтому покинуть свои позиции в котле, лишь после того как создастся бы целый ряд предпосылок, уменьшавших риск этого маневра. Одно за другим они должны были сниматься с фронта вдоль Волги и продвигаться на юго-запад, втягиваясь в брешь, пробитую нашим ударным клином. Обеспечение флангов возлагалось на сохранившиеся исправные танки, которых у нас к тому времени еще насчитывалось около сотни.

Между собой мы много говорили в те дни об опасности, которой в принципе грозила нашей окруженной армии «Зимняя гроза» — так была закодирована операция по прорыву кольца извне. С конца ноября эта опасность резко возросла. Русские значительно усилили окружавшие нас соединения, в то время как состояние

немецких частей ухудшилось в угрожающей степени, а подвижность их была предельно ограничена не только вследствие ликвидации конского поголовья, давно уже отправленного на полевые кухни, но и прежде всего из-за катастрофической нехватки горючего. Последнее обстоятельство осложняло перегруппировку уцелевших танков и тяжелого вооружения или делало ее вообще неосуществимой. К тому же ударили лютые морозы, которые усиливались с каждым днем. Удастся ли нам вообще в таких условиях пробить себе путь сквозь кольцо и соединиться с наступающей танковой армией, отбив при этом в открытой степи ожесточенные контратаки противника, которые, конечно, не заставят себя ждать? Но каковы бы ни были наши опасения, мы ясно понимали, что настал момент, когда все приходится ставить на карту. Сознавая, что нам предоставляется последний шанс, мы с нетерпением ждали решающего часа и твердо верили в успешный исход дела. Все были убеждены, что вот-вот будет отдан наконец долгожданный приказ.

Но, увы, уже очень скоро все наши надежды рассеялись как дым. К нам начали поступать тревожные сообщения: русские танковые соединения перешли в стремительное контрнаступление, навязали шедшей нам на помощь армии тяжелые оборонительные бои. В сочетании с новым русским наступлением к западу от реки Дон этот контрудар в конечном счете поставил в тяжелое положение всю группу армий фельдмаршала Манштейна.

За истекшие недели мы тщетно пытались ввести в заблуждение русских и приковать возможно больше их сил к нашему котлу. С этой целью мы провели несколько ложных демонстраций и передали множество дезинформирующих радиogramм, стараясь создать у противника впечатление, что мы пойдем на прорыв, не дожидаясь подхода соединений Манштейна. Но все оказалось напрасным. Русские то и дело снимали с нашего участка танковые соединения и тяжелое вооружение и перебрасывали их на запад и на юг. Сообщения, поступавшие с внешнего фронта окружения, и прежде всего с его южного участка, вызывали у нас серьезное беспокойство: несколько ночей подряд нам удавалось по свету фар и шуму моторов засечь передвижение целого ряда частей — русские при этом снимали свои соединения не только с участка нашего корпуса, но и с других участков. Создавалось впечатление, что русские уже не уделяют свое основное внимание окруженной армии. Судя по всему, они не склонны были переоценивать наши силы и возможности и вообще уже не принимали нас всерьез. Не оставалось сомнений в том, что противник снимает с обвода кольца значительную часть своих соединений и бросает их в бой против идущей нам на выручку группировки.

И действительно, в районах западней и южней нашего котла русские предприняли все возможное, чтобы закрепить свой триумф и расширить пробитую ими в нашем Восточном фронте кровавую брешь. Один из ударов противника обрушился при этом на танковые соединения генерал-полковника Гота, спешившие нам на помощь. В тревожном напряжении и с возрастающим беспокойством мы следили за сообщениями, которые основывались на результатах дальней воздушной разведки и радиоперехвата. Вскоре мы получили катастрофические вести.

В начале последней перед рождеством недели гроза над нашим фронтом разразилась и в большой излучине Дона. Русские и здесь нанесли нам удар, точнее, развернули широкое наступление и вновь пробили зияющую дыру в немецкой обороне¹. Этот удар обрушился прежде всего на действовавшие в районе Миллерово соединения 8-й итальянской армии (в том числе и на ее горнострелковый корпус), которые были разгромлены и уничтожены. Главное командование сухопутных сил по непонятным соображениям сочло нужным снять эти части, хорошо обученные и снаряженные для войны в горах, с Кавказского фронта, для которого они были в свое время предназначены, и перебросить их в Донские степи, где они оказались совершенно не подготовленными для боевых действий в тамошних специфических условиях. Положение стало катастрофическим.

Русские ударные клинья продвигались также на запад от реки Чир, проламывая глубокие бреши в нашем фронте и угрожая северному флангу группы армий «Дон». Перехваченные радиограммы позволяли нам определить местонахождение русских танков и их продвижение. Кровь застывала в жилах при взгляде на карту. Наши ближайшие фронтовые аэродромы, откуда беспрестанно вылетали в наш котел транспортные самолеты, основные армейские базы в Тацинской и Морозовской, где размещались интендантские склады, походные лавки и громоздились целые горы мешков неотправленной полевой почты, превратились теперь в поле боя. На Тацинском аэродроме, как рассказывал нам один офицер, вскоре после удара русских прилетевший оттуда, царила страшная неразбериха, вызванная неожиданным появлением русских танков. Сгорели главные провиантские склады 6-й армии. Множество транспортных самолетов было приведено в негодность, были взорваны склады с боеприпасами — над станцией запылал чудовищный фейерверк. Паника охватила тыловые службы, там уничтожали без разбора все, что попадалось под руку.

¹ Здесь и ниже речь идет о совместных наступательных действиях Юго-Западного и Воронежского фронтов. (*Прим. ред.*)

По слухам, были даже случаи столкновения в воздухе стартовавших в спешке самолетов.

Наступление Манштейна захлебнулось. Соединения Гота сами оказались под угрозой окружения и в конце концов вынуждены были начать отход. Фронт откатился на сотни километров, и окруженная 6-я армия была окончательно предоставлена своей судьбе.

В канун рождества все наши ожидания и надежды рухнули, словно карточный домик. Радостные сообщения первых дней, действовавшие словно бальзам, становились все реже и вскоре совсем прекратились. Градом посыпались отчаянные запросы из дивизий. Я не отходил от телефона. На передовой хотели знать, как развивается операция по выводу нашей армии из окружения, когда можно рассчитывать на ее успешное завершение и, наконец, почему до сих пор не поступают приказы о последних приготовлениях к прорыву кольца изнутри.

В частях жаждали ободряющих известий. Передовая держалась из последних сил, упоая на то, что сейчас, под рождество, Гитлер выполнит свое обещание и выручит. Фраза «Манштейн идет!» была еще у всех на устах. Но именно в эти дни, когда все еще ждали, верили и надеялись, наступавшие соединения, перед которыми была поставлена задача освободить из окружения 6-ю армию, были остановлены, а затем отброшены русскими войсками, так и не достигнув своей цели.

Лишь много времени спустя мне довелось узнать во всех подробностях о трагических событиях, окончательно решивших судьбу 6-й армии. В тот момент я и не подозревал, что Гитлер все еще не желал уходить с берегов Волги. Не знал я и о том, что именно в эти дни после исполненного драматизма совещания в ставке он, не посчитавшись с мнением начальника генштаба и вопреки настойчивым требованиям командования группы армий «Дон», вновь категорически запретил 6-й армии предпринять попытку прорыва кольца. Гитлер согласился лишь на создание узкого коридора для снабжения окруженной армии, облегчения ее положения и постепенного вывода из окружения. Такой план должен был, по его мнению, обеспечить в будущем восстановление прежней линии фронта. Фельдмаршал фон Манштейн, исходя из оценки сложившейся обстановки, приказал 6-й армии идти на прорыв, пока еще оставался хоть какой-то шанс на успех этой операции, и даже считал возможным в перспективе уход из Сталинграда. Но, несмотря на это, командуя 6-й армией и его начальник штаба, не желавший, как он выражался, действовать по «рецептам на худой конец», не решились взять на себя ответственность пойти на связанный с прорывом риск. Исходя из обстановки, они считали, что при острой нехватке горячего немецким обороняющимся частям не удастся оторваться от противника и

соединиться с группой Манштейна, которая была еще слишком далеко. Наконец, они были убеждены, что без немедленного ухода из Сталинграда любая попытка прорыва кольца изнутри совершенно бесперспективна. Так в дни перед рождеством была безвозвратно упущена последняя возможность спасти окруженную армию.

В нашем штабе все были подавлены и обмануты в своих воскресших было надеждах. Мы почти ничего не знали о событиях, происходивших вне пределов котла. Но интуиция подсказывала нам, что была упущена последняя мыслимая возможность спасения...

Рождество и Новый год в котле

Мало-помалу на всех участках котла разговоры о подходе Манштейне прекратились. У нас в штабах больше уже не было новых известий о том, как развивается операция по освобождению окруженной армии, которые мы могли сообщить в части. Да это и не поощрялось, а потом и вовсе было запрещено. Об общей обстановке на фронте мы и сами теперь знали мало. Наши тягостные будни со всеми их страданиями, лишениями, хлопотами и опасностями напоминали о себе каждую минуту и требовали предельного напряжения сил. Разумеется, некоторые горячие головы на передовой долго еще судачили о самых невероятных планах выхода нашей армии из кольца. Но разговоры эти, понятное дело, были порождены своеобразным «оптимизмом отчаяния», цеплявшимся за любую соломинку и принимавшим желаемое за действительное. Впрочем, иногда это было лишь плодом болезненного воображения. Так, возникали иногда дикие слухи: находились люди, уверявшие, что они явственно слышали из-за русских позиций с той стороны Дона нарастающий гром нашей артиллерии и далекий лязг и скрежет гусениц спешивших нам на выручку танков.

Что касается нас, то в своем узком кругу мы уже не питали никаких иллюзий и считали наше положение совершенно безнадежным. Фронт отодвинулся далеко на запад, и ни о какой операции по выводу нас из кольца сейчас не приходилось и думать. Окруженная на берегах Волги и в пустынных придонских степях, армия была теперь предоставлена самой себе. В самом деле, фронт, в котором русские пробили тем временем новые бреши, отстоял от нас теперь на сотни километров; снабжение по воздуху, и без того совершенно недостаточное, в результате последних событий значительно ухудшилось, суровая русская зима была в самом разгаре. Мы задавались вопросом: удастся ли нам продержаться хотя бы еще несколько недель? И отвечали сами себе: навряд ли! Голод,

холод и болезни подтачивали последние силы армии — смерть собирала обильную жатву не только на передовой у огнедышащего стального кольца. Для операции по прорыву кольца окружения изнутри теперь уже не было сколько-нибудь благоприятных предпосылок. При попытке прорыва наша армия из-за нехватки горючего (не говоря уже о других причинах) могла бы продвинуться лишь на несколько километров и потом безнадежно застряла бы в снегах. А как поступить в случае эвакуации Сталинграда с сонмом раненых, больных и истощенных, число которых росло с каждым днем? Да и вообще входил ли в планы главного командования сухопутных сил уход с берегов Волги? Поступавшие до этих пор приказы свидетельствовали об обратном. Я вновь и вновь вспоминал фанатичные заявления Гитлера о немецких солдатах, о Волге и Сталинграде, и мороз пробегал у меня по коже. Быть может, он только того и хотел теперь, чтобы мы сражались до конца, до последнего патрона, не отходя ни на шаг назад. Призрак неотвратимой катастрофы поднимался на сумрачном горизонте.

В такой-то атмосфере отчаяния и окончательного крушения всех надежд и пришло рождество. Для многих десятков тысяч несчастных людей, испытывавших в котле невероятные страдания и долгие годы не видевших своих родных и близких, оно, бесспорно, было самым печальным рождеством в их жизни. Наступил сочельник. Все физические и душевные раны, на которые обрекла нас злая судьба в эту ночь, болели и жгли сильнее, чем обычно. Настроение было подавленное. Почти ничто не напоминало о привычном блеске и очаровании милого сердцу старого праздника. Не пришла и почта, которую мы в этот день ждали с удвоенным нетерпением, — и это было особенно тяжело. Никто не мог сказать, когда мы получим теперь весточку от родных и близких и получим ли вообще.

Письма не поступали уже неделями, а их отсутствие на рождество я переживал особенно мучительно, памятуя о том, что наши перспективы становились все мрачней и мрачней. За все это время лишь один раз транспортный самолет доставил относительно большую почту. Тогда мы получили письма, написанные в начале ноября. Позже, в дни предрождественского поста, кто-то из вернувшихся в котел отпускников неожиданно-негаданно, к моей величайшей радости, занес в мою землянку маленькую празднично-разукрашенную (как видно, заранее) коробку — посылку от матери. В ней было домашнее печенье, пахнувшее мятой и ванилью. По всей вероятности, это была единственная посылка с рождественским печеньем, дошедшая в котел — в далекие Донские степи. Теперь же почты, судя по всему, ждать больше не приходилось. Казалось, оборвались последние нити, связывавшие нас с родной и семьями. Солдатская дружба, сколь бы крепка она ни была,

не могла больше заглушить растущего чувства полного и беспросветного одиночества.

Рождество мы отпраздновали в кругу офицеров оперативного и разведывательного отделов штаба корпуса, которые к тому времени переселились в одну из степных балок, неподалеку от Питомника. По приказанию командира корпуса в балке был возведен целый поселок из блиндажей и землянок. Вдали от постоянной суеты аэродрома, надежно укрытые от воздушных налетов, мы могли здесь спокойно работать. И все же первое посещение этого городка, на поспешное сооружение которого была брошена целая саперная часть, вызвало у меня тягостные мысли. В нашем положении, когда никто не был уверен в завтрашнем дне, а солдаты на передовой были лишены не только материалов для оборонительных сооружений и укрытий, но и всего насущно необходимого, новая штаб-квартира казалась мне ненужной и непозволительной роскошью. Да и вообще, спрашивал я себя, суждено ли нам обноваться здесь надолго?

Командир корпуса обратился к нам с кратким приветственным словом. Только что пожалованная ему высокая награда — «Дубовые листья» к Рыцарскому кресту, — казалось, не больно-то радовала его. Во всяком случае, об этом старались не говорить. Праздник получился невеселый. Хорошее настроение не приходило. Не помогло и рождественское убранство генеральского блиндажа — пожелтевшие сосновые ветви, привезенные со сталинградской окраины, мягкое пламя свечей и серебряные гирлянды, старательно склеенные из бумажной фольги (ее было достаточно в коробках из-под сигарет). Даже долгожданные дополнительные рационы табака, хлеба и конины не радовали нас. Былые рождественские праздники казались бесконечно далекими от нас в ту ночь. Призрачные воспоминания о них возникали как видения какого-то давно исчезнувшего мира, которые не могли заслонить от нас грозную действительность. Мы тихо спели с детства знакомые рождественские песни, и стало еще грустнее. Никто из нас ни на минуту не в силах был забыть хлопоты и опасности сегодняшнего дня, и веселье наше было деланным и вымученным. Все мы знали об истинном положении дел, и в этот рождественский вечер лишения и физические страдания, на которые мы были обречены, отступили перед терзаниями душевными — смутной тревогой, чувством неопределенности и страха.

На далекой родине в эти часы служили рождественскую мессу. Я вышел из блиндажа в холодную мглу; мне захотелось побыть одному, собраться с мыслями. Лютая метель гуляла по степи, которая в ту ночь казалась особенно унылой и жуткой. Я сделал несколько шагов, и мрак поглотил меня. Но чувство беспросветного одиночества слабело во мне, по мере того как мне удавалось

по-новому осмыслить значение рождественского праздника для наших нынешних безрадостных будней и ощутить всем сердцем неразрывную духовную связь со своими близкими. В этот миг я почти физически почувствовал, как летят ко мне издалека сквозь вьюжную зимнюю ночь бесчисленные добрые пожелания моих родных, с тоской и надеждой ожидающих моего возвращения. В этот миг в такой далекой от меня родной силезской деревушке мой отец-священник, наверное, уже стоял у алтаря, освещенный дрожащим пламенем свечей на рождественских елках, и обращался к прихожанам с нестареющими вечными словами проповеди мира и любви к ближнему. Я мысленно увидел и себя самого, стоящего в сельской церкви, и мне казалось, что я слышу слова рождественской проповеди и праздничную литургию. Из бескрайней мглы доносился до меня торжественный звон колоколов, проникавший мне в душу. Я явственно слышал голос отца, читавшего вслух молитвенник, как он всегда делал это в рождественский вечер. Но сегодня он еще более проникновенно и душевно, чем раньше, говорил о непреходящем смысле рождественской благодати. И я вдруг с облегчением подумал о том, что и мне уготовано место под вечной рождественской елкой на небесах. Мрачные тучи скрывали ее сейчас от нас, но я твердо знал, что ее немеркнущий свет будет согревать нас, как и наших близких, во веки веков.

Вопреки всем несчастьям и страданиям в этом царстве ненависти и смерти это рождество в Сталинградском котле, которое для десятков тысяч моих товарищей было последним, осталось для меня праздником мира, света и любви.

Как это ни странно, именно постоянная близость смерти и мучительная неопределенность, разьедавшие душу, были причиной того, что этот праздник — рождество в котле — засиял каким-то необычным светом, горевшим не на елках, а в глубине сердец. Традиционно праздничного настроения не было ни у кого, но подлинный глубокий смысл рождества согрел нас и рассеял окружавший нас мрак. Для отчаявшихся одиноких людей в окопах и стрелковых ячейках, в блиндажах, на перевязочных пунктах и госпитальных койках это чувство было лучшим праздничным подарком.

Волнующим свидетельством этого восприятия мира была и остается так называемая «Рождественская Мадонна Сталинграда», украшающая ныне, согласно последней воле умершего в плену художника, одну из гессенских католических церквей. Многих из нас она той же рождественской ночью озарила светом истинной веры.

Наступил Новый год. Стояли трескучие морозы. Нигде нельзя было укрыться от ледяного дыхания зимы. Пронизывающий ветер проникал в нашу землянку через щели в окнах и в дверях, ноги

буквально примерзали к полу. Сводки потерь, поступавшие из дивизий нашего корпуса, ежедневно подытоживали страшную работу смерти. Число умерших от голода, холода и болезней постоянно росло.

Тем временем русские возобновили яростные атаки на некоторых участках кольца. Как могли мы теперь активно обороняться? Что могли противопоставить ударным частям русских с их многочисленными танками, реактивными установками, орудиями и минометами, их досыта накормленным солдатам в теплом зимнем обмундировании? Небольшое количество тяжелого вооружения при строго ограниченном расходе столь дефицитных боеприпасов и истощенных, измученных людей, которых косил голод и начавшиеся эпидемии, не говоря уже о невосполнимых потерях после каждого боя. Какой прок был в том, что наша разведка все еще своевременно узнавала о готовящихся атаках или танковых ударах противника на отдельных участках фронта и тотчас же информировала об этом наши части? Да, нам нередко удавалось сообщать на передовую точные данные о месте и времени предстоящей атаки противника и о том, какими силами он будет наступать на данном участке. Наблюдения за противником и составления разведсводок в штабе корпуса, которые доводились до сведения фронтовых частей, вплоть до полков и батальонов, по-прежнему велись, что называется, без сучка, без задоринки. Перехватчики не раз передавали нам радиোগраммы противника, которые мы расшифровывали почти полностью. Так, например, если в них говорилось о шести или восьми «коробках» — так по русскому коду именовались танки, которым надлежит в такое-то время сосредоточиться у такой-то высоты, в таком-то квадрате, то, нанеся обстановку на карту, мы без труда догадывались, что предстоит на этом участке, и тотчас же передавали соответствующее уведомление в нижестоящий штаб. Можно себе представить, как горько нам было слышать в ответ в подобных случаях, что ни резервов, ни каких-либо других возможностей усилить оборону на данном участке нет и что, таким образом, остается лишь предупредить обороняющую его часть.

Как долго еще смогут стенки котла выдерживать нарастающее внешнее давление? От нас не укрылось, что русские, судя по всему, сосредоточивают на участке нашего корпуса силы для решающего удара. Общее наступление противника, которое неминуемо должно будет раздавить нас, — эта перспектива все ясней проступала на нашем беспросветном горизонте.

Целый ряд событий, происшедших в конце декабря и в первые дни Нового года, подтверждали неотвратимость близкой гибели, которую я давно уже предчувствовал. В штабе нашего корпуса в балке под Питомником состоялось важное совещание начальни-

ков оперативных отделов дивизий, в котором принял участие и сам командующий армией Паулюс, прибывший вместе со своим начальником штаба. Сосредоточенное, замкнутое лицо командующего с крутым лбом ученого, вся его высокая фигура, казалось, несли на себе печать тревоги и тяжелой ответственности, выпавшей на его долю. В тот день я последний раз видел командующего в котле. Если мне не изменяет память, в наш корпус он больше не приезжал. Вскоре я узнал о результатах этого совещания, а многочисленные разговоры, которые вели между собой начальники оперотделов наших дивизий, подтверждали исключительное значение изданных тем временем приказов. Речь шла о мобилизации последних оборонительных ресурсов 6-й армии. Окруженным соединениям надлежало держаться любой ценой и сражаться до последней возможности. С этой целью намечалось в предельно сжатые сроки сформировать так называемые «крепостные батальоны». Командирам частей предписывалось выявить в своих тылах всех людей, способных носить оружие, без которых можно было обойтись, свести их в пехотные подразделения и незамедлительно бросить в бой.

Во всех дивизиях и отдельных подразделениях стали, уже в который раз, беспощадно прочесывать частым гребнем авиачасти, батальоны аэродромного обслуживания и зенитные батареи, вычесывать артиллеристов, оставшихся без орудий, мотострелков, лишившихся своих бронетранспортеров, «лишних» саперов, обозников, штабных писарей, интендантов и т. д. Приказ, по существу, был равнозначен почти полной ликвидации всех тыловых служб. Это достаточно ясно свидетельствовало о том, что лишенной подвижности окруженной армии предстояло удерживать занимаемые позиции до последнего патрона и последнего солдата.

В новогодний вечер, часа за два до полуночи, затихший фронт словно ожил: кругом все гремело, грохотало, трещало. Я выбежал из землянки и застыл в изумлении: жуткое и одновременно захватывающее зрелище предстало перед моим взором. Русские решили на свой лад отпраздновать Новый год и сделать нас свидетелями своего торжества. Противник открыл огонь из всех стволов, по всему фронту котла, сопровождая этот адский концерт фантастическим фейерверком. Трассирующие пули и снаряды охватили все небо над нами гигантским кругом, воспроизводившим очертания нашего котла. Таким образом русские наглядно продемонстрировали свое подавляющее превосходство и, предчувствуя свой грядущий триумф, зримо показали нам стены тюрьмы, из которой мы уже не могли вырваться. Мы как бы воочию увидели протянувшиеся в небо огненные прутья огромной круглой клетки, в которую нас заперли и в которой должна была погибнуть вся наша армия.

В день Нового года командир корпуса зачитал в узком кругу своих штабных офицеров личную радиограмму Гитлера командиру 6-й армии. Содержание радиограммы не передавалось вниз по инстанциям и не подлежало обсуждению. Я не запомнил ее дословно, но хорошо помню, что сражение, которое мы вели, было названо там одним из самых славных подвигов в истории германского оружия. Эта фраза тогда глубоко потрясла и ошеломила нас. Создавалось впечатление, что там, наверху, нас уже списали в расход и единственной нашей задачей оставалось до конца выполнить «историческую миссию», иными словами — погибнуть. Обещания скорого освобождения мы восприняли как несбыточные посулы, чтобы не сказать как сознательный обман. Однако части на передовой были проинформированы об обнадеживающей новогодней радиограмме, поступившей в котел за подписью верховного главнокомандующего, в которой он еще раз подтвердил свое клятвенное обещание 6-й армии «сделать все для ее освобождения из кольца».

Мы отклоняем русское предложение капитулировать

Новый год начался трескучими морозами, которые еще более усугубили многообразные страдания и лишения окруженных. Дневной паек хлеба был снижен до 50 граммов на человека. Лютая стужа, муки голода, эпидемии и смертоносный огонь противника, казалось, заключили боевой союз друг с другом. Дизентерия и тиф напрочно поселились в котле, вши заедали нас, смерть гуляла вдоль и поперек. Ее штаб-квартирой сделались многочисленные перевязочные пункты и полевые госпитали — эти последние пристанища обреченных, где стоял стон и зубовный скрежет. Число раненых и больных угрожающе росло. Но и на передовой смерть чувствовала себя вольготно. За истекшие 50 дней сражения в котле она собрала обильную жатву — окруженная армия таяла. Мы потеряли за эти дни примерно треть личного состава. Перед прорывом русских, в канун окружения, армия насчитывала более 300 тысяч человек, теперь у нас оставалось около 200 тысяч. Само по себе это было и немало. Но на поверку за этой цифрой оказывалось лишь немного здоровых, полноценных солдат. Многие, очень многие среди этих измученных людей, сражавшихся из последних сил и не терявших последней надежды, были уже отмечены печатью смерти.

Генерал Хюбе, командир соседнего танкового корпуса, тем временем вылетал в ставку и лично докладывал Гитлеру об отчаянном положении окруженной армии, и прежде всего о катастрофе со снабжением по воздуху. Старый танкист слыл у нас человеком неробкого десятка, открытым и прямым. «Такой уж не

постесняется сказать и высшему начальству правду в глаза! Он при случае и кулаком по столу стукнет! Как знать, быть может, ему удалось добиться в ставке принятия срочных мер по спасению нашей армии. Должно же в конце концов что-то произойти» — так говорили у нас в те дни. С нетерпением и пробудившейся слабой надеждой мы ожидали возвращения Хюбе в котел. Но вот он прилетел назад и вскоре о плачевных результатах его поездки заговорили во всех наших штабах. Ничего, решительно ничего он не привез. Луч надежды погас. Правда, ему обещали увеличить снабжение по воздуху. Но это было слабым утешением, тем более что начиная с рождества оно катастрофически сократилось: ежедневно в котле приземлялось теперь всего 30—40 самолетов. Зато известие о том, что до весны ни на какие операции по нашему освобождению из кольца нечего рассчитывать, буквально ошеломило нас. Стало быть, не оставалось ничего другого, как держаться и ждать ужасного конца. Неужели же больше не было никакого выхода? Недвусмысленным ответом на этот вопрос были слова и поступки самого Хюбе, только что вернувшегося из ставки фюрера. Танковый генерал стал поговаривать о том, что нужно воздвигнуть «последний бастион». Генерал приказал вырыть ему личный окоп на передовой в расположении одной из частей его корпуса и заявил, что в этом окопе он будет сражаться бок о бок со своими солдатами до тех пор, пока всех их не убьют в рукопашном бою. Впрочем, что касается его самого, то до этого дело не дошло. Вскоре Хюбе по приказу ставки вновь вывезли из котла, на сей раз окончательно. В тылу он получил ряд новых ответственных заданий, в частности ему было поручено реорганизовать снабжение окруженной 6-й армии по воздуху.

Пошла вторая неделя января. В те дни произошло новое неожиданное событие, выбившее всех нас из колеи. В один прекрасный день среди «разведывательных данных», громоздившихся на моем столе, — всех этих карт, донесений, трофейных документов, пропагандистских воззваний противника — я обнаружил печатную листовку, составленную на отличном немецком языке. Она-то и вывела нас из равновесия. На передовой такие листовки в тот день собирали сотнями. Ветер гнал их по заснеженной степи, и они кружились над сугробами, цепляясь тут и там за обледенелые стебли прошлогодней травы. По-видимому, советские легкие самолеты — «швейные машинки», как мы их называли, — обычно нудно стрекотавшие над нашими головами и швырявшие лишь небольшие «беспокоящие» фугаски, прошедшей ночью сбросили тысячи листовок на наши позиции. Это было предложение капитулировать, которое советское Верховное Командование направило нашей окруженной армии. Авторы документов обращались к командующему армией Паулюсу, произведенному

тем временем в генерал-полковники, и ко всем немецким офицерам и солдатам, сражающимся в районе Сталинграда. Обращение было подписано генерал-полковником артиллерии Вороновым, представителем Верховного Командования Красной Армии на берегах Волги, и командующим Донским фронтом генерал-лейтенантом Рокоссовским, которому, судя по всему, были подчинены теперь все окружавшие нас соединения противника. Предложение капитуляции открывалось сжатым, конкретным и, надо сказать, совершенно правильным анализом нашего положения. При этом особо подчеркивалось, что снабжение наших страдающих от голода, холода и болезней частей потерпело полную катастрофу, что у нас нет зимнего обмундирования и что мы находимся в совершенно антисанитарных условиях. Далее говорилось о том, что реальных возможностей прорвать кольцо окружения у нас нет и что дальнейшее сопротивление в подобном безнадежном положении бессмысленно. Исходя из этого, Верховное Командование Красной Армии предлагало нам во избежание дальнейшего бессмысленного кровопролития капитулировать на определенных условиях. Условия эти сводились главным образом к требованию прекратить сопротивление и отдать себя во власть советского командования, передав ему все вооружение, снаряжение и прочее военное имущество. В случае капитуляции всем солдатам и офицерам было обещано сохранить жизнь, гарантировать личную безопасность, немедленно обеспечить их нормальным питанием, а раненым и больным — тотчас же предоставить медицинскую помощь. Для принятия этих условий был назначен предельный срок — 9 января 1943 года, 10 часов по московскому времени. Был точно указан пункт на отсечных позициях на северном участке кольца, где наш парламентарий с белым флагом должен был вручить представителям советского командования ответ на его предложения в письменной форме. В заключение авторы документа доводили до сведения командующего окруженной немецкой армией, что в случае отклонения этого предложения сухопутные и воздушные силы Красной Армии вынуждены будут начать операции по уничтожению котла и что ответственность за это ляжет на него, генерал-полковника Паулюса.

Нечего и говорить, что русские предложения породили у нас полное смятение. Вопрос, разумеется, был слишком скользкий, и на эту тему у нас говорили лишь с предельной осторожностью. Но в узком кругу, между собой, некоторые высказывались достаточно откровенно и все более открыто критиковали приказы и мероприятия ставки Гитлера.

Что будет с нами, если мы сложим оружие? Мы вообще не верили русским и отнеслись к их обещаниям с крайним предубеж-

дением. Да и окажутся ли они вообще в состоянии обеспечить продовольствием и медицинским обслуживанием такое огромное количество пленных? Не уместнее ли было предположить, что после нашей капитуляции русские дадут волю ненависти и жажде мести — чувствам, которые сознательно разжигались в Красной Армии, как свидетельствовало об этом множество трофейных документов, и прежде всего листовки, составленные Ильей Эренбургом? В моих бумагах была уже целая коллекция его самых свежих листовок, в которых неизменно шла речь о том, что «фашистских зверей и извергов надо уничтожать, как бешеных собак». Сдержат ли русские свое слово и не расправятся ли они с пленными, перебив в первую очередь всех офицеров? В лучшем же случае всем нам, очевидно, предстояли каторжные работы в Сибири. Беспощадная и бесчеловечная война велась на Востоке, и поэтому в случае капитуляции мы могли ожидать самого худшего, тем более что невиданные ожесточенные сталинградские бои неминуемо должны были еще более озлобить противника.

Некоторые пункты русских предложений вызывали у нас невольную улыбку. Так, всем сдавшимся солдатам торжественно гарантировались не только жизнь и безопасность, но и право вернуться после войны в Германию «или любую другую страну по собственному выбору». Капитулирующие сохраняли свою военную форму со всеми знаками отличия и орденами, ценные вещи, а офицеры — и холодное оружие — «шпаги», как буквально говорилось в немецком тексте обращения.

Вплоть до окончательной капитуляции нашей армии мы задавали себе все эти вопросы, порожденные страхом, сомнением и недоверием. Однако наряду с этим мы вновь и вновь спрашивали себя: не слишком ли мы поддаемся воздействию нашей собственной пропаганды, полагая, что в случае капитуляции нас ожидало лишь самое худшее? Быть может, русские все же сохранят пленным жизнь и даже обойдутся с ними более или менее сносно. Ведь кое-что говорило в пользу такого предположения — незадолго до этого мы уже узнали немало любопытных вещей от наших побывавших в русском плену солдат, которых противник в пропагандистских целях отпустил назад в котел, снабдив хлебом и салом на дорогу. К тому же многие сведения о противнике, поступавшие к нам сверху, явно уснащались жуткими подробностями, чтобы в зародыше подавить у солдат самую мысль о капитуляции или переходе на сторону русских.

Быть может, предложение русских прекратить сопротивление открывало единственный выход из нашего безнадежного положения? В конце концов что тут позорного, если после долгой и блестящей борьбы погибающая армия, лишенная продовольствия и

боеприпасов, складывает оружие? Даже старый Блюхер¹ капитулировал однажды в подобных условиях, не видя в этом ничего для себя зазорного!

С другой стороны, мне было достоверно известно, что наше сопротивление еще приковывало к котлу несколько полноценных русских армий, в том числе ударные и крупные артиллерийские соединения. В случае нашей капитуляции советское командование получало возможность немедленно бросить эти соединения в бой на других участках фронта, занимаемых группой армий «Дон», положение которой было и без того достаточно серьезным. Позволительно ли было в таких условиях вообще думать о капитуляции? Совместимо ли с нашей воинской честью? Без сомнения, долго мы не продержимся. Но, быть может, сопротивляясь еще какое-то время, наша армия выполняет важную стратегическую задачу, которой мы не можем понять, ибо слабо представляем себе общую обстановку на фронте? Ведь доходили же до нас слухи об отступлении наших армий с Кавказа. Быть может, стратегическая и оперативная необходимость и иные соображения высшего порядка властно требовали, чтобы мы продолжали безнадежную для нас борьбу? Капитуляция избавляла нас от почти неминуемой гибели в последнем безнадежном бою, но оправдывало ли это саму капитуляцию? Не противоречил ли подобный шаг нашим воинским традициям с их раз и навсегда установленными понятиями чести и долга? В те дни мысли о всех этих дьявольских проблемах войны преследовали меня неотступно. Можно себе представить, как терзали они людей, на чьих плечах лежало бремя ответственности за нашу судьбу.

В своих мучительных раздумьях я не находил выхода из противоречий, но постепенно одно мне становилось ясно: все мои представления о гуманности и морали восставали против того, чтобы люди, испытывающие невероятные страдания, были бы принесены в жертву чисто военным и стратегическим соображениям. Справедливость такой точки зрения подтверждалась, в частности, и моими недавними наблюдениями и событиями последних дней, участником которых мне довелось быть. Об этом же свидетельствовали донесения, поступавшие из нашего корпуса. На других участках кольца дела обстояли не лучше; я был уверен, что достаточно было размножить эти донесения в соответствующем количестве экземпляров, чтобы получить полную картину отчаянного положения всей 6-й армии. Огромные человеческие жертвы, непоправимый ущерб, наносимый человеческому достоинству окружающих, не могли быть более оправданы никакими

---

¹ Блюхер Гебгард (1742—1819) — прусский генерал эпохи наполеоновских войн; 7 ноября 1806 года сдался Наполеону во главе 14-тысячной армии.

военно-стратегическими соображениями; в подобной обстановке они были безнравственны, аморальны. В глубине души я надеялся, что наше командование постарается выиграть время, вступив с русскими в переговоры, в ходе которых попытается получить более надежные гарантии помощи нашим больным и раненым или по крайней мере попытается выговорить лучшие условия капитуляции.

Однако командование армии разрешило все сомнения, доведя до нашего сведения свою точку зрения по этому поводу. Вскоре из штаба армии был спущен целый ряд приказов, предписаний и разъяснений. Как выяснилось, о капитуляции не могло быть и речи. Командующий армией проинформировал о русском ультиматуме ставку, попросив при этом предоставить ему свободу действий. Ответ не заставил себя ждать: Гитлер лично запретил нашей армии капитулировать. 9 января Паулюс в письменной форме отклонил предложение советского командования. Нам было запрещено в дальнейшем передавать в части какую бы то ни было информацию по этому вопросу, за исключением приказа открывать без предупреждения огонь по русским парламентарам, если они приблизятся к нашим позициям. Именно это последнее распоряжение штаба армии, переданное нам по радио, не оставляло никаких сомнений относительно намерений нашего командования. У нас в штабе оно вызвало общее недовольство, ибо противоречило в наших глазах общепринятым нормам международного права. Никто не решился, однако, открыто выразить свое возмущение и критиковать его вслух.

Итак, русское предложение капитулировать, хотя и было официально принято к сведению, но высокомерно отвергнуто (к тому же в самой вызывающей форме) как нечто несовместимое с воинской честью и абсолютно для нас неприемлемое. Командование и не помышляло вступать в переговоры с русскими. В специальном приказе по армии, отданном вскоре после этого, солдат призывали не поддаваться уловкам вражеской пропаганды, направленной на подрыв нашего боевого духа, и сражаться, непоколебимо веря в обещанное освобождение из окружения.

В этой связи мне вновь пришли на память высокопарные слова Гитлера о непобедимости немецких солдат, для которых нет ничего невозможного. Еще бы, даже мысль о капитуляции была несовместима с престижем «фюрера» как верховного главнокомандующего. Ведь незадолго до того, как мы попали в окружение, он торжественно клялся (теперь эта клятва звучала кощунством): «Смею заверить вас — и я вновь повторяю это в сознании своей ответственности перед богом и историей, — что мы не уйдем, никогда не уйдем из Сталинграда!» Теперь судьба наша и впрямь была неразрывно связана с Донскими степями. Здесь

она и должна была решиться. Нам еще предстояли дни и недели, полные ужаса, и тревожное предчувствие неминуемого страшного конца в эти морозные январские дни свинцовым грузом ложилось на сердце.

Русские разбивают котел вдребезги

Утром 10 января 1943 года, спустя ровно сутки после истечения срока ультиматума, русские приступили к ликвидации котла, открыв для начала ураганный артиллерийский огонь. Долгие часы не смолкал гром канонады и тяжелый грохот разрывов. Земля дрожала, и наша землянка буквально ходила ходуном. Прежде чем связь была полностью нарушена, к нам поступило несколько сообщений из соседних соединений, которые дали нам первое, самое общее представление о складывающейся обстановке. Противник вел мощную артиллерийскую подготовку на всем западном участке котла — от восточного края долины реки Россоски, где, напрягая последние силы, держали оборону измотанные дивизии нашего корпуса, до позиций соседнего танкового корпуса, примыкавших к так называемому «мариновскому выступу», где наш фронт выдавался уступом на запад. Гроза разразилась и на участке южней нашего корпуса. На фронте протяженностью 80 километров советская артиллерия утюжила наши позиции чудовищным огненным катком, прокладывая себе путь к Сталинграду. Наш корпус можно было уподобить отряду ремонтников, который тщетно пытается укрепить окончательно обветшавшую плотину, готовую рухнуть под напором разбушевавшейся стихии. Решающее наступление русских было ответом на отклонение их ультиматума.

Первое возбуждение в нашем штабе сменилось тоскливой покорностью судьбе, тем более что управлять войсками мы все равно не могли до тех пор, пока не были восстановлены прерванные линии связи. В эти дни меня неоднократно посылали в расположение отдельных наших частей, чтобы передать приказы и собрать на месте сведения об обстановке. Я отдыхал по дороге, едучи по бескрайней белой степи, в ледяном панцире которой тут и там чернели воронки разорвавшихся случайных снарядов и мин. Зато на передовой, в штабах фронтовых частей, я снова с головой погружался в напряженную атмосферу тревоги, суеты, неразберихи и безнадежности. Кое-где обстановка вообще была неясной, и разобраться в ней не удавалось. В ряде мест русские уже прорвали фронт, и мы ломали голову над тем, как залатать эти дыры, где взять людей, технику, боеприпасы и снаряжение, которых повсюду недоставало. Судя по всему, катастрофа была на сей раз неотвратима.

И в это море безнадежности и отчаяния, словно камни, падали приказы штаба армии: «Держаться! Оборонять занимаемые позиции! Выправить положение! Ни шагу назад! Драться до последнего патрона!» От главного командования сухопутных сил и непосредственно из ставки Гитлера, «руководивших» нами по карте — на расстоянии в 2 тысячи километров, поступил приказ ни в коем случае самовольно не оставлять занимаемых позиций, и командование нашей армии, которое вынуждено было отчитываться за каждое изменение конфигурации передовой линии, вызванное складывающейся обстановкой, повиновалось. Подчинялись этому приказу и в наших фронтовых частях и соединениях: в корпусах, дивизиях и полках. Подчинялись, подчас резко критикуя его, открыто сомневаясь в его целесообразности или подавив сомнения, негодуя или махнув рукой, — но подчинялись. А вслед за своими офицерами повиновались и солдаты, замерзая и умирая в окопах посреди заснеженной степи, повиновались, до конца исполняя свой долг или безразлично ожидая смерти как единственного избавления, — но повиновались.

Больше трех дней мы вели на прежних отсечных позициях кровопролитные оборонительные бои, которые обошлись нам в несколько десятков тысяч человеческих жизней. После этого западная стенка котла рухнула и разбилась вдребезги — восстановить ее было уже невозможно. Но перед отступлением, которое быстро переросло в беспорядочное бегство, солдаты сражались с мужеством отчаяния, помноженным на инстинкт самосохранения. Командование не скупилось в эти дни на награды: ордена и внеочередные повышения в званиях сыпались как из рога изобилия на сражающихся, измученных, обреченных на смерть людей. Но во имя чего?

Армия разваливалась с нарастающей быстротой — она не представляла собой больше военной силы, а была лишь массой измученных людей, которым каждый новый день приносил еще более страшные муки. И я вновь и вновь задавал себе вопрос: ради чего приносятся эти кровавые жертвы, за что мы платим столь дорогой ценой, обрекая на верную смерть наших людей? Не делается ли это в конечном счете только ради престижа верховного командования и гитлеровского политического руководства, которое, находясь в тысячах километров от поля битвы, с легким сердцем готово расплачиваться за него сотнями тысяч жизней? Этот вопрос не давал мне покоя вплоть до ужасного конца.

К западу от наших позиций беда тем временем обрушилась и на соседей. «Мариновский выступ», который обороняла моторизованная дивизия, занимавшая там сравнительно надежные позиции, уже невозможно было удержать. Первоначально здесь должны были накапливаться части для подготовки прорыва коль-

ца изнутри и выхода на соединение с подходившими к нам в декабре войсками Манштейна. Тогда «мариновскому выступу» предназначалась роль плацдарма для прорыва. Однако после крушения этих планов командование не выровняло здесь фронт, что явилось бы наиболее целесообразным решением. Теперь же продвигающиеся ударные клинья русских грозили со дня на день попросту отрезать «мариновский выступ». И тут-то штаб армии отдал один из немногих своих приказов об оставлении занимаемых позиций (число подобных приказов можно было буквально пересчитать по пальцам). Русские, двигаясь по пятам наших поспешно отступавших частей, которые бросили большую часть своей боевой техники и снаряжения, ворвались в котел. После этого наш фронт стал откатываться назад на всем западном участке кольца. Один за другим в руки советских войск перешли наши важные опорные пункты — Кравцово, Цыбенко, Дмитриевка и Карповка. Плотины рухнула окончательно. Русские хлынули в котел, и никакая сила не могла уже удержать их в течение более или менее продолжительного времени.

Отход на этом участке превратился в конце концов в беспорядочное бегство. Поток отступавших захлестнул и целый ряд подразделений и боевых групп соседних дивизий. В нем начисто растворились и перестали существовать целые соединения. Такая судьба постигла на участке нашего соседа слева — целую дивизию, которая долгое время до этого была оперативно подчинена нашему корпусу, а теперь догорела, как угли в камине. В котле на долю этой дивизии с самого начала выпали тяжелые испытания. Уже 19 ноября, когда русские прорвали наши отсечные позиции у Дона в районе Клетской, она была обращена в паническое бегство. Впоследствии, когда советские войска упорно долбили северо-западную стенку котла, дивизия вела тяжелые оборонительные бои. В районе Казачьего Кургана ее части понесли большие потери. Неудивительно, что пропаганда противника избрала эту полуразгромленную дивизию своей постоянной мишенью. На ее позиции дождем сыпались листовки, в которых русские всячески поносили злополучную дивизию: на наших картах ее участок был намечен буквами V. D.— по начальным буквам фамилии ее командира. Этим воспользовались русские пропагандисты, придумывая все новые немецкие эпитеты для дивизии — в листовках ее именовали и «versoffene» (спившаяся), и «verbrecherische» (преступная), и «verlorene» (обреченная). И вот теперь дивизия эта перестала существовать. Вскоре я случайно наткнулся в одном из пустых блиндажей на ее командира, генерала без армии, то есть без дивизии. Растерянный и подавленный, он ходил из угла в угол, как видно, ожидая хотя бы какого-нибудь нового назначения.

С участка соседнего танкового корпуса беда вскоре перекинулась и на наш. В районе Казачьего Кургана русские захватили еще несколько высот и открыли себе дорогу в долину Россошки. Мы вынуждены были начать отход по всему фронту корпуса, пытаясь перегруппировать наши части. Однако отход превратился в бегство — в первую очередь на левом фланге, где натиск противника был особенно силен. Кое-где вспыхнула паника.

Стояли лютые морозы, столбик термометра опустился ниже 30 градусов. Бушевали метели. Наши части — жалкие остатки полков, давно уже сведенные в боевые группы, — беспорядочно отступали по пустынной заснеженной степи. За ними тянулись длинные колонны отставших, легкораненых и обмороженных. Не выдержав нечеловеческого напряжения, голода и морозов, в эти дни погибли многие из тех, кого еще пощадили русские снаряды. Путь наш был устлан трупами, которые метель, словно из сострадания, вскоре заносила снегом.

Мы уже отступали без приказа. Фронт теперь откатывался вопреки приказам держаться до конца, обороняя линию, установленную главным командованием сухопутных сил. Сбитые с позиций части 6-й армии беспорядочно отходили, бросив большую часть уцелевшего тяжелого вооружения и военного имущества. Наши силы были исчерпаны окончательно.

И все же, несмотря на это, нам еще раз удалось создать какое-то подобие оборонительных рубежей и в течение непродолжительного времени удерживать аэродром в Питомнике, который вначале был временно оставлен из-за паники, охватившей интендантские службы и обозы. Базу снабжения в Питомнике, расположенном в самом центре первоначального котла, действительно необходимо было удерживать любой ценой. Однако после того, как все опорные пункты бывших западного и северо-западного участков кольца от Большой Россошки до Бабуркино и Ново-Алексеевки перешли в руки русских, оборонять аэродром в течение сколько-нибудь длительного времени стало уже невозможно. Наскоро возведенные новые оборонительные рубежи — вдавленная внутрь стенка котла в месте прорыва — существовали скорее на штабных картах, чем в нашей беспросветной действительности. Глубина их была незначительной, да и сплошной оборонительной линии они, по сути дела, не представляли.

Занимавшие их подразделения не только были обескровлены в предыдущих боях, но и таяли буквально на глазах, ибо смерть косила обессиленных, изголодавшихся людей, лишенных всего самого необходимого. Повсюду не хватало исправного тяжелого вооружения и боеприпасов; к тому же в тех нечеловеческих условиях, в которых находились наши солдаты, сколько-нибудь эффективное и оправданное с военной точки зрения сопротивление

вообще было немислимо. Части утратили как физическую, так и моральную боеспособность.

Так в середине января был потерян аэродром Питомник, где еще недавно «билось сердце» 6-й армии, и территория котла сократилась примерно наполовину. Судьба наша была тем самым предрешена бесповоротно. Командование армии, в распоряжении которого были лишь практически небоеспособные части, пытались еще раз организовать сопротивление на рубежах вдоль кольцевой автостреды, проходившей через Воропоново. Но остатки разгромленной армии, охваченной прогрессирующим разложением, уже не могли удержаться на этой линии. Захлестнув все оставшееся у нас пространство, которое уменьшалось не по дням, а по часам, они неудержимо откатывались к необозримым развалинам Сталинграда, тянувшимся на много километров вдоль берега Волги.

Трагедия близится к своему апогею

В придонских и поволжских степях под Сталинградом, в этой бескрайней заснеженной пустыне, во второй половине января 1943 года разыгралась трагедия гигантских масштабов. В ней решилась судьба 200 тысяч человек, которые давно уже смотрели в глаза неминуемой смерти во всем ее многообразном обликии.

Черная тень траура пала и на бесчисленные немецкие семьи, которые до тех пор жили в смутной тревоге и безысходной тоске, зная или догадываясь о страшной участи своих обреченных отцов и сыновей. Такие семьи были во всех без исключения землях и провинциях Германии.

В котле мы слушали иногда немецкие радиопередачи. Сводки командования вермахта, вначале еще полные пафоса, приукрашивавшие истинное положение дел или ограничивавшиеся полумеками, становились с каждым разом все откровеннее и беспощаднее. Время от времени треск помех заглушал передачу, и в нее вривался, словно с того света, голос московского диктора, говорившего о «гигантской могиле» под Сталинградом и о «гибели 6-й армии».

В нашей близкой гибели сомневаться и впрямь не приходилось. С самого начала нам запретили любую попытку вырваться из котла своими силами. Операция по прорыву кольца извне, которая, как мы надеялись, должна была принести нам спасение, потерпела полную неудачу. Командование армии отклонило русское предложение о капитуляции, так и не получив свободы действий, которой тщетно добивалось. По своей же собственной инициативе оно не предприняло ничего, чтобы спасти вверенную ему армию, своевременно взяв на себя всю полноту ответственности.

Теперь, после того как противник перешел в решающее наступление, а наши войска уже были охвачены разложением, о последней отчаянной попытке прорыва нечего было и думать. На помощь извне рассчитывать также не приходилось.

Голод, холод, перенапряжение и всевозможные болезни, поражавшие месяцами недоедавших солдат, постоянно уносили у нас еще больше людей, чем огонь противника. Когда же наша армия начала день за днем отступать в тяжелейших условиях, положение стало совершенно катастрофическим. Нам не хватало оружия и продовольствия, людям негде было отогреться и отдохнуть, а последний луч надежды, согревавший душу, давно погас. Одним словом, нам не хватало всего того, без чего не обойтись солдату на войне. После отклонения русского ультиматума наши части, упорно обороняясь, отступая и беспорядочно откатываясь, еще целую, бесконечную для нас, черную неделю приковывали к себе превосходящие силы противника. Теперь, 16 января 1943 года, лишившись своей единственной жизненно важной тыловой базы — аэродрома Питомник, армия не могла больше существовать. Надо было без промедления складывать оружие. Снабжение по воздуху в этот момент временно прекратилось — мы вообще не получали в те дни ни боеприпасов, ни продовольствия и лишены были возможности эвакуировать больных и раненых. Маломощный вспомогательный аэродром в Гумраке с его узкой и короткой взлетной полосой вот-вот должен был оказаться в сфере досягаемости советской артиллерии. Каждый новый день сопротивления стоил нам теперь многих тысяч человеческих жизней. Нельзя было терять ни минуты, и все мы понимали, что так продолжаться больше не может. Что-то должно было произойти. Подобно многочисленным своим сослуживцам и товарищам по несчастью, я в глубине души надеялся на это. Но ничего не случилось, и судьба обрушила на нас свой последний смертельный удар.

«Держаться» в таких условиях означало лишь затягивать нашу и без того мучительную агонию. Неужели перед нашей разгромленной армией еще ставилась стратегическая задача, которая могла бы явиться моральным оправданием этих непомерных жертв? С каждым днем бессмысленность дальнейшего сопротивления становилась все более очевидной. Правда, у главного командования сухопутных сил и у ставки Гитлера оставался еще один аргумент, на который они ссылались теперь, разъяряя нам свою точку зрения. Аргумент этот, судя по всему, повлиял и на последние решения командования нашей армии. Заключался он в том, что наше сопротивление до последнего патрона, точнее говоря, наше самобытие позволяло создать и стабилизировать новую линию фронта. Мы в котле не имели ясного представления об обстановке, которая складывалась в тот момент на южном участке Восточ-

ного фронта. В наших вышестоящих штабах было, конечно, известно о тяжелом положении группы армий «Дон» и об опасности, нависшей на юге над немецкими армиями, отступавшими с Кавказа. Однако было ясно, что наше дальнейшее сопротивление (и следовательно, неминуемая гибель) едва ли смогут повлиять на развитие событий, особенно после того, как территория нашего котла начала с каждым днём уменьшаться. С этого момента русские под Сталинградом получили возможность высвобождать все новые и новые силы и перебрасывать их на другие участки фронта. Начиная с середины января они, без сомнения, так и поступали. Надо полагать, что противник мог бы без большого труда сравнительно быстро покончить с котлом одним решительным ударом, если бы он не снял с этого участка фронта некоторые из своих ударных соединений, действовавших против нас в первые дни наступления, и часть тяжелого вооружения. Но русским не было необходимости избирать такой план, связанный с большими жертвами. Время и без того работало на них. Советские войска, преодолев отчаянное сопротивление, опрокинули наши части и проложили себе дорогу в котел. Теперь русские явно не торопились: обложенный со всех сторон, затравленный, издыхающий зверь был им уже не страшен. Русские давно уже навязали нам свою волю. Они могли добить нас в любой удобный для них момент.

То, что происходило на Волге, уже нельзя было отнести к категории неизбежных на войне тяжелых, но оправданных жертв. Голгофа двухсоттысячной армии была гораздо страшней всех неудач и поражений немецкой военной истории, в том числе и верденской катастрофы, прежде всего потому, что это была медленная смерть огромной массы обреченных, уже не способных к сопротивлению людей. Здесь обрекли на гибель часть немецкого народа, и уничтожение ее поставило под угрозу само наше национальное существование. Это поражение нанесло также громадный моральный ущерб всей нации. Неужели восстановление стратегического равновесия, к тому же, быть может, недолговременного, непрочного и обманчивого, могло оправдать все эти безмерные страдания и жертвы, эту затянувшуюся массовую агонию и полное презрение к человеческой жизни и достоинству.

Теперь после потери Питомника наше дальнейшее сопротивление не только начисто утратило смысл, но и воистину было бесчестным и бесчеловечным.

Об этом свидетельствовал хотя бы тот факт, что начиная с середины января число раненых и больных стало расти с чудовишной быстротой, а условия, в которых они находились, были совершенно невыносимыми. Трагедия гибнущей армии породила тысячи личных трагедий, разыгрывавшихся на жутком дне котла — в бес-

численных санбатах, эвакуационных пунктах и полевых госпиталях, которые быстро превратились в ад крошечный после того, как русские начали вдребезги разбивать котел.

Созданные сборные пункты вскоре оказались уже не в состоянии принимать нарастающий поток больных, раненых, умирающих. Повсеместно ощущалась нехватка медикаментов, перевязочного материала, палаток, зимнего обмундирования, технического имущества, дров, горючего, грузовиков и полевых кухонь. Поскольку приказ штаба армии запрещал оставлять раненых противнику, пришлось сразу же после крушения западного и северного участков котла спешно эвакуировать располагавшиеся там перевязочные пункты, на которых скопились многие сотни тяжелораненых. Все, кто мог еще передвигаться, ковыляя, с трудом волоча ноги, двинулись в путь, гонимые страхом перед русскими, подгоняемые надеждой найти где-нибудь укрытие и спасение или хотя бы убежище от лютой стужи. От Карповки, Дмитриевки, Ново-Алексеевки, Бабуркина и Большой Россошки — от населенных пунктов, названия которых до сих пор звучат в ушах уцелевших солдат 6-й армии как нечто злое, — нескончаемыми вереницами тянулись автомашины, большей частью открытые, доверху забитые горестным грузом — замерзающими и стонущими ранеными, больными и умирающими. То и дело машины застревали в пути, наткнувшись во время бурана на снежные заносы или из-за нехватки горючего. Эти процессы отчаяния и бедствия тянулись к одной и той же цели — армейскому полевому лазарету в Гумраке, часть которого располагалась в развалинах вокзала, другая же была кое-как распихана в товарных вагонах. Такие полевые лазареты были разбросаны повсюду вокруг Сталинграда. Крупнейшие же лазареты находились в самом городе.

Все они превратились в пристанища ужаса: раненых и полуобмороженных, больных дизентерией и тифом, изнуренных и обессиленных беспрепятственно косила смерть. Многочисленные выгребные ямы при операционных пунктах были доверху заполнены ампутированными обмороженными конечностями. Несмотря на высокую смертность, для несчастных не хватало помещений, продовольствия и одежды. Врачи, окончательно выбившись из сил и исчерпавши все свои возможности, как правило, занимались лишь теми, кого еще была надежда спасти, — остальных же приходилось оставлять на произвол судьбы в ожидании неминуемой смерти. При эвакуации тяжелораненых у отлетавших самолетов разыгрывались душераздирающие сцены отчаяния и паники. Число раненых и больных, которых уже было невозможно обеспечить медицинским уходом, изо дня в день продолжало резко возрастать. К концу января их было более 50 тысяч.

Не давала ли сложившаяся ситуация достаточно оснований для того, чтобы из соображений гуманности гибнущая 6-я армия прекратила бессмысленную борьбу? Этот вопрос стал особенно мучить меня, когда на третьей неделе января к нам возвратился один из офицеров нашего штаба, который незадолго до этого был отправлен в полевой лазарет Гумрак с тяжелым желудочным заболеванием. Это был старший помощник начальника отдела, кадровый капитан, которому, безусловно, было не привыкать к тяготам войны. Но там, в Гумраке, в этом аду, он не мог больше выдержать. В состоянии полнейшего отчаяния и безнадежности этот полутруп попросту сбежал оттуда и вернулся к нам, чтобы умереть в кругу товарищей. Его рассказам про Гумрак и царство смерти, из которого он только что вырвался, я вряд ли поверил, если бы не видел искаженного ужасом мертвенно-бледного лица и блуждающих глаз несчастного.

Сплошные мучения второй половины января неотступно преследовали солдат вплоть до горького конца. После восьми недель невыразимых страданий и лишений окруженная армия испытывала адские муки полнейшей безнадежности и обреченности. Наперегонки со смертью, которая без труда догоняла нас, пачками вырывая из рядов свои жертвы, армия стягивалась на все более узком пяточке преисподней. Основными этапами этой дороги смерти были Питомник, Гумрак, поселок Сталинградский и сам Сталинград. Вдоль дороги, ведущей к гигантской груде развалин на Волге, по которой отступала армия, то и дело разыгрывались страшные сцены невообразимой трагедии. Вновь и вновь сыпались приказы: сражаться, сопротивляться, держаться до последнего, а затем отрываться от противника, отходить, бежать и снова обороняться, закапываясь в снег и промерзлую, как камень, землю. Потери росли, как снежный ком, то и дело начиналась паника, а затем бегство, шла нескончаемая тщетная борьба с голодом и холодом. У нас не было укрепленных позиций, убежищ, колючей проволоки или других оборонительных заграждений, не было дров, чтобы обогреться. Временное укрытие можно было найти лишь кое-где в узких степных балках, которые, как правило, были до отказа забиты штабами, обозами и тыловыми службами. Голая, заснеженная степь была безучастной свидетельницей этой страшной трагедии.

В штабах царили нервозность, растерянность, отчаяние и лихорадочная суматоха. Управление войсками формально продолжалось. Из высших штабов как из рога изобилия сыпались приказы, распоряжения, запросы, предостережения, угрозы. В частях все громче слышались критические возгласы, росло возмущение, сомнения овладевали людьми. Однако машина управления продолжала функционировать. Штабы давали указания о создании новых

импровизированных линий сопротивления, о перегруппировках, отправке на передовую боеспособных тыловиков, легкораненых и обмороженных, о сборе сотен оставших солдат, одичало блуждавших по степи. Их приманивали дымящиеся кухни, где с помощью жидкого супа, куска тощей конины они снова становились «пригодными» для участия в боях.

Еще кое-где тлела надежда на так твердо обещанное Гитлером избавление. Но основная масса окруженной армии с тупой покорностью ждала гибели. Посреди всеобщего страдания и смертей мы беспощадно смотрели, как на нас надвигалась катастрофа, неумолимая и неизбежная. Об этой ужасной человеческой трагедии, которая приближалась к своему апогею, сводка главного командования вермахта наконец поведала немецкому народу в высокопарных и напыщенных словах: «В Сталинграде 6-я армия в героической и самоотверженной борьбе против превосходящих сил русских венчает себя бессмертной славой».

Переживания и встречи во время бегства

В конце третьей недели января наш штаб продолжал отступать. Мы остановились в хорошо оборудованных деревянных блиндажах запасного аэродрома Гумрак, которые когда-то были выстроены под землей русскими и до недавнего времени давали приют штабу армии. Над беспорядочным скоплением отходящего транспорта и воинских частей непрерывно кружили советские самолеты. Для них находилось сколько угодно достойных внимания целей. Чувство безопасности в подземных убежищах, защищенных от воздушных налетов, оказывало благотворное воздействие. Я решил написать прощальное письмо домой.

Последнюю весточку от жены я получил в конце декабря. На новую почту с родины давно уже нечего было рассчитывать. Многие мои товарищи мысленно распростились с жизнью, многие откровенно говорили о самоубийстве. Уже остался позади тот печальный час, когда были написаны и доверены ненадежной почте слова прощального привета. Кое-кто передавал через раненых, отправленных самолетами, свои ценности и обручальные кольца с просьбой вручить их родным. Сам я до сих пор намеревался с помощью скупых намеков осторожно подготовить моих близких к катастрофе. Однако теперь я все-таки почувствовал потребность послать им слова последней благодарности и прощанья. В моих ушах, казалось, снова звучали слова «до свидания», которые молящим и заклинаящим голосом произнесла моя жена весенней ночью прошлого года через многие сотни километров по телефонному проводу в Киев, перед тем как меня проглотили бескрайние просторы русской равнины восточнее Днепра. Теперь же

скоро все должно кончиться, и в предстоящую вторую годовщину нашей свадьбы мучительная неизвестность и тоска по-прежнему будут обитать в сердце, которое сегодня еще бьется в робкой надежде.

В то время как за стенами землянки смерть косила людей и грохотали бомбы, меня, не знаю почему, вдруг наполнила чудодейственная, утешительная надежда. Она облегчила мне мою задачу, и сквозь печаль моих слов прорвалось что-то похожее на светлую уверенность, что после долгой, тоскливой и преисполненной испытаниями разлуки когда-нибудь снова пробьет час свидания и счастья.

Но тотчас же чувство безысходной тоски вновь сжало мое сердце от сознания, что я далеко от родных, как раз в то время, когда они, быть может, больше, чем когда бы то ни было, нуждаются во мне. Дойдут ли до них мои прощальные слова, думал я.

Когда я запечатывал письмо, шемящее чувство безнадежности овладело мной. У меня было такое ощущение, словно я заглядываю в бездонную пропасть страданий и отчаяния, к которой бредет весь немецкий народ. Катастрофа на Волге показала, что на всю Германию надвигается страшный мрак. Во время бегства нам было суждено пережить еще одну короткую передышку. Это было в длинной узкой лощине в районе Городище. Там нас приютил в поселке из деревянных блиндажей штаб одной дивизии, которая была сформирована на Рейне и раньше не раз сражалась в составе нашего корпуса.

На северо-восточных участках котла русские до сих пор вели себя довольно спокойно. Это позволило оттянуть значительную часть подразделений дивизий, которые держали оборону на старых позициях, бросив их на подмогу в район боев на северо-западном и западном участках. Тем частям, которые остались на северо-восточном участке, было сравнительно хорошо. Они уже в течение нескольких месяцев отсиживались в своих старых, хорошо укрытых землянках, теплых и удобных. У них была даже мебель и другие предметы домашнего обихода, которые они осенью натащали из города. В то время как другим частям приходилось проедать последние запасы, здесь еще до окружения сумели заблаговременно обеспечить себя продовольствием. Так получилось, что некоторые части в котле оказались почти не затронутыми внезапно обрушившимся бедствием. Теперь оно с неотвратимостью лавины расплозилось вокруг.

Рейнская дивизия, в штабе которой нас приютили, тоже оставалась в стороне от катастрофических событий, которые обрушились на 6-ю армию. Но и здесь голод свирепствовал, как и в других частях. Я ужаснулся, встретив знакомого начальника разведотдела, офицера-запасника, прокурора из Вестфалии, который сразу

же затянул меня в свой уютно оборудованный блиндаж. Этот высокий, крепкий мужчина до неузнаваемости осунулся, и его пессимистические высказывания ясно свидетельствовали о том, что он не питает больше никаких иллюзий перед лицом грозно надвигавшейся неотвратимой катастрофы. Правда, это поначалу касалось еще не всех, и меньше всего тех частей, которые держали оборону вдоль Волги. Там еще оптимистически представляли себе нашу ситуацию и предавались надеждам. Даже в том штабе, куда попали мы, наши рассказы вначале встретили кое у кого известное недоверие. Считали, что мы преувеличиваем. Однако мы принесли с собой атмосферу ужаса и паники, от которой невозможно было отгородиться.

Когда мы своей колонной непрошеными гостями ворвались в лощину, где располагался штаб, там начался переполох. Массу автомашин трудно было замаскировать. Внезапно начавшееся на этом участке оживленное передвижение неминуемо должно было навлечь авиацию противника. Действительно, вскоре нас начали бомбить. Вместе с нами в штаб Рейнской дивизии пришло несчастье, и там скоро поняли, что теперь и они будут втянуты в пучину всеобщего разброда и панического бегства. Впрочем, и здесь давно уже царили неуверенность и страх. Наше появление еще больше взбудоражило людей и произвело удручающее впечатление.

Генерал, командир этой дивизии, находился в шоковом состоянии и не мог больше выполнять свои обязанности. Он надеялся, что его вывезут из котла на самолете вместе с больными и тяжело ранеными. Но план его лопнул как мыльный пузырь. Теперь генералу предстояло испить горькую чашу вместе со своими солдатами. Поскольку во главе дивизии был поставлен более молодой генерал, старый командир оказался совсем не у дел, и вынужденное безделье, на которое он был обречен, видимо, особенно способствовало тому, что он стал жертвой душевных терзаний. Мне он представлялся олицетворением растерянности и страха в генеральском мундире. Генерал бродил по лощине из одного блиндажа в другой, чтобы поговорить о создавшемся положении и узнать новости. Замученный и напуганный, он искал утешения и у меня, хотя по званию я был ниже, чем он. Очевидно, генерал надеялся, что я как представитель вышестоящего штаба смогу сообщить ему какие-либо достоверные и, быть может, даже успокоительные известия. «Когда русские придут сюда? Как они будут обращаться с пленными? Что они сделают с офицерами?» — спрашивал генерал. Еще совсем недавно, командуя дивизией, он нес на себе бремя ответственности за судьбу многих тысяч людей, теперь же этот генерал, как самый обыкновенный человек, трясся за свою жизнь. Не был ли в его вопросах тот же затаенный страх,

который в большей или меньшей степени внутренне руководил всеми нами?

В блиндаже разведотдела мы провели два памятных вечера. Нашу компанию дополняли при этом евангелический священник, представитель католического ордена и один склонный к философствованию офицер оперативного отдела штаба дивизии. Мы все-сторонне обсудили наше положение, горько сетуя и открыто критикуя создавшуюся ситуацию, а затем начали говорить об общем положении. Катастрофа, которая грозила поглотить нас, предстала перед нами во многих отношениях как естественный финиш длинного пути заблуждений, по которому мы шествовали вопреки одолевавшим нас сомнениям. Перед нашим взором вырисовывались духовные истоки наших бедствий и кризис подлинного солдатского духа, который здесь, в Сталинграде, несмотря на личное мужество и самоотверженность отдельных солдат и офицеров, выродился в бездушное солдафонство, помноженное на ложное представление о долге и механическое понятие о чести. Ибо каким высоким соображениям служили наши добродетели и для достижения каких нравственных целей они были использованы? Мы говорили о незыблемых, подлинных ценностях в этом мире и об уважении человеческого достоинства, которое, судя по всему, давно уже перестало играть у нас всякую роль.

Мы пришли к выводу, что надвигающаяся военная катастрофа явится также и катастрофой политической, она есть следствие самонадеянных представлений и действий, давно уже расшатывавших здоровую основу духовной и культурной жизни немецкой нации. Считалась ли та власть, которой мы служили как граждане и солдаты, с правом и законами нравственности? Не сделала ли она насилие своим божеством, поправ все устои, дабы люди перестали отличать справедливость от несправедливости? Мы вспомнили пламенный призыв писателя Вихерта, который предостерегал наш народ от падения, напомнив нам о гладиаторской славе и образе мыслей боксера на ринге. Враждебный человеческому духу культ силы, начав разрушительную борьбу против созидательных основ античного мира, гуманизма и христианства, все больше отрывал наш немецкий народ от мира возвышенных общеевропейских идеалов, заглушая в нем понимание истины, добра и справедливости. Но как раз эти всеобщие достояния цивилизации и созидательные начала служили тем фактором, который с давних времен обуздывал и нейтрализовывал все таящиеся в германско-немецком характере опасные побуждения и динамические силы. По вине нацизма эти роковые силы с присущей им необузданностью одержали верх. Не примкнули ли все мы к этому ложному маршу насилия, несмотря на свои, быть может, самые лучшие побуждения и намерения? Не сказался ли вермахт инстру-

ментом нацистской политики насилия и не был ли он причастен к попранию международных договоров, чужих границ и захвату чужих территорий? Все мы, носившие солдатский мундир, оказались втянутыми в круговорот событий, к которым мы не стремились и которых не желали. Мы не могли быть убеждены в том, что наше пребывание здесь, в Сталинграде, служит интересам благородной, справедливой борьбы за наши жизненные интересы. С болью душевной мы видели, как позорно злоупотребляют солдатскими добродетелями — отвагой, самоотверженностью, преданностью и сознанием долга. Это еще больше усугубляло трагизм жестокой действительности, и нам предстояла расплата за многие преступления, которых мы не желали.

Наши собеседники — священники — читали нам отрывки из Священного писания. Они говорили о божественной справедливости, которая в конечном счете придает смысл той судьбе, которая постигла нас. Найдем ли мы в себе достаточно силы, чтобы признать определенный смысл в том, что происходит с нами, и со смирением испить горькую чашу до дна. Перед лицом смерти все предстало перед нами в своем подлинном свете. В этой ситуации Библия обращалась к нам с такой проникновенностью и ясностью, которых мы еще никогда не ощущали и не осознавали. Мы сидели, прижавшись друг к другу, не только как люди, объединенные общностью судьбы, над которыми навис один и тот же рок. Мы образовывали маленькую религиозную общину, сведенную вместе поисками подлинного утешения и духовной опоры.

До самого последнего времени моими неизменными спутниками на войне были многочисленные книги. Они содержали в себе немало мудрых вещей. Безмолвно общаясь с благороднейшими выразителями человеческих идеалов, я нередко черпал силу, утешение и ощущение свободы духа посреди давящей и отупляющей действительности суровых будней. Среди моих любимых книг, взятых с собой на Восточный фронт, которые были для меня дороги, как насущный хлеб, была книга самосозерцаний Марка Аврелия. Изящный томик в кожаном переплете был издан еще в 1675 году, — стало быть, в эпоху Людовика XIV. То был французский перевод произведения мудрого стоика, восседавшего на римском императорском троне. На обложке книги была высокопарная дарственная надпись в адрес шведской королевы Христины, а также отметка о том, что этот томик принадлежал одному французскому генералу времен Великой революции и Наполеона. Сколько же человеческих судеб знавал он на протяжении почти девяти поколений! И скольким давно канувшим в безвестность людям эта книга дарила спокойствие и душевное равновесие во время жизненных невзгод и потрясений! Я часто черпал в этой книге отраду и утешение. Она помогала мне на войне, являясь своего рода пан-

цирем против ядовитых стрел, которыми слишком часто ранила меня жестокая действительность. Однако теперь и эта книга, как и другие произведения, потеряла свое воздействие. Вся мудрость мира и земные утешения, заложенные в книге, оказались несостоятельными. Эта мудрость не доходила до самых тайников души и не могла больше служить поддержкой, когда я находился в состоянии ужасного потрясения и беспомощности.

В штабах и фронтовых частях, впад в отчаяние перед лицом крушения целого мира прежних представлений и неудержимо надвигающейся катастрофы, офицеры и солдаты кончали жизнь самоубийством. Люди понимали, что они погибают. Иные же прятали свой страх и опустошенность, пытаясь судорожно подчеркнуть верность солдатскому долгу или даже удаль. Если уж суждено погибнуть, то нужно по крайней мере биться до конца и постараться продать свою шкуру подороже, отправив на тот свет по возможности больше русских!

Мы пришли к единому мнению, что по религиозным и нравственным соображениям самоубийство недопустимо. Раз уж мы на том крошечном участке, за который мы отвечаем, не в состоянии активно противодействовать своей гибели, на которую нас обрекло командование, то будем по крайней мере стремиться даже в солдатских мундирах до конца оставаться людьми. Мы будем противоборствовать отчаянию и стараться с достоинством идти навстречу даже самым тяжким мукам. Мы будем воздействовать и на других людей, связанных с нами общей судьбой, удерживая их от самоубийства. Несчастные, слабые, погрязшие в заблуждениях и грехах, мы ждали минуты, когда нам придется до дна испить горькую чашу страданий.

Разгром нашего корпуса и прощание у командующего

Положение нашего армейского корпуса стало совершенно катастрофическим. Мы не имели достоверных сведений о том, где проходит линия фронта, не знали, какова численность наших частей. Связь была повсеместно разрушена, а обстановка ежечасно менялась. Штабные офицеры все еще тщетно пытались наносить обстановку на карты, чтобы быть в состоянии и дальше руководить войсками. Но имело ли это вообще какой-либо смысл? Узнать, что происходило в подчиненных нам дивизиях, было практически невозможно. Получить для них подкрепления также не представлялось возможным. Приказы и распоряжения, как правило, не поспевали за событиями. Штабные карты больше не отражали действительной обстановки, ибо то, что было на них нанесено, практически не соответствовало действительности. Но об одном эти данные свидетельствовали со всей очевидностью: о

прогрессирующем развале и приближающемся окончательном разгроме нашего корпуса.

Наш разведывательный отдел бездействовал. В соответствии с приказом мы занялись подготовкой круговой обороны, намереваясь защищать свой штаб и погибнуть с оружием в руках. Русские уже начали громить нас артиллерийским огнем. Скоро, думали мы, они ворвутся сюда и наступит конец. Мы надеялись лишь, что нам, офицерам, связанным долгодетней совместной службой, удастся погибнуть вместе. Наш командир корпуса также был согласен с этим. Он решил еще раз собрать старейших офицеров корпусного штаба и устроить для узкого круга час прощания. Я и несколько других офицеров получили приказ вечером явиться в блиндаж генерала.

Тем временем случилось одно ужасное происшествие: внезапно исчез наш квартирмейстер, довольно молодой офицер генерального штаба. Шофер, доставивший его на аэродром в Гумрак, напрасно ждал его в машине. Подполковник бесследно пропал. На собственный страх и риск, никому ничего не сказав, он решил попытаться выбраться из котла, этой зоны ужаса и смерти. На дезертирство его толкнули, вероятно, малодушие, трусость, безумная надежда на то, что при царящей неразберихе ему, возможно, удастся улететь отсюда и спастись. Генерал по закрытой связи объявил розыск этого офицера. Но дезертир сам явился в штаб группы армий, заявив, что он вылетел из окружения якобы с официальным заданием командира корпуса и имеет поручение в части, занимающейся организацией снабжения по воздуху. Генерал был в ярости. Он заявил, что добьется того, чтобы беглеца возвратили в котел, и он будет расстрелян у нас на глазах. Мы были глубоко подавлены и охвачены ужасом в ожидании этой отвратительной сцены, от которой мы, однако, к нашему облегчению, все же были избавлены. Наш квартирмейстер был расстрелян за пределами котла, в том месте, где он, поддавшись роковой слабости, надеялся найти ворота к жизни и свободе.

Прощальный вечер у командира корпуса был похож на поминки. Над всеми нами грозно нависла тень близившейся катастрофы. В своем кратком слове генерал указал на отчаянность нашего положения, упомянул о неудержимом развале корпуса и перед лицом неминуемой гибели поблагодарил нас за службу. Незадолго до этого наш командир корпуса был у командующего армией. То, что ему там сообщили, не оставляло сомнений в том, что армия обречена. Мы узнали, что последние попытки командования армии получить эффективную помощь извне окончательно потерпели неудачу. Оказались напрасными все просьбы перебросить к нам на самолетах несколько свежих батальонов и наши энергичные требования направить к нам больше самолетов. Возмущение шта-

ба армии в связи с тем, что командование люфтваффе не выполнило своих обещаний, достигло апогея. Мы чувствовали, что нас предали и бросили на произвол судьбы.

Генерал-полковник Паулюс незадолго до Нового года послал в тыл с чрезвычайными полномочиями офицера — первого квартирмейстера штаба армии, который хорошо знал, чем живет и дышит окруженная группировка. Ему было дано указание со всей настойчивостью добиваться в штабе группы армий улучшения снабжения по воздуху. С аналогичной же целью туда вылетел командир окруженной вместе с нами зенитной дивизии. В качестве последнего посланца из котла в середине января непосредственно в главную ставку Гитлера вылетел старший помощник начальника оперативного отдела штаба 6-й армии. В частности, ему было поручено добиться вразумительного ответа, можем ли мы рассчитывать на эффективную помощь, и изложить — как говорили — ультимативные требования по спасению армии. Об этой миссии мы слышали еще раньше. То, что она была доверена хорошо знакомому нам молодому, энергичному капитану, награжденному Рыцарским крестом, импонировало нам. Правда, особых надежд у нас это не вызвало, но мы могли быть по крайней мере уверены в том, что он смело и откровенно расскажет о наших настроениях верховному главнокомандующему. Для нас было также важно, чтобы в Германии узнали правду о Сталинграде. Посланцы нашей армии не вернулись в котел. Снабжение по воздуху продолжалось и дальше катастрофически ухудшаться, и неудивительно! Немецкий Восточный фронт откатился от нас примерно на 300 километров. Аэродромы в Сальске, Новочеркасске, Ростове и Таганроге, которые можно было использовать для снабжения 6-й армии, находились от нас на расстоянии 320—420 километров. Без прикрытия истребителями были возможны главным образом ночные полеты, и таким образом мы теперь в лучшем случае получали в сутки не более 50—70 тонн груза. Последний вспомогательный аэродром со дня на день могли захватить русские.

Новая просьба командования нашей армии о предоставлении ему свободы действия и разрешении капитулировать была еще раз отвергнута Гитлером. Совещание у генерал-полковника Паулюса, где был сделан анализ обстановки и шла речь о состоянии и последних возможностях 6-й армии, произвело удручающее воздействие. Командир нашего корпуса прямо заявил, что нам грозит катастрофа. С ожесточением и затаенной злобой он подчеркнул, что мы не по своей вине попали в дьявольски отчаянное положение, из которого теперь уже не могло быть выхода. Однако он ясно дал понять, что нас связывает наш солдатский долг. Выполняя полученный приказ, мы плечом к плечу с винтовками в руках будем драться до последнего патрона. Из его слов явствовало, что он

твердо намерен поступить, подобно капитану тонущего корабля, и не собирается пережить гибель своей части. Недвусмысленно он дал понять, что заповедь солдатской чести теперь беспрекословно требует от нас принесения последней жертвы.

Такая позиция, которая противоречила моим тайным личным убеждениям, казалась мне понятной и логичной, когда дело касалось нашего генерала, имевшего за своими плечами почти полвека военной службы. Я смотрел на его волевое, изборожденное морщинами лицо, на его ордена и знаки отличия, и мне казалось, что он мысленно оглядывается на свою долгую и беспокойную солдатскую карьеру, которая теперь должна была так резко и печально оборваться. В свои 65 лет он был, пожалуй, самым старым из фронтовых корпусных командиров, причем ему явно был отрезан путь к продвижению по службе, хотя он одно время и командовал армией во Франции. В прошлом он был председателем имперского военного суда, и, очевидно, его чересчур откровенные речи и крепкие выражения, порожденные присущим ему здоровым человеческим рассудком, сделали его непопулярным в глазах начальства. В блиндаже командующего корпусом были выставлены памятные знаки и подарки, которые мы преподнесли ему осенью к его пятилетнему юбилею на посту командующего.

Капитаном он встретил крушение кайзеровской монархии и катастрофу в Первой мировой войне. Из его рассказов и анекдотов, которыми он любил сыпать, мы знали некоторые подробности его дальнейшей карьеры и невзгоды, которые он пережил. Но то, что происходило теперь, было ни с чем не сравнимым ужасом. Генерал не стал распространяться о более глубоких причинах нашей катастрофы, хотя был, видимо, убежден, что в самых верхах роковым образом дискредитировали то дело, которому он верно служил на протяжении не одного десятка лет. Теперь, когда наше дело было безнадежно проиграно, как он дал понять, нам не оставалось ничего другого, как повиноваться приказу, к чему мы были приучены, чего от нас тысячи раз требовали и что мы всегда беспрекословно выполняли. Конечно, и ему самому было нелегко примириться с происходящим. Слишком многое из того, что делало верховное командование за последнее время, противоречило его инстинкту старого солдата. Его одолевала едва сдерживаемая ярость, когда он рассказывал нам о судьбе генерала Гейма, которого он лично очень высоко ценил. В начале битвы под Сталинградом этот генерал, имевший под своим командованием недостаточно оснащенный, еще не готовый к боевым операциям и не обстрелянный танковый корпус, получил приказ ликвидировать создавшееся в излучине Дона катастрофическое положение. Выполнить этот приказ не было тогда никакой возможности. И тут начались его злоключения. Генерал Гейм, став козлом отпущен-

ния, был разжалован Гитлером в рядовые солдаты, с позором изгнан из вооруженных сил и брошен в тюрьму. В назидание другим по этому поводу был издан специальный приказ, с которым были ознакомлены все высшие офицеры. Наш командир говорил об этом с нескрываемой горечью. Однако в остальном же он не проронил ни единого слова открытой критики или укора.

И все же генерал заметно изменился. Правда, его глаза еще сверкали под густыми кустистыми бровями от возмущения и гнева, когда речь зашла о дезертировавшем квартирмейстере, ибо то обстоятельство, что это совершил офицер его штаба, чуть не выбило генерала из колеи. Однако присущие ему грубоватая суровость и резкая, порой язвительная манера выражаться словно покинули его в этот вечер. Казалось, что в нем что-то надломилось и проявились обычно подавляемые им человеческие чувства. Он предстал перед нами общительным и мягким человеком, и наша беседа вылилась в тоскливое воспоминание о прошлом. У меня было такое впечатление, словно в тайнике души генерала шевелится глубокое сострадание к армии, принявшей на себя муки самопожертвования.

В тот траурный вечер прощания — кажется, это было 24 января — я виделся с генералом в последний раз перед окончательной катастрофой. Уже два дня спустя русские танки рассекли окруженную группировку, разгромив при этом и наш корпусной штаб. Своего бывшего командира я затем еще раз мельком видел в плену, потому что он не пошел на дно вместе с тонущим кораблем и, неумолимо осуществляя полученный свыше роковой приказ, успев также получить чин генерал-полковника, пережил своих солдат, которых до самого последнего часа гнали на верную смерть. Ему было суждено, поддавшись слабости, изведать мрачную бездну страданий, пока неизлечимый недуг не унес его в могилу.

Гибнущая армия устремляется в сталинградские развалины

В то время как наш штаб в лощине под Городищем пытался наладить руководство окончательно разваливающимся корпусом и готовился к рукопашной схватке, остатки разгромленных соединений нескончаемой вереницей тянулись по дороге отступления через аэродром Гумрак к северной и западной окраинам Сталинграда.

Влиться в этот безрадостный поток меня заставило одно трудное задание, которое я воспринял так, словно меня посылают на верную смерть. Мне было поручено разведать совершенно неясную обстановку у северного края аэродрома, где усиленно наседал противник, а также положение подчиненной нам Венской дивизи-

зии, которая еще сражалась где-то в этом районе. Связь с ней оборвалась, причем в последних полученных оттуда донесениях говорилось о настойчивых атаках русских танков, вызвавших страшное замешательство и неразбериху.

Это задание было передано мне начальником штаба и начальником оперативного отдела, которые, озабоченно качая головами, рассматривали изображенные на карте стрелы вражеских атак, прерывающуюся линию фронта и пестрящие повсюду вопросительные знаки. Как я с удивлением обнаружил, оба офицера получили повышение. Об этом производстве, которое обычно бывало важным событием в жизни штаба, никому не было объявлено. Мои поздравления вызвали у них лишь горькую усмешку.

В жестокий мороз и пургу вместе с одним фельдфебелем полевой жандармерии я ехал на мотоцикле через страшное поле битвы. Вскоре мы выехали на дорогу, ведущую в ад. Серой полосой выделялась она в заснеженной степи и была поистине Голгофой. Повсюду валялись занесенные снегом лошадиные трупы, исковерканные остовы автомашин, снаряжение, противогазы, ящики, исковерканное оружие. В зоне ужаса, где находился изуродованный боями поселок Гумрак, призрачно возвышались мертвые трубы, обвалившиеся стены и остовы домов. На железнодорожных путях длинными, широкими рядами стояли вагоны, которые, как и все подвалы, ямы и землянки вокруг, были забиты ранеными, больными и умирающими. Это было средоточие горя, муки и отчаяния. А над всем этим злосчастным пространством ревел ураганный артиллерийский и минометный огонь, окрашивая безбрежную снежную равнину в грязно-черный цвет.

У края аэродрома и далее на север, где нарастал гром сражения, отступающие войска сбились в хаотическую кучу. Всепоглощающая волна разброда и истребления неудержимо, хотя и медленно, несла назад одиночек, группы и целые колонны. Отбившиеся от своих частей, голодные, мерзнувшие, больные, как и боеспособные, солдаты видели теперь перед собой лишь одну цель — Сталинград. И как погибающий хватается за соломинку, они ползли туда. Им казалось, что в стенах и подвалах развалин, быть может, удастся еще найти тепло, еду, покой, сон. И вот они тянулись туда, эти остатки разгромленных подразделений, обозы и тыловые службы. Впрягшись в повозки, раненые, больные, измученные морозом солдаты медленно тянули их. По дороге тащились жалкие, истощенные фигуры, закутанные в шинели, плащ-палатки и тряпье. Обираясь на полки, они едва ковыляли на обмороженных ногах, обернутых соломой и лоскутами одеял.

Так выглядели тянувшиеся через снежный буран остатки той некогда могучей армии, которая летом, уверенная в победе, рва-

лась к Волге. Люди из всех уголков немецкой земли, обреченные погибнуть на чужих просторах и безмолвно несшие выпавшее на их долю бремя мучений, брели понурыми толпами сквозь лютую восточную зиму. Да, это были те самые солдаты, которые так недавно самоуверенными победителями шагали по многим странам Европы. Теперь же их по пятам преследовал противник и отовсюду подстерегала смерть. Здесь их настиг тот же рок, какой 130 лет назад погубил другую исполинскую армию, от которой также требовали невозможного. Снежная мгла скрывала от меня некоторые детали всей этой жуткой картины, неустанно продолжая ткать огромный белый саван, который медленно накрывал гигантскую могилу в сталинградской степи.

Вопреки ожиданию мне быстро удалось выполнить свое поручение. Части бегущей Венской дивизии выходили прямо на меня. Вскоре я нашел и штаб дивизии. С гумракского аэродрома, где в этот момент приспособляли зенитные орудия для стрельбы по наземным целям, мне удалось передать по телефону в свой корпус данные об обстановке, которые позволили до известной степени заполнить пробелы на карте начальника штаба и получить хоть и ясную, но еще более угрожающую картину надвигающейся катастрофы.

Удерживать аэродром Гумрак больше было нельзя. Казалось, что всеобщее паническое бегство к Сталинграду создало динамическую трубу, которая всасывала в себя все живое, и этому потоку не могла противостоять ни одна воинская часть.

Хотя мы предприняли все меры по организации круговой обороны, внезапно к нам поступил приказ двинуться к Сталинграду. С собой разрешили взять только самое необходимое. Перед отходом предстояло уничтожить все материалы нашего разведотдела, бумаги и секретные документы. С тяжелым сердцем мы совершили печальный обряд сожжения наших рабочих материалов и подшивок с документами, что делается лишь в тех случаях, когда положение становится безнадежным и практически означает для штаба не что иное, как официальное прекращение его существования. Я предал огню и всевозможные личные архивы, среди которых находился объемистый военно-исторический труд, написанный мною во Франции после окончания кампании на Западе, перед тем как я связал свою судьбу с нашим первоначально силезским армейским корпусом, давно уже истекшим кровью в боях на всех участках немецкого Восточного фронта. В огонь полетели и личные записки, которые я хотел сохранить как воспоминания о безусловно печальных, но богатых всякого рода впечатлениями и переживаниями временах военной катастрофы. Теперь все это, как и многое другое из того, что было доверено огню, казалось ненужным хламом. И все же мне было нелегко рас-

ставаться с некоторыми вещами, потому что рассованные повсюду в моем багаже любимые книги и маленькие сувениры до последнего момента помогали мне на далеком Восточном фронте сохранять вокруг себя остаток домашней атмосферы, чувствовать рядом с собой как бы кусочек родины. Теперь кроме оружия мне нужны были лишь рюкзак, мешочек для белья и планшетка с картами.

Ночь мы провели в пути не сомкнув глаз. Дрожа в машине от холода, но все же чувствуя над головой хоть какую-то крышу, я еще раз задумался о происходящем. Меня неотступно преследовали жуткие картины распада и гибели. Под впечатлением недавней поездки через страшное поле битвы в моей голове невольно ожили леденящие душу воспоминания участников похода Наполеона в 1812 году. То, что я когда-то, внутренне содрогаясь, читал у Сегюра и Коленкура, нам теперь приходилось испытывать самим. Мрачные предчувствия, которые сжимали мое сердце в памятную светлую ночь 1941 года при начале рокового похода в Россию и затем не раз терзали меня, когда я наблюдал зловещие бескрайние русские пространства, теперь самым ужасным образом сбывались.

Еще в первые месяцы войны на Востоке мысли о гибели «Великой армии» в 1812 году кошмаром преследовали меня. Тогда мы рвались вперед почти точно по тому же пути, по которому двигался на Москву Наполеон. Реку Березину наша дивизия форсировала в том же самом месте, где когда-то наполеоновская армия отчаянно отбивалась от преследовавшего ее противника. Там, у деревушки Студенка, недалеко от города Борисова, наши саперы нашли в болоте остатки французских мостовых сооружений, а также наполеоновский штандарт с изображением орла. Будучи офицером связи между дивизией и армейским корпусом, я тогда часто колесил по «ничейной земле» и не раз, сбившись с пути и оставшись наедине со своим шофером, попадал в места, куда не ступала еще нога немецкого солдата. В таких ситуациях я всегда особенно остро ощущал зловещую, растворяющую нас необъятную глубину восточных пространств, где нас отовсюду подстерегала опасность. Обуреваемый историческими воспоминаниями, которые получали все новое подтверждение во время нашего продвижения через Березину и Смоленск к Бородину, и ощущая в душе глубокое беспокойство, я тогда не устоял против желания написать пространное исследование о катастрофе Наполеона. Свое исследование я основывал на некоторых исторических материалах 1812 года, которые были у меня под руками. Описывая гибель «Великой армии», я старался выдвинуть на первый план прежде всего чисто человеческие моменты, которые тогда вообще, особенно же вследствие роковой недооценки фактора пространства и погодных условий, так мало принимались во внимание. В районе Смоленска в июле 1941 года застопорилось наше победоносное продвижение

вперед после предпринятого нами внезапного массированного нападения, наши дивизии натолкнулись на ожесточенное сопротивление большевиков и вскоре захлебнулись в крови в тяжелейших оборонительных боях. Именно там я передал мой трактат офицерам нашего штаба. Было видно, что он произвел на них впечатление. Меня вызвал к себе сам генерал. Он поблагодарил меня за проделанную работу, однако запретил размножать эту рукопись и знакомить с ее содержанием подчиненные нам части. Только один штабной майор, один из тех оптимистически настроенных и уверенных в победе офицеров, которые душой и телом были преданы господствующему режиму, выразил недовольство по поводу того, что я не сделал в своем исследовании выводов и не провел параллель с нынешней ситуацией, потому что это, по его мнению, придало бы моему пессимистическому труду успокоительное и лестное для нас завершение. Он был твердо убежден, что ошибки 1812 года не могут повториться, ибо современный уровень моторизации и далеко шагнувшая вперед техника, надежно функционирующая система материального снабжения и гениальность верховного руководства дают гарантию против этого.

Такого рода воспоминания снова ожили во мне в эту ночь во время отступления, когда мы двигались вместе с откатывающимися к Сталинграду остатками 6-й армии в предвидении ужасного конца. События 1812 года, казалось, действительно повторяются. Зловещее русское пространство еще раз поглотило сотни тысяч людей. Несмотря на трагический опыт Наполеона, снова были в ужасающем масштабе игнорированы элементарные факторы — географический и метеорологический. Современное суеверие, будто с помощью машин и моторов можно совершить невозможное и преодолеть опасности, которые таят в себе безграничные пространства, также способствовало нашей катастрофе. А с этой переоценкой механических средств ведения войны сочеталась и неправильная оценка человеческих сил и возможностей.

Это убеждение еще больше окрепло во мне, когда я наблюдал ужасные сцены на пути отступления. Повсюду на поле боя валялись разбитые машины и моторы — эти части гигантского армейского механизма. Колонны еще исправных автомашин постепенно закупоривали дорогу непробиваемой пробкой. Вскоре им предстояло стать добычей приближающихся русских танков. Солдаты, в своем большинстве изнуренные, апатичные и выбившиеся из сил, были неразрывными цепями прикованы к этому механизму. Подобно заменяемым частям бездушной машины, эти существа из крови и плоти до конца поглощались мясорубкой войны и безжалостно перемалывались.

Вместе с медленно плывущим потоком отступавших мы двигались вдоль обширной зоны, усеянной бесчисленными рядами се-

рых деревянных крестов. Это зрелище немецких солдатских кладбищ времен прошедшего лета и осени с чудовищно огромным количеством могил у сталинградских предместий действовало как молчаливая мрачная проповедь, проникавшая глубоко в наши сердца.

Вскоре бесконечно растянувшаяся колонна автомашин застряла. Нескольким юрким машинам-вездеходам и транспортерам удалось выскочить и с частью нашего штаба, в составе которой находился командир нашего корпуса со своей ближайшей свитой, вырваться вперед. По колонне быстро распространилось паническое известие, что на нас идут русские танки. Даже в нашем толсто-стенном штабном автобусе, в который мы в панике погрузили остатки походного имущества и стрелковое оружие, уже был слышен непрерывный и все более грозный грохот и металлический лязг приближающихся танков. Вдоль нашей оцепеневшей от ужаса колонны к дороге подходила цепочка серовато-белых танков типа Т-34, которых у нас панически боялись. Однако орудия и пулеметы советских танков не стреляли. По всей видимости, танкисты не ожидали сопротивления и, как казалось, прибыли сюда за тем, чтобы забрать богатую добычу. Крышки люков были открыты, на переднем танке восседал в белом полушубке советский солдат, возможно комиссар. Он махал нам руками и на ломаном немецком языке кричал: «Дойчер зольдат, комм, комм! Гитлер капут!»

Внезапно этот русский, смертельно сраженный пулей, опрокинулся навзничь и свалился на землю под танк. Откуда-то в передний танк была брошена бутылка, наполненная высокочувствительной горючей смесью, которая на солдатском жаргоне называлась «молотовским коктейлем». Танк загорелся. Это предредило роковой для нас исход. Люки захлопнулись, и танки, гремя цепями, откатились немного назад, чтобы затем открыть по нашей колонне ураганный огонь. Короткие хлопки пушек, треск пулеметов и свист автоматных очередей адской музыкой звучали в наших ушах в то время, как мы пытались спрятаться в ямах и выбоинах посреди придорожного кустарника и с дрожью ожидали, когда нас раздавят стальные чудовища.

Однако спустилась ночь, которая принесла нам еще раз спасение. В темноте слышались крики о помощи и стоны раненых, там и здесь к небу поднимались призрачные языки пламени, освещавшие покинутую всеми гигантскую змею нашей автоколонны. Под покровом темноты мы поредевшими рядами продолжали свой путь пешком. Смерть снова шествовала рядом с нами. Но, несмотря на подстерегающую со всех сторон опасность, она и на этот раз пощадила нас.

Многоверстный марш продолжался по заснеженной степи. По ночам, как часто это бывает в сильный мороз, блестели мириады ледяных кристаллов, в степи свирепствовал пронизывающий ветер с Волги. По безоблачному бледно-голубому зимнему небу, на котором маячило холодное и бессильное солнце, пронеслись русские самолеты. На их сверкающих крыльях были отчетливо видны пятиконечные звезды. Внезапно одна группа самолетов снизилась и атаковала нашу маленькую беспомощную колонну. Как зайцы под перекрестным огнем облавы, мы бежали через ровное снежное поле, а затем с колотящимися сердцами глубоко зарывались в снег. Еще одна атака, и снова вокруг нас свистели пули.

Таща за собой раненых, группа двинулась дальше. Изнуренные и разбитые, мы наконец добрались до развалин северной окраины Сталинграда. Какие еще тяжелые испытания поберегла для нас судьба? Смерть, с которой я так близко, как никогда раньше, сталкивался лицом к лицу в последние дни, по-прежнему щадила меня. Но шагавший уже несколько недель рядом с ней ее верный помощник — голод — терзал меня, постепенно подталкивая к гибели. И третий сообщник в этой компании убийц — мороз — тем временем тоже стал донимать меня, о чем свидетельствовала постоянная покалывающая боль в конечностях. Наша офицерская группа, частица разгромленного штаба, в конце концов нашла убежище в темноте под сводами грязного подвала, а солдаты обосновались в одной из развалин по соседству. Этому месту суждено было стать конечной целью наших странствий и нашим последним приютом.

Агония затягивается

В начале последней недели января русские не только усилили давление на западную и северо-западную стенку узко сжатого котла, но и перешли в новое наступление с юго-западного направления в районе Песчанка и Воропоново. Стальные колонны их танков давили орудия и людей, которые своевременно не прекратили огонь и не сдались. Но и теперь еще изможденные немецкие части кое-где оказывали ожесточенное сопротивление, а под Воропоновым им даже временно удалось еще раз отбросить противника. Однако ничто уже больше не могло задержать быстрое приближение рокового конца. С Татарского вала по направлению к Волге устремился ударный танковый клин, который, пробивая насквозь остатки разбитых соединений и отходящие колонны автомашин, рассек наш котел на северную и южную части. Это случилось 26 января. Я сам был очевидцем прорыва и вызванного им сплошного хаоса. Теперь русские совершенно спокойно начали в

направлении с юга на север по кусочкам уничтожать набитый продолжающими оказывать сопротивление людьми, болезнями и смертью мешок, который тянулся вдоль Волги почти на 20 километров. Уже спустя два дня после прорыва танков с западного направления к Волге советские войска еще раз расчленили на две части южную группировку котла, тем самым перерезав многие важные коммуникации 6-й армии.

Никаким официальным приказом даже не пытались положить конец надвигавшемуся распаду, хаосу и массовой гибели. До того как немецкие войска панически хлынули в Сталинград, в штабах по инициативе командования армии еще раз всерьез обсуждался отчаянный план прорыва из окружения. Очевидно, после допущенных тяжелых ошибок кто-то все еще намеревался действовать на свой страх и риск. Предполагалось разорвать кольцо окружения путем прорыва еще боеспособных частей во всех направлениях. Целью прорыва должно было стать соединение с южным и западными участками немецкого фронта. Если бы этого не удалось достигнуть, то, как, видимо, полагали, все же имело бы смысл вызвать замешательство в тылу неприятельского фронта. Но это был безумный план саморазвала и самоуничтожения, который не учитывал многих печальных обстоятельств окружающей действительности и перед лицом катастрофического положения войск выглядел как насмешка. Он также совершенно сбрасывал со счета огромные толпы оставшихся бы в этом случае на произвол судьбы больных и раненых. Поэтому план с возмущением был отвергнут всеми армейскими корпусами.

Правда, командование армии в связи с катастрофическим положением еще раз обращалось к главному командованию сухопутных сил и просило безотлагательно разрешить капитуляцию, которая, возможно, могла бы предотвратить полнейшее разложение и его самые худшие последствия. Ответом было непреклонное «нет» Гитлера. Командующий армией и на этот раз повиновался приказам и указаниям главной ставки, хотя он давно уже мог убедиться в том, что якобы предпринимаемые со стороны командования сухопутных сил какие-то меры и обещанная Гитлером быстрая эффективная помощь были самым бессовестным обманом. Возможно, что Паулюс на основании поступавшей по радио информации был убежден в том, что его армия по оперативным соображениям должна быть принесена в жертву, чтобы обеспечить отход соединений Кавказского фронта или же вообще разгрузить шатающийся повсюду фронт других групп армий. «Запрещая капитуляцию! — радировал Гитлер 25 января командованию окруженной группировки. — Армия должна удерживать свои позиции до последнего человека и до последнего патрона!» Эти приказы, в которых говорилось о «незабываемом вкладе в со-

здание оборонительного фронта», а позднее с заклиняющим пафосом о «спасении Запада», остались законом для командования 6-й армии. По-видимому, принцип беспрекословного повиновения приказу и рабского подчинения фюреру играл более важную роль, чем любые оперативные соображения, опасения и сомнения. Стало быть, не могло быть и речи о том, чтобы прекратить борьбу из соображений гуманности. Генерал-полковник Паулюс и начальник его штаба, фанатизм и упорство которого были хорошо известны в штабах, настаивали на своем роковом решении. Со своей стороны многие генералы и штабы оставались исполнителями пагубных приказов. Люди в самых невообразимых условиях продолжали сражаться, страдать и умирать. Агония армии, мучительная и ужасная, после рассечения котла затянулась еще на целую неделю.

Полную бесперспективность нашего положения особенно продемонстрировали два события — рассечение нашего котла и прекращение регулярного снабжения по воздуху. Разорванной оказалась не только наша старая штабная группа, дававшая нам моральную поддержку благодаря царившему в ней товарищескому духу. Прорыв русских танков через Сталинград безнадежно искромсал и перетасовал части и штабы, рассек все связи и ускорил процесс всеобщего разложения. Командование армии перестало функционировать, взаимодействие не ладилось и значительные части армейского механизма оказались парализованными.

24 января последний транспортный самолет, битком набитый ранеными, поднялся в воздух со вспомогательного аэродрома в поселке Сталинградский, который после потери в середине месяца аэродрома в Питомнике был поспешно оборудован в результате самоотверженных усилий едва державшихся на ногах солдат тыловых служб. В общей сложности наши летчики с начала битвы в котле вывезли по воздуху около 40 тысяч раненых и специалистов. И здесь, в Сталинградском, — как ранее у последних самолетов, вылетавших из Питомника, — на взлетной дорожке разыгрывались душераздирающие панические сцены, когда русские были уже на подходе и отчаявшиеся люди штурмом брали готовые к взлету машины, цепляясь за шасси и фюзеляжи самолетов, питая безумную надежду вырваться из когтей смерти.

Снабжение по воздуху давно уже было парализовано. Прекратилось всякое централизованное распределение доставляемых на самолетах продуктов и других грузов. Поскольку о приеме новых самолетов нечего было и думать, в последнее время над площадками, освещенными прожекторами, по ночам лишь сбрасывались контейнеры с продовольствием. Однако рейсы транспортных самолетов были связаны с величайшими трудностями, поскольку летчикам после 300-километрового рискованнейшего полета над

вражеской территорией приходилось мужественно преодолевать густую завесу огня русских зениток и, кроме того, выбор целей зависел от условий погоды и поведения противника. Самоотверженная помощь неутомимых и отважных летчиков транспортной авиации в общем почти что была бесполезной. К тому же сбрасываемые с самолетов контейнеры тут же захватывали отдельные подразделения. В условиях усиливающегося разложения и приближающейся катастрофы своя рубашка была ближе к телу.

Русские со всех сторон подступали к окраинам Сталинграда. Железное кольцо уничтожения все туже стягивалось вокруг того места, где завершалась ужасная трагедия обреченной на смерть армии. Сцена действия этой ужасной трагедии таила в себе что-то жуткое и призрачное. То была гигантская груда развалин и обломков — Сталинград, более чем на 20 километров растянувшийся вдоль высокого правого берега Волги, мрачный, мертвый город, кровотокащий тысячами ран. На протяжении полугода разрушение и смерть справляли здесь свои оргии, не оставив после себя ничего, кроме разорванных каркасов домов, голых стен, вздымающихся к небу заводских труб над обширными полями обломков, сгоревших заводов, бесформенных кусков цемента, вывороченного асфальта, погнутых трамвайных рельсов, взгромоздившихся на разбитые вагоны, вздыбленного металла, искромсанных остатков деревьев в бывших скверах, на которых сохранились обломки советских скульптур, следов пожаров и тления. А под этой жуткой каменной пустыней из скелетов домов простиралось призрачное подземное царство глубоких подвалов, погребов, нор и траншей. Туда зарылась жизнь, над которой нависла мрачная тень вездусшей смерти. Это было место ужасных страданий и гибели многих десятков тысяч несчастных, покинутых, беспомощных людей. Каждая яма, каждый погреб, каждый подвал, каждое убежище были до отказа забиты.

И над всем сталинградским полем руин висел почти непрекращающийся артиллерийский и минометный огонь, который, равно как и повторяющиеся все время воздушные налеты, вызывал все новые жертвы среди сгрудившихся в центре города солдат умирающей армии, которая в последнюю неделю января переживала здесь ад на земле.

Полчище раненых и больных быстро возросло прямо-таки до чудовищных размеров. Когда русские ворвались в район Гумрака и всеобщее паническое бегство к Сталинграду достигло своего апогея, командование 6-й армии было вынуждено все-таки отменить свой прежний приказ, разрешив наконец при отступлении оставлять раненых — правда, без врачей и санитаров, что было страшной жестокостью по отношению к ним. Но пункты сбора раненых, санчасти и лазареты в городе были и без того битком за-

биты. Теперь они оказывались не в состоянии вместить всех нуждающихся в помощи. Пожалуй, добрую половину оставшихся еще в живых, то есть свыше 50 тысяч человек, составляли больные и раненые, и тысячи людей оставались без ухода и помощи, так как не хватало перевязочного материала, медикаментов, морфия, помещений. Напрасно бесчисленные умирающие молили дать им какое-нибудь средство, которое утолило бы боль или вообще положило бы конец их страданиям. Врачи, санитары и похоронные команды не справлялись с порученным им делом.

Раненые и умирающие тысячами лежали повсюду, стонущие, хнычущие, замерзающие, бредящие, молящиеся. Но большинство их покорно примирились с выпавшими на их долю страданиями и впали в апатию. Они лежали вплотную друг к другу в подвалах разрушенных зданий, у вокзала, вокруг площади Павших Борцов, в элеваторе, в подвалах театра, бывшей городской комендатуры и в бесчисленных других подземных убежищах и норах среди гигантской груды руин, которая называлась Сталинградом. Изнуренные, они не могли больше сопротивляться даже легким заболеваниям, не говоря уже о сыпном тифе, дизентерии, желтухе и других болезнях, которые косили армию. Промерзлая, как камень, земля не принимала бесчисленные трупы. Мертвецов попросту засыпали снегом или складывали штабелями где-либо по углам. Никто их больше не регистрировал и никто более не интересовался их личными номерными жетонами. Ужасный конец постигал брошенных на произвол судьбы больных и неподвижных раненых, находившихся в развалинах, которые обрушивались или загорались под градом бомб и снарядов. Во время артиллерийского обстрела загорелось многоэтажное здание комендатуры центрального района Сталинграда, превращенное в лазарет, битком набитый больными и ранеными. После неопишуемой паники и отчаяния, охвативших находившихся там людей, сплошное море огня вскоре поглотило это пристанище ужаса.

Ничего удивительного, что после почти 70 дней тяжелых боев, преисполненных невероятных мук и лишений, физический и моральный упадок окруженных войск начал повсюду выражаться в таких прискорбных явлениях, которые до этого были нам не знакомы. В подземных убежищах тут и там среди больных и раненых прятались здоровые и боеспособные солдаты. Участились случаи нетоварищеского поведения, кражи продуктов, неповиновения командирам, вплоть до открытого мятежа. По лабиринтам подземных развалин слонялись солдаты из различных дивизий, отбившиеся от своих частей или самовольно покинувшие их, мародеры и «заготовители», на собственный страх и риск отправившиеся на добычу чего-либо съестного и стремящиеся увильнуть от направления на передовую. Они прекрасно знали, что сбрасываемые с

самолетов контейнеры с продовольствием падают не только на специально предназначенные для этого площадки. В развалинах домов и в темных дворах, на протоптанных через обломки и щебень тропинках и в траншеях иногда можно было найти и припрятать кое-что из съестного, потому что иной раз сверху вместо мин со свистом падали связки колбасы, буханки хлеба в целлофановой упаковке и пачки шоколада, которые попросту разбрасывали с самолетов. Элементарный инстинкт самосохранения не оставлял места для размышлений о справедливости и несправедливости. Так же как стиралась разница между фронтом и тылом, начинало стираться и различие в чинах и должностях.

В последнее время в Сталинграде было введено чрезвычайное военно-полевое законодательство, предусматривавшее самую тяжкую кару за любой проступок. Мародеров предписывалось расстреливать в 24 часа. Были введены офицерские патрули, и рыскавшие полевые жандармы с металлическими бляхами на груди имели приказ принимать самые беспощадные меры. В результате этого не одна сотня немецких солдат, не устоявших перед обрушившимися на них бедствиями, погибла под немецкими же пулями.

И все же о деморализации войск в подлинном смысле этого слова нельзя было говорить. Слишком велики были царившие повсюду страдания и связанная с этим полнейшая апатия. По этой же причине нельзя было говорить и о самоотверженности в бою, и героическом сопротивлении. Конечно, кое-где совершались отдельные подвиги и встречались проявления личной боевой инициативы и самопожертвования. Но в общем и целом до самого горького конца повсюду царила тупая покорность неотвратимой судьбе. То был скорее безмолвный героизм примирения со своей участью, героизм страдания и терпения. При этом едва ли были случаи, когда кто-либо погибал подлинно солдатской смертью, сознательно жертвуя собой ради других. Правильнее было бы, пожалуй, говорить о последней самозащите отчаяния, продиктованной инстинктом самосохранения, или же о медленном угасании давно уже обессиленных, измотанных, замученных людей.

И с этой массой подкошенных голодом, измученных морозом людей, на которых уже лежала печать смерти, продолжали бессмысленное сопротивление. Руководящие штабы по-прежнему ставили боевые задачи, приказывали предпринимать контратаки, строго запрещая частичную капитуляцию или другие самовольные действия, к которым намеревались прибегнуть отдельные подразделения. Не забывали и о пополнении для фронтовых частей. Эта печальная забота была возложена на так называемые «команды по сбору героев», которые повсюду прочесывали подвалы, погреба и выдолбленные в земле норы, с тем чтобы вытащить оттуда всех

еще боеспособных солдат. И люди, которых извлекали из наполненных вонью и дымом подземных убежищ и нор, ничем не отличались от тех изможденных, жалких фигур, которые маячили на сборных пунктах для отбившихся от своих частей или среди сновавших повсюду солдат с неумытыми, заросшими, впалыми щеками, не имевших сколько-нибудь пригодного зимнего обмундирования, выбившихся из сил и зачастую ковьявших на полумороженных ногах. Таково было это с горем пополам собранное пополнение, которое, подкрепившись у полевых кухонь жидким супом и тощей кониной, направлялось на передовую, чтобы продлить сопротивление до последнего патрона. Это были уже не солдаты, а жалкие человеческие развалины, которых снова гнали навстречу противнику для того, чтобы удержать «крепость Сталинград» и, без колебаний пожертвовав ими, еще немного оттянуть окончательную катастрофу. Если отдельные фронтовые офицеры из сострадания к измученным, потерявшим боеспособность людям и воздерживались от выполнения некоторых приказов, то в общем-то не было видно конца этой массовой бойни, ибо приказ командования армии сопротивляться до последнего человека оставался в силе. Бесчеловечное и безжалостное жертвоприношение продолжалось.

Мы слушаем панихиду по самим себе

В гигантской могиле Сталинграда все убежища, норы, погреба и сводчатые подвалы были до предела забиты людьми. Вход в наш подвал закрывался опускающейся дверью, которая защищала от холода. Вокруг вначале стояли еще кое-как сохранившиеся дома. Это было северное предместье города — Спартаковка. Неподалеку, в развалинах тракторного завода, обосновался командир отрезанной от остальной группировки северной части мешка, генерал Штрекер. Вместе со своими грендерами он было решил сопротивляться до конца. Наша маленькая оторвавшаяся от корпусного штаба группа оказалась без дела и потому подчинялась непосредственно штабу Штрекера. Нам поручили обеспечить работу центрального пункта по сбору отбившихся солдат в северной части мешка. Заправляя этими делами очень энергично наш корпусной адъютант, пожилой полковник, из традиционного прусского офицерского рода. Его лихорадочная деятельность на этом поприще была порождена не только чувством долга, но и потребностью чем-то отвлечь себя от окружающей действительности.

Выполняя отдельные поручения, я побывал в различных пунктах боев. Я бродил среди страшных развалин, вид которых приводил меня в ужас. Картины, которые я наблюдал, долго

преследовали меня, не давая покоя под мрачными сводами подвала, где железная печурка дарила нам благодатное тепло. Там проходила наша скудная трапеза, и мы торжественно и медленно съедали по кусочку добытой конины и 50 граммов хлеба. Дух товарищества скрашивал нашу жизнь, помогая перенести трудности, которые в одиночку едва ли можно было выдержать. Мы, офицеры разгромленного штаба, в еще большей степени понимали страшную ситуацию, и это усиливало в нас чувство безнадежности и одиночества.

В мои обязанности входил сбор всей возможной информации об обстановке. Поэтому я поддерживал тесные контакты со штабом Швабской дивизии, которая ранее входила в состав нашего корпуса, а теперь расположилась неподалеку от нас в лабиринте подвалов. Там я бывал у своих старых знакомых из разведотдела. Им удалось во время бегства спасти военный передатчик-приемник, и теперь он нам пригодился.

Утром 30 января, как обычно, в блиндаже разведотдела царило похоронное настроение. Начальник отдела, уже давно впавший в пессимизм капитан, был мрачнее обычного. Его рослый помощник, сильно ослабевший от голода и заметно постаревший, как всегда, жевал хлебные зерна, которые он бережно хранил в специальной пакетике. В подвале собрались офицеры штаба. Все мы пришли послушать речь Геринга, на которую, правда, не возлагали никаких надежд, ибо надеяться было уже не на что. Узнает ли сегодня Германия всю страшную правду о немецкой катастрофе на Волге? Быть может, эта речь — хотя бы маленькое утешение, и мы расскажем о ней нашим товарищам!

Эфир донес до нас бравурную музыку марша, которая была прелюдией в берлинском министерстве авиации к торжественному заседанию по случаю десятилетней годовщины третьего рейха. Среди сталинградских развалин эта праздничная музыка резко диссонировала нашему погребальному настроению. Вскоре слышался голос Геринга. В своей длинной речи, которая то и дело заглушалась грохотом падающих вокруг нас бомб и снарядов, от которых дрожали стены убежища, рейхсмаршал превозносил «фюрера и его титаническую деятельность, силу нового, твердого, как гранит, мировоззрения, которое, в частности, в упорных сражениях на Востоке позволило достичь того, что казалось невозможным». Затем он говорил о противнике и о гигантских масштабах сражений у волжской твердыни, где русские, невзирая на то что их силы давно уже на исходе, предпринимают последние отчаянные усилия. Правда, противнику еще удалось собрать последние резервы из подростков и обессиленных стариков, влив их в состав передовых батальонов. Этих изголодавшихся, дрожащих от холода людей держат в повиновении лишь с

помощью кнута и пистолета, и гонят их в бой комиссары при помощи пулеметов. «Этот фанатический натиск диких большевистских орд», продолжал Геринг, сдерживается на Волге в величайшей за всю немецкую историю героической борьбе, в которой как один участвуют все — от солдата до генерала. Геринг сравнил беспримерный героизм и доблесть солдат 6-й армии с немеркнущим подвигом Нибелунгов, которые в своем охваченном огнем чертоге утоляли мучившую их жажду собственной кровью и стояли насмерть. Даже через тысячу лет каждый немец будет со священным трепетом и благоговением говорить об этой битве, памятуя о том, что именно так вопреки всему ковалась немецкая победа. До предела взвинченным, дрожащим голосом оратор напомнил о героическом примере последних готтов и, наконец, о знаменитом подвиге спартанцев в Фермопильском ущелье, которые не дрогнули и не отступили, пока не полегли все до одного. Точно так же обстоит дело и в Сталинграде. Подобно царю Леониду и его соратникам, защищавшим греческий перевал, немецкие герои на Волге полягут костями ради Германии, как то повелевают законы чести и ведения войны.

На протяжении этой напыщенной и насквозь лживой захлебывающейся в истерическом экстазе речи реакция глубоко разочарованных и возмущенных офицеров становилась все более враждебной. В их взглядах, жестах и словах явно прорывался закипающий гнев. Те, кто, возможно, до самого последнего момента уповал на обещанное спасение, теперь с растущим ужасом осознали, что на родине, где родные все еще надеются увидеть их, 6-ю армию окончательно списали со счета. Все мы поняли, что сейчас прослушали панихиду по самим себе.

Стало быть, от нас хотели, чтобы мы преподнесли в подарок к десятой годовщине третьего рейха новый героический эпос. Несомненно, кое-кто попросту намеревался нажить политический капитал на нашем катастрофическом военном поражении, виновником которого было верховное командование, и в частности сам Геринг со своими невыполнимыми легкомысленными и хвастливыми обещаниями обеспечить наше снабжение по воздуху. Омерзительная попытка окурить фимиамом мучительную гибель 6-й армии и создать ореол героизма вокруг того, что было издевательством над всеми законами человечности, наполняла меня гневом и отвращением. Во время этой речи мне представилась во всей своей наготе картина всеобщего распада, хаоса и агонии многих десятков тысяч людей, испытывающих неописуемые страдания. Если бы меня не окружала страшная действительность, все это казалось бы мне кошмарным сном. Не были ли слова Геринга ударом ножа в сердца наших родных и близких, которые теперь

лишатся всякой надежды на наше спасение? Итак, на родине нас уже официально похоронили!

Создание героической легенды вокруг нашей 6-й армии и ее мифическое прославление имели своей целью скрыть страшную правду. То, что первоначально представлялось героическим подвигом немецкого солдата на Волге, давно уже превратили в безответственную массовую бойню, которая по приказу верховного руководства продолжалась до горького конца. Патетическое словословие явно имело целью отвлечь внимание от катастрофических последствий преступно-дилетантского ведения войны и воспрепятствовать тому, чтобы возник вопрос о виновниках этого преступления.

Списаны и похоронены! Таково было удручающее впечатление от кошунственной речи Геринга на нас, корчившихся в муках сталинградского ада. Эта речь выглядела как последний циничный окрик и приказ до конца следовать примеру спартанских героев.

Когда я под разрывами мин возвращался к себе в подвал, мне снова припомнились речи Гитлера, произнесенные им прошлой осенью, и мне стало ясно, по каким причинам 6-й армии неизменно запрещали любую попытку прорыва и отступления, не позволяли и думать о свободе действий и капитуляции. Сохранение политического и военного престижа требовало нашей гибели! Отсюда вытекали бессмысленные приказы сопротивляться до конца. Именно на этом настаивала главная ставка Гитлера, после того как любая эффективная помощь для нас стала невозможной и исчезли предпосылки для достойного продолжения борьбы 6-й армии, лишившейся всякого снабжения. Пронзительный голос рейхсмаршала еще долго звучал в моих ушах. С отвращением я мысленно возвращался к его призывам последовать примеру спартанских героев в Фермопильском ущелье и к другим чудовищным сравнениям, которыми изобиловала его речь. Я инстинктивно чувствовал, что героической рамкой пытаются окантовать преступление, замаскировав его словами о национальной чести. Приходилось ли когда-либо людям, обманутым в своей вере и преданности, в столь ужасной степени чувствовать на собственной шкуре чудовищное несоответствие между потоком напыщенных фраз и страшной действительностью, как это довелось почувствовать нам? В те дни я испытывал страстное желание, чтобы на родину вернулось как можно больше уцелевших участников битвы, которые могли бы рассказать всю правду о Сталинграде и воспрепятствовать возникновению неуместных солдатских или национальных легенд.

Особенно мучительным для меня было сознание того факта, что все командные инстанции и штабы окруженной группировки, в сущности, имели лишь одну задачу — обеспечить героическую позу во время массовой бойни и эффектное завершение трагедии.

Бесславный конец

Первого февраля нам стало известно, что главнокомандующий 6-й армией Паулюс вместе со своим штабом и двумя южными группировками немецких войск в котле капитулировал и сдался в плен. В последний момент он получил звание генерал-фельдмаршала. Это повышение в час окончательной катастрофы содержало в себе нечто гротескное и явилось одновременно благодарностью свыше и прощанием. Однако того примера героизма, которого ожидали от него в гитлеровской ставке, злополучный фельдмаршал так и не дал.

Сообщения немецких газет и радио в унисон с речью Геринга позднее пытались создать впечатление, будто фельдмаршал в тот момент, когда в его убежище ворвались русские, собственноручно сжигал секретные документы, а генералы якобы до последнего момента лежали у пулеметов и продолжали отстреливаться, но были скручены навалившимися на них врагами. Соответствующие картинки старались показать немецкому народу и иллюстрированные журналы, публиковавшие с этой целью фальсифицированные фотографии. Однако в действительности дело обстояло иначе. Мы подсчитали, что из южного и центрального участков котла в плен вместе со своими штабами сдалось более 15 генералов. Вскоре Московское радио сообщило более точные цифры и назвало имена. О том, что многие из этих генералов и старших офицеров направились в плен даже с тщательно упакованными большими чемоданами, я узнал лишь позднее.

Переводчик фельдмаршала, прибалтийский зондерфюрер в чине капитана, рассказывал мне подробности о том, как протекала капитуляция армейского штаба. Капитуляция состоялась после предварительного установления контакта с передовыми советскими частями в подвале универмага... Впавший в прострацию главнокомандующий полностью уступил инициативу начальнику своего штаба. И генерал Шмидт, который до последнего момента считался душой сопротивления, теперь предпринял все, чтобы избежать продолжения боевых действий на собственном командном пункте и без осложнений осуществить строго запрещавшуюся до этого капитуляцию. Разговор был недолгим, и никто ничего не подписывал. Там просто прекратили сопротивление и сдались победителю, не беспокоясь о дальнейшей судьбе еще оставшихся боевых групп. Фельдмаршал под конец выразил пожелание, чтобы русские рассматривали его как частное лицо. Тем самым он отрекся от официальной роли, которую он до этого играл в военно-политических интересах верховного военного руководства, и, будучи внутренне сломлен, отказался от своего полководческого жезла. Он был увезен в за-

крытой автомашине, и ему не пришлось больше видеть вопиющую к небу принесенную в жертву армию.

Уже за несколько дней до этого командование 6-й армии практически прекратило руководить войсками. Один из последних дошедших до нас приказов гласил, что необходимо бороться за каждую пядь земли и оборонять командные пункты. Теперь, стало быть, там, на южном участке котла, вопреки воле Гитлера и всем ранее изданным приказам борьба была прекращена, тогда как на нашем участке продолжалось бессмысленное кровопролитие.

Известие об этой капитуляции пробудило во мне прежние тайные опасения, сомнения и страхи, которые за последние недели неотступно мучили меня. В глубине души я все больше восставал против некоторых царивших в армии представлений о долге повиновения, о чести и дисциплине, которые до самого последнего времени находили свое проявление в действиях командования нашей армии. Чувство возмущения и болезненное сознание того, что я своими личными действиями не могу ничем изменить положение, стали для меня теперь почти невыносимыми. Был ли это всего-навсего восставший инстинкт самосохранения моей эгоистической личности? Или то была попросту измена солдатскому долгу с моей стороны, малодушие и трусость в тот момент, когда дело приняло дьявольски серьезный оборот? И вот теперь во мне снова ожили терзающие чувства и мысли, под влиянием которых я в начале войны спрашивал себя: для чего и для кого ты должен принести эту жертву? Аналогичный вопрос, в сущности никогда не покидавший меня, вновь возник передо мной во весь свой исполинский рост, во имя чего сражалась вся армия. Дрались ли мы здесь, в Сталинграде, как и всюду, решая благородную, возвышенную, священную задачу, добываясь нравственно оправданной цели, ради достижения которой нужно было проявить самоотверженность и пожертвовать собственной жизнью? Могли ли солдатская честь и долг повиновения требовать от нас как нечто само собой разумеющееся такого сверхчеловеческого упорства при отстаивании проигранного дела, обрекая армию на невыразимые страдания и жестокую смерть? Действительно ли эта безмерная жертва могла иметь решающее для исхода войны значение и могла ли она принести пользу Германии и нашему народу? Не представляла ли она собой заведомо чересчур высокую цену за осуществление тех оперативных замыслов, которые преследовало верховное руководство? Давно назревавшие во мне опасения превратились в ужасающую уверенность: то, что происходило здесь, в Сталинграде, было трагически бессмысленным жертвоприношением и трудно вообразимым предательством по отношению к храбрым, самоотверженным солдатам. Те, кто нес ответственность за эту ка-

тастрофу, самым постыдным образом злоупотребили нашим доверием. Мы были обмануты, введены в заблуждение и обречены на бесславную гибель. Солдаты умирали во всем разуверившиеся, чувствуя, что их предали. В моем сердце росло мучительное сознание бесцельности и бессмысленности всего того, что происходило вокруг. Передо мной раскрылась роковая бессмысленность вообще любой войны. Отчетливее, чем когда бы то ни было, я представил себе бездну горя и слез, выпавших также и на долю других народов и других стран Европы, которым немецкий солдат и немецкое оружие принесли бесконечные несчастья. Не мы ли, недавние победители, слишком легко закрывали глаза и сердца, забывая, что везде и всегда речь идет о живых людях, об их достоинстве и об их человеческом счастье? Пожалуй, лишь немногие из нас думали о том, что страдания и смерть, порожденные нашим печальным военным ремеслом, однажды достигнут и нас самих. Мы несли свою тотальную войну во все уголки Европы, пагубным образом вторгаясь в судьбу других народов. При этом мы слишком мало интересовались причинами, необходимостью и правомерностью того, что происходило, и мало думали о неизмеримости взятой нами на себя тем самым политической ответственности. Мы сеяли горе и смерть, и сейчас они безжалостно повернулись против нас самих. Степь у Дона и Волги впитала в себя потоки драгоценной человеческой крови. Здесь нашли свою могилу сотни тысяч людей: немцы, румыны, итальянцы, русские и представители других советских народов. Русские тоже, безусловно, принесли чудовищно высокие кровавые жертвы в этой жестокой Сталинградской битве. Но они, защищая свою родину от чужеземных захватчиков, знали, за что они отдавали свои жизни. Особенного сострадания заслуживали несколько тысяч пленных красноармейцев, которые, находясь за колючей проволокой в лагере Воропово и испытывая голод и лишения, вынуждены были погибать вместе с нами. Тяжелые мысли, которые неотступно преследовали и терзали меня, привели меня к пониманию, насколько же притупились наши чувства, если мы могли примириться с повсеместным безграничным пренебрежением к человеческому достоинству и человеческой жизни и насилием над ними. Но одновременно во мне росли ужас и отвращение перед этим чудовищным Молохом, перед войной, которая с самого начала находилась в непреодолимом противоречии со всеми нашими нравственными и религиозными устоями.

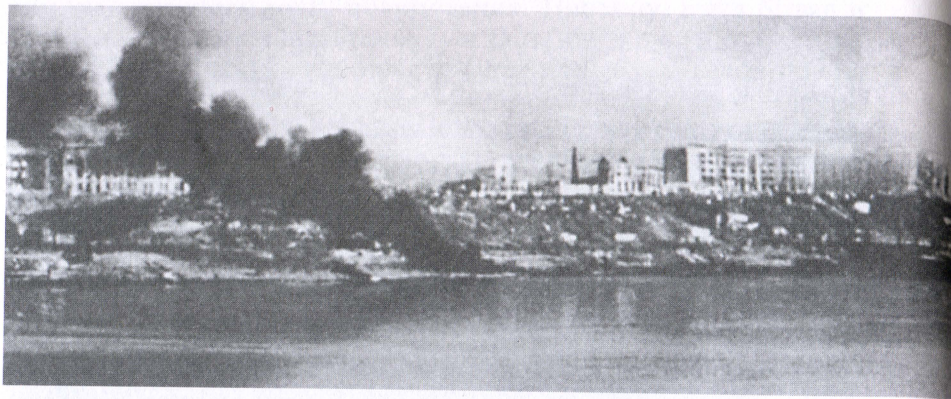
К неописуемым физическим страданиям в дни, предшествующие гибели нашей 6-й армии, прибавилась таким образом еще и глубокая душевная боль, которая терзала сердца беспомощных, обреченных на гибель людей, а также острые душевные конфликты, порожденные голосом совести, и не только в

том, что касалось долга повиновения. Повсюду, где я бывал и куда ни бросал взор, я видел одну и ту же картину. И то, что я узнал об этом потом, еще больше укрепило создавшееся у меня впечатление. Те, кто отчетливо не представлял себе истоков и причин катастрофы, догадывались о них в своем мрачном отчаянии. Теперь уже многие офицеры и командиры возмущались исходившими из ставки «фюрера» и спускавшимися командованием армии дальше безумными приказами. Тем самым они отнекались от давно выхолащенных понятий о воинской чести и дисциплине, за которые руководство армии цеплялось до самого конца. В беспрекословном повиновении, которое роковым образом поддерживалось здесь, в Сталинграде, они стали усматривать не проявление солдатского духа, а лишь безответственность. Столь необычные бедственные условия, в которых мы находились, в конце концов не могли быть поняты в удаленной от нас на две тысячи километров ставке Гитлера, хотя она, во всяком случае до 20 января, получала регулярную информацию от одного специально прикомандированного к окруженной группировке офицера генерального штаба. В такой обстановке принцип чисто солдатского повиновения неминуемо таил в себе опасность того, что при принятии ответственных решений не будут иметь никакого веса личные взгляды и предательства о нравственности, а возможно, и совесть. Во всяком случае, при этом совершенно отеснялось чувство человеческого долга.

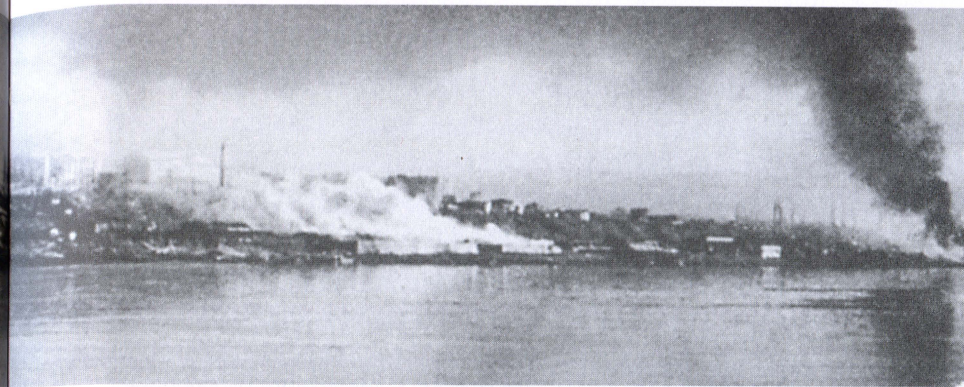
Приказ сопротивляться до последнего человека и до последнего патрона так никогда и не был отменен. Официально до конца возбранялось предоставлять свободу действий отдельным военнослужащим или целым группам, и попытки прорыва в одиночку расценивались как дезертирство. С политико-моральной стороны, однако, было примечательно, что вопреки приказам свыше мысль о возможности действий на собственный страх и риск получала все большее распространение. Нам было известно, что повсюду, вплоть до штаба армии, со всей серьезностью вынашивались и подготавливались планы прорыва. В последнее время то здесь, то там начали предприниматься даже попытки осуществить эти планы, что было уже открытым неповиновением. В противовес имевшимся приказам укреплялась точка зрения, что при полной безнадежности положения вполне допустимо предпринять попытку прорыва через вражеский фронт. По мере приближения конца свобода решения и действий стала рассматриваться во многих штабах и частях как нечто само собой разумеющееся. Некоторые группы поспешно упаковывали свои походные ранцы или рюкзаки и кидались в безумные авантюры, которые могли кончиться лишь их неизбежной гибелью.

Сталинград. Август 1942 года

Немецкие войска в большой излучине Дона

Минометчики и артиллеристы ведут огонь по врагу с восточного берега Дона

«За Волгой для нас
земли нет!»

Орудийный расчет ведет
бой на одной из улиц

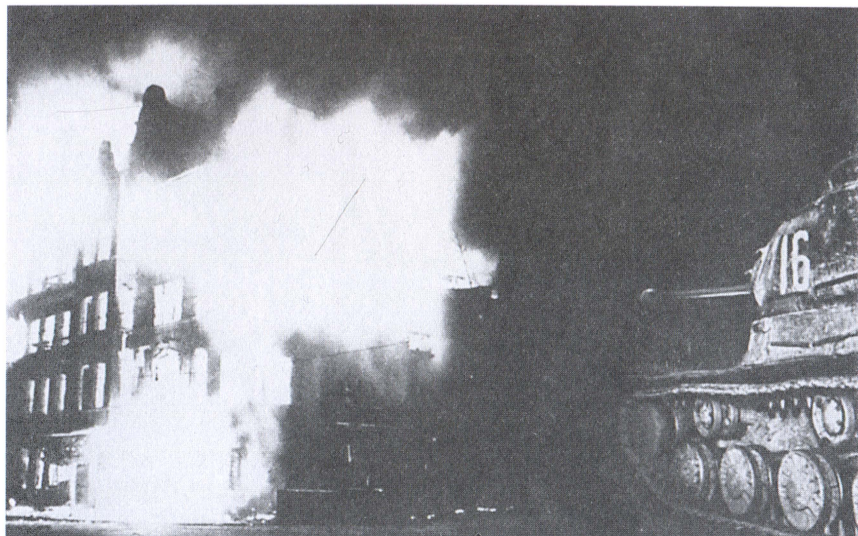

Уличный бой

Ночной бой в городе

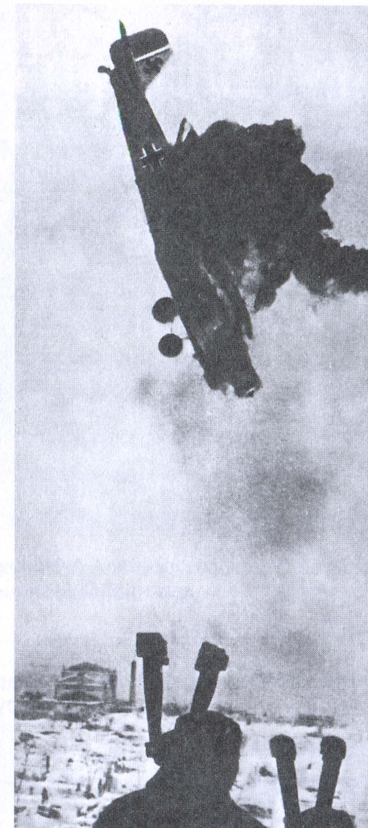
На этих танках враг рвался
к Сталинграду и не прошел ➤

Воины 13-й гвардейской дивизии
врываюся в дом, занятый немца-
ми

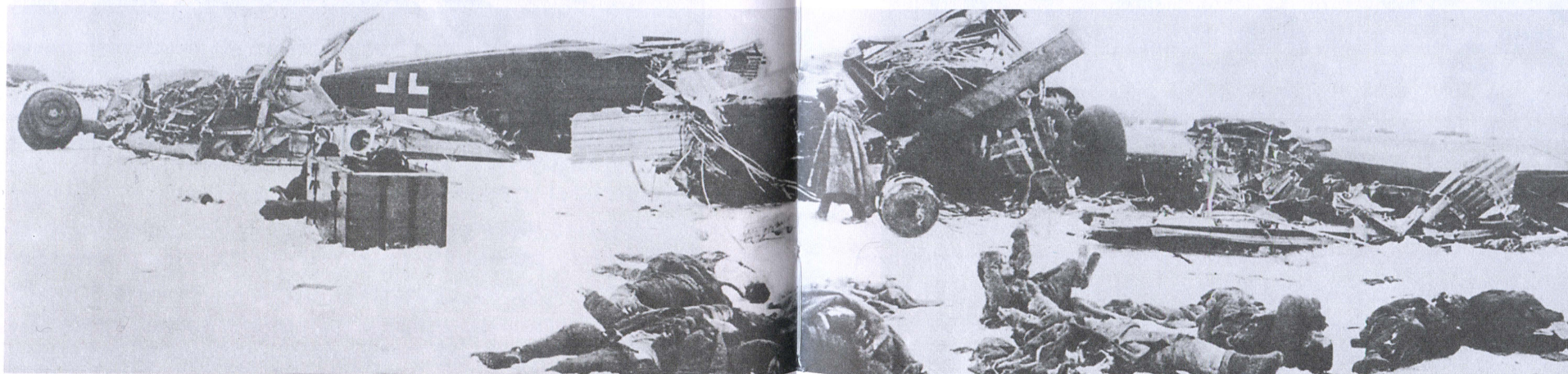

Этот самолет не прорвался к окруженным войскам фельдмаршала Паулюса

◀ Бой в куполе водостойных баков на Мамаевом кургане

Вражеский аэродром в районе Сталинграда после удара советской авиации

В штабе Донского фронта: А.А. Новиков, К.К. Рокоссовский, Н.Н. Воронов, К.Ф. Телегин, М.С. Малинин и В.И. Казаков. 1943 год

Встреча войск Юго-Западного и Сталинградского фронтов во время окружения немецко-фашистской группировки. 23 ноября 1942 года

Фельдмаршал Ф. Паулюс получил возможность встретиться со своими бывшими подчиненными генералами, тоже пленными

Немецкие солдаты в Сталинградском котле. Декабрь 1942 года

Одно из многих немецких кладбищ под Сталинградом

А этим повезло — они остались живы, сдавшись в плен ...

Знамя Победы над освобожденным Сталинградом

Вручение почетного меча — дара короля Великобритании Георга VI — гражданам Сталинграда в Тегеране 29 ноября 1943 года в ознаменование разгрома гитлеровских захватчиков

Мамаев курган. Главный маршал артиллерии Н.Н. Воронов рассказывает президенту Франции Шарлю де Голлю о ходе Сталинградской битвы. 1966 год

Город-герой Сталинград

Поскольку не было централизованных приказов, многие сохранившие чувство ответственности командиры подразделений в последнее время действовали по собственному усмотрению, с тем чтобы положить конец бессмысленному кровопролитию. На окраинах Сталинграда — сперва на южной — мелкие и более крупные группы самостоятельно попросту прекращали сопротивление и капитулировали. Нашлась даже одна целая дивизия — конечно, к тому времени растаявшая до жалкой маленькой кучки, — которая с генералом во главе в полном боевом порядке сдалась в плен. На других участках в царившем хаосе одни капитулировали, а другие продолжали стрелять.

Многие отчаявшиеся солдаты и офицеры 6-й армии в последнее время искали выхода в самоубийстве или в добровольной смерти под пулями. Мы слышали о двух генералах, чьи действия потрясли нас. Один из них, командир дивизии из Дрездена, застрелился после того, как распрощался с сыном, молодым лейтенантом. Другой, командир дивизии из Нижней Саксонии, которая имела в качестве эмблемы четырехлепестковый клеверный лист и поэтому считалась «везучей», вышел с винтовкой в руках на переднюю линию и погиб, потому что не хотел пережить гибель своей части.

В подразделениях бытовали и распространялись самые противоречивые воззрения по поводу того, что допустимо и что нет. Одни говорили, что самоубийство — это такое же нарушение солдатского долга, как и капитуляция или сдача в плен. Другие же утверждали, что после такой храброй борьбы и в том безнадежном положении, в котором мы оказались не по своей вине, поступать так отнюдь не возбраняется.

Одни продолжали сражаться, судорожно стараясь выполнить свой солдатский долг, беспощадно поддерживая повиновение и дисциплину, другие же в отчаянии кончали самоубийством, бунтовали, капитулировали, и немцы стреляли в немцев, которые хотели сдаться в плен. Но большинство же действовало в состоянии тупого фатализма или же вообще бездействовало, покорно страдая и умирая. Подлинный солдатский дух с его добродетелями давно уже был искажен до неузнаваемости. Мужество и героизм стали, вообще говоря, лишь жестом отчаяния. До самого последнего момента сказывалось отсутствие избавительного решения, которое по приказу сверху достойным образом положило бы конец этому невыносимому положению.

Капитулировав ранним утром 31 января, наш главнокомандующий еще задолго до этого выпустил из своих рук руководство событиями. Борьба была прекращена только для него, его штаба и ближайшей свиты. Не издав последнего приказа по армии, не сказав ни единого слова прощания или благодарности своим вой-

скам, которые с нечеловеческим упорством прошли сквозь все бои и лишения, новоиспеченный фельдмаршал сошел со сцены и отправился в плен. Бесславный конец!

К счастью, нам тогда не довелось узнать о радиограмме, которую наш главнокомандующий от имени 6-й армии незадолго до конца послал лично в адрес Гитлера в связи с 10-й годовщиной прихода к власти национал-социалистского режима. Эта поздравительная телеграмма, в которой говорилось «о развевающемся над Сталинградом знамени со свастикой» и о том, что отказ капитулировать явится примером для соотечественников на родине и для грядущих поколений, видимо, была предназначена для того, чтобы дать в руки политического и военного руководства материал для пропаганды и для создания мифов. Если бы мы услышали о телеграмме, то мы в кругу наших товарищей не поняли бы этого судорожного жеста, вероятно порожденного полным отчаянием. Больше того, мы с негодованием отвергли бы такой шаг. И сколько других солдат 6-й армии были бы солидарны с нами в этих чувствах!

Когда и при каких обстоятельствах мы закончим путь? Таков был робкий вопрос, который беспокоил нас, находившихся на северном участке котла. И мы мучительно искали ответ. Почему фельдмаршал не капитулировал вместе со своей армией и почему он не захотел путем организованной сдачи в плен положить конец бессмысленному сопротивлению? Ведь, очевидно, была все-таки возможность своевременно подготовить соответствующие меры. И почему он под конец не отменил по крайней мере приказы сражаться до последнего патрона и не предоставил свободу действия другим, когда он сам со своим штабом вышел из войны? Теперь русские бросят против нас свои освободившиеся силы и, очевидно, постараются выместить на нас свою ярость, вызванную нашим сопротивлением. Мы чувствовали себя одинокими и отчаявшимися, покинутыми родиной и собственной армией, на пороге между жизнью и смертью. Так мы в тупом ожидании с трепетом старались заглянуть в будущее.

Взгляд в бездну

В мучительном бездействии и отчаянии, сбившись в тесную кучу под сводами подвала, мы ожидали конца. В любой момент еще до прихода победителей нас мог прикончить какой-нибудь снаряд или авиационная бомба. Русские сразу же после ликвидации южной части котла перегруппировали свою артиллерию и со свирепой решимостью открыли убийственный огонь по северной окраине Сталинграда, где мы находились. Последнее гнездо сопротивления, оборонявшиеся остатками примерно шести раз-

громленных дивизий и присоединившихся к ним разрозненных групп из других частей, которые были брошены на произвол судьбы капитулировавшим командованием армии, должны были теперь принять на себя всю силу ударов вражеской авиации, артиллерии и минометов. Вокруг непрерывно гремели взрывы, от которых сотрясались своды нашего убежища, и густые тучи песка и пыли то и дело сыпались на людей, пребывавших в смертельном страхе. Время тянулось невыносимо медленно. Казалось, оно остановилось или, еще вернее, медленно погружается в бездонное море страданий.

Не только страх перед близящимся концом, не только терзавшие меня голод и боль в обмороженных конечностях были причиной того, что последние бесконечно долгие часы в котле превратились для меня в адскую муку. При всем физическом изнеможении я находился в состоянии нервной взвинченности, которая, обострив мои чувства, помогла мне заглянуть в пропасть нескончаемых бедствий, во всю ужасающую глубину нашего грехопадения. Близость смерти сорвала с моих глаз последнюю повязку, и внезапно я с поражающей ясностью осмыслил разрозненные многолетние наблюдения, впечатления, мучительные размышления и восприятия. Теперь, на грани между жизнью и смертью, война, принявшая для нас самый ужасный оборот, предстала передо мной в роли неумолимого разоблачителя всего, что происходило вокруг. Противонравственная сторона войны и бессмысленность ее, как, впрочем, и всего нашего рокового заблуждения вообще, которое логически привело нас в этот ад, со всей отчетливостью стала ясна мне. И я чувствовал себя участником разыгрывавшегося вокруг шабаша ведьм, в котором был повинен и я. Сознание этой вины свинцовым грузом висело на мне, отягощая мое сердце и совесть.

Чудовищные картины гибели, не дававшие мне покоя ни днем, ни ночью, проходили перед моим мысленным взором, образуя бесконечную кровавую мясорубку. Картины далекого прошлого и переживания, которые внезапно ожили в моей памяти, предстали передо мной как логически связанные между собой звенья одной и той же роковой цепи. В том, что уже раньше пробуждало во мне недобрые предчувствия и опасения и что с давних пор постоянно беспокоило меня, я теперь внезапно узрел предостерегающие проявления того главного зла, которое раньше едва ли казалось возможным в таких пагубных масштабах. Речь Геринга от 30 января с ее гипертрофированным пафосом героизма, насквозь пропитанная ложью, громкими фразами и внутренней пустотой, способствовала моему окончательному отрезвлению, и с моих глаз как бы спала пелена. События вплоть до нашей трагедии на Волге, как бы озаренные внезапной вспышкой молнии, предстали передо мной

в своей взаимосвязи, и за каждой из таких речей стал вырисовываться отвратительный мирок лжи, ненависти, насилия и несправедливости, мирок, где царила бесчеловечность, мирок, слугой которого в своем заблуждении и слабости был как солдат и я. И в этой чудовищной битве я должен был принять на себя свою долю искупления. Мы сеяли ветер, теперь нам приходилось пожинать бурю.

Мне живо припомнились мучительные сомнения, которые обуревали меня, когда я в первые дни сентября 1939 года вопреки желанию был призван в армию. Тогда во мне не было и искры энтузиазма, как и веры в безусловную правоту и победу нашего дела. А сколько неразрешимых противоречий между внутренними убеждениями и долгом я испытывал в ходе войны даже на порученном мне скромном участке. Мне припомнился поход во Францию и роковая пиррова победа. Многие офицеры и солдаты вместе с миллионами немцев в Германии, опьяненные успехом победы, чувствовали себя в зените могущества. Мне попала в руки только что вышедшая книга Раушнинга о его беседах с Гитлером, где содержались разоблачения чудовищных внешнеполитических целей нацистов. Бредовые нацистские идеи установления «нового порядка» в Европе произвели на меня прямо-таки потрясающее впечатление, тем более что некоторое время спустя, заглянув за кулисы оккупационной политики на Западе, я с ужасом констатировал, что те намерения и планы, о которых предостерегал Раушнинг, начали шаг за шагом осуществляться.

Это впечатление еще больше укрепилось во мне в результате того, что я увидел на Востоке. И я еще раз вспомнил жуткое ощущение подавленности и недобрые предчувствия, которые испытывали мы в ту тревожную июньскую ночь, когда опасный авантюризм и злой рок толкнули нас на гибель в глубину бесконечных российских пространств. Не свидетельствовали ли именно эта «превентивная война» против России и растоптанный договор, в какой опасной степени немецкое руководство попросту отменяет глубоко укоренившиеся традиционные представления о праве и гуманности, которые с незапамятных времен заставили держаться в определенных рамках при осуществлении политики и в ходе войны? Как взбудоражили нас тогда, в начале войны, два бесчеловечных приказа, представлявших собой открытое поругание международного права и традиций подлинного добропорядочного немецкого солдатского духа вообще! Речь шла о том антинравственном приказе о комиссарах, который требовал физического уничтожения носителей большевистского мировоззрения в Красной Армии, и о том приказе в связи с планом «Барбаросса», который регламентировал военно-полевую подсудность и на основании которого отменялось уголовное преследование немец-

ких военнослужащих за совершенные преступления против гражданского населения в восточных областях. И если даже эти приказы были лишь приняты к сведению нашими фронтовыми штабами и там, где это было возможно, их обходили¹, то не было ли уже достаточной провинностью молчаливо принимать и терпеть эти приказы, как и кое-что другое? А что происходило в тылу сражавшихся частей? До нас доходили кое-какие недобрые слухи, и мы сами наблюдали безобразные сцены. Я слышал о жестоких карательных мероприятиях, жертвами которых наряду с виновными были и невинные, а во время поездки через оккупированную территорию я однажды видел в Минске десятки виселиц, сцены позорной бесчеловечности! Не должно ли было все это безмерное зло рано или поздно отмстить нам?

Тот факт, что недобрые проявления внутри вермахта и в действиях его представителей приняты столь широкий размах, показывал, до какой степени были нейтрализованы те силы и разрушены нравственные устои, которые когда-то обеспечивали добропорядочность и внутреннюю дисциплину подлинного немецкого солдатского духа. Жили ли еще в массе высших офицеров те благородные качества, которые раньше характеризовали старый генеральный штаб с его великими традициями, шедшими от Клаузевица к Мольтке и до Шлиффена и Бекка: консервативно-христианские воззрения, глубоко укоренившаяся этика и широкая эрудиция, выходящая за рамки профессиональных знаний и навыков. Многочисленные встречи позволили мне именно в штабах многое наблюдать в этой связи. Конечно, многих офицеров я считал образцовыми, достойными уважения солдатами и людьми. То были, как правило, представители старой школы. К их числу принадлежал и наш последний начальник штаба, об уходе которого мы так жалели. Незадолго до окружения 6-й армии он был отозван, его назначили командиром дивизии и произвели в генералы. После ранения его на самолете вывезли из котла.

Молодое поколение вермахта сплошь и рядом было иным. Здесь сказывались опасные последствия слишком быстро происшедшего, неестественного роста нацистского вермахта, как и влияние политического и идеологического воспитания. Мне довелось работать вместе со многими кандидатами на службу в генеральном штабе, большей частью молодыми капитанами, которые проходили практику и теоретическую подготовку при нашем отделе. В физическом и умственном отношении это были хорошо

---

¹ Как «обходили» немецкие штабы эти приказы, хорошо известно. Сотни тысяч мирных советских граждан были уничтожены на временно оккупированных территориях не только эсэсовцами и зондеркомандами, а и обычными подразделениями вермахта с вехом тех самых штабов, которые автор пытается реабилитировать. (Прим. ред.)

подобранные люди: прекрасные товарищи, храбрые офицеры, полные инициативы и самоотверженности. Однако подлинно глубокой образованности, твердых моральных устоев и человеческой зрелости этим довольно несложным натурам нередко недоставало. Не раз я наблюдал большие пробелы в их элементарных географическо-исторических познаниях. Гнездившиеся в их головах представления, особенно о мире за пределами Германии, в частности о нашем противнике, были в ряде случаев ужасающе наивными. Лишенные здорового политического инстинкта и воспитанные в духе беспрекословного солдатского повиновения, самоуверенные, слепо полагающиеся на свое прилежание и успехи в продвижении по ступенькам военной иерархии, они часто предавались легкомысленному оптимизму. Но такой оптимизм, которым было заражено большинство разведывательных отделов, занимавшихся изучением обстановки в лагере противника, не мог не привести к роковым последствиям.

Повсюду — и не в последнюю очередь в самых высших инстанциях и среди высоких чинов — я наблюдал те же картины: изъяны в характерах людей — мелочность и слабость, честолюбие и дешевое тщеславие. Не случайно до последнего момента катастрофы и даже вплоть до плена, в тот период, когда повсюду был ад, вопросы продвижения по службе и получения наград играли такую большую, непостижимую для меня роль.

В высших штабах большинство офицеров до самого горького конца остались такими же. Вместе со своими сотрудниками они старались добросовестно выполнять те задачи, которые были возложены на них как на специалистов. До самого последнего часа они, как виртуозы своего ремесла, продолжали «руководить» и, как этого требовали свыше, поддерживать работу командного механизма, согнувшись над своими картами, на которых абстрактное изображение обстановки штрихами и цифрами все меньше соответствовало, а часто вообще уже не соответствовало постоянно менявшейся ситуации. На отдельных участках проводились перегруппировки разгромленных частей и вооружения, которые уже больше не существовали, а штабные офицеры продолжали оперировать цифрами, за которыми скрывались всего лишь схемы и даже не было остатка боеспособной части. Там, где еще сохранялась этика старого генерального штаба, где сохранились религиозные устои и укоренившиеся в классическом немецком идеализме взгляды на свободу нравственных решений и действий сознающей свою ответственность отдельной личности, там это иногда оказывало благотворное воздействие.

Известие о капитуляции командования 6-й армии было мной воспринято особенно болезненно, ибо этот факт показал мне, сколь велико все более углублявшееся противоречие между фрон-

товыми частями и высшими штабами. На одной стороне — бесконечные лишения и покорное принесение себя в жертву, вплоть до смерти, на другой же — приказ терпеть эти лишения и нести жертвы, причем те, кто требуют этого от других, сами отнюдь не чувствуют на себе аналогичных обязательств со всеми вытекающими из них последствиями. Я мучительно ощущал это противоречие, потому что сам принадлежал к одному из высших штабов, который лишь весьма поздно решился освободиться от своего раздутого обоза и ставшего ненужным хлама и сотрудники которого еще долго пользовались всевозможными удобствами и целым рядом привилегий.

Поиски смысла происходящего, которые так часто мучали меня всю войну, теперь, перед лицом близящейся окончательной катастрофы, снова воскресили терзавшие меня мысли. Здесь, под Сталинградом, жестоко и бессмысленно губились сотни тысяч цветущих человеческого счастья, планов, надежд, талантов, многообещающих перспектив уходило в могилу!

Преступное безумие безответственного военного руководства, суеверно уповающего на технику и проявляющего полнейшее пренебрежение к жизни и достоинству человека, к его личности, создали для нас ад на земле. Что мог означать при таком подходе какой-то индивидуум? Он чувствовал себя всего лишь потребляемым подсобным материалом гигантского демонического аппарата разрушения. Война проявила себя здесь во всей своей неприкрытой жестокости. Наш поход на Волгу предстал передо мной как ни с чем не сравнимое насилие над человеком и символ вырождения человеческой личности. Самого себя я увидел как бы запроваженный в гигантский бесчеловечный механизм, который функционирует с ужасающей точностью и последовательностью вплоть до саморазвала и уничтожения.

Мы попадаем в плен

Днем 1 февраля мы были убеждены, что окончательно пробил наш последний час. По северной окраине Сталинграда непрерывно молотил ураганный артиллерийский и минометный огонь, а под конец на жалкие остатки развалин обрушился еще и воздушный налет небывалой силы. Мы сидели на корточках посреди вздрагивавшего от взрывов убежища, из-за вздымавшейся пыли трудно было дышать, мы прислушивались к доносившемуся снаружи адскому грому, который свидетельствовал о том, что смерть и разрушение довершают свою работу. Каждое мгновение могло стать для нас последним, но — о чудо! — нас не смолотило в муку. Мы уцелели и вскоре после окончания бомбардировки выползли

наружу, чтобы полной грудью глотнуть чистого, свежего зимнего воздуха.

Ночь накрыла своим покровом вздыбленную землю. Вокруг была прямо-таки жуткая тишина. Хорошо знакомый нам квартал развалин нельзя было узнать — так все вокруг изменилось. Целые шеренги развалин были стерты с лица земли, улицы изрыли воронки, и там, где до этого простиралась голая земля и развалины, теперь высились груды обломков и кирпичи. Что могло статься со всеми теми людьми, которые прятались в этих развалинах? Кое-где пылали развалины. У меня остановилось дыхание, когда я повернулся: языки пламени поднимались как раз на том месте, где находился лазарет.

Всего несколько дней назад я отвез туда молодого лейтенанта-итальянца, командира группы, и растерянная толпа итальянцев горячо благодарила меня. При этом я имел возможность еще раз убедиться в том, какое жуткое положение царило в переполненных перевязочных пунктах и лазаретах. Нас никуда не впускали, и мы со своей печальной ношей долго и напрасно брели из одного места в другое, пока наконец один врач не сжалился над раненым, сделал то, что казалось невозможным. Эти итальянцы были присланы из излучины Дона с большой колонной автомашин в Сталинград, чтобы доставить оттуда лес, и оказались в котле. В этом аду из льда и крови я особенно сочувствовал сынам солнечного юга. Далеко оторванные от своей части, они терпели еще большие муки, еле могли объясниться с другими, и никто не чувствовал себя ответственным за судьбу итальянцев, в этом аду каждый думал прежде всего о себе.

Жуткая тишина воцарилась над призрачно изменившейся местностью. Ее больше не нарушал грохот боя, тихо стало и в нашем убежище. Мы решили обсудить создавшуюся обстановку. Внезапно в нашей группе возникло странное, почти болезненное оживление, хотя до этого мы обменивались лишь односложными фразами. Более молодые офицеры вдруг решительно запротестовали. Нужно было действовать — к этому призывало нас затишье перед бурей. Нельзя было оставаться в подвале, который при следующем налете может стать нашим склепом. В нас проснулась жажда жизни и протест против бессмысленности дальнейшего выживания и страданий. Какую роль в наших чувствах, мыслях и действиях могли играть давно уже выхолощенные понятия о чести, долге, повиновении, солдатском героизме? Выжить, снова увидеть дорогих и близких нам людей на родине — это жгучее желание теперь определяло наши мысли и действия. Везде, где я бывал за последнее время, я повсюду видел такое же настроение. Даже старые кадровые офицеры в этом хаосе уже не принимали

всерьез приказ, предписывающий бороться до последнего патрона и умереть в бою.

За несколько дней до этого один кадровый капитан, кандидат на пост в генеральном штабе, вопреки приказам покинул наш подвал, и мы сочли это вполне естественным. После длительных, молчаливых приготовлений, одетый в белый маскировочный костюм, он пришел к нам проститься и ушел, сопровождаемый одним пленным русским. Его план состоял в том, чтобы на собственный страх и риск пробиться через вражеские линии и пробраться в расположение немецких войск.

За ним улизнули два других наших товарища, молодой капитан полевой жандармерии из нашего штаба и переводчик в чине зондерфюрера, которого я ближе узнал и высоко ценил. Их решение созревало постепенно, и последним толчком к этому явился страх перед пленом и преследованиями, которым бы они подверглись со стороны НКВД. Ничто больше не могло их удержать от выполнения своего намерения. Напрасно я пытался убедить их в безнадежности того, что они затеяли. Ведь дело было не только в том, чтобы прорваться через смертоносное кольцо вражеского окружения. Необходимо было также без достаточного оснащения и продовольствия в сильный мороз преодолеть расстояние в триста километров, причем большую часть пути предстояло пройти по голой, обледеневшей степи. Это была безнадежная затея, ибо человеческие организмы, ослабленные голодом, не смогут вынести и ничтожную долю неизбежных лишений и трудностей. В этой авантюре отчаяния я не усматривал ни малейшего шанса на спасение. Но переводчик, который был прислан к нам в начале похода в Россию прямо с университетской скамьи и с которым я уже давно привык доверительно делиться нашими тайными заботами, уже был не в состоянии прислушаться к голосу разума. Его тянуло прочь из подвала, из сталинградского ада. Он не хотел больше бездейственно ожидать приближения смерти и предпочитал сам броситься в ее объятия. Мы с ним распростились навсегда.

Каждый из нас, оставшихся в живых, был занят своими думами, надеждами и заботами. Никто не мог облегчить груза, давившего на других, но чувство товарищества и общности перед лицом близкой катастрофы несколько облегчало гнетущую тяжесть этих часов. Я еще и сегодня ясно вижу перед собой бледные, заросшие лица, отмеченные печатью ужасов и лишений. Все мы выглядели опустившимися, грязными и невыспавшимися. Как долго мы не снимали с себя одежды! В нашей компании давно уже не было слышно шуток и даже юмора висельников.

Даже жизнерадостный, всегда веселый капитан-резервист, который до призыва на военную службу был обер-бургомистром одного города в Средней Силезии, все больше стал замыкаться в

себе, очевидно глубоко потрясенный происходящим и впавший в отчаяние. Убеденный нацист, он был готов отдать жизнь за свои убеждения. Теперь он решил покончить ее самоубийством. Русский плен, как он не раз повторял, был для него неприемлем. Ведь еще в конце Первой мировой войны он, попав в плен на Западе, страдал в неволе от телесных и душевных невзгод. Будучи офицером абвера¹, он, видимо, не без оснований опасался, что русские будут обходиться с ним особенно плохо, и твердо решил умереть. Напрасно я пытался переубедить его. Даже напоминание об ожидающей его дома семье, о детях, фотографии которых я часто рассматривал, было не в состоянии заставить его отказаться от однажды принятого решения. Когда же в последний момент его пистолет дал осечку, нам удалось убедить его в том, что это знамение судьбы.

Среди нас был и комендант корпусного штаба, капитан-резервист, бывший президент сената в Вестфалии. Я втайне завидовал ему, ибо лишь он занимался какой-то осмысленной работой и до последнего часа добросовестно и самоотверженно посвящал себя своим обязанностям. Капитан обеспечивал оставшихся с нами солдат, которые размещались поблизости в одной из развалин, а также заботился о нашей маленькой офицерской группе, обосновавшейся в подвале. Конечно, хлеб был давно уже на исходе — в последние дни на человека выдавалось в день всего лишь по 38 граммов, а неприкосновенные запасы были давно съедены, но ему все же удавалось добывать для нас немного конины. В предвидении конца мы распределили между собой небольшое количество припрятанных консервов, так что каждый получил подкрепление перед тем, как отправиться в, возможно, самый трудный путь. Нами все больше овладевала мысль при первой возможности капитулировать и сдаться в плен русским. Наш пожилой адъютант, поддерживавший связь со штабом генерала Штрекера на тракторном заводе, не раз намекал на такую возможность и вскоре стал открыто говорить об этом.

Мысль о плене и связанных с ним невзгодах в последнее время все больше теряла для меня свое первоначальное пугающее воздействие. Такое решение стало представляться мне наименьшим злом. Это был путь к избавлению от мук и выход из сталинградского ада. Будущее было сокрыто мраком. Но кто знает, быть может, все-таки мне будет суждено вернуться на родину, встретить близких. В эти страшные дни я то и дело обращался к ним мысленно. В последнее время мной владело лишь одно желание — уцелеть и живым и невредимым попасть в плен.

---

¹ Абвер — гитлеровская контрразведка.

Утром 2 февраля стали поступать сообщения, что русские танки приближаются к нам и происходит повсеместная капитуляция немецких войск. В нашем квартале стали поговаривать, что больше не следует отвечать на стрельбу. Наши части, однако, и без того уже не оказывали сопротивления. Подобно тому как поздней осенью люди рукой сметают вялых, полумертвых мух, русские собирали и уводили толпы истощенных, измученных бесконечными страданиями и апатично покорных своей судьбе солдат. Те из них, кто еще мог держаться на ногах, выползали из развалин, убежищ и подвалов и образовывали на дорогах длинные унылые вереницы. Также и наша уцелевшая маленькая группа вскоре присоединилась к этой бесформенной толпе.

В первые минуты плена я испытывал чувство облегчения и освобождения от давившего меня кошмара. Ведь всех нас отягощал свинцовый груз неопределенности, и мы находились между смертью и жизнью. Не был ли тот путь, на который мы теперь вступили, выходом из окружавшего нас ужаса? И не маячил ли на горизонте, пусть бесконечно далеко, манящий огонек надежды, сулящий сладость свободной жизни? Однако метаморфоза, которая вдруг произошла с нами и вокруг нас, содержала в себе что-то оглушающее и приводящее в замешательство.

Первоначальная скованность постепенно отступала перед приближением незнакомого мира. Первое, что мне бросилось в глаза,— это облик победителей. То были здоровые, хорошо выглядевшие люди. На них было зимнее обмундирование и хорошее вооружение. Этому нельзя было не позавидовать. Солдаты были вооружены автоматами. Все они были одеты в овчинные полушубки или ватные куртки, валенки и меховые ушанки. Тепло одетые, хорошо упитанные, блестяще оснащенные красноармейцы с их широкими, большей частью краснощековыми лицами представляли собой разительный контраст с нашими мертвенно-бледными, неумытыми, заросшими, дрожащими от холода жалкими фигурами. Обессиленные и измотанные, мы были одеты в разношерстное, пестрое обмундирование: шинели и шубы всевозможных образцов, одеяла, платки, серо-зеленые подшлемники, шерстяное тряпье, а наша обувь была совершенно непригодна для русской зимы. Эта внезапная встреча и резкий контраст сразу показали мне, как ужасающе низко мы пали и сколь мало мы были подготовлены к смертельной борьбе.

Как в полусне, я воспринимал происходящее со всеми нахлынувшими на меня новыми впечатлениями и чувствами. Я увидел направленное мне в грудь дуло заряженного автомата, и красноармеец, нетерпеливо обшаривая меня, сперва забрал у меня часы, а потом вырвал мой пистолет. Я слышал успокоительные слова советского капитана-гвардейца, который гарантировал нам жизнь,

безопасность и неприкосновенность личного имущества и, преисполненный гордости, повел усталую массу пленных к штабу. Однако этой защиты оказалось недостаточно для того, чтобы избавить нас от первых горьких унижений со стороны дышавших ненавистью победителей. Такие злобные выкрики, как «фашист!», «фриц!», «Гитлер капут!», перемежались с угрозами, безобразными, очевидно, ругательствами и презрительными плевками нам вслед.

В первую бессонную ночь плена на меня безжалостно валились новые бедствия. Из крестьянского дома, где столпились попавшие вместе со мной в плен товарищи, меня повели на допрос и оставили в караульном помещении. Там я сидел один, глубоко удрученный, в кругу весело шумящих красноармейцев. Сперва они рассматривали меня со смесью любопытства и недоверия, но вскоре перестали обращать на меня внимание, и я понуро сидел в углу. В то время как на улице победители отмечали свой триумф бесконечным фейерверком из трофейных немецких ракетниц, в нашем караульном помещении почти всю ночь напролет не умолкал граммофон. Гремели буйные танцевальные ритмы, и под эту музыку, глухо топя о деревянные половицы, с удивительной быстротой выплясывала целая шеренга неуклюжих валенок. Они производили довольно странное впечатление, эти солдаты, среди которых были и монгольские лица.

Кроме плясовых без конца звучали пластинки с народными мелодиями, советскими песнями и маршами. Все время повторялись одни и те же мелодии, то грустные и жалобные, то наполненные затаенной страстью, то дающие выход безудержно буйным чувствам. Почти все они были выдержаны в минорных тонах, и многие из них, отражая совершенно чужой для меня характер, содержали в себе что-то пугающее. В других условиях эта неповторимая музыка покорила бы меня. Теперь же она оказывала на меня удручающее и беспокоящее действие.

Шум и веселье, царившие вокруг, являли собой резкий контраст с моим душевным и физическим состоянием. Вырванный из круга товарищей, предоставленный самому себе и своим чувствам, окруженный весело пляшущими и поющими победителями, с которыми нельзя было установить контакта, я чувствовал себя бесконечно покинутым и беспомощным, предельно подавленным, обездоленным и оторванным от далекой родины. Я был теперь подчинен чужой воле, безжалостно отдан во власть неизвестных мне сил. Зависеть от милости победителей, находиться под постоянной охраной, быть окруженным колючей проволокой и грозно нацеленным на тебя оружием, вынужденным отказаться от любого проявления внешней свободы — все то, что называлось пленом, означало для меня неведомое доселе униже-

ние и оскорбление. Сумею ли я в этом опустошающем душу беспросветном существовании найти необходимое терпение, выработать в себе внутреннее противоядие, которые одни только могут противодействовать грозящей опасности пасть духом и погибнуть? Такие мысли занимали меня в эти долгие, медленно ползущие часы. С мучительным беспокойством думал я о судьбе родины и близких мне людях, которым всемогущая неумолимая судьба — и теперь это, пожалуй, все ощутимо поняли — послала своих мрачных предвестников.

Сталинградская трагедия не кончилась

2 февраля 1943 года последние части 6-й армии в северном котле Сталинграда капитулировали. Командовавший ими генерал Штрекер, ясно сознавая приближающуюся катастрофу, не раз открыто выступал против действий верховного командования. Незадолго перед этим Штрекер получил радиogramму от Гитлера, который от имени немецкого народа потребовал держаться до конца. В этой радиogramме говорилось о примере южного котла и о создании нового немецкого оборонительного фронта, которому будет способствовать каждый час дальнейшего сопротивления. Судя по всему, генерал был готов до конца повиниться приказу стоять насмерть. Его поведение отражало отчаянную безнадежность и безысходность положения. Лишь когда северный котел во многих местах без боя стал рассыпаться, он по настоянию подчиненных ему командиров прекратил бессмысленное кровопролитие. Несколько радиogramм, которые еще успели уйти в штаб группы армий, не давали правильного представления об обстановке. Они являлись своего рода судорожным эхом на «героические» лозунги, которые доходили до умирающей армии извне. Но радиogramма — один из последних признаков жизни окруженной группировки, — посланная остатками 6-й армии в адрес главного командования сухопутных войск, пожалуй, выразила чувства и пожелания всех солдат 6-й армии. Ее текст гласил: «Преждевременные успокоительные речи нежелательны». То был ответ принесенных в жертву войск на прославляющую их гибель похоронную речь рейхсмаршала. Последнее приветствие Геринга, которое было послано им на Волгу и тогда не дошло до нас, подчеркивало, что 6-я армия может записать в свой актив «немеркнущую славу спасения западной цивилизации».

76-дневная битва в окружении, одна из самых кровопролитных битв в истории, окончилась. Но трагедия для уцелевших продолжалась. В связи с неоднократным решительным отклонением русских предложений о капитуляции и очевидным намерением

командования 6-й армии сопротивляться до последнего человека советское командование, по-видимому, не провело серьезных приготовлений к обеспечению больших масс пленных. Для десятков тысяч измотанных, истощенных людей — для здоровых и для больных — это означало новую ужасающую катастрофу и верную смерть.

В то время как жалкие колонны пленных — большей частью в многодневных голодных переходах — отводились от мест боев и с трудом продвигались по снежной пустыне в сторону приемных лагерей, специальное сообщение верховного командования вермахта в напыщенных выражениях дало итоговый обзор о битве под Сталинградом. Это лживое сообщение говорило о «неблагоприятных условиях», рисовало фальшивую картину проявленного в заключительных боях героизма и пыталось создать впечатление, будто все участники битвы в беспримерном героическом эпосе пожертвовали собой во имя национал-социалистской Германии. В частности, в сводке говорилось: «Дважды противник предлагал капитулировать. И оба раза это предложение о капитуляции было гордо отвергнуто. Под знаменем со свастикой, которое было водружено на самой высокой развалине Сталинграда, проходил последний бой. Генералы, офицеры, унтер-офицеры и солдаты бились плечом к плечу до последнего патрона. Они погибли ради того, чтобы жила Германия! Их подвиг будет жить в веках вопреки большевистской пропаганде...»

С помощью этой лжи пытались затушевать совершенное по отношению к солдатам 6-й армии предательство и превратить величайшую в истории немецкого оружия катастрофу в героическую легенду. В действительности же в русский плен перешла 91 тысяча солдат из состава объявленной погибшей армии, в том числе 2500 немецких офицеров, один фельдмаршал и 23 генерала.

Вечером 3 февраля я вместе со специально отобранной группой моих сотоварищей по несчастью был внезапно посажен на грузовик. Нас должны были доставить в один из высших штабов. Была лютая стужа. Тесно прижавшись друг к другу, мы сидели под полуоткрытым брезентом, согревая друг друга. Первые допросы, содержавшие в себе каверзные вопросы и угрозы, а также состав нашей группы заставляли предчувствовать недоброе. Среди нас были главным образом офицеры генерального штаба и сотрудники разведывательных отделов, военных судов, зондерфюреры и переводчики. В их числе были переводчик генерал-фельдмаршала, который участвовал в подготовке капитуляции штаба армии, и начальник разведывательного отдела, офицер контрразведки 6-й армии, которые вскоре были внезапно отделены от нашей группы с тем, чтобы на многие годы исчезнуть.

Наш путь шел сперва через бескрайнее поле проигранной битвы. И мне довелось еще раз увидеть равнину, где бесконечные ужасные следы напоминали о разыгравшейся трагедии. Безмолвными были теперь эти многочисленные ложины и заснеженные равнины. Тем призрачнее выглядели горы искрошенного и искромсанного вооружения, транспорта и техники — эти орудия ремесла смерти. Я увидел расстрелянную колонну наших разбитых и полусожженных машин, я узнал столь знакомые тактические опознавательные знаки десятка искромсанных дивизий, их техника была разбросана повсюду и громоздилась в узких степных лощинах.

По обе стороны дороги перед глазами возникали все новые картины ужаса: печальные следы говорили о том, что здесь прошла колонна пленных. Там лежали — будто из сострадания занесенные снегом — окоченевшие тела безымянных немецких солдат.

Уже спустились сумерки, когда мы проезжали через главную арену битвы — развалины Сталинграда. Обгоревшие, искореженные остовы зданий производили жуткое впечатление. Светящиеся краски на вечернем безоблачном зимнем небе погасли, и все вокруг погрузилось в темноту, скрыв раздавленный город. Наша машина стала спускаться вниз по крутому откосу и, выехав на занесенный снегом лед могучей Волги, повернула на север.

Дорога шла вверх по реке. До поселка Дубовка, куда нас везли, было около пятидесяти километров. Дорога вывела нас из зоны ужасов и смерти в мирный, не затронутый войной тыл. Ледяной панцирь величественного потока, имя которого навсегда должно было остаться связанным с нашей печальной судьбой, служил нам асфальтом. Нас заключила в свои могучие объятия чудесная зимняя ночь. В небе мерцали мириады звезд, и я никогда не видел его в таком великолепии. Неправдоподобно близкие, как сверкающие алмазы, горели давно знакомые и все же чужие в этом небе созвездия. Они поразили меня, заставив позабыть о горе и отрешиться от действительности. Мои мысли обратились к прошлому.

В моей памяти возникла давно забытая картина. Мне казалось, что я еду по льду могучей русской реки в бескрайнюю глубину восточного пространства. Это было почти год назад. Я прибыл из Франции и вместе со своим штабом направлялся в распоряжение 6-й армии к Харькову. Мы переезжали Днепр по гигантскому ледяному мосту. Позади высился гордый Киев, и в утренней заре сияли многочисленные причудливые купола и луковичные башни возвышающейся на крутом берегу Лавры. Казалось, что западный мир посылает нам прощальный привет. Когда я затем взглянул на восток, увидел монотонное заснеженное пространство и почувствовал ледяное дыхание бескрайних равнин, кровь в моих жилах как бы застыла, и я мысленно спросил себя: вернусь ли я когда-нибудь на другой берег Днепра?

Закономерными были эти воспоминания и щемящие чувства, снова обуявшие меня. Навстречу какой печальной судьбе ведет меня эта дорога по Волге? Это счастье для нас, людей, что всемиловейшая длань закрывает нам глаза густой завесой и нам не дано видеть будущее.

Но в ту февральскую ночь я страшился не только за свою судьбу. Меня одолевало беспокойство в предвидении ужасной судьбы, которая, как я видел, неотвратно надвигалась на наш народ и Германию. Я непрестанно думал о сталинградской трагедии. В немецкой катастрофе на Волге я усматривал грозного предвестника грядущих событий.

Я вспомнил заносчивые речи Гитлера, который в начале ноября 1942 года заявил на весь мир, что немецкий солдат стоит на Волге и никогда больше не уйдет оттуда. Сталинград наверняка будет взят, говорил он, но это должно произойти по возможности ценой малой крови, его должны занять передовые части, чтобы избежать повторения Вердена. И вот из соображений престижа теперь на Волге все-таки была принесена в жертву целая армия. В последнюю неделю бессмысленных боев это осознали и почувствовали многие. В конце концов они потеряли веру в верховного главнокомандующего и главу государства. Спасительный выход своевременно не был использован, следствием чего неизбежен стал второй Верден, еще более жестокий и кровавый, чем в Первую мировую войну.

Ужасное жертвоприношение свыше четверти миллиона людей явилось непосредственным ударом по всему немецкому народу. Дело вышло за рамки военных событий. Речь шла о гораздо более всеобъемлющих факторах, и мне представлялось, что в могилах Сталинграда была вместе с павшими погребена и гуманность. Лишь нравственно оправданное политическое решение могло бы указать выход из создавшегося положения и предотвратить худшее. Но не оказалось выдающегося полководца, который отважился бы разорвать оковы чисто солдатского повиновения и, руководствуясь подлинным сознанием ответственности, действовал бы вопреки приказам самостоятельно, как должен действовать человек, повинующийся одному лишь непреходящему закону — нравственности.

В печальных событиях на Волге я узрел поворотный пункт войны не только в военном отношении. Во всем пережитом я теперь видел и ощущал еще и нечто другое — предвосхищение конечной катастрофы, навстречу которой шла Германия. Я мысленно представил себе второй Сталинград, повторение только что пережитой трагедии, но в куда более громадном и страшном масштабе. Это была гигантская битва в окружении на немецкой земле, в которой не на жизнь, а на смерть сражался весь немецкий народ. Не решались ли там те же самые вопросы, что и в последние месяцы существования нашей 6-й армии? Созреют ли в уже отмеченной судьбой жертве сознание, ре-

шимость и сила для того, чтобы попытаться пойти на прорыв или капитулировать? Было невыносимо тяжело безучастно взирать на то, как наша участь и рок постепенно постигнут и нашу родину. И щемящее чувство все больше овладевало мною.

От тягостных мыслей меня снова и снова отвлекла чудодейственная картина сияющего бесчисленными звездами ночного зимнего неба. Это зрелище с магической силой приковывало к себе мой взор. То, что сейчас казалось мне полным крушением разваливающегося мира и безудержной катастрофой, внезапно получило иные рамки. Я снова обрел душевное равновесие и покой. Если до этого мне казалось, что хаос словно хочет поглотить меня, то теперь на мое больное, израненное сердце бальзамом потекли успокоение и мир. Это умиротворение снисходило на землю от царивших на небе великого вечного порядка и гармонии, познать которые помогло мне мерцающее море звезд над моей головой. Чудесным и непостижимым для разума было то утешение, которое дарили моей душе звезды. Мне представлялось, что моя личная судьба как частица всего происходящего на земле вливается в великий, всеобъемлющий круговорот вселенной.

Для массы уцелевших, которые вырвались из сталинградского ада, эпилог трагедии длился недолго. Десятками тысяч они гибли уже в первые месяцы своего плена. Голод и лишения, мороз и болезни сделали их верной добычей смерти еще до окончания военных действий. Многомесячный массовый мор расчистил не только оставшиеся на поле сражения лазареты. Вместе с колоннами пленных смерть входила в ворота различных сборных лагерей: в Бекетовку, Красноармейск и Фролов, где повсюду свирепствовали опустошительные эпидемии. И никогда не удастся составить бесчисленный список жертв Сталинграда, назвать все цифры, имена и описать отдельные судьбы.

Те, кто после долгих лет плена обрел свободу и начал новую жизнь на родине, должны постоянно вопрошать себя: как их собственное существование оправдывает гибель других и каким образом они могут соблюсти и выполнить завет своих павших товарищей? Но и вся Германия должна помнить своих бесчисленных сыновей, которые покоятся в далекой русской степи. И сегодня, и в будущем Германия должна сделать все для того, чтобы их незабвенная жертва была осмыслена грядущими поколениями.

Бесчисленные холмики над немецкими могилами у Сталинграда давно уже исчезли. Вскоре после битвы кладбища были сровнены с землей, а иные превращены в футбольные поля. От целого полчища простых деревянных крестов ничего уже не осталось. Но там, над Волгой, еще стелется невидимый гигантский крест. И отбрасываемая им тень нависла над всем немецким народом, проникновенно и предостерегающе взывая к нашим сердцам!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ Сталинградской битвы минуло 20 лет¹. За прошедшее время четко определились всемирно-исторические масштабы этого события. «Для Германии битва под Сталинградом явилась самым тяжким поражением за всю ее историю, для России же — ее величайшей победой. В сражении под Полтавой (1709 год) Россия стала великой европейской державой; Сталинград положил начало ее превращению в одну из двух могущественнейших мировых держав»².

В сознании немецкого народа — и отнюдь не только того поколения, которое пережило Вторую мировую войну, — название города на Волге, где разыгралась трагедия, надолго сохранит свое зловещее звучание. Этот город на Волге пылающим заревом осветил военное, политическое и моральное крушение всего нацистского режима. Преисполненная глубокого символизма трагическая эпопея обнажила дьявольскую сущность антиправительственной государственной и военной системы гитлеризма. За этой системой, поддавшись ее воздействию, вплоть до самого ужасного конца в самоубийственном ослеплении следовало большинство немцев.

Фельдмаршал Паулюс был одним из тех, кто помогал претворять в жизнь пагубные приказы. К сожалению, лишь после катастрофы он понял, во имя чего отдали свои жизни многие борцы Сопротивления и политически мыслящие представители офицерства. По возвращении из плена Паулюс в одном из своих публичных выступлений весьма верно отметил символическое значение трагедии на Волге: «В событиях Сталинградской битвы и сопутствовавших ей явлениях отразились как в капле воды все проблемы гитлеровских захватнических войн, все противоречия между требованиями стратегической обстановки, с одной стороны, и теми политическими и экономическими целями, которые ставило перед собой верховное руководство, — с другой стороны. Мы видим самоотверженность немецких солдат и офицеров. Но их самоотверженность была использована в преступных целях. Мы видим также предел человеческих и материальных возможностей, видим

---

¹ Написано в 1962 году.

² См. далее: Дёрр. Поход на Сталинград. С. 200.

потрясающие личные трагедии,— короче говоря, мы стали свидетелями всех бедствий, которые претерпел немецкий народ. В результате развязанной Гитлером войны обрушились бедствия на подвергшийся нападению Германии советский народ»¹.

Эти мысли заслуживают того, чтобы углубить и развить их, ибо они в самом деле наглядно раскрывают характерные черты пережитой войны и того режима, неизбежным порождением которого она была. Уже одна только авантюристическая попытка одновременно прорваться и к Волге, и на Кавказ показала сумасбродность захватнических планов. Стремление овладеть военно-промышленными центрами показывает, как далек был от классических законов стратегии дилетантствующий диктатор. Наступление на многие сотни километров в глубь вражеской территории велось без учета элементарных географических и метеорологических условий, без достаточных резервов и нормального снабжения войск, которых принудили выполнять непосильные задачи. Как и вся война в целом, это была игра ва-банк, и высший генералитет не положил ей конец. Наконец, стремление во что бы то ни стало овладеть Сталинградом, которое в значительной мере диктовалось нелепыми и безответственными соображениями престижа, полностью разоблачило кощунственное высокомерие и аморальность Гитлера и его мировоззрения. Все, что было передумано и перечувствовано, сделано и упущено во время битвы в окружении, совершенные при этом добрые и дурные поступки, — все это представляло драматический сгусток той общей судьбы, которая выпала на долю немецкого народа. То было символическое воплощение пагубного пути, на который была соvrращена вся нация: захват чужих земель и высокомерное пренебрежение к другим народам, самонадеянность и фанатизм, роковое стремление приспособиться к происходящему и бесплодные протесты, беспрекословное повиновение и бесчисленные душевные конфликты, лживые обещания и наивная доверчивость, самоотверженное выполнение долга и злоупотребление высокими побуждениями и преданностью, демагогическая пропаганда и надругательство над челоувеческим достоинством, распространявшееся повсюду солдатство и верноподданничество вместо сознания гражданской ответственности, всеобщая вина и покорность злoму року перед лицом событий, которые в конечном итоге должны были с фатальной неизбежностью привести к катастрофе. В сталинградской катастрофе как в фокусе отразились все наиболее характерные свойства нацистского государственного и военного руководства. Эта катастрофа является гигантским уроком военного провала, на

¹ Цитируется по статье Мартина Латтмана «Stalingrad ohne Lüge». Mitteilungsblatt der Arbeitsgemeinschaft ehemaliger Offiziere. № 1. 1960. С. 10.

котором история как бы решила продемонстрировать все наихудшие последствия сосредоточения безграничной власти в руках одного «фюрера», тоталитарных порядков и беспрекословного повиновения безумным приказам.

Удалось ли немецкому народу за прошедшие 20 лет идейно и политически избавиться от чудовищного наследия во имя и в интересах своего оздоровления? Можно ли действительно сказать, что дискуссия вокруг сталинградских событий и порожденных ими проблем дала плодотворные результаты? И есть ли уверенность в том, что полезные уроки прискорбного прошлого станут достоянием наших потомков? На эти вопросы никто не может, не греша против совести, ответить утвердительно. В восприятии истории нацизма и участия Германии во Второй мировой войне, одним из наиболее характерных эпизодов которого, как только что было отмечено, явилась сталинградская катастрофа, у немцев наблюдается своеобразное раздвоение сознания. Оно проявляется во многих сторонах мышления и в оценке различных событий и явлений, не в последнюю очередь как раз таких, как битва на Волге и движение Сопротивления против Гитлера. В первый послевоенный период не было недостатка в искреннем стремлении познать и осмыслить происшедшее, чтобы, руководствуясь благими намерениями, разделаться с недавним прошлым и преодолеть унаследованные заблуждения. Однако по мере того, как свиток лет все больше отдалял от нас катастрофу на Волге, а материальное благосостояние в результате высокой экономической конъюнктуры поднималось и наступило самоуспокаивающее благоденствие, стремление осмыслить прошлое умирало и процесс великого обновления и очищения от прежних грехов так и не состоялся. Лихорадочная погоня за внешними успехами и повышением жизненного уровня постепенно заглушила в широких кругах немецкого населения пробужденное тотальной военной катастрофой чувство политического и нравственного самосознания. Жажде наживы мешали воспоминания о недобром прошлом. Так создавалась атмосфера обманчивой неуязвимости, на почве которой произрастало сытое равнодушие и тупое пренебрежение к моральным и духовным ценностям, обладание которыми при нынешних общественных и жизненных условиях стало восприниматься как нечто само собой разумеющееся, хотя на самом деле их нужно отстаивать в повседневной борьбе.

Как же в такой атмосфере могла сохраниться психологическая готовность избавиться от тяжелого груза прошлых лет! Сытое довольство не желало, чтобы его тревожили воспоминаниями о прошлом, оно стремилось отгородиться от них и вытеснить неприятные ощущения ушедших лет. Так в литературе о Сталинграде возникла неблагоприятная тенденция под прикрытием кажу-

щейся объективности реабилитировать, приукрасить, затушевать, обойти молчанием события прошлого или же представить их в искаженном виде. Достоинно сожаления, что эти приспособляющиеся к духу времени тенденции в немалой степени способствуют тому, чтобы окончательно выбросить за борт бесспорно горькие, но целебные плоды нашей национальной катастрофы.

Попытки по-настоящему разобраться в прошлом, в частности вернуться к вопросу о сталинградской катастрофе, осложняются и в связи с изменившимся в Федеративной Республике Германии отношением к военным проблемам. В период, когда возрождение немецкого солдатского духа вначале безудержно поносилось державами-победительницами, а затем начали раскапывать достоинства, похороненные под обломками милитаризма, многие генералы, военные историки и публицисты всячески стремились внести свою лепту в восстановление чести немецкого солдата путем замалчивания всей правды, отказа обсуждать некоторые скользкие темы и даже неуместного оправдания и прославления прошлого. Это медвежья услуга. Ганс Ротфельс справедливо подчеркивал, что лишь «до конца откровенная полемика» может способствовать очищению атмосферы и созданию таких условий, которые помешали бы возникновению новых легенд. «Это далеко не самое приятное дело. Однако стремление забыть неприятные вещи и вытеснить их из своего сознания еще никогда не вело к духовному оздоровлению. Поэтому мы никак не можем уйти от деликатных проблем и избежать прикосновения к едва зарубцевавшимся ранам»¹.

Этот вывод особенно справедлив в отношении битвы на Волге. Мы должны найти в себе силы и мужество тщательно исследовать мрачную и неприглядную главу истории, повествующую о принижении и самоотчуждении нашего солдатского духа, взглянуть в глаза всей правде и принять ее такой, как она есть. Мы должны выяснить, каким образом нацизму удалось постепенно переломить спинной хребет немецких вооруженных сил. Нужно обнажить и исторические корни роковых событий прошлого. Откровенное обсуждение всех этих проблем, затрагивающих основы солдатской этики, повысит способность распознавать истинное соотношение духовных и моральных ценностей, поможет чувствовать допустимые границы повиновения и постоянно помнить о высшем долге блюсти право, свободу, моральную чистоплотность и человеческое достоинство. От участия в обсуждении этих проблем не должен уклоняться ни один солдат или офицер. В этой связи можно было бы напомнить слова Теодора Литта о целебной силе правды: «Пытаться не замечать ее равносильно унич-

¹ Hans Rothfels. Zeitgeschichtliche Betrachtungen. Göttingen, 1959. S. 16.

тожению источника духовного обновления. Насильно подавлять правду — это не что иное, как превращать благословление в проклятие. Ибо то, о чем человек старается не думать, не перестает существовать и, будучи лишенным возможности проявляться открыто, становится укором, от которого нельзя избавиться, порождает неизменное ощущение, что совесть твоя нечиста»¹.

Сталинградской трагедии невозможно придать какой-то высший смысл с помощью использованных в свое время фальшивых речей о героизме или нынешних попыток окружить ее романтическим ореолом. Завещание павших может быть выполнено лишь в том случае, если воспоминание об этой военной, моральной и политической катастрофе станет для нас неиссякающим кладом исторических уроков. Предпосылкой этого является безоговорочная решимость до конца вскрыть всю взаимосвязь тогдашних событий, не ограничиваясь лишь их военно-стратегическими аспектами, и готовность пересмотреть унаследованный кодекс солдатской чести, имея в виду те его представления и понятия, которые несовместимы с человеческим достоинством и законом нравственности.

Замкнутый солдатский мирок со своими собственными представлениями о долге и чести, на который не распространяются общечеловеческие моральные устои, является чистейшим вздором. Постигшая немецкий народ трагедия под Сталинградом дает наглядный урок того, к каким извращениям солдатского духа может привести засилье аморальной и безответственной диктаторской власти и какое насилие над человеческим существом неизбежно несет с собой тотальная война вообще.

Именно битва на Волге продемонстрировала, в какой роковой степени германский вермахт был превращен в инструмент осуществления бредовых целей нацистского режима. Было бы весьма полезно, если бы ныне эту истину во весь голос неустанно провозглашали и те, кто, занимая в прошлом высокие военные посты, ответствен за все это.

К сожалению, это имеет место лишь в очень редких случаях. В подавляющем большинстве трудов и мемуаров бывших гитлеровских генералов преобладает тенденция оправдать прошлое. Типичным образчиком таких попыток могут служить воспоминания Манштейна, особенно глава о Сталинграде. Ознакомление с этой неприглядной литературой оставляет ужасающее впечатление непоколебленной самоуверенности, нежелания вникнуть в сущность происшедшего и признать свои заблуждения. Английский военный публицист Лидлл Гарт однажды нарисовал яркий образ не-

---

¹ Theodor Litt. Wege und Irrwege geschichtlichen Denkens. München, 1948. S. 140 f.

мецкого офицера, который, наглухо замкнувшись в своей узкопрофессиональной военной сфере, готов беспрекословно поинноваться любому приказу, не задаваясь мучительным вопросом о политической ответственности. «Мне он представляется,— пишет Лидл Гарт,— современным Понтием Пилатом, смывающим со своих рук всю ответственность за приказы, которые он должен выполнять»¹.

Почти нигде в подобных мемуарах не говорится о своих собственных промахах или о высшем велении совести. Почти никогда не делается попытка рассматривать ход военных действий с точки зрения общих принципов ведения войны и не ставится вопрос о политической подоплеке происходившего. На первом плане всегда стоят лишь чисто военные события и результаты, а также явно продиктованное соображениями личного престижа стремление оправдаться, смыть с себя позор военного поражения и переложить всю вину на одного только могильщика Германии, который вовремя улизнул от земного суда. Характерным в этой связи является вызывающее недоумение заявление генерала Дёрра: «Мне кажется, всю вину за Сталинград несет лишь один человек, и этим человеком был безбожник Адольф Гитлер»².

В подобных утверждениях сознательно игнорируется существование целой иерархической лестницы, по ступеням которой разграничивались масштабы ответственности, начиная с верховного главнокомандующего и далее через фронтовых командующих вплоть до командиров низовых подразделений.

Лейтмотивом данной книги является вопрос об ответственности... С этим вопросом самым тесным образом связаны разносторонние политические и морально-психологические проблемы, без рассмотрения которых было бы невозможно охватить во всей глубине и во всем его историческом значении феноменальное явление Сталинграда. Попытка свести трагедию на Волге лишь к ее военно-стратегическим сторонам никоим образом не может отобразить всю грандиозность событий. Именно в этом следует искать корни той неудачи, которая постигла Вальтера Гёрлица при попытке проанализировать происшедшее. Гёрлиц только чуть-чуть затронул связанную с этим проблематику. К тому же он оказался не в состоянии надлежащим образом учесть чрезвычайный характер сталинградских событий. Ничто не давало ему права мерить на обыкновенный аршин такие события, при которых в атмосфере царившего тогда произвола и бесчеловечности едва ли

¹ Цитируется по статье Ганса Херцфельда «Das Problem des deutschen Heeres 1919—1945» в журнале «Geschichte und Politik». «Eine Wissenschaftliche Schriftenreihe». № 6 за 1952 год. С. 10.

² Hans Doerr. War Stalingrad ein Opfergang? в: Die politische Meinung. Monatshefte für Fragen der Zeit. 1958. S. 88 f.

можно было считать, что долг повиновения еще имеет под собой какую-либо нравственную основу. В этом смысле перед историей грешен и фельдмаршал Паулюс, который, подобно многим другим высшим военачальникам, до самого конца не смог освободиться от ослепления и трагических иллюзий. Он оказался не в состоянии осознать дьявольскую природу происходящего. Ему не хватило необходимой политической проницательности и способности прислушаться к голосу собственной совести в соответствии с грузом ответственности, который лежал на нем.

При исследовании сталинградской трагедии и роли ее главных действующих лиц ответственность ложится и на историков. Письменным свидетельствам и официальным документам, безусловно, принадлежит решающее значение. Но они не содержат в себе всей правды. Объективность ведь тоже не является самодовлеющей величиной, и история не представляет собой беспристрастного оппонента. Историк связан необходимостью учитывать также веления нравственности, он не может оставаться нейтральным созерцателем, когда происходит борьба между добром и злом.

Историческая проблематика Сталинграда — и здесь вновь проявляется символический характер этой битвы — выдвигает перед нами один из наиболее роковых для немецкого народа вопросов, который после ухода Бисмарка с политической арены не переставал волновать немецкую общественность и нерешенность которого была главной причиной пережитых Германией в обеих мировых войнах катастроф. Речь идет о разумном соотношении между политикой и общими принципами ведения войны. Сталинград отчетливо продемонстрировал, как далеко отошли ответственные военные руководители Германии от доктрин и военно-философских воззрений Клаузевица, провозгласившего приоритет этически обоснованного политического мышления над чисто военной стороной дела. По этой причине война на Востоке выродилась в беспощадную войну двух противоположных мировоззрений, которая к тому же низводила немецких войсковых командиров до роли прислужников «стратегии невозможного» и все больше отдаляла их от традиционных представлений военной этики. Рывок к Сталинграду, представлявшему собой «краеугольный камень», на котором должен был держаться весь гигантский комплекс дальнейших операций по завоеванию Ближнего Востока, был кульминационным пунктом захватнических устремлений нацизма. Произросшее на почве бредовых расовых теорий чудовищное высокомерие привело к игнорированию и недооценке боевой мощи Красной Армии, а также экономических и моральных источников могущества Советского Союза. Смертельная схватка под Сталинградом не только завершилась тотальной победой достойного противника, преподнесшего немецким захватчикам современные

«Канны», но и нанесла уничтожающий удар по бредовым замыслам и захватническим устремлениям нацизма. Битва под Сталинградом пробудила в советском народе небывалую энергию и мобилизовала его могучие силы. Во всяком случае, сокрушительный разгром немецкой армии на Волге был не только следствием численного перевеса и превосходства человеческих и материальных ресурсов противника, как это еще сегодня хотел бы представить кое-кто из тех, кто ничему не научился. Борьба советского народа, защищавшего и освобождавшего свою подвергшуюся иноземному нашествию Родину, окончательно привела в дни Сталинграда к динамическому слиянию большевистского государственного строя и советского патриотизма, превратившемуся в решающий фактор мировой политики.

В процессе духовного преодоления недавнего злополучного прошлого особенно важно осознать те уроки, которые вытекают из сталинградской трагедии. Конечно, необходимые исторические выводы должны сопровождаться изменением отношения к существующим политическим реальностям. «При этом, — подчеркивал Герхард Мёбус, — нельзя, однако, упускать из виду, что преодоление иллюзий составляет лишь одну сторону процесса духовного обновления, подобно тому как расчистка обломков всего лишь подготавливает сооружение нового здания»¹. И ныне, и в будущем путеводной звездой для нас могут служить подчиненные велениям нравственности политические заветы упомянутого в этой книге выдающегося военного деятеля, который сумел преодолеть рамки чисто военного восприятия и подняться до проникнутого сознанием своей ответственности политического мышления и образа действий. Генерал Людвиг Бек подал пример, достойный подражания, не только самой своей жизнью и жертвенной гибелью. В оставленных им памятных записках и «Набросках» мы находим возрождение и творческое развитие идей Клаузевица². Бек опроверг фальшивые утверждения, будто война является наивысшей формой деятельности нации. Он опроверг ту точку зрения, которая, к нашему несчастью, так выпячивалась в предшествующую историческую эпоху, — а именно, что главным является военное мышление. Он показал, что одностороннее военное мышление должно быть подчинено гораздо более обширной сфере военной политики, главная задача которой может состоять лишь в том, чтобы сохранить и защитить мир, постоянно памятуя при этом о непреложном долге блюсти чувство личной ответственности, человеческого достоинства и свободы нравственных решений.

¹ Gerhard Möbus. Realität oder Illusion. Zum Problem der unbewältigten Vergangenheit. Osnabrück, 1961. S. 7 f.

² Ludwig Beck. Studien. Stuttgart, 1955.

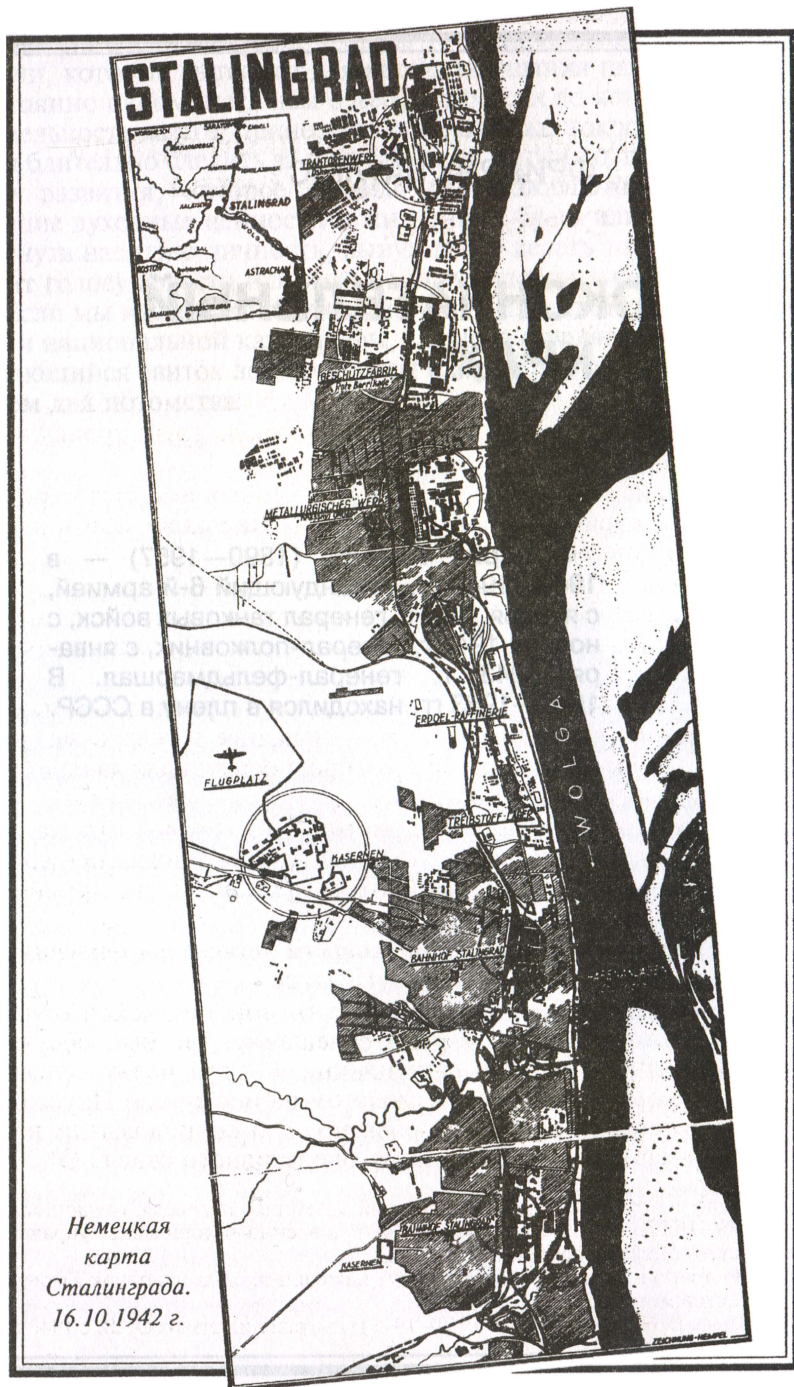
Память о Сталинграде, а также те национальные проблемы и задачи, которые вытекают для нас из завещания павших, должны постоянно напоминать нам о необходимости до конца осмыслить бесцельность жертв, принесенных с такой жестокостью. Мы должны бдительно следить за тем, чтобы не допустить повторения такого развития, которое грозило бы безжалостно уничтожить высшие духовные ценности и жизненные блага или хотя бы подвергнуть насилию личность, вынуждая ее делать то, что противоречит голосу совести или чего не могут одобрить сердце и разум.

Если мы извлечем надлежащие уроки из сталинградских событий и национальной катастрофы, которую отделяет от нас развертывающийся свиток лет, то жертвы и страдания отцов не пропадут даром для потомства.

ФРИДРИХ ПАУЛЮС

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ КРАХ

Фридрих Паулюс (1890—1957) — в 1942—1943 гг. командующий 6-й армией, с января 1942 г. генерал танковых войск, с ноября 1942 г. генерал-полковник, с января 1943 г. генерал-фельдмаршал. В 1943—1953 гг. находился в плену в СССР.

Немецкая
карта
Сталинграда.
16.10.1942 г.

Наступление немецкой армии летом 1942 года и битва за Сталинград

*Краткий обзор и отдельные эпизоды*¹

21 апреля 1947 г.

Первые приказы на летнее наступление 1942 года поступили в 6-ю армию через южную армейскую группировку в апреле 1942 года.

Они касались мероприятий, которые необходимо было провести в мае для исправления ситуации южнее Харькова, возникшей в результате зимнего наступления русских.

При условии выполнения этих предварительных мер в приказах разрабатывалось далее *первое выступление* из района между Азовским морем и Курском на прорыв русского фронта для решающей битвы.

Замысел был таков: разбить русские силы, расположенные по фронту Ростов — западнее Оскола — западнее и северо-западнее Воронежа, чтобы тем самым создать предпосылки для дальнейших решающих операций на Востоке.

Все подготовительные мероприятия были возложены на южную армейскую группировку. Позднее (по установлению срока) эта группировка должна была быть разделена на две армейские группировки «А» и «Б».

Предварительное обсуждение вопроса летнего наступления с Гитлером в Полтаве

1. VI — 42-го года в штаб-квартире южной армейской группировки в Полтаве Гитлер устроил совещание, где был обсужден основной замысел летнего наступления. С этой целью в тот же день до обеда Гитлер прибыл самолетом из Восточной Пруссии² в Полтаву и после обеда улетел обратно. Его сопровождали нач-к ОКВ фельдмаршал Кейтель³, нач-к оперативного отдела ОКХ ге-

¹ На документе имеется помета: «Первый экземпляр перевода, сделанного работниками НКВД, был послан в июне 1948 г. в военно-историческое управление Генерального штаба Вооруженных Сил СССР».

² В Восточной Пруссии, в Растенбурге, находилась одна из ставок Гитлера — «Волчье логово».

³ Кейтель В. (1882—1946) — в 1938—1945 гг. начальник штаба ОКВ, с 1940 г. генерал-фельдмаршал.

нерал-майор Хойзингер¹ и генерал-квартирмейстер ОКХ генерал-лейтенант Вагнер², а также один или два адъютанта Гитлера.

В совещании участвовали: главнокомандующий южной армейской группировкой (впоследствии «Б») фельдмаршал фон Бок³, нач-к штаба этой группировки генерал от инфантерии фон Зонденштерн⁴, из района действий образовавшейся впоследствии армейской группировки «А»: ставший потом нач. штаба этой группировки генерал-лейтенант фон Грайфенберг⁵, командующий 1-й танковой армией генерал-полковник фон Клейст⁶, командующий 17-й армией генерал-полковник фон Руоф⁷; из района действий образовавшейся впоследствии армейской группировки «Б»: командующий 2-й армией генерал-полковник фон Вейхс⁸, командующий 4-й танковой армией генерал-полковник Гот⁹, командующий 6-й армией генерал танковых войск Паулюс; от авиации: командующий 4-й авиационной армией¹⁰ генерал-полковник фон Рихтхофен¹¹ и командир IV авиакорпуса генерал авиации Пфлюгбайль¹², а также командир III танкового корпуса генерал от кавалерии фон Маккензен¹³.

Оперативные директивы — главный предмет совещания — предусматривали в целом, соответственно вышеупомянутому замыслу, следующие действия по этапам:

¹ Хойзингер А. (1897—?) — в 1942—1944 г. начальник отдела оперативного управления ОКХ, с 1941(?) г. генерал-майор, с 1942 г. генерал-лейтенант.

² Вагнер Э. — в 1942 г. генерал-квартирмейстер ОКХ, генерал-лейтенант (более полные сведения обнаружить не удалось).

³ Бок Ф. фон (1880—1945) — в январе—июле 1942 г. командующий группой армий «Юг», с 1940 г. генерал-фельдмаршал.

⁴ Зонденштерн Г. фон — в 1942 г. начальник штаба группы армий «Юг», генерал от инфантерии (более полные сведения обнаружить не удалось).

⁵ Грайфенберг Г. фон — в 1942 г. начальник штаба группы армий «А», генерал-лейтенант (более полные сведения обнаружить не удалось).

⁶ Клейст Э. фон (1881—1954) — в 1941—1942 гг. командующий 1-й танковой армией, в 1942—1944 гг. командующий группой армий «А», с 1941(?) г. генерал-oberst, с 1943 г. генерал-фельдмаршал.

⁷ Руоф Р. — в 1942 г. командующий 17-й армией, генерал-oberst (более полные сведения обнаружить не удалось).

⁸ Вейхс М. фон (1881—1954) — в 1942—1943 гг. командующий группой армий «Б», с 1940 г. генерал-oberst, с февраля 1943 г. генерал-фельдмаршал.

⁹ Гот Г. (1885—1971) — в октябре 1941 г. — июне 1942 г. командующий 17-й полевой армией, в июне 1942 г. — декабре 1943 г. — командующий 4-й танковой армией, в декабре 1943 г. снят с поста, с 1938 г. генерал от инфантерии, с 1942 (?) г. генерал-oberst.

¹⁰ Имеется в виду 4-й воздушный флот люфтваффе.

¹¹ Рихтхофен В. фон (1895—1945) — в 1942—1943 гг. командующий 4-м воздушным флотом люфтваффе, с 1941 (?) г. генерал-oberst, с 1942 г. генерал-фельдмаршал.

¹² Пфлюгбайль — в 1942 г. командир IV авиакорпуса люфтваффе, генерал авиации (более полные сведения обнаружить не удалось).

¹³ Маккензен Г. фон — в 1942 г. командир III танкового корпуса, генерал от кавалерии (более полные сведения обнаружить не удалось).

1) Наступление 1-й танковой армии с ограниченной целью из района юго-восточнее Харькова, с задачей достичь Оскол на линии: устье — Купянск. Цель: облегчение южного фланга наступления согласно пункту 2.

2) Достичь Дон от Н. Калитвы до Воронежа. Цель: прикрытие северного фланга будущего главного наступления, см. пункт 3.

Для этого: наступление 6-й армии из района Волчанска и севернее направления Новый Оскол, 4-й танковой армии и 2-й армии из района Курска, направление Старый Оскол, чтобы после прорыва русского фронта уничтожить силы русских, стоящие западнее Дона, охватив их с двух сторон.

3) Главное наступление 1-й танковой армии и подлежащей переброске из района западнее Воронежа на юг в район южнее Россошь 4-й танковой армии на прорыв фронта между Донцом и Доном в направлении Миллерово. Затем, отправив для прикрытия отдельные части на восток, основные массы направить на юг (устье Донца), чтобы во взаимодействии с 17-й армией и 8-й итальянской армией окружить силы русских, стоящие между Ростовом, северо-западнее Старобельска и Миллерово.

4) Дальнейшее принятие решений, смотря по ходу предстоящих боев.

Совещание длилось 2—3 часа. Оно проходило таким образом, что за столом с картами, кроме тех, кто сопровождал Гитлера, продолжительное время заседали представители армейских группировок и авиации, в то время как командующие армиями привлекались только для обсуждения действий их армейских группировок. Остальные стояли в это время в стороне или разговаривали в приемной. Фельдмаршал фон Бок говорил о проведении отдельных фаз летнего наступления предусмотренным образом (сравн. пункты 1—3). Вместе с генерал-полковниками фон Вейхсом, Готом, фон Клейстом и генералом фон Маккензенем я присутствовал у стола с картами при обсуждении вышеуказанных пунктов 1 и 2.

Свое высказывание относительно 6-й армии фельдмаршал фон Бок заключил примерно следующими словами: «...значит, 6-я армия по достижении Дона имеет перед собой сначала чисто оборонительную задачу. Но при своих приготовлениях она должна также настроиться на возможное широкое продвижение на восток». Сам я так же, как и другие командующие армиями, при этом не высказывался.

Затем началось обсуждение третьей фазы летнего наступления (см. пункт 3). Докладчиком снова был Бок, так как ему вменялись в обязанность все подготовительные мероприятия по будущей армейской группировке «А». Для этой цели к столу с картами к Гитлеру попросили генерал-полковников Гота, фон Клейста, Руофа. Во время этой части совещания я стоял в стороне в том же поме-

щении или в смежной комнате, беседуя с фон Вейхсом о взаимодействии 2-й и 6-й армий. Из этой части совещания я слышал поэтому лишь отрывки.

Из всех высказываний, которые Гитлер сделал на совещании, мне припоминаются некоторые примерно в следующем смысле:

«Русские силы истощились в боях зимой и весной. При этих обстоятельствах необходимо и возможно в этом году привести войну на Востоке к решающему исходу. Моя основная мысль — занять область Кавказа, возможно основательнее разбив русские силы... Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, я должен прекратить войну... Для защиты фланга продвигающихся на Кавказ сил мы должны в излучине Дона продвинуться как можно дальше на восток... Более крепкие силы союзников румын, итальянцев, венгров начнут действовать после начала наступления. Будущие подкрепления, смотря по положению...».

После этих общих замечаний Гитлер закрыл совещание, указывая, что ему уже пора возвращаться. Он наскоро позавтракал в офицерском казино армейской группировки и направился затем около 15 часов на аэродром Полтавы, чтобы улететь в Восточную Пруссию.

Проведение операций

Начало наступления по пункту 1: конец июня 1942 года. Начало наступления по пункту 2: начало июля 1942 года.

Так как русское командование не принимало решающего боя, а планомерно отступало, 6-я армия с середины июля была повернута в направлении большой излучины Дона, левым флангом вдоль реки. Задача: прикрытие фланга и тыла наступления согласно вышеуказанному пункту 3, а также дальнейшее продвижение этих частей через нижнее течение Дона на юг и на юго-восток.

В то время как 6-я армия во второй половине июля сражалась на линии Суровикино, Клетьская за донские высоты, из армейской группировки поступил приказ на продолжение наступления *до Волги у Сталинграда*. Задачу прикрытия войск у Дона стала выполнять 2-я армия, а с течением времени — союзные войска.

Бои за высоты северо-западнее Калача тянулись до середины августа. Между 20 и 23 августа VIII и I армейскими и XIV танковым корпусами была завоевана переправа через Дон у Калача и севернее от него. XIV танковому корпусу удалось, правда, достичь Волги севернее Сталинграда, но I корпус встретил упорное сопротивление в предполье Сталинграда, в то время как VIII армейский корпус стоял на защите фланга восточнее Дона.

Ожидания взять Сталинград внезапным ударом потерпели тем самым окончательный крах. Самоотверженное сопротивление

русских в боях за высоты западнее Дона настолько задержало продвижение 6-й армии, что за это время оказалось возможным планомерно организовать оборону Сталинграда.

Планомерное наступление на Сталинград

Штаб 6-й армии с начала сентября в Голубинке на Дону.

Примерно с 28 августа к городу с боями продвигался шаг за шагом I армейский корпус с запада и XIV танковый с севера. Так как Гитлер и ОКВ — как это было ясно из многочисленных запросов — стали нетерпеливыми из-за медленного хода боев, мне вместе с командующим группировкой «Б» генерал-полковником фон Вейхсом было приказано явиться на совещание в главную ставку Гитлера в Виннице.

Совещание в штаб-квартире в Виннице 12.IX 1942 года

Рано утром 12 сентября я вылетел из Голубинки в Старобельск, где пересел в самолет командующего армейской группировкой. Около 12 часов дня мы были на аэродроме в Виннице и примерно в 12.30 прибыли машиной в ставку Гитлера, находившуюся в лесной роще приблизительно в 3 км севернее города. Тотчас по прибытии генерал-полковника фон Вейхса и меня провели в комнату совещаний в доме Кейтеля и Йодля¹. Там как раз заслушивался ежедневный доклад о положении на фронтах. Присутствовали: Гитлер, Кейтель, Йодль и несколько адъютантов Гитлера, а также нач-к штаба сухопутных войск генерал-полковник Гальдер², нач-к оперативного отдела ОКХ генерал-майор Хойзингер и генерал-квартирмейстер ОКХ генерал-лейтенант Вагнер.

Сначала генерал-полковник фон Вейхс доложил об общем положении на фронте армейской группировки «Б», особо указав на недостаточно обеспеченный вытянутый фронт (или фланг) у Дона.

Вслед за ним я обрисовал положение у Сталинграда и подробно доложил о каждой дивизии в отдельности; вследствие затянувшегося наступления боеспособность некоторых из них сильно снизилась.

Гитлер выслушал оба доклада без каких-либо существенных реплик и затем спросил меня: «Когда вы будете держать в своих

¹ Йодль А. (1890—1946) — в 1939—1945 гг. начальник отдела оперативного управления ОКВ, с 1940 г. генерал артиллерии, с 1944 г. генерал-oberст.

² Гальдер Ф. (1884—1972) — в 1938—1942 гг. начальник штаба ОКХ, с 1940 г. генерал-oberст.

руках город и берег Волги в пределах города? Для меня очень важно, чтобы это произошло скоро».

Мой ответ: «Ввиду только что доложенного состояния наших войск, измученных боями, а также русского сопротивления я не могу назвать окончательный срок. Напротив, я должен просить подкрепления тремя боеспособными дивизиями».

Гитлер согласился, что этот вопрос надо изучить. Генерал-полковник Гальдер вставил при этом, что в их распоряжении нет ни свежих сил, ни возможности перебросить их туда своевременно. Что остается один лишь выход: дать в распоряжение 6-й армии соединение 4-й танковой армии, стоявшей южнее Сталинграда. Но что это в первую очередь является делом армейской группировки «Б».

Гитлер закрыл совещание примерно следующими словами: «Русские на грани истощения своих сил. Сопротивление под Сталинградом следует оценивать лишь как местного значения. К ответным действиям широкого стратегического характера, которые могли бы быть для нас опасными, они больше не способны. Кроме того, северный фланг на Дону получит значительное подкрепление со стороны войск союзников. При этих обстоятельствах я не вижу серьезной опасности для северного фронта. В остальном надо заботиться о том, чтобы скорее взять город в свои руки, а не допускать его превращения во все пожирающий фокус на длительное время».

Совещание в Виннице имело цель нажать на 6-ю армию, чтобы она скорее взяла Сталинград. Во время совещания при высказываниях Гитлера Кейтель часто услужливо кивал головой. Йодль и другие участники совещания воздерживались от каких-либо высказываний.

Результатом совещания в Виннице было предоставление трех дивизий 4-й танковой армии в распоряжение 6-й армии при одновременном удлинении фронта 6-й армии на юг настолько, что теперь весь Сталинград вплоть до южных выступов города находился в районе действий 6-й армии.

Посещение 6-й армии командующим армейской группировкой «Б» генерал-полковником фон Вейхсом в конце сентября 1942 года

В связи с вопросами, обсужденными в Виннице 12 сентября 1942 года, 6-ю армию посетил в конце сентября командующий армейской группировкой «Б» генерал-полковник фон Вейхс. Цель посещения: проверить условия и по требованию Гитлера скорее занять районы Сталинграда, находящиеся все еще в руках русских.

Генерал-полковник фон Вейхс вместе с сопровождающим офицером около 8 часов утра приземлился на аэродроме в 3 км западнее Голубинки. Там он был встречен мною, нач-ком штаба 6-й

армии генерал-майором Шмидтом¹ и адъютантом полковником Адамом², а также комендантом аэродрома (майор авиации). У самолета стоял летный караул (1 унтер-офицер, 5 солдат). Отсюда генерал-полковник фон Вейхс и я с двумя офицерами для поручений полетели на двух самолетах «Шторх» в Гумрак к командному пункту I арм. корпуса.

От командного пункта дальнейшая поездка на вездеходе к передовому наблюдательному пункту 6-й армии на высоте у цементного завода, примерно в 3 км южнее Городище. Отсюда открывался вид на центральную и северную части Сталинграда.

Генерал фон Зейдлиц объяснял у стереотрубы тактическую обстановку, т. е. расположение собственных и русских передовых линий и распределение нашего и русского артиллерийского огня при наступлении на тракторный завод, которое длилось уже несколько дней.

Вслед за этим я лично разговаривал с генерал-полковником фон Вейхсом в блиндаже. После подробного изложения исключительно тяжелых условий борьбы в городе при все более упорном сопротивлении русских и наших ежедневных потерях, все больше снижающих боеспособность войск, я сказал в заключение примерно следующее: «К этому прибавляется веский фактор, что на пороге стоит зима. Прежде всего надо предусмотрительно подумать об обеспечении обмундированием, запасами и материалом всякого рода для строительства позиций, чтобы зима нас снова катастрофическим образом не застала врасплох, как в прошлом году. Но положение со снабжением такое напряженное, что мы теперь не получаем даже ежедневной обычной нормы, не говоря уже о дополнительной. И становится тем более необходимым, чтобы мы до наступления зимы заняли твердые и постоянные позиции и смогли бы выделить достаточно сильные резервы. Но особенно тревожным для меня является положение на моем глубоком фланге. Фронт, длиной в несколько сот км вдоль Дона, просто сам напрашивается на наступление русских, чтобы отрезать Сталинград, а может быть, и с более далекой целью. Поэтому теперь надо предоставить в распоряжение армии все, что может усилить ее, чтобы мы здесь, у Сталинграда, быстро справились и затем имели бы резервы для каждого необходимого случая».

Генерал-полковник фон Вейхс ответил примерно так: «Все это мне ясно. На это я указываю людям выше почти каждый день. Но предоставьте теперь эту заботу мне. Для вас важно сконцентриро-

¹ Шмидт А. (1895—?) — в 1942—1943 гг. начальник штаба 6-й армии, с 1942 г. генерал-майор, с 1943 г. генерал-лейтенант. В 1943—1955 гг. находился в плену в СССР.

² Адам В. — 1-й адъютант Ф. Паулюса, полковник. В 1943—1948 гг. находился в плену в СССР (более полные сведения обнаружить не удалось).

вать свое внимание на Сталинграде и взять весь город возможно скорее. Сколько я смогу при этом помочь, я помогу».

Продолжение наступления на Сталинград

Под постоянным, настойчивым напором со стороны ОКВ атаки, пожирившие все силы, продолжались, причем боеспособность воевавших в Сталинграде шести дивизий снизилась до боеспособности полков. В середине сентября они заняли южную часть города, в октябре — северную часть и достигли берега Волги. Средняя часть города с берегом Волги осталась в руках русских. Также и отдельные бои от дома к дому, продолжавшиеся до середины ноября, не приносили больше существенных результатов из-за упорного сопротивления русских и постоянных контратак. Наряду с этим с конца августа до конца октября постоянно продолжались нападения на Северный фронт армии между Волгой и Доном, чем сковывались стоявшие там силы (XIV танковый и VIII арм. корпуса) и частично вовлекались в бои.

Признаки предстоящего наступления русских

Но самым существенным в этой ситуации было то, что примерно с середины октября, судя по результатам наблюдений на земле и с воздуха, русские готовились к наступлению как северо-восточнее Сталинграда на левый фланг армии (II арм. корпус) у Клетской и на примыкающую с запада 3-ю румынскую армию, так и южнее Сталинграда на 4-ю танковую армию. Было очевидно, что ведется подготовка к окружению 6-й армии.

Командование 6-й армии, в соответствии с мнением командиров корпусов, постоянно посылало донесения и свои предложения в штаб армейской группировки «Б»:

- а) о вышеуказанных приготовлениях русских к наступлению;
- б) о целесообразности прекращения бесперспективных и пожиривших все силы боев за оставшуюся часть Сталинграда; и в связи с этим:
- в) о невозможности подготовить резервы для отражения ожидаемого наступления русских.

Командование армейской группировки «Б», разделявшее мнение командования 6-й армии, ничего, однако, предпринять не могло и пересылало следующие приказы и заключения ОКВ:

- а) что ОКВ, в свете известного общего мнения о состоянии русских сил, не верит в опасность для Донского фронта в виде наступления русских;

б) что 6-я армия сама должна обеспечить себя резервами; что в остальном для Донского фронта союзников достаточно стоящих там резервов (в том числе 48-й танковый корпус с 22-й танковой дивизией и 1-я румынская танковая дивизия за фронтом 3-й румынской армии);

в) что в этом положении необходимо довести до конца наступление на оставшуюся часть Сталинграда, чтобы устранить этот фокус;

г) что в районах стратегического развертывания русских будет действовать в широком масштабе авиация.

Боевая численность войск

При сложившемся положении снижение боеспособности дивизий принимало все более серьезный характер. Эту картину можно наглядно представить, вспомнив одну из бесед об этом между командующим армией и Па¹ (дела начсостава). Примерно в конце октября или в начале ноября Па доложил командующему в штабе армии в Голубинке следующее.

Полковник Адам: «В связи с тяжелыми боями в Сталинграде боевая численность пехоты действующих там 6 дивизий сократилась на 30 процентов. 5 саперных батальонов, приданных нам во второй половине октября и введенных в бой в качестве штурмовых батальонов, почти полностью разбиты. На пополнение из выздоравливающих, по сообщению из ОКХ, пока рассчитывать нельзя. Как должны боевые части при такой малой численности выстоять зиму?»

Ответ командующего: «Приготовьте мне, независимо от текущей сводки, обзор состояния личного состава армии для доклада в ОКХ. Соответствующую препроводительную я напишу сам. Кроме того, отныне при каждом важном вопросе ведения борьбы будет чаще, чем до сих пор, указываться на неутешительное положение с численностью войск».

6-я армия состояла из трех танковых полков, 14-й, 16-й и 24-й танковых дивизий с 200 танками в целом, которые в любой момент можно было послать в бой. Но стрелки и артиллерия этой танковой дивизии были заняты в боях. В середине ноября в распоряжении армии был лишь небольшой резерв пехоты.

К этому времени в качестве резерва армии юго-восточнее Клетской за левым флангом (XI арм. корпус) стояло смешанное соединение, равное по численности полку, а также танковый полк и

¹ Па — начальник управления личного состава, адъютант командира формирования. В данном случае В. Адам, первый адъютант Ф. Паулюса.

противотанковый дивизион 14-й танковой дивизии (со штабом дивизии).

Начало крупного наступления русских

19 ноября 1942 года началось крупное наступление русских на 3-ю румынскую армию (слева от 6-й), фронт которой был прорван в тот же день; 20 ноября был прорван также фронт 4-й танковой армии, стоявшей справа от 6-й.

В противоположность упомянутому выше мнению ОКВ, масштабы русского наступления соответствовали оценке со стороны командования 6-й армии и армейской группировки «Б», о чем они давно говорили.

Основные меры командования 6-й армии с 19 до 21 ноября 1942 г. для отражения наступления

1) Утром 19.XI приказ XIV танковому корпусу с 16-й и 24-й танковыми дивизиями — поскольку они не заняты на фронте — быть на западном берегу Дона для контратаки против русских, продвигающихся из района Клетской на юг.

2) Передать участок фронта XIV танкового корпуса в ведение I арм. корпуса.

3) Прекратить атаки в районе города и отвести войска I и VIII арм. корпусов в качестве резервов в распоряжение командования армии.

4) Занять предместное укрепление на западном берегу Дона западнее Калача силами всех тыловых частей (школа подготовки офицеров, саперная школа).

5) Немедленно эвакуировать за Чир раненых и тыловые службы и части, в которых нет необходимости.

6) Секретная директива командирам корпусов: подготовить отступление корпусов на западный берег Дона. Раненых и материальную часть взять с собой. Замысел — создать на Дону новый фронт и контратаковать противника с возможно большими силами. Разработка директивы лишь в оперативных отделах штабов корпусов. Избегать всякого рода беспокойства в войсках. О времени исполнения будет приказано особо.

Внешнее положение, возникшее в эти дни в районе действий армии, характеризовалось следующим:

а) *фронт* армии не был атакован;

б) *отвод войск* с фронта и перегруппировка сил согласно приказу развивались планомерно;

в) *тыловые части* армии (численностью примерно в 80 000 человек) находились по обе стороны Дона на западе в пределах линии западнее Нижне-Чирской, Сурувикино, южнее Клетской. Части этих тыловых войск были заняты на обороне мест своего расквартирования, но не смогли оказать продолжительного сопротивления вследствие небольшой численности боевой силы. Основная масса, временно эшелонированная, отступила согласно приказу на южный берег Чира и расположилась по обе стороны Сурувикино для обороны;

г) *штаб* армии вместе с 1-м эшелоном (оперативной группой штаба) 19 ноября находился в *Голубинке* на Дону. Эшелон обер-квартирмейстера — в деревне, 2 км южнее Калача.

В связи с дальнейшими событиями и очевидностью факта, что принятые контрмеры недостаточны для приостановления русского наступления, а также продвижения русских в направлении Калача, пришлось перебросить 20 ноября пополудни оперативную группу штаба 6-й армии и эшелон обер-квартирмейстера в Нижне-Чирскую, предусмотренную в качестве зимней стоянки штаба. Поэтому там уже были подготовлены линии связи с фронтом и тылом. Остальная часть штаба последовала туда 21 ноября.

Еще 19 ноября по телефону я лично получил от главнокомандующего армейской группировкой «Б» г/п фон Вейхса следующий приказ ОКВ: «6-й армии во что бы то ни стало оставаться на теперешних позициях и держать Сталинград. Контрмеры предпринять». Я снова высказал фон Вейхсу мнение, которое он разделял и о котором говорилось в высших инстанциях, что необходимо, не теряя ни одного дня, оттянуть армию на Дон.

Обсуждение положения с командиром XIV танкового корпуса генералом танковых войск Хюбе в Голубинке 20 ноября

20 ноября в Голубинку прибыл штаб XIV танкового корпуса, под командование которого были переданы имевшиеся резервы армии, частично находившиеся уже в боях.

На обсуждении, кроме меня, присутствовали также: генерал танковых войск Хюбе со своим начальником штаба полковником Тунертом и начальник штаба 6-й армии генерал-майор Шмидт.

Генерал Шмидт доложил о положении на фронте и сказал при этом примерно следующее:

«Результатом только что доложенных отдельных донесений является то, что русские, очевидно, собираются окружить 6-ю армию двусторонним охватом с северо-запада и юго-востока в общем направлении района Калача. На фронте армии, пока еще не атакованном и подготовленном к обороне, немного может

произойти. Поэтому здесь мы должны вытянуть последнее. Ясно, что оба крупных прорыва русских в районах 3-й румынской и 4-й танковой армий окончательно могут быть остановлены лишь с помощью резервов высшего командования. Поэтому мы должны бороться, чтобы выиграть время».

Генерал Паулюс:

«Поэтому задача XIV танкового корпуса: немедленно связавшись с XI армейским корпусом и в тесном взаимодействии с ним, взять высоты по обе стороны Суханова».

Генерал Хюбе:

«XIV танковый корпус здесь слышится больше, чем есть на самом деле. В действительности же отсутствуют почти все стрелки и большая часть артиллерии. Они мне нужны обязательно».

Генерал Паулюс:

«О выделении этих частей с фронта и их переброске уже распорядились. Но ждать в таком положении мы не можем. Я позабочусь о том, чтобы XI армейский корпус поддержал вас артиллерией и пехотой. Еще раз: времени не терять».

В результате всего было выиграно время, что позволило впоследствии переправить XI арм. корпус через Дон снова на восток.

Развитие событий до 21 ноября 1942 года

20 ноября наступление русских на левый фланг армии западнее Дона с помощью резервов было временно остановлено. В этот день поступили сведения о сильных атаках русских в районе 4-й танковой армии и слухи о прорвавшихся там силах русских танковых частей.

В состоявшихся в связи с этим телефонных разговорах между главнокомандующим армейской группировкой «Б» и мною снова выявилось единство взглядов в оценке положения. Фон Вейхс указал на то, что (по приказу ОКВ) в арм. группировке контрмеры принимаются (подробнее о них не говорил), но они еще не оказали своего действия. В целом его директива была такова: «6-й армии необходимо удерживать свои теперешние позиции».

21 ноября, утром, проволочная связь с армейской группировкой «Б» была прервана. До полудня, кроме срочных донесений, поступили также следующие важные донесения, разъясняющие серьезность положения:

1) От XI арм. корпуса (генерал от инфантерии Штрекер¹) о положении западнее Дона: «Положение на левом фланге (корпуса), уже отодвинутом назад, весьма сомнительное. Русские все больше захо-

¹ Штрекер К. — в 1942—1943 гг. командир XI корпуса 6-й полевой армии вермахта, с апреля 1942 г. генерал от инфантерии (более полные сведения обнаружить не удалось).

дят с запада, чтобы охватить нас с двух сторон. Пущены в ход последние резервы корпуса. Танковые дивизии, примакающие с юга, едва ли смогут держаться продолжительное время против превосходящих сил русских. Каково положение далее на западе, неизвестно. С командованием соседей слева (румыны) связи больше нет. Русские постоянно переправляют все больше частей через Дон».

2) О положении в районе 4-й танковой армии:

а) *От I арм. корпуса* (генерал артиллерии фон Зейдлиц): «По непроверенным сведениям, у соседа справа прорвавшиеся русские танки уже пересекли дорогу Сталинград—Котельниково. Есть предположение, что и южнее русские прорвались широким фронтом в р-не 4-й танковой армии».

б) *От обер-квартирмейстера 6-й армии*: «Части тыловых войск 4-й танковой армии с прошлой ночи отступают на западный берег Дона. Остальные части заняли тыловую линию охранения с северным флангом примерно в 30 км юго-восточнее Калача».

в) *Радиограмма от 4-й танковой армии*: «Положение на фронте армии неясно. Русские, по-видимому, с прорвавшимися танковыми частями продвигаются на юго-запад в направлении Котельниково, а также на северо-запад. Штаб армии, ввиду надвигающихся русских танков, переносится в район Цибенко».

Таким образом, положение проявилось с самой неблагоприятной стороны.

Под этим впечатлением я вылетел 21 ноября около 13.00 на двух самолетах из Голубинки в Нижне-Чирскую вместе с нач. штаба генерал-майором Шмидтом и двумя офицерами для поручений, после того как последние части оперативной группы штаба армии были отправлены туда еще в первой половине дня.

При посадке в самолет с северо-запада доносился шум боя, происходившего примерно в 4—5 км.

Штаб 6-й армии в Нижне-Чирской 21/22 ноября 1942 года

Уже из самолета и при посадке в Нижне-Чирской я увидел оживленное толчкообразное движение колонн и особенно эвакуацию раненых.

По прибытии на место расквартирования наряду с другими доносениями, подтверждавшими охарактеризованное выше положение, я получил еще одно, что со штабом 4-й танковой армии невозможно установить даже радиосвязь.

Вслед за этим у меня состоялся телефонный разговор с главным командующим армейской группировкой «Б» генерал-полковником фон Вейхсом, в котором я заявил примерно следующее:

«Высказанные вчера опасения относительно грозящего 6-й армии окружения подтвердились дальнейшим развитием событий». Затем я кратко передал содержание поступивших в штаб 6-й армии донесений и продолжил: «Поэтому я прошу оттянуть 6-ю армию в южную часть большой излучины Дона и на Чир. Тем самым можно одновременно освободить силы, чтобы восстановить связь с соседями и снова образовать сплошной фронт. Каким образом и в какой мере это будет проведено, зависит от развития ситуации. С принятием решения надо спешить, так как I арм. корпусу необходимо три дня для развертывания движения. Отступление армии, как это теперь уже можно видеть, возможно лишь с боями, так как оба фронта должны пробивать себе дорогу».

Вейхс ответил: «Я того же мнения и выскажу его в ставке. Но до принятия решения 6-я армия должна удерживать свои прежние позиции».

Около 20.00 по телефону и телеграфом поступил следующий, примерно, приказ из армейской группировки «Б»:

«По приказу фюрера (передан через ОКХ, нач. штаба генерал Цейтцлер¹) 6-й армии при всех обстоятельствах удерживать Сталинград и фронт на Волге. Если в случае разрыва флангов необходимо будет восстановить фронт армии, осуществлять это, не оставляя Сталинград. Командный пункт армии перевести в район восточнее Калача. IV корпус 4-й танковой армии (3 нем., 1 румынская дивизии) подчиняется 6-й армии. Контрмеры в целом принимаются. Дальнейший приказ последует».

Вышестоящее решение Гитлера было передано по телефону командирам корпусов с примерно следующим добавлением с моей стороны:

«Переданные сегодня приказом соображения и подготовительные мероприятия по отступлению корпуса за Дон и Чир все-таки проводить, чтобы в данном случае не терять времени. Я буду действовать и дальше в этом направлении. То, что отклоняют сегодня, может быть, поймут завтра».

Затем последовало дополнительное распоряжение I арм. корпусу подготовить в р-не Гумрака (примерно в 400 метрах от командного пункта) освободившееся место расквартирования штаба 295-й пех. дивизии (блиндажи) для уменьшенной оперативной группы штаба 6-й армии.

Поздно вечером 21 ноября состоялся еще один телефонный разговор с главнокомандующим армейской группировкой «Б».

¹ Цейтцлер К. (1895—1963) — в апреле—сентябре 1942 г. начальник штаба группы армий «Д», в сентябре 1942 г.—июле 1944 г. начальник ОКХ, с 31 января 1945 г. в отставке, с 1941(?) г. генерал-майор, с сентября 1942 г. генерал от инфантерии.

Подтвердив поступление вышеупомянутого приказа, я изложил примерно следующее:

«Между тем ситуация еще больше ухудшилась. Русские танки находятся уже на высотах северо-западнее Калача. Сомневаюсь, возможно ли вообще образование оборонительного кольца, согласно приказу. Передвижение частей может начаться 22 ноября. Но прежде всего я не знаю, какими силами должен быть заполнен прорыв между правым и левым флангами армии. Сумеет ли уйти XI арм. корпус, это еще вопрос. С переданным в мое ведение IV арм. корпусом связи у меня еще нет. Для строительства оборонительных позиций на новой линии фронта ничего не приготовлено. В степной области между Волгой и Доном нет строительных материалов, воды, топлива и т. д. Сам я вместе с оперативной группой штаба армии вылетаю завтра в Гумрак, так как единственное сухопутное сообщение через Калач стоит под вопросом. Я возобновлю свою просьбу об отступлении армии, которое теперь еще возможно, пусть даже с тяжелыми боями в перспективе. Предложение в письменном виде с обоснованием будет послано».

Генерал-полковник Вейхс ответил: «Буду действовать и дальше в духе вашей оценки положения, которую я разделяю. Но прежде всего вы должны выполнить полученный приказ».

Встреча с командующим 4-й танковой армией в Нижне-Чирской утром 22 ноября 1942 г.

22 ноября утром, около 7.00, остановился проездом в Нижне-Чирской командующий 4-й танковой армией генерал-полковник Гот с начальником штаба этой армии полковником Фангором, а также с частью штаба. Он появился у меня с бросающимся в глаза напускным спокойствием и сказал примерно следующее: «Штаб 4-й танковой армии по приказу из армейской группировки отзывается для строительства новой линии фронта в тылу и для встречи отступающих частей 4-й танковой армии. Что после перехода IV танкового корпуса под командование 6-й армии еще остается — я не знаю. Подробности о положении IV арм. корпуса мне также неизвестны. Я со своим штабом, как и штаб IV корпуса, с трудом ушел от русских танков. Вчера вечером они (танки) находились в районе южнее Цыбенко». После того как я кратко объяснил положение 6-й армии, он простился со мной в подавленном настроении примерно со следующими словами: «Мы больше, пожалуй, не увидимся».

22 ноября утром поступили, кроме других, еще следующие донесения:

а) *от XI арм. корпуса*: «Русские все перебрасывают свои силы через Дон в р-не западнее Клетской. Атаки русских против левого

фланга корпуса являются, очевидно, лишь прикрытием фланга главных частей, заходящих все дальше на запад. Кроме танков, продвигается на юго-восток также и сильная пехота. XIV танковый корпус в настоящее время обороняется в р-не Суханова от атак русских».

б) *от I арм. корпуса*: «Связь со штабом IV арм. корпуса (генерал саперных войск Йенеке¹) в р-не севернее Цыбенко установлена».

в) *от начальника донского предмостного укрепления*: «С северо-запада на Калач прорвались русские танки».

Телефонный разговор с главнокомандующим армейской группировкой «Б» в полдень 22 ноября

Сначала я доложил в целом о вышеуказанных сообщениях, затем сказал:

«Таким образом, мы непосредственно стоим перед окружением 6-й армии. Поэтому я повторяю свое предложение пробиваться на запад хотя бы из-за причин снабжения.

Я не могу себе представить, как можно армию численностью свыше 200 тысяч человек продолжительное время снабжать с воздуха. Даже в спокойные времена, когда нет крупного сражения, это потребовало бы 500—600 «Ю-52» ежедневно, не учитывая противодействия русской авиации и зенитной артиллерии. Сам я вылетаю сейчас с начальником штаба на новый командный пункт армии в Гумраке. Оставшаяся часть оперативной группы последует туда вечером».

Ответ генерал-полковника фон Вейкса:

«Нам тоже известно о вашем опасном положении. Я продолжаю действовать в духе 6-й армии. Всего хорошего!»

Между 13.00 и 14.00 я прибыл в Гумрак (из Нижне-Чирской) на самолете с нач. штаба и двумя офицерами для поручений.

Летели на высоте 800 метров. Уже в районе восточнее Калача можно было наблюдать сражение. Остальная часть оперативной группы штаба прибыла с наступлением темноты на двух самолетах «Ю-52».

Командный пункт штаба 6-й армии в Гумраке

С полудня 22.XI до 25.XI:

а) окружение 6-й армии;

---

¹ Йенеке Э. (1890—?) — в 1942—1943 гг. командир IV корпуса 6-й армии вермахта, с июля 1943 г. командующий 17-й армией, с ноября 1941 г. генерал-лейтенант, с ноября 1942 г. генерал инженерных войск, с января 1944 г. генерал-oberst.

б) предложения штаба 6-й армии прорваться через кольцо отклонены.

Расположение командного пункта 6-й армии

В целом имелось около 7—8 блиндажей, в которых расположились примерно 20 офицеров и 40 солдат. Один блиндаж для телефонной связи. Автомашины и полевая кухня были врыты в землю, снабжены сходнями и прикрыты навесом. Радиостанция находилась в стороне, в километре к северо-западу, и занимала 2 блиндажа. Она поддерживала связь со штабом армейской группировки и с ОКХ. Со штабами корпусов в окружении имелась телефонная связь.

Мои первые мероприятия по прибытии в Гумрак были направлены на то, чтобы образовать сплошной кольцевой фронт восточнее Дона, согласно приказу ОКВ от 21.XI, переданному через армейскую группировку. С этой целью штаб армии отдал следующие приказы:

а) XI арм. корпусу отступать с боями через Дон на занятие линии левого фланга VIII корпуса сначала вдоль Дона, затем, повернув назад, до р-на в 10 км северо-восточнее Калача.

б) Штабу XIV танкового корпуса присоединиться к XI арм. корпусу до р-на западнее Базаргино, там примкнуть к IV арм. корпусу.

На основании предварительных приказов охраняющие части стояли на названной линии с полудня 22 ноября.

Общая продолжительность этих продвижений рассчитывалась на 5—6 дней. Части продвигались планомерно.

Положение 22 ноября вечером

Независимо от выполнения спущенных сверху приказов предложения о прорыве из кольца в западном направлении снова были повторены по радио и письменно (отсылались самолетом). Также и подготовительные мероприятия штабов корпусов проводились таким образом, чтобы не задержать начала прорыва.

22 ноября, в то время как я в блиндаже нач. штаба вместе с генералом Шмидтом составлял новое предложение (радиограмму) прорыва, пришел фон Зейдлиц. Он принял участие в разговоре. Его высказывания достигли высшей точки в следующих (примерно) взволнованных словах: «Это же безумие оставаться здесь! Ведь тут мы погибнем! Мы должны как можно скорее выйти из котла».

Новое предложение штаба 6-й армии, суммируя и подчеркивая все прошлые предложения, гласило примерно следующим образом:

«Дальнейшее сопротивление, как приказано, в окружении невозможно. Слишком мало сил. Более чем половина фронта *не име-*

ет заготовленных позиций. Нет материалов для строительства оборонительных позиций. Прежде всего, нет леса для блиндажей. И все это перед началом русской зимы... Снабжение, пока имелась сухопутная связь, уже было недостаточным. Снабжение с воздуха еще более недостаточно.

Поэтому из-за зимних условий борьбы, которые люди выдержать не могут, и из-за недостаточного снабжения с воздуха, зависящего зимой от метеорологических условий, дальше в котле удержаться невозможно. Я еще раз и убедительно прошу дать немедленное разрешение на прорыв».

Такое же предложение было послано 23 ноября письменно, в подробном изложении, с точным подсчетом всего необходимого, через одного офицера самолетом в армейскую группировку «Б» и в армейскую группировку «Дон» (фельдмаршал фон Манштейн¹), которой 6-я армия стала подчиняться с 24 ноября. Все командиры корпусов были осведомлены об этом предложении. Они разделяли мнение штаба армии.

В течение 23 ноября 6-ю армию можно рассматривать как окруженную. Поздно вечером 23 ноября из ОКХ через армейскую группировку фон Вейхса поступило *решение Гитлера* в качестве ответа на мое предложение прорваться из котла... Помимо того что окружение под Сталинградом было вдруг неожиданно названо «крепостью», в *приказе* содержались следующие пункты:

а) точное установление линии фронта по карте 1:100 000 с задачей удержать эту «крепость» во всех случаях;

б) указание на предусмотренное на начало декабря наступление с целью освободить 6-ю армию из окружения силами новых частей во главе с 4-й танковой армией;

в) обещание снабжать с воздуха в достаточной степени².

24 ноября командир I арм. корпуса генерал артиллерии фон Зейдлиц в связи с разговором 22 ноября представил докладную записку. В ней кроме краткой характеристики *тактического* положения и состояния войск излагалась преимущественно вся серьезность положения со снабжением армии. Докладная записка достигла своего апогея в предложении самовольно, вопреки приказам сверху, прорваться из окружения, «*неся ответственность только перед немецким народом*».

¹ Манштейн Э. (Левински Ф.) фон (1887—1973) — в 1941—1942 гг. командующий 11-й армией, в 1942—1943 гг. командующий группой армий «Дон», с 1940 г. генерал от инфантерии, с 1942 г. генерал-oberст, с июля 1942 г. генерал-фельдмаршал.

² Гитлер обещал Паулюсу до деблокады окруженных частей снабжать их по воздуху, а Геринг поручился, что обеспечит снабжение в необходимых объемах.

Транспортные соединения 8-го авиакорпуса люфтваффе за 70 дней с конца ноября 1942 г. доставляли 6-й армии в среднем чуть более 90 тонн грузов ежедневно, а в период с 24 января по 2 февраля 1943 г. — по 77 тонн.

Я согласился с деловой характеристикой положения. Принимая во внимание стратегические последствия своевольных действий (Кавказский фронт), я решил представить эту докладную записку в армейскую группировку фон Манштейна как новую попытку, в духе моих прежних предложений, добиться разрешения на прорыв. Эта докладная записка, с вышеуказанным добавлением с моей стороны, была отослана с курьером на самолете в армейскую группировку «Дон» (фон Манштейн) 25 ноября.

Еще до того как докладная записка Зейдлица достигла армейской группировки, 25 ноября на рассвете ко мне поступило сообщение, что на радиостанции принимают приказ из ОКХ. Ввиду исключительной напряженности, ожидая разрешения на прорыв, просьба о котором несколько раз и настойчиво повторялась, я сам отправился на радиостанцию, расположенную на расстоянии 1 км, и присутствовал при расшифровке радиограммы.

Приказ ОКХ гласил примерно так: «Восточный и северный участки фронта 6-й армии, вплоть до железной дороги южнее полустанка, южнее Котлубань, передать под единоличное командование генерала артиллерии фон Зейдлица, командира I арм. корпуса, который за удержание этого фронта *несет непосредственную ответственность перед фюрером...*»

Радиограмму с этим приказом, который я должен был воспринять как недоверие к моей персоне, я лично передал генералу фон Зейдлицу на его расположенном вблизи командном пункте. На мой вопрос, как он относится теперь к идее прорыва вопреки приказу свыше, он ответил мне, что при этих обстоятельствах (т. е. при его непосредственной ответственности перед Гитлером) ему не остается ничего другого, как придерживаться приказа.

Все последующее время было занято перегруппировкой сил, переустройством линии обороны, организацией снабжения с воздуха в условиях окружения (эвакуация и пополнение), а также подготовкой к наступлению 4-й танковой армии для освобождения 6-й армии.

После перегруппировки сил выявилась следующая картина состава войск: общее число состоящих на довольствии в момент начала русского наступления — 300 000 человек круглым счетом. В окружении в конце ноября на довольствии состояло 220 000 (округленно)¹. Боевое снаряжение войск в окружении: около 3200 орудий, включая противотанковые пушки и гранатометы, 200 танков.

¹ Состав окруженных частей 6-й армии непосредственно после замыкания кольца (23.XI.42 г.) — около 220 000 чел. Вылетели с 23.XI.42 г. по 24.I.43 г. раненые — около 42 000 чел., осталось — 178 000 чел.

По сведениям русских, было взято в плен: а) с 10.I по 29.I.43 г. — 16 800; б) после прекращения борьбы — 91 000. Всего — 107 800 чел. Так что в окружении пало 70 200 чел. (Прим. документа.)

80 000 человек разницы составляли тыловые службы и части, а также эвакуированные части армии за пределами кольца окружения.

Снабжение с воздуха

Для этого были предоставлены аэродром Питомник и два небольших запасных аэродрома под Гумраком. План ОКВ по снабжению с воздуха не учитывал ни метеорологических условий зимы, ни изменения ситуации, которое вызывало постоянное перемещение базы воздушного снабжения все дальше на запад. Отсюда результат, что многие дни совсем ничего не получали, а в другие, вместо ежедневного минимума в 600 тонн, прибывало самое большее 140 тонн, но чаще лишь 80—100 тонн.

С потерей Гумрака (24.I.43 г.) снабжение с воздуха вообще прекратилось, если не считать, что иногда сбрасывали в минимальном количестве самое необходимое.

Наступление 4-й танковой армии (командующий генерал-полковник Гот) из р-на юго-западнее Котельниково¹ для освобождения 6-й армии

Обмен мнениями, письменно и по радио, между 6-й армией и армейской группировкой «Дон» (фельдмаршал фон Манштейн) относительно наступления 4-й танковой армии можно резюмировать в двух совещаниях, состоявшихся на командном пункте штаба армии в Гумраке. Для этого в окружение прилетели нач. штаба арм. группировки «Дон» генерал-майор Шульц (27.XI.42 г.) и нач. оперативного отдела штаба группировки полковник Буссэ (30.XI.42 г.).

Оба совещания состоялись в блиндаже нач. штаба 6-й армии генерал-майора Шмидта и касались одних и тех же вопросов. Оба, как Шульц, так и Буссэ, изложили намерения верховного командования следующим образом:

«6-я армия должна удержать Сталинград во что бы то ни стало. Перед 4-й танковой армией (8—9 дивизий) поставлена задача, выйдя из районов юго-западнее Котельниково и южнее Нижне-Чирской, установить связь с 6-й армией и отвоевать первоначальную линию фронта 4-й танковой армии. В качестве первой помощи по снабжению 6-й армии 4-я танковая армия поведет с собой крупный конвой на машинах с грузом в 3000 тонн».

Мой ответ: «Я остаюсь на своей точке зрения, известной в арм. группировке, что этот план не представляет собой решение проблемы Сталинграда:

¹ Имеется в виду п. Котельниковский. (Прим. ред.)

1) 4-я танковая армия не так сильна, чтобы наверняка прорвать кольцо вокруг Сталинграда, если 6-я армия не начнет одновременно с этим прорываться на юг.

2) Если Гот не достигнет этой цели, положение 6-й армии еще более ухудшится, так как тогда и последние резервы будут связаны. Тем самым последняя возможность на прорыв 6-й армии исчезнет.

3) Также, если Гот, выступив один, не достигнет своей цели, пропадет всякая надежда улучшить коренным образом серьезное положение со снабжением 6-й армии. В таком случае возможность дальнейшего сопротивления уже из-за одних причин снабжения (не говоря о людских силах) резко ограничивается.

4) Кроме того, стабилизация положения на прорванном Донском фронте пока еще ни в коей мере не предвидится, так что ко всему даже при удаче наступления Гота и 4-я танковая армия окажется перед угрозой быть отрезанной.

Поэтому мое предложение имеет в виду единственное верное решение: выйти из ловушки Сталинграда. Для этого 4-я танковая армия должна наступать на северо-восток, 6-я армия на юго-запад, чтобы встретиться на господствующей возвышенности в 60 км юго-западнее Сталинграда. Оба наступления должны быть согласованы по времени.

Тогда 6-я армия окажется действительно спасенной, а командование получит резервы для строительства новой линии фронта».

Генерал Шульц, как и полковник Буссэ, соглашаясь со мной, заявили, что и фельдмаршал фон Манштейн разделяет мнение 6-й армии.

Мой ответ на это: «В таком случае я дам распоряжение относительно прорыва 6-й армии, чтобы пробиться навстречу Готу».

Оба представителя арм. группировки заявили мне, что об этом пока речи нет. Что сейчас в силе приказ фюрера удерживать Сталинград. Что мероприятия по подготовке к прорыву можно будет провести лишь после того, как поступит согласие сверху.

Для непосредственных переговоров между штабом 6-й армии и арм. группировкой «Дон» в начале декабря была установлена прямая беспроволочная связь. Она существовала до начала января.

4-я танковая армия выступила 8 декабря и достигла вышеупомянутую, имеющую большое значение, возвышенность в 60 км юго-западнее Сталинграда, но уже в начале второй половины декабря была отброшена на Котельниково. Разрешения выступить ей навстречу 6-я армия не получила. Таким образом, рухнула всякая возможность освобождения из котла.

Еще больше ухудшилось также и положение на Донском фронте в декабре вследствие прорыва русских по фронту и в глубину в р-не 8-й итальянской армии.

Миссия генерала танковых войск Хюбе

В 20-х числах декабря в Восточную Пруссию, в штаб-квартиру Гитлера, по его приказу был вызван генерал танковых войск Хюбе для доклада о Сталинграде. Примерно 6 января 1943 года Хюбе возвратился самолетом в Сталинград. В моем блиндаже под Гумраком в присутствии нач. штаба армии генерала Шмидта он изложил следующее:

«Относительно Сталинграда фюрер полон уверенности. Теперь перед 6-й армией стоит историческая задача держать Сталинград до последнего, даже если к концу фронт окажется в черте города.

6-я армия должна сковывать крупные силы русских и выиграть время, чтобы дать возможность перестроить южный участок Восточного фронта, занятый прежде союзниками.

До середины февраля будут подготовлены для мощного контрудара значительные свежие силы, а также войска оттянутой армейской группировки «Кавказ». Тогда теперешний кризис повернется в сторону победы».

Затем Хюбе подробно сообщил о своих личных наблюдениях: о перевозке большого количества войск по железным дорогам и о продвижении танковых соединений в Восточной Украине. И что, кроме этого, находятся в пути, например, танковая дивизия «Великая Германия», танковая дивизия СС «Лейбштандарт»¹ и др. Я просил Хюбе, чтобы он информировал командиров корпусов о своей миссии.

Предложение русских капитулировать

8 января 1943 года русское командование, сбросив листовки с предложением капитулировать, послало своих парламентаров на различные участки фронта. По приказу штаба армии на основании общего приказа фюрера, запрещающего идти на капитуляцию, парламентары не были приняты. В вопросе отклонения возможности капитулировать было полное согласие между мною и командирами корпусов, с каждым из которых я говорил по телефону.

10 января началось крупное наступление русских на окруженную армию с запада и с юга. 24 января был потерян последний аэродром в Гумраке. С 25 января фронт был ограничен чертой города. Штаб армии находился с 25 января в Сталинграде в подвальном помещении универсама.

---

¹ В 1942 г. на базе полка «Гроссдойчланд» была создана моторизованная дивизия «Гроссдойчланд», фактически танковой она стала к лету 1943 г. Дивизия «Лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» была моторизованной, танковой она стала также в 1943 г.

В 20-х числах января, еще раз указывая на катастрофические, невыносимые условия, я послал радиogramму в арм. группировку «Дон» и ОКХ с просьбой предоставить мне свободу действий в смысле прекращения борьбы.

На это пришла *через ОКХ* следующая *радиogramма*:

«Капитуляция исключена. 6-я армия выполняет свою историческую задачу тем, что благодаря ее упорному сопротивлению до последнего становится возможным образование нового фронта и оттягивание арм. группировки с Кавказа». Подпись: *Адольф Гитлер*.

Дословный текст этой радиogramмы был отправлен в штабы корпусов.

В следующей радиogramме ОКХ было приказано:

«В случае если армия окажется расщепленной на части, последним самостоятельно вести борьбу до последнего. Установить радиосвязь не только с арм. группировкой, но и непосредственно с ОКХ».

Последние бои с 25 по 31 января, некоторые до 2.II.43 г.

25 января 1943 года генералы фон Зейдлиц и Пфеффер¹ посетили меня на командном пункте армии в помещении универмага. Вследствие сокращения численности войск и реорганизации порядка подчинения они остались без командной власти. Оба многословно говорили о положении в частях — истощение, недостаток продовольствия, перевязочного материала и медикаментов, боеприпасов — и заключили свои слова вопросом, какой смысл бороться дальше и не следует ли положить этому конец.

Я ответил: «Страдания армии беспокоят меня не меньше, чем вас. Но нам не только ОКВ и ОКХ, а также и фон Манштейн ежедневно повторяют, что важен каждый день, выдержанный нами, чтобы выиграть время для создания нового фронта. Значит, теперь речь идет о том, чтобы мы своим упорством предотвратили крушение Восточного фронта, из-за которого и другие сильные части войск претерпели бы ту же судьбу, что и мы. Поэтому весь дальнейший ход войны решающим образом зависит от нашего поведения под Сталинградом».

27 января наступлением русских окруженная армия была поделена на две части: южную (южная часть и центр города) и северную (северная часть города). Последняя находилась под командованием генерала от инфантерии Штреккера. Часть русских войск с боями все дальше проникала в город. Наше сопро-

---

¹ Пфеффер М. — в 1942 г. командир 297-й пехотной дивизии, с января 1943 г. командир IV корпуса 6-й армии вермахта, с 1942 г. генерал-лейтенант, с января 1943 г. генерал артиллерии (более полные сведения обнаружить не удалось).

тивление ограничилось теперь обороной отдельных кварталов. Возможности единого руководства уже не имелось.

30 января вечером мною, нач. штаба генералом Шмидтом и командиром 71-й дивизии генералом Роске¹ обсуждался вопрос обороны кварталов, соседних универмагу. а 31 января оборона казалась обеспеченной. Поздней ночью после совещания, сильно переутомленный, я прилег в шинели, не расстегиваясь, немного отдохнуть в своем подвальном помещении.

Рано утром 31 января, около 6—7 часов, ко мне пришли нач. штаба генерал Шмидт и генерал Роске. Шмидт положил передо мной радиограмму из ОКХ, содержание которой гласило: «Фюрер произвел вас в чин фельдмаршала». Подпись: нач. штаба сухопутных войск. Цейтцлер. Генерал Шмидт добавил: «Кстати, русские стоят непосредственно перед универмагом».

Генерал Роске доложил, что резервов, которыми он располагал еще вчера вечером, больше не имеется. Поэтому он просил разрешения прекратить борьбу на всех оставшихся участках южного района. Я дал свое согласие на это. Генералы Роске и Шмидт удалились затем для переговоров с русскими офицерами. Примерно два часа спустя нач. штаба 64-й русской армии увез меня вместе с офицерами штаба нашей армии на машинах.

Примечание. Все вышестоящие сведения — среди них некоторые приказы и разговоры, изложенные в прямой речи, — даны лишь по памяти.

Они представляют собой историческое по содержанию ядро тогдашних событий. В подробностях, особенно относительно времени, места и указанных второстепенных лиц, возможны неточности...

Фридрих Паулюс,
генерал-фельдмаршал
бывшей немецкой армии

ЦА ФСБ РФ, д. ПФ 10545, т. 3, л. 199—222.
(перевод с немецкого)

---

¹ Роске — с 1943 г. командир 71-й пехотной дивизии, генерал-майор (более полные сведения обнаружить не удалось).

КУРТ ЦЕЙТЦЛЕР

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА

Курт Цейтцлер (1895—1963) — в апреле—сентябре 1942 г. начальник штаба группы армий «Д», в сентябре 1942 г.—июле 1944 г. начальник ОКХ, с 31 января 1945 г. в отставке, с сентября 1942 г. генерал от инфантерии. Эта статья — извлечение из книги «Роковые решения» (Воениздат, 1958. С. 153—209).

Siegfried Westphal, Werner Kreipe, Günther Blumentritt,
Fritz Bayerlein, Kurt Zeitzler, Bodo Zimmerman, Hasso von
Manteuffel

THE FATAL DECISIONS

NEW YORK — 1956

Намерения Гитлера

Планируя летнее наступление 1942 г., Гитлер намеревался прежде всего захватить Сталинград и Кавказ.

Осуществление этих намерений, безусловно, имело бы огромное значение. Если бы немецкая армия смогла форсировать Волгу в районе Сталинграда и таким образом перерезать основную русскую коммуникационную линию, идущую с севера на юг, и если бы кавказская нефть пошла на удовлетворение военных потребностей Германии, то обстановка на Востоке была бы кардинальным образом изменена и наши надежды на благоприятный исход войны намного возросли бы. Таков был ход мыслей Гитлера. Достигнув этих целей, он хотел через Кавказ или другим путем послать высокоподвижные соединения в Индию.

Следовало, однако, учитывать реальное положение вещей.

Военные цели всегда нужно приводить в соответствие с наличными силами и средствами. С чисто тактической точки зрения недостаточно достичь цели — важно закрепиться на захваченном объекте. Если это не будет сделано, то наступательная операция, какой бы заманчивой ни была ее цель, с самого начала будет содержать в себе зародыш неудачи, если не полного поражения.

Весной 1942 г. наша линия фронта проходила в 500 километрах от Сталинграда. Кавказ был еще дальше, на расстоянии более 600 километров. Кроме того, эти районы находились на расстоянии около 600 километров друг от друга, и поэтому обе наступательные операции, начавшись на одном участке фронта, затем должны были проводиться по расходящимся операционным направлениям.

Возник естественный вопрос: хватит ли наличных сил, чтобы захватить эти два столь отдаленных от линии фронта и друг от друга района? Ответ был отрицательный. Можно ли найти необходимые для операции силы? Этот вопрос был поставлен перед Гитлером его военными советниками, а решение его, насколько мне известно, было предложено генералом Йодлем. Заключалось оно в том, чтобы потребовать свежие дивизии от союзников Германии. Тогда на Восточном фронте можно было бы сосредоточить силы, необходимые для осуществления намерений Гитлера в кампании 1942 г. Это была первая роковая ошибка 1942 г.

Каждый немецкий офицер и солдат, который воевал на Востоке в 1941 г., видел, что войска немецких союзников не отвечают требованиям войны на этом суровом театре военных действий. В 1941 г. войска наших союзников состояли в основном из небольших отрядов — отборных частей, которые воевали обычно в составе немецких соединений. В 1942 г. эти иностранные войска были сведены в однородные национальные корпуса и даже армии, воевавшие на огромных расстояниях от своей родины. Было совершенно очевидно, что такие соединения могли поставить под угрозу весь наш Восточный фронт. Но Гитлер был опьянен цифрами, он видел только то, как увеличилось количество дивизий на его штабных картах. Мой предшественник на посту начальника генерального штаба генерал Гальдер, безусловно, понимал, какие опасности таились в этом плане, и настойчиво указывал на них Гитлеру. Однако диктатор не посчитался с его предупреждениями.

Начало наступательных действий

Наступление началось в конце июня. Впереди, образуя острие клина, шли немецкие дивизии, а за ними следовали войска наших союзников. Наступление проводилось силами двух групп армий. Слева находилась группа армий «Б» под командованием фельдмаршала фон Бока (позже он был сменин фельдмаршалом фон Вейхсом), справа действовала группа армий «А», которой командовал фельдмаршал Лист. Ставка Гитлера передислоцировалась из Восточной Пруссии на Украину, в район Винницы. Начало кампании ознаменовалось целой серией побед. В июле были захвачены Краснодар и Ставрополь и взято много пленных. В конце августа на Эльбрусе, самой высокой точке Кавказских гор, был поднят немецкий флаг. В это же время наши передовые части вышли к Волге в районе Сталинграда.

Тогда нам казалось, что наша первая главная цель достигнута. Но, увы, это был мираж. Вскоре наше наступление здесь было приостановлено. Пришел конец и нашим успехам на Кавказе, а в районе Сталинграда русские стали оказывать отчаянное сопротивление.

Кризис в верховном командовании

Первым признаком того, что наше наступление захлебнулось, было снятие фельдмаршала Листа с его поста. В течение некоторого времени на его место никто не назначался и группой армий «А» командовал заместитель Листа.

В конце сентября с поста начальника генерального штаба был снят генерал-полковник Гальдер. В это время я был начальником штаба группы армий¹. Неожиданно и не сообщая о причине, меня вызвали в штаб верховного главнокомандующего. Как только я прибыл в ставку, Гитлер, по своему обыкновению, обратился ко мне с многочасовым монологом. Невозможно было перебить его речь, в которой он выражал свою глубокую неудовлетворенность ходом событий на Восточном фронте и провалом наступления. Как всегда, Гитлер не стал искать действительных причин постигших нас неудач. В данном случае причиной был ошибочный выбор целей наступления и недостаток сил и средств для достижения поставленных перед войсками задач. Всю вину Гитлер свалил на войска и их командиров — это было для него гораздо удобнее. Особенно резко он говорил о якобы полной некомпетентности фельдмаршала Листа и генерал-полковника Гальдера.

Неожиданно он закончил свою речь словами: «Итак, я решил назначить вас начальником генерального штаба». Это был обычный метод Гитлера. Совершая ошибку, он сваливал свою вину на другого, снимал его с должности и на его место назначал нового человека. Он никогда не делал правильных выводов из своих неудач, иначе он мог бы, если не исправить ошибки, допущенные в прошлом, то по крайней мере уменьшить влияние их на события в будущем.

Приступив к обязанностям начальника генерального штаба, я сразу же почувствовал, что после провала нашего наступления на Востоке в штабе верховного главнокомандующего сложилась какая-то странная обстановка. Офицеру, прибывшему сюда с фронта, эта атмосфера, пропитанная недоверием и враждой, казалась не только странной, но и просто невероятной. Никто не доверял своим коллегам, а Гитлер подозревал в измене каждого.

Многие офицеры, считая, что они попали в немилость, приходили в уныние и совершенно теряли мужество. Лист и Гальдер были не единственными жертвами гитлеровского раздражения. Над Йодлем тоже нависла черная туча. Бешенство Гитлера вызывали армии Восточного фронта в целом и особенно командующие армиями и группами армий. Теперь фюрер вел совершенно замкнутую жизнь, одиноко размышляя о своих подозрениях. Ни с кем из генералов он не здоровался за руку. На время обеда или ужина он предпочитал теперь уединяться. Когда ему надо было присутствовать на штабных совещаниях, он входил, холодно кланялся и, сердито нахмурив брови, выслушивал краткие доклады своих советников. Затем опять холодно кивал головой и покидал зал.

---

¹ Генерал-полковник Цейтцлер был начальником штаба группы армий «Д». (Прим. ред.)

Лист и Гальдер стали козлами отпущения за провал операции. Временная немилость к Йодлю имела, как я слышал, длинную и запутанную историю. Начальник штаба оперативного руководства вооруженными силами Йодль был ближайшим военным советником Гитлера. Гитлер послал его на Кавказ в качестве своего личного представителя. Он должен был заставить командиров и войска возобновить наступательные действия хотя бы с целью преодоления Кавказских гор. Но Йодль вскоре после прибытия туда убедился, что войска совершенно выдохлись и о дальнейшем наступлении не может быть и речи.

Вернувшись в ставку, Йодль рассказал Гитлеру о сложившемся на Кавказе положении. Это не понравилось Гитлеру, и он закричал: «Вам было приказано заставить командиров и войска наступать, а не говорить мне, что это невозможно!» Гитлер открыто сравнил доклад Йодля о положении на Кавказе с известным докладом Хенча во время Первой мировой войны. Представитель немецкого верховного командования полковник Хенч в 1914 г. обрисовал обстановку на Западном фронте в таком свете, что командование приняло решение об отступлении. На Хенча была свалена вся вина за поражение немецких войск на Марне. Йодль попал в немилость, и встал вопрос о снятии его с поста начальника штаба оперативного руководства вооруженными силами. На его место предполагалось назначить командующего 6-й армией.

Итак, в атмосфере, которая существовала тогда в штабе верховного главнокомандующего, откровенное и объективное обсуждение обстановки было невозможно. Такое положение должно было пагубно сказаться на проведении военных операций и тяжким бременем лечь на плечи наших боевых войск.

Таковы были мои первые, далеко не успокоительные, впечатления на должности начальника генерального штаба.

Обстановка на Восточном фронте

Если в штабе верховного главнокомандующего атмосфера была беспокойной, то на Восточном фронте в целом сложилась благоприятная обстановка.

Наши две северные группы армий — группа армий «Север» под командованием фельдмаршала фон Кюхлера и группа армий «Центр» фельдмаршала фон Клюге — не принимали непосредственного участия в летнем наступлении, и на их фронте пока было сравнительно тихо. Но прогнозы на будущее были не слишком безоблачными, главным образом из-за отсутствия сколько-нибудь значительных резервов в их тылу. На фронте этих двух групп армий имелся ряд потенциально опасных участков, особенно в районе Ладожского озера, северо-восточнее Ленинграда и демянского

мешка, где немецким войскам был оставлен лишь единственный узкий коридор.

Что касается двух других групп армий, участвовавших в летнем наступлении, то на них неотвратимо надвигалась катастрофа. Она должна была вот-вот разразиться в двух районах. Во-первых, на растянувшемся левом крыле группы армий «Б» фельдмаршала фон Вейхса северо-западнее Сталинграда, где находились только дивизии наших союзников. Во-вторых, в районе между Сталинградом и Кавказом, где образовался огромный разрыв между двумя немецкими группировками. Наши подвижные соединения быстро преодолели огромное степное пространство, но не смогли создать непрерывную линию фронта.

Наши армии Восточного фронта попали в критическое положение не по своей вине. Они воевали блестяще. Их боевые достижения будут выглядеть еще внушительнее, если вы примите во внимание, что войска во многих случаях вели боевые действия без отдыха в течение 18 месяцев и что почти всегда им противостояли превосходящие силы русских. Армии понесли большие потери в боевой технике, а личный состав был крайне переутомлен.

Части не были доведены до штатной численности, оружия не хватало, а изредка присылаемые пополнения были явно недостаточны. В таких условиях нашим войскам предстояло выполнить задачу, которая даже в идеальных условиях показалась бы сверхчеловеческой.

Вот какой была обстановка на Восточном фронте в конце сентября 1942 г. Гитлер, конечно, знал обо всем этом, но игнорировал большие трудности, стоявшие перед нашими войсками. Он продолжал настаивать, чтобы обе наступающие группы армий продолжали продвижение вперед, несмотря на полное истощение их сил. Он был полон решимости захватить оставшуюся часть Сталинграда, кавказские месторождения нефти и сам Кавказ. Но наступление повсеместно застопорилось. Гитлер полагал, что оно должно возобновиться путем проведения небольших наступательных действий. В Сталинграде он приказал провести серию атак с целью захвата города квартал за кварталом и даже здание за зданием. На Кавказе войскам тоже было приказано непрерывно атаковать противника. Гитлер настаивал, чтобы, несмотря ни на какие потери, наступление продолжалось хотя бы в миниатюре.

В течение первых нескольких недель моего пребывания на посту начальника генерального штаба я тщательно изучил обстановку на Восточном фронте, состояние наших войск, а также силы, которыми располагал противник. Затем я попросил у Гитлера разрешения представить ему детальный и сугубо конфиденциальный доклад. Он согласился.

Мой доклад об обстановке

Я начал свой доклад с точного и обстоятельного анализа условий, в которые попали немецкие войска на Восточном фронте, а затем перешел к тщательной оценке положения нашего противника. Во втором случае я основывался на подробных данных разведывательного отдела генерального штаба, известного под названием «Иностранные армии на Востоке». В заключительной части своего доклада я коснулся выводов, которые мы должны были сделать как для немецких, так и для русских войск, и дальнейшего развития событий, которого следовало ожидать в течение ближайших недель и месяцев. Я закончил доклад пятью четкими требованиями.

Первая часть моего доклада была изложена в форме, доступной для человека, не сведущего в военных вопросах. Я приводил многочисленные статистические данные, таблицы и карты. Например, была сделана таблица соотношения сил обеих сторон на один километр фронта. В ней указывались точные данные о количестве немецких солдат и солдат наших союзников, артиллерийских стволов, противотанковой артиллерии и т. д. на различных участках фронта. Здесь же приводились аналогичные цифровые данные о русских войсках. Таким образом, эта таблица доходчиво и внушительно убеждала в численном превосходстве противника. Статистические данные рассказывали о русских людских ресурсах, вооружении, боеприпасах, месячной продукции танковых и оружейных заводов и свидетельствовали о все возрастающем потоке предметов снабжения, поступающих в Россию из США.

Все эти данные необходимы для того, кто хочет составить объективное представление о своих собственных силах и силах противника и кто стремится предугадать вероятный ход событий в ближайшем будущем. Как начальник генерального штаба, я добился того, что эти положения всеми были приняты безоговорочно. А на самого Гитлера, можно без преувеличения сказать, мой доклад произвел потрясающее впечатление. Он ни разу меня не прервал, что он обычно делал, когда докладываемые факты ему не нравились или, как он часто говорил, носили «пораженческий характер». Как правило, в таких случаях он прекращал самый обстоятельный доклад, приказывая говорящему остановиться. Гитлер был равнодушен к статистическим данным, и масса цифр, которые я привел для подкреплений выдвинутых мною положений, вероятно, воздействовала на него так же сильно, как и мои убедительные диаграммы. Впрочем, он, может быть, просто не хотел расстраивать «нового человека» в самом начале нашей совместной работы.

Я был удовлетворен тем, что сказал Гитлеру голую правду сразу же после вступления на пост начальника генерального штаба. Пока все шло хорошо. Но вот я подошел к самой трудной части доклада — к пяти выводам или требованиям, если их так можно назвать, которые вытекали из моего доклада и которые я сформулировал следующим образом.

1. В связи с летним наступлением территория, захваченная на Востоке, больше не соответствует размерам оккупирующей ее армии. Другими словами, слишком мало солдат находится на таком огромном пространстве. Если эти два фактора не будут приведены в соответствие, катастрофа неизбежна.

2. Самым опасным участком Восточного фронта, несомненно, является левое крыло группы армий «Б», занимающее участок фронта от Сталинграда до стыка с левым соседом — группой армий «Центр». Количество войск здесь незначительно. Кроме того, этот участок фронта удерживается самыми слабыми и самыми ненадежными солдатами: румынами, итальянцами и венграми. Итак, здесь создалась серьезная опасность, которую необходимо ликвидировать.

3. Приток людского состава, боевой техники, оружия и боеприпасов на Восточный фронт явно недостаточен и не может возместить потери наших войск. Это должно привести к губительным последствиям.

4. В 1942 г. боеспособность русских войск стала гораздо выше, а боевая подготовка их командиров лучше, чем в 1941 г. Этот факт следует принимать в расчет. Мы должны проявлять значительно большую осторожность.

5. В этом пункте я коснулся необходимости улучшения работы тыла, повышения пропускной способности железных дорог и других, главным образом технических, проблем.

К моему удивлению, Гитлер слушал эти выводы и требования очень внимательно. Казалось, они даже произвели на него известное впечатление. Когда я кончил, он улыбнулся и сказал: «Вы отчаянный пессимист. Здесь, на Восточном фронте, мы пережили куда худшие времена и то остались живы. Справимся и с новыми трудностями».

Что касается моих окончательных выводов, то он постарался умалить их значение. Он сказал: «Конечно, на некоторых участках фронта русские имеют численное превосходство. Но ведь наши солдаты превосходят по своему качеству солдат противника. И оружие у нас лучше. К тому же вскоре у нас будет новое оружие, еще лучше прежнего».

Вот как реагировал Гитлер на мой доклад. Вопросы, поднятые в моем докладе, он считал решенными. Как начальник генерального штаба, я надеялся, что хотя бы часть сказанного мною останет-

ся в голове верховного главнокомандующего, что он будет думать о моих замечаниях и мой доклад в конце концов принесет хоть какую-то пользу. Я уже знал, что убедить в чем-либо Гитлера можно, только снова и снова напоминая ему об этом. Так я и делал в течение нескольких недель, повторяя мои пять требований. Что же было сделано нами за те несколько недель, которые остались до большого русского контрнаступления?

Немецкие приготовления

Мои пять требований произвели на Гитлера гораздо большее впечатление, чем я ожидал. Прежде всего, он отдавал себе полный отчет об опасности на огромном участке Восточного фронта между Сталинградом и группой армий «Центр». Следовательно, его советники могли внушить ему ту или иную мысль, если они часто повторяли ее, твердо придерживаясь своей точки зрения. Ведь заставил же я Гитлера осознать опасность положения, создавшегося на левом фланге группы армий «Б». Теперь, когда он знал об этой опасности, следовало избрать один из трех возможных путей, чтобы избежать ее.

Первый путь — кардинальный и наиболее эффективный — отвести войска Сталинградского фронта на запад, таким образом укоротить опасный левый фланг и высвободить большое количество дивизий, которые можно затем использовать в другом месте. В этом случае мы имели бы сильный новый фронт и одновременно создали бы в своем тылу необходимый нам подвижной резерв. Достоинства данного решения, которое было, несомненно, самым лучшим, должны быть очевидны каждому. Но это привело бы к оставлению Сталинграда — основной цели нашего летнего наступления, то есть явилось бы запоздалым исправлением первоначальных ошибок, допущенных верховным командованием при планировании данного наступления.

Этот путь оказался совершенно неприемлемым для Гитлера. Он выходил из себя, когда на подобное решение проблемы только намекали в его присутствии. Несмотря ни на какие обстоятельства, Гитлер всегда принципиально отказывался соглашаться на оставление какой бы то ни было территории. На этом принципе, если его так можно назвать, Гитлер особенно упорно настаивал в своей знаменитой речи о Сталинграде, с которой он обратился к немецкому народу в октябре 1942 г. Он сказал: «Немецкий солдат остается там, куда ступит его нога». И далее: «Вы можете быть спокойны — никто не заставит нас уйти из Сталинграда». Эти утверждения укрепили его упрямство, и удержать Сталинград стало теперь для Гитлера вопросом его личного престижа. Ничто не могло заставить его передумать.

Второй путь являлся, в сущности, вариантом первого. Предполагалось, что в течение некоторого времени мы будем удерживать свои позиции в Сталинграде. Проведя необходимые мероприятия, мы оставим город перед самым контрнаступлением русских войск. Это было компромиссное решение. Оно имело все недостатки, свойственные компромиссам, и все-таки это было решение, хотя оно и содержало в себе одно большое «но», не поддающееся учету. Позволит ли нам русский климат осуществить такой отход, когда наступит критический момент? Поэтому второй путь казался опасным. Впрочем, Гитлер не принял его, хотя казалось, что это решение ему понравилось по той простой причине, что оно давало возможность отложить рассмотрение вопроса. Он никогда не принимал неприятного решения сразу, если мог вернуться к нему позже. Свойственную ему нерешительность Гитлер прикрывал тем, что он якобы «дает обстановке возможность созреть».

Третий путь состоял в замене ненадежных армий наших союзников, удерживавших опасный участок фронта, хорошо оснащенными немецкими дивизиями, поддержанными мощными резервами. Для проведения этого решения в жизнь немецкое верховное командование не располагало ни достаточными резервами войск, ни боевой техникой. Чтобы заменить венгров, румын и пр. немцами, необходимо было снять немцев с других участков Восточного фронта. переброска их вдоль фронта была бы очень трудна, а если учесть плохую систему коммуникаций в России, то проведение этого мероприятия было бы сопряжено с невероятными осложнениями. Вполне вероятно, что русские, контрнаступления которых мы теперь ожидали, нанесли бы удар по нашему левому флангу как раз во время смены войск. Итак, это решение тоже не было принято.

Таким образом, ни один из трех путей выбран не был: первые два — из-за упрямства Гитлера, третий — как неосуществимый в тех обстоятельствах. Вместо этого решено было провести отдельные незначительные мероприятия, которые, по признанию генерального штаба, не могли кардинальным образом повлиять на сложившуюся обстановку. Многие сомневались, что проведение этих мероприятий принесет какую-либо пользу. Но мы должны были сделать все возможное, чтобы облегчить проведение в жизнь решения № 2, когда начнется наступление русских. Если бы опасность, о которой мы говорим, не была сначала чисто предположительной, Гитлер, по всей вероятности, одобрил бы это решение.

Некоторые из проводимых нами мероприятий заключались в следующем.

На опасном левом фланге был создан небольшой резерв. В него входил один танковый корпус в составе двух дивизий — одной не-

мецкой и одной румынской. Во всех отношениях этот корпус был очень слаб.

В промежутках между дивизиями наших союзников были расположены небольшие немецкие части, такие, как противотанковые дивизионы, взятые из резерва ОКВ. Предполагалось, что этими частями будут усилены войска, расположенные на опасных участках фронта. Посредством подобной «тактики усиления» командование надеялось укрепить дивизии наших союзников, воодушевить их и оказать им помощь в отражении наступления противника. В случае если соединения наших союзников будут смяты, части усиления удержат свои позиции и ограничат прорыв противника. Тогда создадутся благоприятные условия для нашего контрудара. Это был хорошо продуманный план, но и он имел очевидные изъяны. Если войска союзников, находящиеся между нашими частями усиления, будут разгромлены слишком быстро и если мы своевременно не будем располагать достаточными силами для нанесения контрудара, части усиления окажутся в безнадежном положении и в конце концов будут списаны со счета. Следовательно, и «тактика усиления» была весьма сомнительным выходом из положения.

К штабам крупных соединений наших союзников была прикомандирована группа связи, состоявшая из офицеров генерального штаба и подразделений связи. Штабы наших союзников не имели такого опыта и дисциплины, как немецкие. Кроме того, их структура командования и система связи были громоздки и медлительны. Мы надеялись, что созданные нами группы связи компенсируют эти недостатки.

В широких масштабах мы практиковали радиообман с целью скрыть от противника тот факт, что на левом фланге не было немецких войск, и создать у него неправильное представление о наших силах на этом участке фронта.

Выше были перечислены лишь некоторые из намеченных нами мероприятий. Проведение их в жизнь потребовало большой и весьма сложной штабной работы, исключительно внимательного отношения к деталям и хорошей организации дела. Специалисты прекрасно понимали, что одних этих мероприятий совершенно недостаточно. Но по указанным мною причинам мы старались обеспечить наибольшую их эффективность. В самом проведении этих мероприятий таилась, однако, опасность: если Гитлер убедится, что подготовка проведена, он забудет об осторожности. Поэтому приходилось снова и снова заострять внимание Гитлера на серьезности создавшейся у Сталинграда обстановки, напоминая ему о тех пяти требованиях, которые я перечислил выше, и о возможности только двух правильных решений. Делать это, несмотря на гнев Гитлера, было моим служебным долгом.

Что касается пунктов 1, 3, 4 и 5, которыми я закончил свой доклад и к которым неоднократно возвращался, то в конце концов Гитлер принял их и начал действовать в соответствии с ними. К несчастью, он вообще был склонен к компромиссным решениям, которые зачастую осуществлялись слишком поздно.

Одно из проведенных нами мероприятий заключалось в создании в целях прикрытия левого фланга постоянной системы разведки, располагающей необходимыми средствами связи. Это потребовало организации тесного взаимодействия между соответствующими отделами генеральных штабов сухопутных и военно-воздушных сил и разведывательных частей со штабом группы армий «Б». Командующий группой армий и его начальник штаба разделяли нашу точку зрения. Это было видно из их донесений Гитлеру об обстановке и намерениях противника. Комплексные разведывательные мероприятия вскоре подтвердили наши опасения. Противник медленно, но настойчиво увеличивал свои силы перед нашим левым флангом. Теперь это уже не вызывало сомнений. Более того, показания пленных начали раскрывать наличие на этом участке фронта весьма боеспособных русских дивизий. Из этого можно было сделать только один вывод — наступление русских неизбежно.

Намерения русских

Теперь стало очевидно, что ход мыслей русского Верховного Командования был тот же, что и немецкого генерального штаба. Русские решили начать свое зимнее наступление, нанеся удар по левому флангу группы армий «Б». В случае успеха эта операция принесла бы им большие выгоды. Наши обманные мероприятия не ввели русских в заблуждение. Они хорошо знали, что этот участок фронта удерживается войсками наших союзников, которые, по их расчетам, были менее стойки в обороне.

Мы все еще не знали, на каком участке растянутого левого фланга русские нанесут удар — на румынском, находившемся близ Сталинграда, на более западном итальянском или, наконец, на венгерском, который протянулся еще дальше на запад. С чисто тактической точки зрения наиболее результативным был бы удар по самой западной оконечности фланга. Но это было бы исключительно смелое решение, а русское Верховное Командование, по-видимому, не хотело рисковать. Казалось, оно предпочитало придерживаться более осторожного плана. В течение первой половины ноября (в это время ставка Гитлера и главное командование сухопутных сил передислоцировались из Винницы в Восточную Пруссию) картина будущего русского наступления становилась все яснее. Русские собирались нанести удар севе-

ро-западнее Сталинграда, вероятно, на участке, занимаемом румынскими войсками. Но на какой день намечено русскими начало наступления, мы еще не знали.

Перед наступлением

Упорно отказываясь принять какое-либо из основных решений, Гитлер, однако, разрешил провести мероприятия, направленные на усиление войск, занимавших участок фронта, над которым нависла русская угроза. Но даже теперь он не терял надежды захватить Сталинград. Он гневно отдавал приказы продолжать бои в городе за каждый дом, за каждый квартал, и 6-я армия несла напрасные потери. Последние резервы ОКВ — первоклассные штурмовые саперные батальоны — были переброшены в Сталинград, где они должны были захватить застроенный район, прибегнув к «новой штурмовой тактике». Эти батальоны были уничтожены. А тем временем северо-западнее Сталинграда все явственнее надвигалась угроза.

В начале ноября Гитлер выступил с политической речью, в которой заявил: «Я хотел выйти к Волге в определенном месте, возле определенного города. Случилось так, что этот город носит имя самого Сталина... Я хотел взять этот город. Не делая преувеличенных заявлений, я могу теперь сказать вам, что мы его захватили. Только небольшая его часть пока еще не в наших руках. Нас могут спросить: «Почему армия не продвигается вперед еще быстрее?» Но я не хочу второго Вердена, я предпочитаю достигнуть своей цели путем ограниченных штурмов. Время в данном случае не имеет никакого значения».

Это была странная речь. Гитлер говорил и как верховный главнокомандующий, и как партийный агитатор. Нельзя было не опасаться, что Гитлер, заявив однажды о своих намерениях на всю Германию и на весь мир, откажется когда-либо изменить их, так как выполнение этих намерений станет для него вопросом личного престижа. А когда речь идет о престиже, диктаторы, как известно, всегда проявляют повышенную чувствительность. Более того, Гитлер был политиком, а не солдатом. Объявляя о своих намерениях, он думал дать ясные цели своим командирам и войскам и таким образом укрепить их решимость. Гитлер считал, что его речи повышают стойкость солдат. Он не знал, как будут звучать его слова в ушах высших командиров, младших офицеров и солдат, ожесточенно сражавшихся и умиравших в Сталинграде. Он не знал, какое впечатление могут произвести его слова на генеральный штаб сухопутных сил и его начальника. Кстати, мне никто не сообщил об этой речи до того, как она была произнесена, — впервые я услышал ее по радио.

В течение первых недель ноября я снова и снова представлял свои основные требования Гитлеру. Благодаря данным нашей разведки картина становилась яснее с каждым днем. Мы работали в тесном взаимодействии с военно-воздушными силами, подвергая районы сосредоточения русских войск ударам с воздуха. Большого мы не могли сделать. Оставалась единственная надежда. Несмотря на все, еще можно было в самый последний момент убедить Гитлера принять основное решение. Я беспрестанно приводил ему все новые и новые доказательства.

Весь генеральный штаб — от старшего начальника до рядового сотрудника — разделял мои мрачные предчувствия и с тревогой ожидал неизбежного, как мы все понимали, русского наступления. Если оно будет успешным, оно поставит всю сталинградскую армию в отчаянное положение. Ужасно предвидеть надвигающуюся катастрофу и в то же время не иметь возможности предотвратить ее. Тяжело видеть, что единственное в тех условиях средство излечения отвергается единственным человеком, который может принимать решения, — Гитлером.

Командующий группой армий «Б» и его начальник штаба дали такую же оценку обстановки, как я. Они тоже считали, что избежать надвигающейся катастрофы можно, только приняв кардинальное решение. Они чувствовали себя несчастными, так как были не в состоянии влиять на ход событий. Они могли только заострить внимание Гитлера на действительном положении дел, представляя свои донесения с оценкой обстановки. Сосредоточивая внимание на самом опасном участке фронта, они старались не пропустить критического момента.

Конечно, мы пытались наносить удары по движущимся колоннам и районам сосредоточения русских войск авиацией и дальнотбойной артиллерией. Но самое большее, что могли дать такие действия, это отсрочить день наступления. Предотвратить наступление можно только тогда, когда обороняющийся имеет абсолютное превосходство в воздухе и способен непрерывно наносить мощные удары по железным и шоссейным дорогам, а также по районам сосредоточения противника. Мы не обладали военно-воздушными силами необходимых для этого размеров.

Такова была обстановка, когда на нас со всей яростью обрушилась суровая русская зима. Теперь мы знали, что наступления русских придется ждать недолго.

Русское наступление началось

Ранним утром 19 ноября 1942 г. главное командование сухопутных сил, находившееся теперь в Восточной Пруссии, получило следующую телеграмму: «Началась мощная артиллерийская бом-

бардировка всего румынского фронта северо-западнее Сталинграда». Наша группа связи проследила за тем, чтобы эта телеграмма пришла к нам через штаб группы армий «Б» без задержки. Итак, наступление началось, и мы были уверены, что оно будет развиваться так, как мы не раз говорили об этом Гитлеру. Теперь нам предстояло убедиться, правильно ли мы подсчитали силы русских.

Группе армий «Б» был послан ответ: «Танковый корпус «Х» должен быть подготовлен для немедленного ввода в бой¹. Гитлер дал согласие на вывод его из резерва».

Этот единственный резервный корпус мог быть введен в бой только по личному приказанию Гитлера. Как только я услышал о русской артиллерийской подготовке и понял, что обстановка будет развиваться, как и предполагалось, я обратился к Гитлеру с просьбой о выводе корпуса из резерва. Если же события не примут опасного оборота, такая предосторожность не повредит.

В это время Гитлера в Восточной Пруссии не было — он находился в своем поезде на пути в Мюнхен или Берхтесгаден. Его сопровождал личный штаб, в который входили фельдмаршал Кейтель и генерал Йодль. По телефону я сообщил фюреру об этой новости и с большим трудом убедил его вывести танковый корпус «Х» из резерва верховного главнокомандующего и передать его в распоряжение группы армий «Б». Даже тогда он хотел отложить принятие решения по этому вопросу и дожидаться дальнейших сообщений с фронта. Как обычно, с немалым трудом мне удалось убедить его, что потом будет слишком поздно. Добившись согласия Гитлера на вывод танкового корпуса из резерва, я почувствовал себя прямо-таки победителем. Командование группы армий «Б» было от этого в восторге.

Артиллерийская бомбардировка румынских позиций становилась все более интенсивной. И вот под прикрытием сильной снежной метели, в двадцатиградусный мороз Красная Армия перешла в наступление. На румын шли массы танков с пехотой, находившейся на танках или двигавшейся позади них. Повсюду русские имели огромное численное превосходство. Румынский фронт представлял собой печальную картину полного хаоса и беспорядка.

Штаб группы армий «Б» теперь получал поток часто совершенно противоречивых сведений, которые тут же препровождались в генеральный штаб. Одни донесения рисовали общую картину панического бегства румынских войск и появления русских танков глубоко в нашем тылу. В других же говорилось о героическом сопротивлении румын и уничтожении множества советских танков.

---

¹ Речь идет о 48-м танковом корпусе, в состав которого входили 22-я немецкая и 1-я румынская танковые дивизии. См. далее: Г. Дёрр. «Поход на Сталинград».

Наконец обстановка прояснилась. Русские прорвали румынский фронт в двух местах. Между участками этих прорывов, а также на левом фланге румынские войска и немецкие части усиления продолжали вести упорные бои с превосходящими силами противника. Как только командование группы армий «Б» осознало, что произошло, оно приказало танковому корпусу «Х» контратаковать те русские части, которые достигли наибольших успехов.

Я непрерывно информировал Гитлера по телефону об изменении обстановки на фронте. Снова и снова я указывал ему на то, что наступило время провести в жизнь основное решение, то есть отступить из Сталинграда, или хотя бы подготовиться к его выполнению в ближайшем будущем. Это только раздражало Гитлера. Как обычно, он цеплялся за каждую соломинку. Он хотел увидеть, какой эффект произведет ввод в бой танкового корпуса. Когда я сказал ему, что этот корпус может только замедлить темп русского продвижения, но ни в коем случае не задержать наступления русских, он воспринял это как пессимистическое заявление.

Тем временем обстановка продолжала ухудшаться. Русские расширили участки своих прорывов, а их танки продвинулись глубоко в наш тыл. Танковый корпус «Х», который готовился к контратаке, сам был атакован передовыми танковыми частями русских. Кроме того, ему мешали действовать толпы бегущих румын и ужасная погода. На успех контратаки теперь почти не было надежды, особенно потому, что те части и соединения, которые все еще удерживали фронт, оказались в критическом положении. Обстановка становилась опасной.

С точки зрения группы армий «Б» и главного командования сухопутных сил, обстановка должна была ухудшиться. Мы знали, что танковый корпус «Х» не сможет стабилизировать положение и будет вовлечен в общий беспорядок. Если он будет разгромлен, мы потеряем свое единственное резервное соединение. В штабе главнокомандующего сухопутными силами атмосфера становилась мрачной.

Я делал все, чтобы объяснить это Гитлеру. Однажды я опять предложил ему отвести 6-ю армию на запад, так как это единственно возможный путь избежать крупной катастрофы. Эта армия должна была повернуться фронтом на запад, обеспечив свой тыл арьергардами, и атаковать русские части, которые прорвали фронт румынских войск. Затем нужно было создать новый крепкий фронт. Такие действия не только ликвидировали бы угрозу 6-й армии, но и поставили бы в трудное положение прорвавшиеся русские войска. По крайней мере в данном случае мы могли ожидать хотя бы местных успехов.

Если это не будет сделано, поражение станет неизбежным. 6-я армия будет отрезана и окружена, а в линии фронта, удерживае-

мой группой армий «Б», образуется большой разрыв. Свежих сил для восстановления контакта с 6-й армией и закрытия этого разрыва не было. Каждый день задержки затруднял возможность восстановить положение на фронте и избежать катастрофы.

Гитлер отверг это смелое решение. Несмотря на все мои требования и предупреждения, он оставался непреклонным. Вместе со своими военными советниками Гитлер решил вернуться из Баварии в Восточную Пруссию.

План Гитлера и Йодля

Еще до прибытия поезда в Растенбург мне позвонил генерал Йодль. Я этого не ожидал. Раньше мне как-то не приходилось с ним встречаться. Его штаб ведал Южным и Западным фронтами. Восточным фронтом занимались главнокомандующий сухопутными силами и начальник генерального штаба сухопутных сил.

В моем присутствии Йодль воздерживался давать Гитлеру советы по вопросам, касавшимся Восточного фронта, и ограничивал свою деятельность управлением двумя другими театрами военных действий, осуществлением общего руководства по ведению войны и вопросами военной политики.

Теперь, однако, стало очевидно, что в поезде в отсутствие начальника генерального штаба сухопутных сил он и фельдмаршал Кейтель сочли удобным давать Гитлеру советы и относительно Восточного фронта. Возможно, он сам обратился к ним за советом. Во всяком случае, они дали ему совет, и что это был за совет, вскоре стало ясно.

Генерал Йодль сказал по телефону, что главному командованию сухопутных сил следовало бы рассмотреть возможность изъятия одной танковой дивизии из состава группы армий «А», действовавшей на Кавказе, и переброски ее в распоряжение группы армий «Б» для использования в качестве подвижного резерва. Такое решение было принято в поезде Гитлера. Переброска этой танковой дивизии в угрожающий район боевых действий должна была занять много времени, и трудно было сказать, как сложится обстановка, когда эта дивизия прибудет туда.

Я был крайне удивлен и сказал Йодлю, что хочу говорить лично с Гитлером. Опять я стал упрасивать Гитлера отдать приказ об отходе 6-й армии. Тон ответа был холодным и непреклонным: «Мы нашли другой выход из создавшегося положения. Йодль сообщил вам о нем. Обо всем остальном мы поговорим завтра». И это было все. Позже меня официально информировали, что Гитлер желает видеть меня в полдень на следующий день, чтобы обсудить со мной обстановку. Я ответил, что это будет слишком поздно. Тогда мне было сказано, что видеть Гитлера раньше невозможно, так

как ему необходимо отдохнуть после продолжительного путешествия. Следует заметить, что этот разговор происходил в то время, когда весь фронт пылал в огне и каждый час гибли сотни храбрых солдат.

Я игнорировал это предупреждение и в полночь, когда должен был прибыть поезд Гитлера, приехал в штаб верховного командующего. Я настоял, чтобы Гитлер принял меня немедленно, так как задержка даже на несколько часов могла катастрофически отразиться на ходе боевых действий. Гитлер и его окружение были взбешены тем, что я появился там в полночь, не дожидаясь полудня следующего дня. Наконец меня все же впустили к нему. Эта встреча настолько важна для хода боевых действий в районе Сталинграда и так характерна для методов Гитлера, что я опишу ее как можно подробнее.

Гитлер вышел мне навстречу, протянув руку, с сияющей улыбкой, которая должна была изображать уверенность и надежду. Он пожал мне руку и сказал: «Благодарю вас. Вы сделали все, что могли. Если бы я был здесь, я не смог бы сделать большего». Затем, так как выражение моего лица оставалось печальным, он продолжал с некоторым пафосом в голосе: «Не расстраивайтесь. В несчастье мы должны показать твердость характера. Нужно помнить Фридриха Великого».

Несомненно, он хотел ободрить меня и надеялся, что, если он сможет вселить в меня эту «твердость характера», я отброшу свои «пораженческие» аргументы и перестану настаивать на отступлении 6-й армии. Вероятно, он также хотел, чтобы я восхитился твердостью его духа перед лицом такого несчастья. Мне кажется, Гитлер не мог понять, что во время величайшей опасности актерская игра не только бесполезна, но, пожалуй, может иметь даже пагубный эффект.

Наш разговор начался с моего доклада об обстановке северо-западнее Сталинграда. Я сообщил Гитлеру о последних донесениях с фронта и о моих предположениях относительно развития событий в ближайшем будущем.

Я представил ему доклады, полученные мною от командующего группой армий «Б» фельдмаршала фон Вейхса и его начальника штаба генерала фон Зоденштерна, которые разделяли мое мнение. Свой доклад я закончил заявлением, что, если ход событий не изменится, 6-я армия неизбежно будет окружена. Это нужно предотвратить любой ценой, так как, если 6-я армия будет окружена, мы не сможем ни деблокировать, ни снабжать ее.

Здесь Гитлер прервал меня. Вне себя от ярости он сослался на решение, выработанное им совместно с Йодлем. Оно заключалось всего лишь в переброске одной танковой дивизии с Кавказа. Я ожидал этого и заранее приготовился дать подробный обзор

транспортных возможностей и назвать приблизительную дату прибытия дивизии в район Сталинграда, а также самый ранний срок ввода ее в бой. Этого можно было ожидать не раньше чем через две недели. Трудно сказать, какая обстановка сложится к тому времени, известно только одно: она катастрофически ухудшится, если мы будем бездействовать в течение двух недель. К тому времени одна дивизия, кстати даже не полного состава, оказалась бы совершенно бесполезной и неспособной оказать влияние на ход боевых действий. Более того, эта дивизия едва ли смогла бы вступить в бой как цельное соединение. Вероятно, отдельные ее части и подразделения пришлось бы вводить в бой по мере выгрузки их с железнодорожных платформ. Мне показалось, что эти заявления, а особенно предположение о дате прибытия дивизии, произвели на Гитлера некоторое впечатление.

Но он не хотел отказаться от своего плана. Немного подумав, он сказал: «В таком случае мы перебросим с Кавказа две дивизии». Я ответил, что и это не дало бы хороших результатов. Опасность существовала сейчас, и ввод в бой двух дивизий именно теперь еще мог бы благоприятно сказаться на ходе боевых действий. Но перебросить их своевременно с Кавказа не представлялось возможным. Железные дороги не позволили бы перебросить вторую дивизию раньше, чем они освободятся после выгрузки первой дивизии. К тому времени и две дивизии не смогут восстановить положение, и 6-я армия определенно попадет в окружение.

Гитлер опять вышел из себя и стал прерывать меня, но я продолжал: «Поэтому и есть только одно возможное решение. Вы должны немедленно приказать сталинградской армии повернуть фронт и атаковать в западном направлении. Этот маневр спасет 6-ю армию от окружения, нанесет большие потери прорвавшимся русским войскам и даст нам возможность использовать 6-ю армию для создания нового фронта далее на запад».

Теперь Гитлер совершенно потерял самообладание. Ударив кулаком по столу, он закричал: «Я не оставлю Волгу, я не уйду с Волги!»

На этом закончилось наше совещание, от которого я, генеральный штаб, группа армий «Б» и 6-я армия так много ожидали. Я ничего не достиг. Но прошлый опыт показал, что, как начальник генерального штаба, я не должен терять надежду, а, наоборот, продолжать настаивать на своем, так как, может быть, еще удалось бы убедить Гитлера изменить решение. Впрочем, верно и то, что, если бы он в конце концов и согласился со мной, его положительный ответ мог бы оказаться слишком запоздалым. Время истекало, а обстановка ухудшалась с каждым часом. Таковы были обстоятельства, когда я утром вошел в свой кабинет. Там меня ждали дурные вести с фронта.

Перспектива становится еще более мрачной

В течение последних нескольких часов обстановка на фронте ухудшилась, и притом значительно быстрее, чем мы ожидали.

Беспокойство в моем штабе, а также в штабах группы армий «Б» и 6-й армии возрастало по мере того, как все явственнее определялись масштабы надвигающейся на нас катастрофы. В то же время никто в этих штабах не был в состоянии изменить ход событий. Только Гитлер мог это сделать, но он яростно отвергал все благоразумные предложения. А я еще надеялся, что хотя бы теперь удастся заставить его изменить мнение и прислушаться к словам начальника генерального штаба и высших командиров на поле боя, а не к увещаниям льстивых советников, которые говорили ему только то, что он хотел слышать. Во имя спасения отчаянно сражавшихся солдат у меня не оставалось иного выбора, как снова и снова пытаться воззвать к его благоразумию.

20 ноября русские войска перешли во второе наступление, на этот раз южнее Сталинграда. Здесь они также нанесли удар по румынским войскам, умышленно выбрав занимаемый ими фронт. Таким образом, для сталинградской армии создалась угроза окружения с обоих флангов. Осталось всего несколько часов до того момента, когда клещи противника сомкнутся в тылу нашей армии. Ни командующий группой армий «Б», ни командующий 6-й армией не были в состоянии предотвратить окружение своих войск. Они могли только приказать, чтобы в кратчайший срок из подразделений тылового обслуживания были созданы и подготовлены для ввода в бой новые части. Но такие войска вряд ли могли оказать отборным русским ударным дивизиям более сильное сопротивление, чем боевые части, которые уже были разгромлены русскими. Небольшие, слабые, созданные на скорую руку части, к тому же плохо вооруженные и недостаточно подготовленные, оказались лицом к лицу с лучшими частями Красной Армии, щедро оснащенными танками и артиллерией. Несмотря на всю свою храбрость, эти тыловые войска были не в состоянии задержать продвижение русских. Они смогли только замедлить темп русского наступления, но предотвратить окружения 6-й армии им не удалось.

Больших результатов вряд ли можно было ожидать и от контратаки танкового корпуса «Х». Гитлер и его окружение возлагали, вероятно, немалые надежды на это соединение, которое на карте выглядело довольно внушительно и имело более 100 танков. Однако внешние данные были обманчивыми. Они не должны были ввести в заблуждение Гитлера, так как он хорошо знал об истинном состоянии этого корпуса. Однако он опять отказался смотреть правде в лицо, ссылаясь, как всегда, на то, что донесения с фронта

носят якобы «пораженческий» характер. Корпус состоял из двух дивизий — 1-й румынской и 22-й немецкой. Румынская дивизия, еще ни разу не вступавшая в бой, целиком была оснащена трофейными танками. 22-я танковая дивизия имела неполный состав: многие ее машины вышли из строя во время марша к фронту. Корпусу предстояло действовать в ужасную погоду: дороги обледенели, непрерывно шел снег. Дни стали такими короткими, что видимость сократилась до нескольких часов в сутки. И в этих условиях ждали, что танковый корпус «Х» остановит лавину русских танков, двигавшихся через огромную, все расширяющуюся брешь в нашей линии фронта. Те, кто хорошо знал реальную обстановку, понимали, что танковый корпус «Х» обречен еще до вступления в бой.

Как мы и ожидали, контратаку корпуса задержала плохая погода. Наконец он был введен в бой и вначале добился некоторых успехов: в нескольких пунктах русские были остановлены и понесли большие потери, особенно в танках. Но это, разумеется, не привело к кардинальному изменению обстановки, на которое так надеялся Гитлер. Двум слабым дивизиям не под силу была такая серьезная задача. Для ее выполнения требовалось много сильных дивизий, укомплектованных закаленным в боях личным составом и оснащенных первоклассной боевой техникой.

Когда Гитлер узнал о провале контратаки танкового корпуса «Х», его ярость не имела границ. Повернувшись к фельдмаршалу Кейтелю, который ведал вопросами, связанными с поддержанием воинской дисциплины в вооруженных силах, он закричал: «Сейчас же пошлите за командиром корпуса, сорвите с него погоны и бросьте в тюрьму! Это он во всем виноват!»

Такова была атмосфера на совещаниях у Гитлера. Зная его характер, я не удивился, когда он наотрез отказался выслушать очередную мою просьбу об отводе 6-й армии. Он с недоверием и пренебрежением относился к донесениям из группы армий «Б» и 6-й армии, командующие которых, сознавая свою ответственность, пытались обратить его внимание на серьезность сложившейся у Сталинграда обстановки. В этих донесениях они высказывали предположения о возможном ходе событий в зоне боевых действий и требовали отвода 6-й армии. Гнев Гитлера усиливал его упрямство.

Через несколько часов, полагая, что Гитлер уже пришел в себя, я попросил у него личной аудиенции. На этот раз я хотел добиться от него положительного решения двух вопросов. Во-первых, я надеялся, что если я представлю Гитлеру фактические данные о реальной обстановке и выводы, сделанные на основании изучения этой обстановки, и если при этом меня не будут прерывать шептуны из его личного окружения, то мне удастся убедить его отвести 6-ю армию.

Во-вторых, я хотел доказать ему, что обвинения, выдвинутые против командира танкового корпуса «Х», не оправданны и должны быть отвергнуты¹.

Гитлер спокойно принял и внимательно выслушал меня. Я рассчитывал, что мой доклад увенчается успехом. Когда я обрисовал обстановку и возможный ход будущих событий, Гитлер, который на этот раз не прерывал меня, обещал, что он снова рассмотрит свое решение со всей тщательностью и хладнокровием. Затем я вернулся к вопросу о командире корпуса. Я сказал: «Хотя военные трибуналы не входят в компетенцию начальника генерального штаба, я хотел бы кое-что сказать о командире танкового корпуса «Х». Жесткое выражение появилось на лице Гитлера, но я продолжал: «Я вмешиваюсь в это потому, что считаю данный вопрос оперативным, поскольку он связан с ведением операций на Восточном фронте. Как начальник генерального штаба, я считаю, что генерал, который допустил ошибки, имевшие губительные последствия, должен быть привлечен к ответственности. Но прежде чем судить его, нужно доказать, что он действительно виновен. А с этим генералом дело обстоит совсем не так: обвинения против него целиком основаны на предположениях». Я предложил передать дело в военный трибунал, который занялся бы проверкой фактов. Я предложил Гитлеру членами этого трибунала назначить генералов, которым он полностью доверял. Гитлер подумал и затем сказал: «Хорошо, я это сделаю».

К сожалению, мои успехи оказались эфемерными. Когда я снова встретился с Гитлером, он сказал мне: «Я тщательно рассмотрел обстановку у Сталинграда, и мое решение остается неизменным. Отход 6-й армии исключен». Трудно сказать, самостоятельно ли пришел Гитлер к этому решению или под давлением фельдмаршала Кейтеля и генерала Йодля. Но факт остается фактом: он не почитался с мнением начальника генерального штаба сухопутных сил.

Что касается командира корпуса, то Гитлер нарушил данное мне слово после своего продолжительного разговора с Кейтелем. Он подтвердил первоначальное решение, необдуманно принятое в пылу гнева. В присутствии Гитлера теперь не разрешалось даже упоминать фамилию этого генерала. Несколько месяцев командир корпуса провел в тюрьме, а затем был разжалован в рядовые. Трибунал не заседал, так как на нем раскрылось бы, кто виноват в провале контратаки танкового корпуса. В начале декабря до сведения всех высших генералов был доведен приказ Гитлера, в кото-

---

¹ Командиром 48-го танкового корпуса был генерал-лейтенант Гейм. (Прим. ред.)

ром перечислялись проступки, якобы совершенные командиром корпуса.

Русские клещи сомкнулись

На фронте обстановка с каждым часом ухудшалась. К исходу третьего дня этого грандиозного зимнего сражения стало неизбежным соединение двух группировок русских войск, наступавших навстречу друг другу, а следовательно, и окружение 6-й армии. Штаб 6-й армии находился как раз там, где должны были сомкнуться русские клещи. Командующий армией попросил у Гитлера разрешения передвинуть штаб на запад, но эта просьба так и осталась без ответа.

Главное командование сухопутных сил ежедневно составляло коммюнике, в которое Гитлер обычно вносил свои поправки. В первый день сражения коммюнике гласило: «Противник перешел в наступление, в котором участвуют крупные силы пехоты, поддерживаемые танками». На третий день в нем говорилось: «Юго-западнее Сталинграда и в большой излучине Дона Советам удалось прорвать нашу оборону, так как они безжалостно бросили в бой огромные массы войск и боевой техники».

Вечером 22 ноября главное командование сухопутных сил получило радиограмму от командующего 6-й армией. В ней сообщалось, что армия окружена. Гитлер по радио приказал 6-й армии занять круговую оборону, а командующему и его штабу остаться в Сталинграде. Итак, окружение наших войск в районе Сталинграда завершилось. На остальных участках фронта русские продолжали безостановочно продвигаться вперед.

На мой взгляд, русское Верховное Командование основывало свои планы на следующих предположениях. Как подсказывал ему опыт прошлых боев, 6-й немецкой армии и всем другим частям, окруженным в районе Сталинграда, будет приказано стойко оборонять занимаемые ими позиции. Они не смогут долго сопротивляться и автоматически попадут в руки русских. Поэтому сразу же после завершения окружения русские войска будут стремиться, вероятно, не к ликвидации окруженной группировки, а к предотвращению ее деблокирования. С этой целью они будут стремиться как можно быстрее отодвинуть немецкий фронт возможно дальше на запад, чтобы создать таким образом максимальный разрыв между окруженной армией и основными немецкими силами.

План был, несомненно, правильным, и теперь русские приступили к реализации его на практике. По группе армий «Б» противник наносил один мощный удар за другим, и она вынуждена была отступать все дальше и дальше на запад. Чтобы увеличить масштабы своей победы, русские во второй половине декабря атаковали

итальянцев, в январе венгров и наконец нанесли удар по 2-й немецкой армии, находившейся левее венгров. Они продвинулись глубоко на запад. Все обернулось именно так, как я и предсказывал Гитлеру во время продолжительной беседы с ним, когда я был только что назначен на должность начальника генерального штаба сухопутных сил.

«Крепость» Сталинград

В одном из первых приказов Гитлера, отданном вскоре после того как сомкнулись русские клещи, говорилось: «Войска 6-й армии, окруженные в Сталинграде, впредь будут именоваться войсками крепости Сталинград».

Так, одним росчерком пера, район окружения превратился в крепость, по крайней мере в воображении Гитлера. Вероятно, некоторые наивные люди были обмануты этой хитростью, но военные штабы, войска, да, по-видимому, и противник знали, что такое «крепости» Гитлера.

Это был обычный метод ведения им психологической войны. Призывая к себе на помощь слово «крепость», Гитлер надеялся, что одним выстрелом убьет нескольких зайцев. Противник будет обманут, считая Сталинград укрепленным районом, способным отразить атакующие русские войска. Немецкие войска в Сталинграде будут думать, что они находятся в крепости, которая, будучи в состоянии выдержать долгую осаду, спасет их от тяжелых потерь. Гражданское население будет введено в заблуждение историческими мемуарами о героически обороняемых и героически деблокируемых крепостях. Таким образом, мир забудет, что немецкая армия была окружена вследствие неумелого планирования высших штабов, ибо «крепость» Сталинград была крепостью только по названию.

Гитлер был без ума от своего изобретения. Говоря о нем мне, он сиял от удовольствия и, очевидно, ждал, что и я буду в восторге. Но я сказал: «В доброе старое время крепостью называлось фортификационное сооружение, которое было результатом долгих подготовительных работ. Когда строительство фортификационных сооружений заканчивалось, в крепости создавались большие запасы продовольствия и боеприпасов. Сталинград не имеет ни фортификационных сооружений, ни запасов предметов снабжения. Кроме того, цель крепости — отвлечь большие силы противника своими сравнительно небольшими силами. С 6-й же армией дело обстоит как раз наоборот».

Но даже в таком мелком деле, как вопрос с названием, Гитлер не выносил критики. Мои замечания только рассердили его, и он остался верен своему изобретению. Генералы и солдаты внутри

Сталинградского котла по вполне понятной причине были раздражены тем, что им присвоено такое напыщенное, но ничего не значащее название. Никаких других последствий выдумка Гитлера не имела.

Район окружения протянулся на 40 километров с запада на восток и на 20 километров — с севера на юг. Это была голая степь с редкими деревьями и кустарниками. Здесь находилось несколько деревень и большая часть Сталинграда (меньшая часть города оставалась еще в руках русских). Восточная граница района окружения проходила по правому берегу Волги. Большая часть фронта, созданная недавно, в результате прорыва русских с севера и юга, была совершенно не укреплена. Оборонительные сооружения там должны были строиться в невероятно трудных условиях снежных метелей, сильных морозов, почти полного отсутствия строительных материалов. Физическое напряжение командиров и солдат достигло крайних пределов. В таких условиях и была создана круговая оборона.

В котле находилась основная масса 20 немецких дивизий и некоторые подразделения двух румынских дивизий. Кроме того, там находились части, приданные 6-й армии главным командованием сухопутных сил, такие, как инженерные, артиллерийские, дивизионы штурмовых орудий, части организации Тодта, а также штабы пяти армейских корпусов и штаб 6-й армии генерала Паулюса. ВВС были представлены несколькими подразделениями корпуса зенитной артиллерии и техническим персоналом. Запасы продовольствия и боеприпасов были невелики, но особенно не хватало горючего для многочисленных механизированных частей. Было ясно, что имевшихся в 6-й армии предметов снабжения хватит ненадолго.

Точно установить количество окруженных войск невозможно. Указывались различные цифры — от 216 тысяч до более чем 300 тысяч человек. Причина такого большого расхождения заключается в том, что самая высокая цифра отражает численность личного состава не только 6-й армии, но и частей, приданных ей перед началом русского наступления. Некоторые части и подразделения 6-й армии не попали в окружение, в то время как части из состава других армий оказались в котле. В первые несколько недель обстановка была настолько запутанной, что назвать точные цифры совершенно невозможно. Во всяком случае, командиры окруженных войск думали о более важных задачах, чем сбор сведений о численности личного состава, состоящего на довольствии.

Средствами сообщения и связи окруженной армии с внешним миром остались только самолеты и радио. Сначала в котле было три или четыре аэродрома. Вскоре после окружения была установ-

лена работавшая в первое время вполне надежно радиотелефонная связь между генералом Паулюсом и командующим группой армий.

Должна ли 6-я армия выходить из окружения?

Когда 6-я армия была окружена, командующий 6-й армией и командующий группой армий попытались добиться у Гитлера решения на прорыв кольца окружения и соединение с главными немецкими силами, находившимися западнее. Гитлер упорно отказывался санкционировать отступление, для которого уже были разработаны планы с учетом оценки вероятного хода событий. Но теперь обстановка так ухудшилась, что, как полагали Вейхс, Паулюс и командиры корпусов 6-й армии, новые условия заставят Гитлера действовать иначе. Поэтому, не дожидаясь его ответа, командование отдало предварительный приказ, чтобы, как только разрешение на отступление будет получено, выход из окружения начался без всяких задержек.

Но разрешение не приходило. День за днем я убеждал Гитлера разрешить 6-й армии выйти из окружения. Почти каждую ночь мы подолгу обсуждали этот вопрос. Разговоры наши были то спокойными, то язвительными, когда мы оба повышали голос. Если Гитлер кричал на меня, я тоже кричал в ответ: когда он раздражался, это был единственный способ заставить его слушать.

Однажды мне уже показалось, что я добился своего. Гитлер как будто готов был подписать приказ, разрешавший 6-й армии выход из окружения. Все с облегчением вздохнули и принялись за разработку предварительных инструкций. Но когда приказ был представлен Гитлеру на подпись, он долго не подписывал его, а затем сказал мне, что передумал. Все было напрасно: снова придется начинать бесконечные разговоры и споры. Казалось, нервы наши больше не выдержат. Чтобы показать, какая была атмосфера в это время, я остановлюсь здесь на двух особенно важных разговорах, которые я имел с Гитлером. В некоторых местах я постараюсь привести подлинные слова Гитлера и свои.

Первый разговор произошел вскоре после того, как сомкнулись русские клещи. Я попросил диктатора дать мне аудиенцию для продолжительной беседы. Моя просьба была удовлетворена. Гитлер принял меня поздно ночью, и мы разговаривали почти до утра. Я начал с того, что показал Гитлеру на карте точное расположение войск и описал вероятный ход событий. Но тут он прервал меня, сказав, что обстановка не будет развиваться так, как предполагаю я, что ее коренным образом изменит атака танковой дивизии, перебрасываемой с Кавказа, а также ввод в бой новых тяжелых танков «тигр».

Старая история! С заводов начали поступать первые танки «тигр», а Гитлер имел привычку каждое новое оружие считать чудодейственным средством. Он считал, что первый же батальон «тигров» сможет прорвать кольцо русского окружения. Гитлер был прямо-таки опьянен своим планом. Он действительно верил, что стоит ввести один такой батальон, как обстановка у Сталинграда немедленно изменится.

Возбужденный, с горящими глазами, Гитлер пытался заразить меня своим энтузиазмом. Казалось, он жаждал моего одобрения. Я сказал:

— Разумеется, танки «тигр» имеют высокие боевые качества, и от них можно ожидать многого. Но мы не знаем, как они будут действовать в условиях русской зимы. К тому же они еще не были испытаны в бою. До сих пор в первых боях у новых видов оружия неожиданно обнаруживались дефекты, ликвидация которых надолго затягивалась. Поэтому мы не можем рассчитывать, что «тигр» с самого начала будет на сто процентов удовлетворительным. Кроме того, «тигров» еще недостаточно. Возможно, одному батальону удастся прорваться через кольцо русского окружения и установить контакт с 6-й армией, но он, вероятно, будет не в состоянии держать коридор открытым. Кроме того, когда новые танки будут введены в бой, наш основной фронт¹ окажется значительно дальше от сталинградской армии, чем сейчас. Таким образом, из-за огромного расстояния, которое танкам придется преодолевать, провести операцию тогда будет гораздо труднее, чем теперь.

Вот то, что касалось танков «тигр». Я закончил следующими словами:

— Так как операция по деблокированию 6-й армии не может состояться, необходимо отдать этой армии приказ с боем выйти из окружения. Это нужно сделать немедленно, пока еще не поздно.

Я говорил, а Гитлер становился все мрачнее. Он не раз пытался прервать меня, но я не давал ему, так как понимал, что у меня осталась последняя возможность высказать ему все свои соображения. Когда я наконец закончил, он закричал:

— 6-я армия останется там, где она находится сейчас! Это гарнизон крепости, а обязанность крепостных войск — выдержать осаду. Если нужно, они будут находиться там всю зиму, и я деблокирую их во время весеннего наступления.

Это была нелепейшая фантазия, и я не мог не возразить:

— Сталинград — не крепость, да и снабжать 6-ю армию просто невозможно.

Гитлер закричал еще яростнее и громче:

---

¹ В данном случае автор имеет в виду фронт группы армий «Б», откатывавшейся на запад под ударами советских войск. (Прим. ред.)

— Но Геринг обещал снабжать армию по воздуху!

Теперь и я крикнул:

— Чепуха!

Гитлер сказал:

— Я не уйду с Волги!

Я громко ответил:

— Мой фюрер, оставить 6-ю армию в Сталинграде — преступление. Это означает гибель или пленение четверти миллиона человек. Вызволить их из этого котла будет уже невозможно, а потерять такую огромную армию — значит сломать хребет всему Восточному фронту.

Гитлер побледнел, но ничего не сказал и, бросив на меня ледяной взгляд, нажал кнопку на своем столе. Когда в дверях появился его адъютант — офицер СС, он сказал:

— Позовите фельдмаршала Кейтеля и генерала Йодля.

До их прихода мы не проронили ни слова. Впрочем, они пришли так быстро, словно ожидали вызова в соседней комнате. Если так, то они, несомненно, слышали наши сердитые голоса через тонкие стены кабинета, а следовательно, были в курсе нашего спора.

Кейтель и Йодль официально приветствовали фюрера. Гитлер продолжал стоять. Он был все еще бледен, но внешне держался торжественно и спокойно. Он сказал:

— Я должен принять очень важное решение. Прежде чем сделать это, я хочу услышать ваше мнение. Эвакуировать или не эвакуировать Сталинград? Что скажете вы?

Начался военный совет, если его можно так назвать. Никогда раньше Гитлер не прибегал к такой форме обсуждения вопросов. Вытянувшись, словно по команде «смирно», Кейтель ответил:

— Мой фюрер, не оставляйте Волгу.

Йодль говорил тихо и объективно, взвешивая каждое слово.

— Мой фюрер,— начал он,— это действительно очень важное решение. Если мы отступим от Волги, мы потеряем большую часть территории, захваченной нами во время летнего наступления ценой огромных потерь. Но если мы не отведем 6-ю армию, ее положение станет крайне тяжелым. Операция по ее деблокированию может пройти успешно, но может и провалиться. До тех пор, пока мы не увидим результатов этой операции, на мой взгляд, надо удерживать позиции на Волге.

— Ваша очередь,— обратился Гитлер ко мне.

Очевидно, он думал, что слова двух других генералов заставили меня изменить мнение. Хотя Гитлер сам принимал решения, он всегда стремился получить одобрение, пусть даже формальное, своих технических советников.

Встав по стойке «смирно», я сказал:

— Мой фюрер, я не изменил своего мнения. Оставить армию там, где она находится сейчас, — преступление. Мы не сможем ни деблокировать, ни снабжать ее. Она будет бессмысленно принесена в жертву.

Внешне Гитлер казался спокойным, но в душе у него, видимо, все кипело. Он сказал мне:

— Обратите внимание, генерал, что я не одинок в своем мнении. Его разделяют эти два офицера, которые по должности выше вас, поэтому мое решение остается неизменным.

Он сделал холодный поклон, и мы вышли из кабинета.

Второй разговор, который я описываю здесь так же подробно, состоялся следующей ночью.

Несмотря на прямой отказ Гитлера согласиться с моими доводами, я не хотел сдаваться в борьбе за спасение 6-й армии. Из своего опыта я уже знал, что теперь нужно подойти к этому вопросу с другой стороны. Решение Гитлера, окончательное и неизменное, основывалось, вероятно, на каких-то стратегических концепциях. В ближайшее время не имело смысла пытаться возобновлять с ним разговор на эту тему — Гитлер просто откажется слушать. Но я полагал, что если его не убедили мои доводы, касавшиеся стратегической стороны вопроса, то аргументы, доказывающие трудность снабжения окруженной армии, окажутся более действенными. Мне все еще казалось, что я смогу уговорить Гитлера принять мою точку зрения, если я нарисую ему безотрадную картину снабжения 6-й армии и с помощью неопровержимых фактов и цифр докажу, что регулярное снабжение этой армии по воздуху невозможно. Статистика всегда производила на Гитлера сильное впечатление.

Оперативное управление моего штаба и офицеры различных служб были убеждены, что Сталинград удержать нельзя, а регулярное снабжение армии по воздуху наладить невозможно. Я приказал по каждому виду снабжения подготовить данные, на которых основывались эти выводы, в форме таблиц, диаграмм, схем и т. д. Теперь я не могу привести по памяти точные цифры, приведенные офицерами штаба, но общее количество необходимых предметов снабжения я помню.

Если учесть запасы предметов снабжения, находившиеся в районе окружения, то 6-я армия нуждалась в доставке по воздуху ежедневно 600 тонн грузов. Минимум предметов снабжения, на который 6-я армия могла существовать (испытывая большие лишения и прибегая к такому крайнему средству, как использование всех лошадей для питания личного состава), составлял 300 тонн. Но этот минимальный груз нужно было доставлять каждый день, несмотря на условия погоды, которые вряд ли могли быть благоприятными в это время года. Поэтому, чтобы поддерживать бое-

способность 6-й армии, следовало ежедневно доставлять ей по крайней мере 500 тонн предметов снабжения в те дни, когда самолеты могли садиться и взлетать в районе окружения.

Эти факты и были отражены в таблицах, подготовленных моими штабными офицерами. Как только таблицы были готовы, я опять попросил у Гитлера аудиенции, и снова он принял меня поздно ночью. Гитлер держался холодно: очевидно, наш спор прошлой ночью не был забыт. Мне удалось заинтересовать его цифрами, и он позволил мне закончить доклад, необходимый для того, чтобы разъяснить значение приведенных мною статистических данных. Свои объяснения я закончил словами:

— Детальное изучение фактов заставляет сделать вывод, что снабжение 6-й армии по воздуху невозможно.

Холодно взглянув на меня, Гитлер сказал:

— Рейхсмаршал заверил меня, что это возможно.

Я повторил, что это неосуществимо, и тогда Гитлер произнес:

— Очень хорошо. Пусть он сам убедит вас.

Он послал за главнокомандующим военно-воздушными силами. Когда Геринг пришел, фюрер спросил:

— Геринг, можно ли осуществлять снабжение 6-й армии по воздуху?

Подняв правую руку, Геринг торжественно продекламировал:

— Мой фюрер, я не сомневаюсь, что ВВС справятся со снабжением 6-й армии.

Гитлер торжествуяще взглянул на меня, но я еще раз повторил:

— Военно-воздушные силы не справятся с выполнением этой задачи.

Рейхсмаршал сердито нахмурил брови и сказал:

— Вы не компетентны в данном вопросе.

Повернувшись к Гитлеру, я спросил:

— Мой фюрер, разрешите задать рейхсмаршалу вопрос?

— Пожалуйста.

— Господин рейхсмаршал,— начал я,— вы знаете, сколько тонн предметов снабжения необходимо будет перебрасывать по воздуху каждый день?

Очевидно, Геринг был смущен моим вопросом. Бросив на меня негодующий взгляд, он сказал:

— Я не знаю, но офицерам моего штаба это известно.

Я продолжал:

— Учитывая запасы у 6-й армии предметов снабжения, а также принимая во внимание, что будут удовлетворяться только минимальные потребности войск, ежедневно потребуются перебрасывать 6-й армии 300 тонн грузов. Но так как летать можно будет не каждый день (в этом я сам убедился прошлой зимой), нам придет-

ся доставлять 6-й армии около 500 тонн грузов в каждый летный день.

Геринг ответил:

— Я могу это сделать.

Тут я не выдержал и крикнул:

— Мой фюрер, это ложь!

Гробовая тишина воцарилась в комнате. Геринг побелел от бешенства. Гитлер, недоумевая и удивляясь, смотрел то на меня, то на Геринга. Наконец он обратился ко мне:

— Рейхсмаршал представил мне свои соображения, и я не могу не верить ему, поэтому мое решение остается неизменным.

— Тогда у меня к вам другая просьба,— сказал я.

— Что же вы хотите?

— Вы мне позволите каждый день доставлять вам сводку о количестве предметов снабжения, переброшенных 6-й армии за предыдущие сутки? — спросил я.

Геринг возражал, говоря, что это меня не касается, но на этот раз Гитлер не согласился с ним. Мне было дано разрешение ежедневно представлять фюреру сводки. Так закончилось наше совещание.

Опять моя попытка потерпела неудачу. В результате нашего ночного разговора я добился лишь того, что заслужил ненависть рейхсмаршала. Между прочим, многие штабные офицеры и командиры соединений ВВС с самого начала разделяли мою точку зрения. Некоторые из них даже письменно изложили свои взгляды, но им не удалось убедить своего главнокомандующего. Игнорируя их рапорты, он следил за тем, чтобы они не попали на стол Гитлера.

В ожидании наступления Манштейна

Таким образом, все мои попытки спасти 6-ю армию потерпели неудачу. Но я еще надеялся. Гитлера могли убедить изменить решение, пожалуй, два будущих события: во-первых, провал наступления, рассчитанного на деблокирование окруженной армии, и, во-вторых, провал ВВС в снабжении этой армии. Самое большее, что могло дать наступление,— это несколько приблизить наши основные силы к 6-й армии, создав более благоприятные условия для успешного выхода ее из окружения. Я молил бога, чтобы Гитлер изменил свое решение, когда наступление с целью прорыва основных сил к 6-й армии провалится. Что касается снабжения по «воздушному мосту», то я надеялся на свои ежедневные сводки. Они должны были заставить Гитлера отбросить иллюзии, внушенные ему Герингом и другими.

Но прежде чем все это станет реальной действительностью, которая, возможно, убедит Гитлера изменить решение и оставить Сталинград, пройдет время, а время работало против 6-й армии. Через 10—15 дней ее положение сильно ухудшится. За это время сократится количество предметов снабжения, необходимых для прорыва кольца окружения, особенно запасы горючего и смазочных материалов. Следует также указать, что войска группы армий «Б» постепенно отходили на запад и расстояние, которое нужно было преодолеть 6-й армии, увеличивалось. Таковы были две основные проблемы.

Но пока приходилось напрягать все усилия для увеличения боеспособности 6-й армии или по крайней мере для отсрочки ее ослабления, а также для проведения в ближайшее время наступательной операции с целью деблокаирования окруженных войск.

Гитлер согласился перестроить структуру командования на южном участке Восточного фронта. Между группами армий «А» и «Б» была создана новая группа армий, получившая название «Дон».

В результате этой реорганизации группа армий «Б» передала южную часть своего обширного фронта группе армий «Дон», которая могла теперь сосредоточить все свои усилия на предстоящем деблокаировании сталинградской армии, не отвлекаясь для решения других задач. 27 ноября в группу армий «Дон» были включены 6-я армия, 4-я танковая армия, которая должна была деблокаировать окруженные войска, а также 3-я и 4-я румынские армии, в результате наступления русских откатившиеся на запад и теперь удерживавшие участок фронта перед Сталинградом.

Приказы Гитлера командующему группой армий «Дон» были отражением его взглядов, высказанных мне. Сталинград было приказано удерживать, а связь с окруженными немецкими войсками восстановить путем проведения наступательной операции в направлении Сталинграда. Манштейн сразу понял, что полученные им приказы выполнить невозможно. В своем четком докладе он писал, что 6-я армия должна прорваться в западном направлении одновременно с наступлением 4-й танковой армии на восток. После этого дальше на запад должен быть образован новый фронт.

Таким образом, Манштейн в несколько видоизмененной форме выразил взгляды, уже высказанные мною и командующим группой армий «Б».

Однако Гитлер остался непреклонным, и Манштейн, по существу, был лишен оперативного руководства 6-й армией. Правда, фюрер попытался подсластить пилюлю, пообещав Манштейну дополнительные силы для усиления его войск, готовившихся к наступлению. Для этого предусматривалось перебросить части и соединения с Кавказа и Западного фронта. Хотя эти силы в конеч-

ном счете могли быть полезны Манштейну, они прибыли бы слишком поздно, так как подготовка к операции уже шла полным ходом.

Несмотря на то что Манштейну помешали осуществить его планы, он постарался как можно лучше выполнить полученные им приказы. Не касаясь неуместных в данном случае подробностей, можно утверждать, что штаб группы армий «Дон» сделал все возможное для организации наступления в самых благоприятных условиях и с минимальной задержкой. Манштейн надеялся начать его между 8 и 10 декабря.

Окруженную под Сталинградом армию мы снабжали по воздуху. Как показывали сводки, которые я ежедневно представлял Гитлеру, тоннаж перевозимых на самолетах грузов, как правило, составлял 110, 120 и лишь иногда 140 тонн. Последняя цифра превышалась очень редко, и чаще всего 6-я армия получала в день менее 100 тонн грузов. Итак, 6-й армии не доставлялся даже ежедневный минимум предметов снабжения, не говоря уже об обещанных Герингом 500 тоннах. Как я и предсказывал, много дней подряд грузы совсем не поступали. Таким образом, не удовлетворялись даже минимальные потребности 6-й армии. В этом не были повинны ни экипажи самолетов, ни командиры авиационных подразделений и частей, ибо они делали все, что было в их силах. Геринг взялся за выполнение задачи, превосходившей возможности немецких ВВС.

На ежедневных совещаниях с Гитлером Геринг обещал улучшить положение. Он утверждал, что переброска грузов по воздуху только началась, что через несколько дней все пойдет хорошо и он выполнит свои обещания. Гитлер принимал его извинения и каждому повторял их: «Рейхсмаршал дал мне слово. Рейхсмаршал разрабатывает лучшую организацию. Рейхсмаршал планирует использование большего количества самолетов».

Но на самом деле обстановка ухудшалась. Основной фронт отодвигался назад, и приходилось часто менять аэродромы, с которых грузы доставлялись в Сталинград. Расстояния увеличивались, и самолеты должны были летать над расширявшейся с каждым днем территорией противника. В связи с этим мы теряли все больше и больше самолетов. Этому, конечно, не следовало удивляться. Такое положение неизбежно должно было возникнуть, и его нужно было учесть при разработке планов снабжения 6-й армии по воздуху. Я предупреждал об этом еще в самом начале создания «воздушного моста».

Подготовка к наступлению с целью деблокирования сталинградской армии наконец закончилась. Этой операции с беспокойством ожидали все, а особенно войска 6-й армии. Почти все части, переброшенные с Кавказа, заняли свои позиции. Прибыли значи-

тельные подкрепления из Германии. Непосредственное руководство операцией было возложено на командующего 4-й танковой армией генерала Гота. В его распоряжении было три танковых дивизии штатной численности, небольшое количество пехоты для прикрытия флангов и ряд подразделений и частей из резерва главного командования, среди которых находился батальон танков «тигр». Этим силам явно не хватало для выполнения поставленной перед Готом задачи. Условия наступления были далеки от идеальных. Исходный район находился в районе Котельниково, километрах в ста от Сталинграда. Русские отлично понимали, что этот участок был самым уязвимым. В своих действиях они должны были исходить из этого, и потому Гот мог встретить здесь сильное сопротивление. Правда, и командиры, и солдаты 4-й танковой армии понимали, какую важную роль играло их наступление для деблокирования сталинградской армии. Они были полны решимости пойти на любые жертвы, чтобы успешно выполнить свою задачу.

Попытка деблокирования 6-й армии

Наступление началось 12 декабря, и все мы с нетерпением ожидали первых донесений. Вначале все шло хорошо. 4-я танковая армия понемногу продвигалась вперед. К 18 декабря войска Гота были в 60 километрах от так называемой крепости. 19 декабря они вышли к р. Мышкова и 20-го форсировали ее. 21 декабря они были всего в 45 километрах от Сталинграда.

И вот тут наступление застопорилось. Войск явно не хватало, к тому же они были крайне утомлены и плохо снабжались. Храбрость и решимость войск не могли компенсировать этих слабостей. Кроме того, против 4-й танковой армии действовали крупные силы русских. Несмотря на приказы и увещевания штаба верховного командования, возобновить наступление не удалось. Для этого требовалось ввести в бой свежие силы, а их у нас, к сожалению, не было.

Я с нетерпением ожидал реакции Гитлера. Когда до начала наступления Гота у фюрера просили разрешить 6-й армии вырваться из окружения, он ответил, что нужно подождать результатов наступления 4-й танковой армии. В первые несколько дней армия Гота добилась известных успехов, и Гитлер был на седьмом небе. Он заявил тогда, что его решение оправдано, и не допускал и мысли о выходе 6-й армии из окружения. Но даже в дни успешного наступления все командиры частей и соединений в зоне боевых действий продолжали считать, что спасти 6-ю армию от уничтожения можно, только выведя ее из окружения.

Временные победы вернули Гитлеру его прежнюю уверенность. Теперь он говорил не только о деблокировании окруженной армии, но даже о восстановлении линии фронта, существовавшей до большого русского наступления. Гитлер не желал выслушивать объективные оценки обстановки. Он не понимал, что наступление, в котором участвовали слабые силы и перед которым были поставлены огромные цели, провалится, если 4-я танковая армия не будет усилена и обеспечена необходимыми предметами снабжения. Его нельзя было убедить даже в том, что следует принять элементарные меры предосторожности на случай, если наступление провалится.

Когда в 45 километрах от Сталинграда наступление застопорилось, всем военным специалистам стало ясно, что это конец. Но не так думал Гитлер. «Вот увидите, — говорил он нам, — наступление обязательно будет продолжено». Но его предсказания не сбылись. 23 декабря наступление окончательно прекратилось.

Это был последний момент, когда еще можно было спасти 6-ю армию.

Последняя надежда

Фельдмаршал фон Манштейн и я предпринимали последние отчаянные попытки убедить Гитлера. Если бы 6-я армия получила приказ вырваться из окружения, она, безусловно, выполнила бы его. Безвыходность положения заставила бы солдат пойти на любые жертвы, и окончательной катастрофы можно было бы избежать. Но приказ о выходе из окружения должен был исходить от Гитлера, а он не соглашался подписать его.

Почти каждую ночь я убеждал его отдать такой приказ. Подобные сцены я уже описывал и потому не стану входить в детали, снова говорить о спорах, о взаимном раздражении и т. д. Но мне хотелось бы упомянуть о двух характерных инцидентах.

Помню, однажды я подумал, что мне удалось убедить Гитлера принять мою точку зрения, так как он сказал: «Хорошо, напишите Паулюсу и спросите его, насколько далеко он сможет продвинуться, если он получит приказ о выходе из окружения».

Я вздохнул с облегчением, и, чтобы Гитлер не успел передумать, тут же, в его присутствии, составил телеграмму, и дал ему подписать. Он прочитал ее, взял карандаш и дописал: «...с тем условием, что Вы будете удерживать оборону вдоль Волги». Это добавление в корне меняло цель и характер предлагаемой мною операции. В подобных случаях мне казалось, что я могу сойти с ума. Телеграмма была отправлена, и Паулюс немедленно ответил. Я забыл, какую цифру он назвал, — кажется, от 30 до 40 километров. Во всяком случае, это расстояние было значительно меньше

того, которое отделяло его армию от авангардов Гота. На следующий день на совещании в присутствии большой группы офицеров Гитлер сказал:

— Я послал Паулюсу радиограмму, в которой запросил его, как далеко сможет он продвинуться, если получит приказ выйти из окружения. Он ответил, что его войска смогут продвинуться только на 30—40 километров. Следовательно, нет никакого смысла проводить такую операцию.

Я резко возразил:

— Но ведь вы поставили ему условие — удерживать позиции на Волге.

От ярости Гитлер побледнел, но промолчал.

На следующий вечер я добился у него приема и снова умолял дать разрешение на выход из окружения. Я говорил, что это последняя надежда спасти 200-тысячную армию Паулюса.

Гитлер спросил:

— Можете ли вы дать гарантию, что им удастся вырваться со всем вооружением?

— Этого никто не может гарантировать, — ответил я, — но я могу поручиться, что войска будут уничтожены, а все их оружие потеряно, если вы немедленно не отдадите приказ о выходе из окружения.

Гитлер не уступал. Напрасно я описывал условия внутри так называемой крепости: отчаяние умирающих с голоду солдат, потеря веры в верховное командование, гибель тысяч раненых от недостаточного медицинского ухода и сильных морозов. Он остался глух к этим, как и к прежним, моим аргументам.

Так как мои слова не тронули Гитлера, я надеялся заставить его собственными глазами увидеть все, что происходит в Сталинградском котле. Я предложил ему полететь со мной в штаб группы армий «Дон», чтобы он представил себе фронтовые условия. Гитлер отверг это предложение. Тогда я посоветовал ему вызвать из Сталинграда компетентных офицеров, которые рассказали бы ему о положении окруженной группировки. Но и это предложение не было принято. Гитлер явно предпочитал не знать, что происходит внутри котла. Я решил сам взяться за дело и послал в штаб 6-й армии радиограмму с просьбой прислать к нам генерала Хюбе, который пользовался особым расположением Гитлера. Я надеялся, что Гитлер, может быть, прислушается хотя бы к словам Хюбе.

Я поговорил с Хюбе перед тем, как он был принят Гитлером. Хюбе спросил меня, можно ли говорить верховному главнокомандующему правду. Как я понял, он слышал, что Гитлеру нельзя говорить о действительных фактах. Я заверил его, что это не так, хотя тот, кто говорил правду, действительно часто вызывал у него гнев и поэтому мог впасть в немилость. А на этот риск немногие

решались. Я сказал Хюбе, что он не только может, но обязан говорить Гитлеру правду.

Встретив Хюбе своим обычным длинным монологом, Гитлер постарался склонить его на свою сторону. Он сказал, что знает о тяжелых условиях в крепости, а также о том, что снабжение по воздуху пока не совсем эффективно. Однако, продолжал он, меры приняты, и вскоре положение значительно улучшится. Гитлер говорил долго, пытаясь заранее лишить Хюбе тех аргументов, которые он мог выставить. Когда наконец Хюбе разрешено было говорить, он с предельной ясностью нарисовал печальную картину действительного положения окруженных войск. Я не преувеличу, если скажу, что он буквально умолял Гитлера спасти сталинградскую армию.

Но Гитлер оставался непреклонным. Когда Хюбе понял, что обстоятельное описание обстановки не произвело на диктатора никакого впечатления, он вышел из себя. Хюбе был откровенным человеком и сказал прямо: «Снабжение по воздуху провалилось. Ведь кто-то виновен же в этом. Мой фюрер, почему вы не казните одного из генералов ВВС? До сих пор за ошибки расстреливали только армейских генералов. Пришло время выписать дозу этого лекарства и нашим авиационным коллегам».

Для Гитлера это было слишком. Позже мне довелось слышать, как он говорил Герингу: «Хюбе спросил меня, почему я не расстрелял какого-нибудь авиационного генерала. Вот с какими вещами приходится мне мириться». Разговор с Хюбе Гитлер закончил словами: «Я располагаю точной информацией о крепости и ее трудностях. К тому же едва ли найдется человек, который с большей настойчивостью выступал бы в защиту сталинградской армии, чем мой начальник штаба».

Итак, визит Хюбе ничего не дал, кроме повторения обычных заверений. Единственным результатом посещения генералом Хюбе Гитлера явилось создание специального штаба ВВС под руководством фельдмаршала Мильха для воздушного снабжения сталинградской армии. Но положение уже нельзя было выправить, и не только потому, что новые меры были приняты слишком поздно. Дело в том, что снабжение целой армии зимой, как и предсказывали многие авиационные офицеры, оказалось не по плечу немецким военно-воздушным силам.

Обстановка в конце декабря

1942 год подходил к концу. В сводках верховного командования сообщалось, что наши войска в районе Сталинграда предпринимают ожесточенные атаки, но на самом деле обстановка с каждым днем становилась все менее благоприятной. Группа армий «Дон»

оказалась не в состоянии отразить натиск русских и теперь откатывалась назад. 4-я танковая армия не смогла удержать рубеж, на который она вышла 21 декабря, и расстояние между передовыми отрядами 4-й и 6-й армий опять увеличилось до ста с лишним километров. Северо-западнее Сталинграда русские расширили фронт своего зимнего наступления. Они атаковали и разгромили итальянскую армию, удерживавшую участок фронта между румынами и венграми. Теперь опасность нависла над венгерскими войсками. Такой ход событий усилил отчаянное положение группы армий «А», действовавшей на Кавказе.

Обстановка в самой крепости серьезно ухудшилась, хотя русские еще не начали решительного наступления. Пресловутый «воздушный мост» работал плохо, и нехватка предметов снабжения ощущалась все острее. Рационы войск стали настолько мизерными, что продержаться на них сколько-нибудь долго люди не могли. Мало того, неизбежно было новое уменьшение суточного пайка. Провал наступления 4-й танковой армии деморализовал как командиров, так и войска внутри Сталинградского котла. Их разочарование было тем сильнее, что они верили в возможность скорого деблокирования. Я не берусь описывать обстановку в районе окружения — о ней могут рассказать лишь те немногие из участников событий, кому посчастливилось остаться в живых.

Я следил за тем, чтобы Гитлера информировали достаточно полно и правдиво, не умалчивая о недостатках. Мне казалось, что он совершенно безразлично относился к неумолимо надвигающейся катастрофе. Внешне он придерживался прежнего мнения, считая, что решение удерживать Сталинград при данных обстоятельствах было правильным. Чтобы оправдать себя, он выдвигал теперь следующие причины. Удерживая Сталинград, 6-я армия приковывает к себе крупные силы русских, поэтому противник не может проводить крупные операции в другом месте, а мы получаем возможность создать прочную линию фронта. На эти доводы я ответил так: «Если русские будут проводить свои операции правильно, — а у меня есть все основания полагать, что они будут действовать именно так, — то для окружения сталинградской армии они оставят минимальное количество дивизий. Они не станут штурмовать крепость в ближайшее время, а бросят свои основные силы для наступления в западном направлении. Наши солдаты в Сталинграде вынуждены будут смириться со своей судьбой, даже не вступая в бой, и попадут в руки противника так же просто, как спелые фрукты падают с деревьев на землю».

Позднее мои предсказания сбылись. Но Гитлер продолжал ободрять окруженные войска даже после провала наступления 4-й танковой армии. Он обратился к ним с новогодним приказом, в котором говорилось: «Я даю слово, что для вашего освобождения

будет сделано все возможное». Этот приказ был написан лично Гитлером, и старший адъютант фюрера принес его мне для отправки в 6-ю армию. Я отказался это сделать, так как не имел ни малейшего желания посылать приказ, содержание которого было явно неосуществимо. Старший адъютант заявил, что Гитлер настоятельно требовал отправки приказа и что о моем неповиновении он вынужден будет доложить Гитлеру. Но никакие последствия не могли заставить меня согласиться с Гитлером, и в конце концов приказ был послан в Сталинград через другие каналы. Между прочим, Гитлер не привлек меня к ответу и ни разу не напомнил об этом случае.

Примерно с середины декабря стала надвигаться другая катастрофа, подобная сталинградской. Так как она имеет прямое отношение к Сталинграду, я скажу о ней несколько слов. Речь идет о судьбе немецких войск на Кавказе. На самом южном участке Восточного фронта наше летнее наступление уже давно приостановилось. Некоторое время продолжались местные атаки наших войск, но в конце концов немецкое командование вынуждено было отдать приказ о переходе к обороне на всем этом участке фронта. Теперь, в результате успешного русского зимнего наступления западнее и южнее Сталинграда, возникла угроза всему Кавказскому фронту. В начале декабря я старался обратить внимание Гитлера на возрастающую опасность в этом районе, но он отказался сделать выводы из сложившейся там обстановки. Декабрьское наступление русских западнее Сталинграда, а затем провал наступления 4-й танковой армии поставили группу армий «А» на Кавказе в крайне опасное положение.

Нетрудно было понять, что если русские продолжат наступление, то вскоре они достигнут Ростова, а в случае захвата ими Ростова всей группе армий «А» грозит неминуемая опасность окружения. Следовало принять необходимые меры предосторожности, поэтому я договорился со штабом группы армий «А» о разработке подробного плана отхода двух армий — 17-й полевой и 1-й танковой. Все это было сделано без ведома Гитлера. Если бы он узнал об этом, я мог бы поплатиться жизнью. Я хотел провести такую подготовку, чтобы, получив приказ об отходе, обе эти армии были в состоянии немедленно выполнить его. В то время во многом можно было усомниться, но в одном я был совершенно уверен: если Гитлер когда-нибудь отдаст приказ об отходе группы армий «А», то он сделает это лишь в самый последний момент. Поэтому каждая минута была на счету, и малейшее промедление в связи с разработкой плана могло решить судьбу кавказской группы армий.

Когда попытка деблокировать Сталинград потерпела неудачу, я вторично попытался получить санкцию Гитлера на эвакуацию

войск с Кавказа. Он отказался меня слушать и тогда, и в следующие дни, когда я обращался к нему по этому неотложному делу. В конце декабря он все же, по-видимому, сдался. Как-то раз наедине с ним я описал сложившуюся на юге обстановку и закончил свое сообщение так: «Если вы теперь же не отдадите приказ об отступлении с Кавказа, то вскоре нам придется пережить второй Сталинград».

Казалось, это произвело впечатление на Гитлера, и я должен был непременно использовать его нерешительность. Мне удалось буквально выжать из него согласие. «Хорошо,— сказал он наконец,— отдайте соответствующее приказание». Выйдя из комнаты, я прямо из приемной Гитлера по телефону отдал приказ об отступлении. Я распорядился, чтобы приказ был передан войскам немедленно и чтобы их отход начался тотчас же.

Спешил я не напрасно. Когда всего через полчаса я приехал в свой штаб, меня уже ждала срочная телефонограмма: Гитлер приказывал немедленно позвонить ему. Заранее зная, что это значит, я снял телефонную трубку и попросил соединить с Гитлером. Он сказал: «Не отдавайте пока распоряжений об отступлении с Кавказа. Завтра мы снова обсудим этот вопрос».

Итак, Гитлер собирался начать новую серию бесконечных отсрочек, откладывая решение до тех пор, когда уже поздно будет что-либо предпринять. Я сказал: «Мой фюрер, слишком поздно. Я отправил приказ еще из вашего штаба, и теперь он уже достиг фронтовых частей и соединений. Отступление началось. Отменить приказ сейчас — значит вызвать невероятную путаницу. Я вынужден просить вас не делать этого».

Гитлер молчал, видимо, не зная, на что решиться. Наконец он сказал: «Хорошо, пусть будет так».

Итак, я добился спасения 1-й танковой и 17-й полевой армий от той участи, которая постигла 6-ю армию. Дальнейший ход событий показал, что я использовал самый последний момент для успешного отвода наших войск с Кавказа. Хоть здесь мои усилия не пропали даром.

Русские требуют сдачи Сталинграда

Если бы меня попросили указать дату, которую я считаю началом конца 6-й армии Паулюса, я бы назвал 8 января 1943 г. В этот день русские послали в крепость парламентариев и официально потребовали ее сдачи. Правда, можно считать и так, что судьба окруженной 6-й армии была решена еще в тот день, когда ей было запрещено вырваться из окружения. Все, кто был в состоянии здраво оценивать реальную обстановку, понимали это, все, кроме Гитлера, которого упрямство лишило способности видеть действ-

вительный ход событий. Немецкий народ не знал о создавшемся положении, так как верховное командование умалчивало о неизбежной судьбе 6-й армии вплоть до самой ее капитуляции. Ниже я остановлюсь на этом подробнее.

Наступление русских на крепость началось в первые дни января. Русское Верховное Командование, вероятно, считало, что группа армий «Дон» отброшена назад достаточно далеко и теперь не помешает русским войскам ликвидировать Сталинградский котел. Почему русские решили перейти в наступление, не дожидаясь, пока котел развалится сам по себе, без всяких потерь со стороны русских, известно только русским генералам.

На их решение оказали влияние, возможно, следующие три фактора. Во-первых, проведение дальнейших боевых действий во многом зависело от овладения таким важным центром дорог, как Сталинград. Во-вторых, они, конечно, поняли, что своевременный отход наших войск с Кавказа лишил их возможности отрезать и окружить группу армий «А». В-третьих, их разведка, видимо, сообщила, что запасы предметов снабжения в котле иссякли и что конец окруженных войск близок. Последний фактор кажется самым вероятным объяснением. Во всяком случае, русское Верховное Командование решило, что пришло время уничтожить 6-ю армию. Но прежде чем перейти в генеральное наступление, они попытались добиться капитуляции этой армии без дальнейшего кровопролития.

8 января русские парламентарии вошли в крепость. Они вручили Паулюсу требование о капитуляции 6-й армии, подписанное командующим русским Донским фронтом. Это был пространный документ. Описав безнадежное положение окруженной 6-й армии, русский командующий предлагал сложить оружие и в случае согласия на это гарантировал солдатам сохранение жизни и безопасность, а сразу же после окончания войны возвращение на родину — в Германию и другие страны. Документ заканчивался угрозой уничтожить армию, если она не капитулирует. В случае отклонения ультиматума вся ответственность за последствия возлагалась на командующего 6-й армией. Ответ было предложено дать до 10 часов 00 минут 9 января 1943 г.

Паулюс немедленно связался с Гитлером и попросил свободы действий. Гитлер дал резкий отказ. Трудно сказать, о чем думал он в это время. Все же я попытаюсь рассказать об этом, основываясь на своих личных наблюдениях.

Как всегда, Гитлер упорно скрывал свои истинные взгляды. Казалось, он был уверен в благоприятном исходе Сталинградского сражения. Но свои сокровенные мысли он держал при себе. Только люди, которые близко знали его, постоянно общались с ним и видели смену его настроений, догадывались о его настоящих чув-

ствах, когда он случайно выдавал себя неосторожно сказанной фразой. В своем новогоднем приказе по сталинградской армии он все еще обещал солдатам и офицерам освободить их из кольца вражеского окружения. Всему личному составу вооруженных сил и немецкому народу он не раз повторял, что упорство и моральная стойкость сталинградской армии не дали возможность войскам противника перейти в наступление на других участках Восточного фронта. Их героическая оборона, говорил он, завершится победой. Этой же точки зрения он придерживался в разговоре со мной и с командующим группой армий «Дон» фельдмаршалом фон Манштейном. Вероятно, только генералу Йодлю, своему самому близкому военному советнику, он признавался, что больше не верит в возможность спасения 6-й армии.

Генерал Йодль на Нюрнбергском процессе заявил:

«Я испытываю глубокое сострадание к свидетелю генералу Паулюсу. Он не знал, что Гитлер считал его армию потерянной с тех пор, как первые зимние метели стали бушевать в районе Сталинграда».

Крикливые пропагандистские доводы в пользу удержания Сталинграда не отражали существа мыслей Гитлера. Вероятнее всего, он находился в плену своего упрямого убеждения, что немецкий солдат не должен отступать оттуда, куда ступила его нога.

«Я не оставлю Волгу, — снова и снова повторял Гитлер. — Когда воюешь против русских, не может быть и речи о сдаче в плен». Более того, с самого начала он совершенно не считался с советами командующих группами армий и с моими предложениями и часто действовал как раз наоборот. Но теперь он ни за что бы не признался, что допустил ошибку. Таково было истинное отношение Гитлера к происходившим под Сталинградом событиям, но он был достаточно умен, чтобы скрыть его от своих солдат и немецкого народа. И он использовал мощный аппарат пропаганды, чтобы исказить действительное положение вещей.

Вероятно, Гитлер не выдавал своих истинных чувств даже самым близким людям. Мучили ли его угрызения совести? Осознавал ли он грандиозность катастрофы, которая произошла по его вине? Испытывал ли он чувство жалости к сотням тысяч солдат, которых он обрек на смерть или русский плен? Раскаивался ли он в своих поступках? Я думаю, что на все эти вопросы ответ может быть только отрицательным. Он не был одарен способностью разделять страдания других. Хотя он часто повторял, что сам сражался в траншеях во время Первой мировой войны и поэтому хорошо понимал состояние солдат во Второй мировой войне, он не чувствовал к ним никакого сострадания. Зато он без конца говорил о своих «бессонных ночах». Все эти лицемерные высказывания

были рассчитаны на то, чтобы произвести впечатление на окружающих.

Таковы причины, которые побудили Гитлера безжалостно отвергнуть просьбы командующего группой армий «Б», а также и мои о представлении генералу Паулюсу свободы действий. Единственным ответом на все наши требования было резкое и непреклонное «Нет!». Зная о его нелепой гордости, мы пытались подсластить пилюлю. Мы уже не просили его согласиться на капитуляцию. Мы умоляли только об одном — дать Паулюсу свободу действий. А там уж сам Паулюс мог принять решение о капитуляции своей армии. Но нам не удалось убедить диктатора согласиться хотя бы с этим. Время, данное нам русскими на размышления, истекло, и их предложение о капитуляции армии без напрасного кровопролития было, таким образом, отвергнуто. Печальные последствия этого оказали решающее влияние на дальнейший ход Второй мировой войны.

Наступление русских

Рано утром 10 января русская артиллерия открыла ураганный огонь. Через два часа их пехота перешла в наступление с севера, юга и запада. С ужасом ожидали этого момента оборонявшиеся, у которых осталось мизерное количество боеприпасов. Весь день шел жестокий бой. Героически обороняясь, наши солдаты подбили много русских танков и нанесли большие потери наступающим русским войскам. Но и наши потери были неслыханно велики. Вечером этого дня командование 6-й армии сообщило по радио, что русские прорвали оборону наших войск на северном, южном и западном направлениях и что бреши закрыть не удалось. Большие участки обороны самовольно или по разрешению штаба 6-й армии были оставлены войсками. Котел постепенно сужался. Это продолжалось несколько дней. Чем меньше становился удерживаемый немцами район, тем больше страдания окруженных солдат.

К 16 января расстояние между самыми отдаленными пунктами котла по длине сократилось до 25, а по ширине — до 15 километров, то есть с 10 января и в длину и в ширину уменьшилось в два раза. Особенно серьезной была потеря аэродрома Питомник, так как через него осуществлялось снабжение крепости.

Теперь померк даже наигранный оптимизм Гитлера. По его приказу в сводках верховного командования впервые появились намеки на серьезность создавшейся под Сталинградом обстановки. В коммюнике от 10 января говорилось только о боях местного значения и действиях патрулей. 16 января уже сообщалось «об оборонительных боях с наступающими со всех сторон войсками противника». Но Гитлер все еще отказывался дать Паулюсу свобо-

ду действий, о которой неоднократно просил командующий группой армий «Б» и которой так настоятельно требовал я в своих разговорах с диктатором. Его ответом каждый раз было монотонное повторение любимого изречения: «Каждый день сопротивления 6-й армии — огромная помощь другим армиям Восточного фронта. 6-я армия приковывает к себе крупные силы русских и наносит им тяжелые потери».

А сталинградская трагедия неумолимо приближалась к концу. Солдатам 6-й армии каждый новый день приносил только усилившийся голод, лишения, душевное одиночество, безнадежность, страх замерзнуть или умереть с голода, страх получить ранение, которое в этих условиях невозможно излечить. В зависимости от своего темперамента одни солдаты в этих условиях проявляли храбрость, другие отчаяние, а третьи просто апатию. Но каковы бы ни были их чувства, им ничего не оставалось делать, как только продолжать воевать, воевать без отдыха, без перерыва, воевать, сознавая, что нечеловеческие условия, в которых они существуют, могут стать лишь еще ужаснее. Это был бесконечный кошмар.

Младшие и старшие офицеры находились в таких же условиях, как и солдаты. Тяжесть их положения усугублялась, однако, тем, что на них лежало бремя ответственности за жизни людей, которым они не могли помочь. Они отчетливо сознавали, что полуголодные люди, лишенные к тому же достаточного количества боеприпасов, не в состоянии выполнять получаемые ими приказы.

Высший командный состав и штабные офицеры были в несколько лучших условиях, зато на них лежала еще большая ответственность. Они уже не строили никаких иллюзий. Раньше или позже, в зависимости от воинского звания и характера, они осознали бессмысленность приказов Гитлера и лживость его обещаний. Они понимали, что неизбежность горького конца, который ждал находившихся под их командованием офицеров и солдат, бесспорна, как математическая аксиома. Каждый боевой приказ вызывал у них душевную борьбу: выполнять его или нет? Но они обязаны были передавать приказы, которые сами считали ошибочными. Более того, перед своими подчиненными они должны были показывать храбрость и уверенность в победе.

Снабжение войск почти прекратилось. Солдатам не хватало продовольствия, боеприпасов, горючего и многих других предметов снабжения. С каждым днем все острее ощущалась нехватка боевой техники и снаряжения. Многие артиллерийские части, расстреляв все снаряды, уничтожали орудия. Водители грузовиков, когда кончался бензин в баках, поджигали свои машины. Исчезали целые части и соединения.

Для раненых не было ни убежища, ни постели, ни пищи, ни медикаментов, не хватало даже бинтов. Медицинский персонал бессилён был что-либо сделать. День за днем обстановка ухудшалась. Только одно оставалось неясным: сколько еще продлится сражение?

Между 16 и 24 января район обороны 6-й армии был расколот на две части, и связь между ними теперь осуществлялась только по радио. 23 или 24 января последний самолет улетел на запад — русские захватили последнюю посадочную площадку. Впредь остатки 6-й армии были оторваны от внешнего мира. Нетрудно представить, что это значило для окруженных войск. Теперь у них уже не было никакой надежды на спасение. Отчаяние охватило людей. Предметы снабжения теперь сбрасывались с самолетов, но в небольшом количестве. Основная часть их падала на территорию противника, а те, что попадали на маленький район, где еще находились немцы, трудно было найти в больших сугробах.

24 января снова появились русские парламентарии. Они надеялись, что теперь немцы наконец сдадутся. Генерал Паулюс по радио опять обратился к Гитлеру за разрешением на капитуляцию. Он откровенно сообщил, что положение безвыходное: централизованное руководство более невозможно, фронт прорван, появились признаки разложения среди солдат, не хватает продовольствия и боеприпасов, а раненые лишены медикаментов. В заключение своего разговора с Гитлером Паулюс сказал, что дальнейшее сопротивление бессмысленно, так как разгром войск, находящихся под его командованием, неизбежен. Он просил Гитлера согласиться на немедленную капитуляцию, чтобы спасти от гибели еще оставшихся в живых солдат.

Фельдмаршал фон Манштейн и я поддержали эту просьбу — он письменно, а я устно. Она была новым повторением того требования, которое мы выставляли в течение последних двух недель.

Гитлер был непреклонен. Ни командующий группой армий, ни я не смогли уговорить его. Правдивый доклад Паулюса не произвел на него никакого впечатления. Количество убитых и раненых, положение со снабжением, продовольствием и боеприпасами — все это не тронуло его. Даже полные драматизма описания свидетелей сталинградского ада, с каждым днем становившегося все ужаснее, не повлияли на него. Ничто не могло убедить Гитлера и заставить изменить свою точку зрения. Он снова и снова повторял, что каждый день сопротивления 6-й армии облегчает положение других войск Восточного фронта.

Ответ на просьбу генерала Паулюса пришел немедленно: Гитлер запретил капитулировать и приказал 6-й армии сражаться до последнего человека, до последнего патрона. Паулюсу пришлось вторично отвергнуть предложение русских парламентариев.

Вскоре Гитлер отправил второй приказ 6-й армии, изобиловавший высокопарными выражениями о «героической обороне» и о «спасении Западного мира». И это было все. За пределами котла жизнь и война шли своим чередом.

Конец

К северу и западу от котла русские расширили фронт зимнего наступления. Была разгромлена венгерская армия, находившаяся левее итальянцев. Дальше на север та же участь постигла 2-ю немецкую армию. На юге обстановка оставалась критической, и единственной надеждой на спасение было своевременное отступление наших войск с Кавказа. Эта операция, проведенная в самый последний момент, прошла успешно. Решение об отходе войск полностью оправдало себя. Освободившиеся дивизии можно было использовать на других участках фронта. Ставке Гитлера приходилось думать о боевых действиях не только на Восточном фронте. В Африке англичане захватили Триполи, и всей армии Роммеля угрожала серьезная опасность.

В эти дни Геринг несколько раз выступил с речами, в которых говорил о героическом сражении на Волге. Видимо, он не понимал, что вместе с Гитлером повинен в сталинградской трагедии, и забыл о своем торжественном обещании осуществить снабжение 6-й армии по воздуху. Он даже нашел уместным отпраздновать свой день рождения с обычной экстравагантностью и расточительностью. Это происходило как раз в то время, когда я и офицеры моего штаба из товарищеской солидарности с окруженной армией урезали свои продовольственные пайки до уровня тех, какие выдавались солдатам Паулюса.

В атмосфере крайнего напряжения немецкий народ ясно сознавал, что надвигается страшная катастрофа. Коммюнике верховного командования подготавливали людей к плохим новостям. За описанием героических подвигов 6-й армии официальные органы пропаганды пытались скрыть масштабы и характер сталинградской трагедии.

В самом котле быстро и безжалостно приближался конец. Один командир дивизии отказался подчиниться приказам высших начальников и, чтобы спасти горсточку оставшихся в живых солдат и офицеров своей дивизии, принял решение о сдаче в плен. К русским перешла и одна румынская часть в полном составе, со всем своим вооружением. Старшие и высшие командиры либо кончали жизнь самоубийством, либо уходили на передовую и находились там, пока русская пуля не прерывала их жизнь. Некоторые младшие офицеры и солдаты просили у своих командиров разрешения пробиться через кольцо русского окружения к своим. Многие дер-

знули сделать этот рискованный шаг, но после нескольких недель неопикуемых страданий к нашим войскам удалось добраться всего одному унтер-офицеру. После стольких лишений он прожил недолго. В самом котле люди гибли от голода и сильных морозов.

Отколовшаяся часть котла постепенно уменьшалась, затем одна из его половин тоже разделилась на две части. Таким образом образовалось три котла, три района окружения немецких войск: на севере под командованием командира 11-го армейского корпуса, в центре под командованием командира 51-го танкового корпуса и на юге под командованием самого генерала Паулюса. Такое положение, затруднив оборонительные действия наших войск, облегчило наступающим русским выполнение их задачи и быстрее привело к трагическому концу. Обо всем этом генерал Паулюс доложил в ставку Гитлера 28 января. Он добавил, что, по расчетам его штаба, 6-я армия продержится не дольше чем до 1 февраля.

Даже теперь Гитлер наотрез отказался слушать фельдмаршала Манштейна и меня, когда мы опять попросили дать генералу Паулюсу свободу действий. Вместо этого он снова послал штабу 6-й армии длинную радиограмму, насыщенную такими высокопарными фразами, как «героическая борьба», «навекы войдет в историю» и т. д. Гитлер приказал послать под Сталинград массу орденов и медалей и повысить в звании умирающих от голода и холода солдат и офицеров. Он думал, что это будет стимулом для продолжения борьбы. Генерал Паулюс был произведен в фельдмаршалы. Такой вклад внес Гитлер в Сталинградское сражение в его последний час.

Из сводки верховного командования от 27 января немецкому народу нетрудно было сделать вывод, что конец 6-й армии приближается. В этом коммюнике промелькнуло такое выражение: «...подразделения и части 6-й армии, еще способные вести бой». Даже люди, совершенно не разбиравшиеся в военных делах, поняли, что значит эта фраза. А официальные органы пропаганды продолжали делать упор на героические подвиги в сражении, которое уже было проиграно. Пример подавал Геринг. Он по радио обращался к 6-й армии с речами, а солдаты, зная, какую роль сыграл рейхсмаршал в постигшей их катастрофе, все больше ожесточались против него. В своей речи 30 января он говорил о Сталинградской битве как о «величайшей, самой героической битве в истории германской расы» и сравнивал солдат 6-й армии с греческими героями, которые в битве при Фермопилах сражались до последнего. Неужели он не понимал, что, проводя такую параллель, он списывал со счета солдат 6-й армии, словно их уже не было в живых? Многие солдаты и офицеры пришли именно к такому заключению. Они прекрасно знали, что этот человек как

главнокомандующий военно-воздушными силами Германии в свое время торжественно обещал обеспечить 6-ю армию всеми необходимыми предметами снабжения.

Последние дни в Сталинграде прошли так, как и предсказывал в своем донесении от 28 января фельдмаршал Паулюс. 31 января Паулюс радировал в штаб командующего сухопутными силами, что конец драмы наступит в ближайшие 24 часа. В этот же день войска центрального котла сдались в плен. Рано утром 2 февраля капитулировал северный котел, а в полдень того же дня — южный. Войска каждого котла сообщали о своей сдаче по радио. В каждом случае последняя радиogramма заканчивалась словами: «Да здравствует Германия!»

Заключение

Солдаты 6-й армии исполнили свой долг до конца, несмотря на бессмысленность получаемых ими приказов и несмотря даже на то, что многие, если не большинство из них, хорошо понимали это. Их положение было поистине трагическим. Ослабленные от недоедания, страдающие от страшного мороза, почти без боеприпасов и предметов снабжения, они причинили русским командирам и войскам много неприятностей и нанесли тяжелые потери. С 10 января по 2 февраля, то есть более трех недель, они вели бой с превосходящими силами противника. Это уже внушительное достижение. Если иметь в виду физическое напряжение войск, их психическое состояние, а также климатические условия, в которых они сражались, их достижения придется удвоить и даже утроить. У меня не хватает слов, чтобы описать их преданность своему воинскому долгу. История отдаст дань солдатам, которые до последних дней думали только о выполнении своего долга.

При вынесении приговора этим солдатам не нужно исходить из того, что Сталинградская битва не должна была произойти и что весь мир осудил человека, который, несмотря на протесты своих военных советников, приказал принять в ней участие. Как же он реагировал на эту катастрофу?

Узнав, что под Сталинградом все кончено, Гитлер пришел в ярость. Его взбесило, что новый фельдмаршал предпочел плен смерти. Он говорил, что не ожидал этого, а если бы знал, никогда бы не присвоил Паулюсу звание фельдмаршала. Вот все, что он сказал по адресу Паулюса.

Я не заметил, чтобы Гитлер сожалел о своем упорстве или чувствовал угрызения совести. Он продолжал повторять те аргументы, которые он раньше выставлял в пропагандистских целях: 6-й армией необходимо было пожертвовать ради создания нового фронта. Плохая погода, говорил он, то есть обстоятельство, нахо-

дившееся, так сказать, вне его власти, приостановила снабжение 6-й армии по воздуху. Он обладал изумительной памятью, если это было выгодно ему, но забыл, что я, основываясь на своем опыте зимних боев 1941—1942 гг., предупреждал его о вероятности плохой погоды. Гитлер не допускал и мысли, что во всем виновен он, неправильно оценивший обстановку. Послушать его, так он был неизменно прав. Если его планы проваливались, то только из-за непредвиденных обстоятельств или неспособности тех лиц, коим доверялось выполнение его приказов.

На него не произвели впечатления кровавые сталинградские события, неслыханные страдания сотен тысяч солдат и невзгоды, которые эта трагедия принесла их семьям. Все это его не трогало, и вскоре он с энтузиазмом принялся за разработку «новых планов на будущее». «Мы создадим новую 6-ю армию», — говорил он. Так он решил проблему, поставленную Сталинградом. Но нельзя воскресить 6-ю армию, присвоив новому объединению название «6-я армия». Она погибла в Сталинграде. Вместе с ней исчезло и доверие, которое немецкая армия еще питала к своему верховному главнокомандующему. Точнее, Гитлер убил это доверие своим упрямством.

В ноябре я говорил Гитлеру, что потерять под Сталинградом четверть миллиона солдат — значит подорвать основу всего Восточного фронта. Ход событий показал, что я был прав. Сталинградское сражение действительно оказалось поворотным пунктом всей войны.

Германия пережила такую трагедию, что сознание моей правоты не могло утешить меня. В течение нескольких месяцев я пытался убедить Гитлера принять правильное решение. Но мои старания оказались тщетными. Приняв решение уйти с поста начальника генерального штаба сухопутных сил, я отправился к Гитлеру и попросил отстранить меня от этой должности. Гитлер был разъярен и резко ответил: «Генерал не имеет права оставлять свой пост».

ГАНС ДЁРР

ПОХОД НА СТАЛИНГРАД

Оперативный обзор

Ганс Дёрр (1897—?) — с июня 1942 г. по январь 1943 г. начальник штаба 52-го армейского корпуса, затем начальник штаба связи при 4-й румынской армии, командир 384-й пехотной дивизии. С августа 1943 г. и до конца войны — военный атташе в Мадриде. Книга Дёрра выпускалась Военным издательством в 1957 г. и давно стала библиографической редкостью.

Der Feldzug nach Stalingrad

Versuch eines operativen Überblickes

Von Hans Doerr
Generalmajor a. D.

E. S. Mittler und Sohn GmbH
Darmstadt 1955

ФАУСТ

Немало совершил чудес;
Что ж, выиграй сраженье, бес!

МЕФИСТОФЕЛЬ

Нет, выиграешь ты: я под началом;
Ты сам здесь будешь главным генералом!

ФАУСТ

Куда как мне к лицу высокий сан
В таких делах, где я совсем профан!

МЕФИСТОФЕЛЬ

Ты предоставь лишь штабу все заботы, —
И как фельдмаршал можешь ничего ты
Не делать.

«Фауст», часть II

От автора

При подготовке командных кадров германской армии с давних пор играли важную роль так называемые «вводные», при помощи которых руководитель занятий, для того чтобы на примере данной обстановки и хода решения данной задачи показать закономерность войны, создавал критические ситуации и различные трудности. Помня о своей деятельности преподавателя в военной академии и на курсах офицеров генерального штаба, я делал в ходе последней войны записи о сложившейся критической обстановке и трудностях в тот момент, когда они возникали, полагая, что когда-нибудь после войны они будут использованы в качестве учебных задач.

Таким образом, зимой 1942/43 г. возникли первые заметки, использованные для настоящей работы. Когда осенью 1943 г. я был переведен на службу в Мадрид, мне удалось захватить весь этот материал с собой.

В лагерях военнопленных в Германии я пришел к выводу, что и среди высших офицеров многие не знали обстоятельств катастрофы под Сталинградом, и это послужило стимулом к написанию этой книги.

Мне не пришлось пережить вместе с другими солдатами поражение 6-й армии, однако, благодаря занимаемым мною постам, я смог составить себе ясное представление об обстоятельствах этой катастрофы. В описываемый здесь период, с июня 1942 г. по январь 1943 г., я занимал должность начальника штаба 52-го армейского корпуса и участвовал в наступлении 17-й армии на Ворошиловград, а затем в так называемой «битве в котле» 17-й армии и 1-й танковой армии под Ростовом. Затем я принимал учас-

тие в наступлении через Калмыцкие степи до Степной (Элиста) и в нанесении удара через Терек в направлении Центрального Кавказа. В начале октября я был назначен начальником 2-го немецкого штаба связи при 4-й румынской армии и, находясь на этом посту, а также командуя боевыми группами немецких войск, участвовал в боях против русских при их прорыве южнее Сталинграда, у Котельниково, в наступлении с целью освобождения окруженных войск и пережил катастрофу между Волгой и Доном в конце 1942 г. В январе 1943 г. на посту командира 384-й пехотной дивизии я участвовал в боях немецких войск, отступавших от Дона до Миуса.

Участие в этих боевых действиях, однако, еще не являлось бы достаточным основанием для написания настоящего труда. Его опубликование стало возможным лишь благодаря помощи многих очевидцев. Я воспользовался трудами:

генерал-полковника в отставке Гальдера (начальник генерального штаба сухопутных сил);

генерала пехоты в отставке Зоденштерна (начальник штаба групп армий «Юг» и «Б»);

генерала артиллерии в отставке Феттер-Пико (командующий армейской группой его имени);

генерала пехоты в отставке Фангора (начальник штаба армейской группы Гота, затем 4-й танковой армии);

генерал-лейтенанта в отставке Гильденфельда (начальник оперативного отдела штаба группы армий «А»);

генерал-лейтенанта Винтера (начальник оперативного отдела штаба групп армий «Юг» и «Б»);

полковника генерального штаба в отставке Шён-Ангерера (начальник оперативного отдела штаба 4-й танковой армии);

генерал-лейтенанта в отставке Гейма (командир 48-го танкового корпуса);

полковника генерального штаба в отставке Легелера (начальник штаба 57-го танкового корпуса);

майора генерального штаба в отставке Бера (офицер для поручений при штабе 6-й армии).

Большим недостатком труда является отсутствие высказываний офицеров, занимавших высшие командные посты в 6-й армии. Описание действий русских также имеет пробелы, поскольку к русским источникам приходится относиться с большой осторожностью. Они почти не содержат сведений о собственных планах, их осуществлении и передвижениях войск. Поэтому я использовал только такие данные из русских источников, в отношении которых я нашел подтверждение от участников этих событий — немцев или в самом ходе боевых действий.

Я рассматриваю настоящий труд как начало основанного на данных военной науки исследования операций, связанных с именем «Сталинград», и надеюсь, что другие участники событий получат благодаря этому стимул для устранения распространенных заблуждений и восполнения пробелов. Поход от Воронежа до Сталинграда представляет собой целую программу для изучения уроков военной истории в области ведения операций и тактики. Можно надеяться, что когда-нибудь они будут тщательно изучены и из них будут извлечены необходимые выводы.

Среди многих лиц, которым я хочу выразить мою благодарность, в первую очередь необходимо отметить генерал-полковника в отставке Гальдера и генерала пехоты в отставке Зоденштерна, которые на протяжении многих лет делились со мной своими мыслями и всегда откликались на мои многочисленные просьбы, давая необходимые справки; их советы явились важной помощью в моей работе. Я также искренне благодарен всем названным мною выше лицам, трудами которых я воспользовался, а также всем тем, чьи фамилии упоминаются в сносках, так как они своей готовностью ответить на возникавшие вопросы способствовали устранению многих сомнений и разъяснению ряда обстоятельств.

Ганс ДЁРР

Навес, осень 1954 г.

Сталинград

Дважды в истории Советской России Сталинград, до 1921 г. именовавшийся Царицыном, играл важную роль. Дважды он являлся поворотным пунктом в судьбе войны: в 1921 г.¹ красная кавалерия под командованием Буденного одержала победу над Деникиным; в 1942 г. Сталинград стал поворотным пунктом Второй мировой войны.

Для Германии битва под Сталинградом была тягчайшим поражением в ее истории, для России — ее величайшей победой. Под Полтавой (1709 г.) Россия добилась права называться великой европейской державой, Сталинград явился началом ее превращения в одну из двух величайших мировых держав.

В военном искусстве крупные сражения, ведущие к уничтожению одной из армий, играют важную роль как поучительные примеры, так как опыт минувшей войны занимает господствующее положение в военной науке до тех пор, пока новая война не принесет с собой новый опыт и новые уроки.

Как ни пытаются пробить себе путь между двумя войнами новые, прогрессивные идеи относительно ведения боевых действий и использования вооружения, они всегда сводятся только к теоретическим рассуждениям. Ведь даже практика боевой подготовки в мирное время носит абстрактный характер до тех пор, пока она не будет проверена в военное время.

Чем быстрее и искуснее воюющие государства развернут свои вооруженные силы во время войны и чем больше они будут проявлять при этом изобретательности, тем с большей уверенностью можно утверждать, что в послевоенный период останется много нерешенных вопросов, а развитие военного искусства и техники будет прервано.

После 1918 г. перед армиями Европы стояли две важные нерешенные проблемы: авиация и танки. Хотя в последующие годы военная наука тщательно изучала эти вопросы, они приобрели решающее влияние на развитие стратегических и тактических взглядов лишь тогда, когда новая война потребовала их быстрейшего решения.

---

¹ Ошибка автора; Деникин был разгромлен под Орлом и Воронежем в 1919 г. (Прим. ред.)

Вторая мировая война оставила открытым целый ряд вопросов ведения войны и использования техники для боевых действий на суше, в воздухе и на море. И сегодня военные деятели науки и техники во всем мире продолжают разрабатывать и решать эти проблемы.

Однако и ныне военная наука не сможет воспользоваться результатами их трудов, какими бы заманчивыми они ни казались. Для военной науки нужна прочная, проверенная опытом база, а ею является лишь сражение. «Как все произошло и снова произойдет в будущем» (Клаузевиц) — на этот вопрос наряду с неизменными законами военного искусства может дать ответ лишь практика боевых действий войск.

В связи с применением атомных бомб во Второй мировой войне против Нагасаки (Япония) был поставлен вопрос: приведет ли использование атомного оружия к невозможности применения в будущем известных нам способов ведения войны? Если бы мы на этот важный вопрос ответили утвердительно, то 1945 год следовало бы считать годом окончания развития военного искусства.

Если же придерживаться иного мнения и не верить в исчезновение войны как средства или следствия политики, тогда военным и в дальнейшем необходимо изучать историю войн, как это делали их отцы.

Для русской армии битва за Сталинград будет представлять собой важный и богатый материал, а также и по другим причинам занимать особое место в военной науке: Сталинград был первым и до того времени единственным крупным сражением, выигранным Россией и сопровождавшимся уничтожением значительных сил противника. Ни один из ее союзников в минувшей войне не может похвастаться такой победой. Со времени Сталинграда командование русской армии обрело веру в собственные силы и с точки зрения престижа заняло первое место среди своих партнеров.

Уже в Ялте стало очевидно, что Россия приобрела не только военное, но и политическое превосходство, и путь ее успехов, ведущий через Потсдам и другие вехи ее политики, показывает, что победа Советского Союза под Сталинградом означала нечто большее, чем величайший военный успех в его истории.

ОПЕРАЦИИ ГРУППЫ АРМИЙ «ЮГ» (ПОЗЖЕ ГРУПП АРМИЙ «А» и «Б») ДО ВЫХОДА НА ВОЛГУ

Каждое сражение имеет свою предысторию, и она часто интереснее и поучительнее, чем само сражение. До сих пор принято считать началом «Битвы под Сталинградом» 19 ноября 1942 г. Ни название, ни дата не являются в данном случае точными, так как

со Сталинградом связан целый ряд операций, которые правильнее было бы назвать «походом».

Этот поход начался задолго до 19 ноября 1942 г. Причину его неуспеха следует искать еще в ходе летних боев.

Мысль о захвате Сталинграда была впервые высказана Гитлером в ноябре 1941 г. в директиве главному командованию сухопутных сил¹.

Эта мысль приняла ясные очертания весной 1942 г. в директиве верховного главнокомандующего вооруженными силами о летнем наступлении группы армий «Юг» № 41 от 5 апреля 1942 г.² В соответствии с этой директивой главная задача состояла в завоевании Кавказа. Для его осуществления предусматривалось проведение четырех операций.

1. Прорыв на Воронеж (2-я армия и 4-я танковая армия).

2. Разгром противника перед фронтом 6-й армии, западнее Дона.

Для выполнения этой задачи:

а) 6-я армия осуществляла прорыв из района восточнее Харькова на восток;

б) одновременно 4-я танковая армия, наносившая удар на Воронеж, поворачивала вдоль Дона на юг с задачей во взаимодействии с 6-й армией уничтожить противника западнее Дона.

3. Наступление на Сталинград:

силами группы армий «Б» (6-я армия и 4-я танковая армия) вниз по течению Дона на юго-восток;

силами группы армий «А» (17-я армия и 1-я танковая армия) из района восточнее Таганрог, Артемовск через нижнее течение Дона и затем на северо-восток вверх по течению Дона.

Обе группы армий должны были соединиться в районе Сталинграда и путем захвата или обстрела лишить этот город его значения как центра военной промышленности и узла коммуникаций.

4. Завоевание Кавказа.

Из этого плана главного командования вытекает, что главная задача летней кампании состояла не в захвате Сталинграда, а в завоевании Кавказа с его нефтяными промыслами. Тем не менее было решено, что сначала две группы армий должны уничтожить

---

¹ В директиве Гитлера от 11 ноября 1941 г. главному командованию сухопутных сил (ОКХ) говорится, что «при соответствующем состоянии погоды будет целесообразно использовать все имеющиеся в распоряжении силы для того, чтобы в результате нанесения удара на юге на Сталинград или путем быстрого выхода на линию Майкоп, Грозный улучшить снабжение армии нефтью, поскольку наши ресурсы в этой области ограничены» (записано бывшим начальником штаба группы армий «Юг» генералом пехоты Зоденштерном во время совещания, проводившегося 13 ноября 1941 г. начальником генерального штаба сухопутных сил в Орше; в совещании принимали участие начальники штабов соединений Южного фронта).

² См. приложение 1.

путем крупной операции по охвату сил противника его главные силы в районе западнее Сталинграда; лишь после этого ставилась цель завоевания Кавказа.

I. Обстановка на фронте группы армий «Юг» в начале летней кампании 1942 г. (конец июня)

На фронте 800 км, занимаемом группой армий «Юг», находились:

11-я армия	В Крыму	
Группа Витерсгейма (14-й танковый корпус)	Севернее Таганрога	
17-я армия	Восточнее Сталино	
Итальянский экспедиционный корпус (35-й корпус)	Там же	
1-я танковая армия	Восточнее Изюма	
6-я армия	Восточнее Харькова	}
4-я танковая армия	Восточнее Курска	
2-я армия	Там же	
2-я венгерская армия (в неполном составе)	Там же	

Армейская
группа
Вейхса

Резервы группы армий «Юг» составляли всего две немецкие пехотные дивизии и шесть дивизий союзников, но последние к началу наступления еще не прибыли на фронт.

Силы русских на этом участке фронта были, по крайней мере, равны нашим. Однако, поскольку они в первых сражениях 1942 г. имели большие потери, трудно было предположить, что они могут развернуть крупное наступление. Воздушная разведка все же обнаружила во многих местах за линией фронта резервы¹, во много раз превышавшие наши. Что касается управления войсками, то, как это уже показали боевые действия в течение минувшей зимы и весны, Россия извлекла уроки из опыта кампании 1941 г. — оно стало более гибким; ликвидация института комиссаров благоприятно отразилась на состоянии войск.

II. Прорыв армейской группы Вейхса на Воронеж

Задача первого периода наступления состояла в прорыве на Воронеж с целью уничтожения сил русских западнее Дона. Сосредоточенные в полосе 2-й армии силы, объединенные в «армейскую

¹ Донесение оперативного отдела разведывательного управления (Восточные страны) при ОКХ, № 329/42. Сов. секретно, только для командования; от 28 июня 1942 г.

группу Вейкса» (2-я армия, 4-я танковая армия, 2-я венгерская армия), 28 июня начали наступление из района восточнее Курска. Главный удар наносился 4-й танковой армией южнее железной дороги Курск — Воронеж в восточном направлении с задачей выйти на рубеж Дона.

Южнее этого района войска 2-й венгерской армии и 6-й армии (40-й танковый корпус) имели задачу взять противника в клещи западнее р. Оскол. Севернее на Ливны наступал 55-й армейский корпус.

3 июля 2-я венгерская армия и 40-й танковый корпус (6-я армия) у Старого Оскола окружили крупные силы противника и захватили 40 000 пленных. 4-я танковая армия своими разведывательными отрядами вышла к Дону.

В это время возникли разногласия между верховным главнокомандующим и командующим группой армий «Юг», которым суждено было иметь далеко идущие последствия. Гитлер как командующий сухопутными силами¹ в своем приказе от 12 апреля указал, что задачей первого периода операции является захват Воронежа. С этим не соглашалось командование группы армий «Юг», которое предлагало, в целях быстрее развертывания наступления в южном направлении, избежать втягивания войск в длительные бои за город.

Под впечатлением успеха боев на р. Оскол у Гитлера возникли сомнения относительно того, не задержат ли бои за Воронеж намеченный поворот войск на юг. Поэтому он вечером 3 июля приказал сообщить командованию группы армий «Юг», что он больше не настаивает на захвате Воронежа и предоставляет командованию этой группы армий решить вопрос о том, занимать город или нет².

Между тем командующий группой армий под влиянием тяжелых оборонительных боев на своем северном фланге согласился с точкой зрения командования 4-й танковой армии, что овладение Воронежем необходимо для ликвидации угрозы се-

---

¹ После увольнения Браухича в декабре 1941 г. Гитлер кроме поста верховного главнокомандующего взял на себя также обязанности командующего сухопутными силами. В связи с этим у него было два начальника штаба: Йодль — начальник штаба оперативного руководства вооруженными силами и Гальдер — начальник генерального штаба сухопутных сил. То, что такая организация главного командования была нецелесообразной, ясно каждому, даже не сведущему в военных вопросах. Если же учесть характер Гитлера, то будет понятно, что тем самым был вынесен смертный приговор руководству действиями вооруженных сил Германии. В войне с Россией Гитлер действовал главным образом как командующий сухопутными силами. Когда дальше будет идти речь о верховном главнокомандующем, командующем сухопутными силами, главном командовании вооруженных сил (ОКВ) и ОКХ, следует иметь в виду, что все эти посты занимал (или возглавлял соответствующие штабы) Гитлер.

² Запись в дневнике генерал-полковника Гальдера от 3 июля 1942 г.

верному флангу и с точки зрения организации обороны на время зимы.

Поэтому, когда 4-я танковая армия 4 июля захватила плацдарм восточнее Дона и при этом заняла неразрушенный мост, командующий группой армий «Юг» одобрил решение командования этой армии использовать благоприятный момент для немедленного наступления на Воронеж.

Однако Гитлер отменил это решение, а также приказ о переправе через Дон подкреплений, так как командование группы армий «Юг» не имело при этом в виду немедленно повернуть часть сил на юго-восток, с чем нельзя не согласиться¹.

5 июля 4-я танковая армия получила сведения, что перед ее фронтом сосредоточены крупные силы противника; имелось основание предполагать, что такие же силы сконцентрированы в Воронеже.

6 июля обстановка резко изменилась: противник ночью оставил Воронеж и начал отход и на северном фланге.

Теперь Гитлер дал разрешение на занятие города, но одновременно приказал, чтобы по крайней мере один танковый корпус нанес удар на юго-восток в направлении р. Тихая Сосна.

Воронеж был занят, однако не удалось овладеть расположенным севернее города университетским городком. Не удалось также переправиться через р. Воронеж на восток и перерезать важную железную дорогу Москва — Ростов, ведущую с севера на юг.

III. 4-я танковая армия поворачивает на юг

Итак, второй период операции был начат недостаточными силами, поскольку 4-я танковая армия в полном составе еще находилась под Воронежем. Действовавший в юго-восточном направлении 40-й танковый корпус приступил к выполнению задачи, имевшей, пожалуй, решающее значение для исхода всей кампании: предстояло отрезать пути отхода за Дон русским силам, отходившим перед фронтом 6-й армии.

Следует согласиться с Гитлером, отменившим 4 июля решение командования группы армий «Юг»: его действия были основаны на правильной оценке оперативной обстановки. Командующий группой армий «Юг» на этот раз действовал, исходя в первую очередь из тактических соображений. Подобные расхождения во мнениях в высоких сферах не представляют собой ничего необычного. Однако весьма пагубным явилось то, что они были преодолены в решающий период начала летней кампании принятием половинчатых мер.

¹ Запись в дневнике генерал-полковника Гальдера от 6 июля 1942 г.

Корпус, повернутый на юго-восток, был слишком слаб для того, чтобы выполнить стоявшую перед ним задачу, и отрицательно сказывалось отсутствие его под Воронежем, кроме того, он привлекал внимание командования русского фронта к угрожаемому направлению. В довершение всего корпус был еще парализован в связи с нехваткой горючего.

40-й танковый корпус 4 июля начал наступление из района Старый Оскол на юго-восток и продвинулся до рубежа р. Дон в районе Коротояк.

Быстрее, чем можно было ожидать, противник оставил рубеж р. Тихая Сосна. Уже 6 июля корпус вышел в район западнее Новая Калитва и к 9 июля находился восточнее Кантемировка.

Тем не менее ему не удалось уничтожить крупные силы противника. Для такой задачи, которая ставилась перед всей 4-й танковой армией, силы корпуса были явно недостаточны. Если же учесть, что из трех его дивизий одна в связи с нехваткой горючего обычно не принимала участия в боевых действиях¹, то будет ясно, почему танковый корпус не мог помешать главным силам русских уйти за Дон.

Можно было с уверенностью сказать, что противника многому научили значительные победы, одержанные германской армией, сопровождавшиеся уничтожением окруженных войск (последняя, под Харьковом, была одержана всего пять недель назад), и что он в целях сохранения собственных сил может осуществлять отступление. Командование русской армии продемонстрировало редко отмечавшуюся ранее гибкость в управлении войсками и уверенно определяло момент для перехода от отступления к упорной обороне.

Когда передовые части немцев подошли к Кантемировке, русский фронт на Донце стал менее устойчив. Теперь наступило время для выступления обеих южных армий.

IV. Наступление 1-й танковой армии и 17-й армии

С выступлением обеих южных армий произошла перегруппировка сил. Вновь созданное командование группы армий «А» взяло на себя руководство операцией по наступлению на Сталинград. В ее состав входили: 17-я армия, 1-я и 4-я танковые армии (последняя перешла в подчинение группы с того момента, когда продвинулась достаточно далеко на юго-восток; это произошло 14 июля).

---

¹ Запись в дневнике генерал-полковника Гальдера от 12 июля, а также воспоминания начальника оперативного отдела штаба 4-й танковой армии полковника генерального штаба Шён-Ангера.

Группа армий «Б» (бывшая группа армий «Юг»), в состав которой входили 6-я армия, 2-я венгерская армия, 8-я итальянская армия и находившаяся в стадии формирования 3-я румынская армия, получила задачу продолжать наступление, организовав оборону на рубеже р. Дон.

Третий период операции, который в соответствии с директивой верховного главнокомандующего вооруженными силами от 5 апреля должен был преследовать цель соединения сил, наступающих вниз по течению Дона в районе Сталинграда, с силами, наступающими на восток из района Таганрога, Артемовска между нижним течением Дона и Ворошиловградом через Донец, начался с шага, противоречившего духу всей операции. Следствием этого неверного шага были все новые и новые отклонения от общего замысла, а завершением — картина оперативной обстановки на 23 июля, являвшаяся отображением неправильного понимания задач операции.

Оперативный план был раздроблен в связи с тем, что тактические соображения, касавшиеся переправы двух армий через р. Донец в его нижнем течении, взяли верх над остальными соображениями. Вместо того чтобы главными силами нанести удар на южном фланге, а затем быстро продвинуться на восток вдоль северного берега Дона, переправившись через Донец в его нижнем течении, группа армий «А» сосредоточила свои силы значительно севернее.

9 июля начали наступление: 17-я армия — из района восточнее Артемовска на Ворошиловград; 1-я танковая армия — из района севернее Лисичанск через Донец.

Мысль об их изолированных действиях в составе группы армий была продиктована стремлением использовать результаты наступления группы армий «Б» (6-я армия) для переправы 1-й танковой армии через р. Донец, так как форсирование его в нижнем течении представляло технические и тактические трудности.

1-я танковая армия после успешной переправы через р. Донец должна была продвигаться вдоль его левого берега на юго-восток, чтобы обеспечить переправу 17-й армии с тыла. Таким образом, этот план был продиктован тактическими соображениями.

Отклонение от первоначального плана имело два важных последствия.

1. Отказ от замысла осуществления операции, задачей которой было взять в клещи Сталинград, тогда как эта операция имела большие шансы на успех. Северный фланг группы армий «А» уже 14 июля в районе Миллерово установил контакт с группой армий «Б», в результате чего обе группы с этого момента действовали фронтально, а не наносили удар с целью охвата противника.

2. В директиве № 41 говорилось:

Для того чтобы помешать главным силам русских, расположенным севернее Дона, отойти за реку на юг, необходимо усилить правый фланг группировки, продвигающейся из района Таганрога на восток, танками и моторизованными войсками.

Вместо того чтобы нанести ущерб противнику, мы оказали ему помощь, так как если вообще крупные силы противника и находились между Доном и Донцом севернее Ростова, то в результате наступления группы армий «А», начавшегося 9 июля по указанному плану, они должны были неизбежно отойти на Дон, позиции на котором были очень удобными; кроме того, они могли быть использованы для создания угрозы флангу группы армий «А».

Наступление группы армий «А» было, по-видимому, нацелено не на главные силы противника, он уже начал отход под прикрытием умело действовавших арьергардов. 12 июля 1-я танковая армия на широком фронте переправилась через р. Айдар южнее Старобельска и 14 июля приблизилась к Миллерово. Одновременно 17-я армия достигла своим северным флангом района северо-западнее Ворошиловграда.

V. Кризис и изменения в главном командовании

Вполне естественно, что главное командование в этот момент придавало большое значение наступлению немецких войск вслед отходившим по обе стороны от Донца силам русских, потому что предназначенный для выполнения этой задачи 40-й танковый корпус не располагал достаточными силами для решительных действий. Главные силы 4-й танковой армии, однако, еще находились под Воронежем, где в связи с вступлением в бой русских подкреплений боевые действия затянулись. До 10 июля главные силы 4-й танковой армии не могли повернуть на юго-восток, так как им приходилось ожидать подхода медленно продвигавшихся пехотных дивизий, которые должны были сменить их.

Стремясь быстро разгромить силы противника, отходившие перед фронтом 6-й армии и 1-й танковой армии, верховный главнокомандующий на протяжении последующих дней неоднократно вмешивался в руководство боевыми действиями армий.

Прежде всего 9 июля штаб 4-й танковой армии, находившийся тогда еще под Воронежем, получил от нетерпеливого полководца задачу взять на себя руководство действиями 40-го танкового корпуса (входившего в состав 6-й армии), который вел бои под Кантемировкой, и преградить путь отступления противнику, отходившему через Миллерово, у р. Калитва.

Когда штаб 4-й танковой армии 11 июля прибыл в район Кантемировки, передовые части 40-го танкового корпуса уже вышли

на р. Калитва северо-восточнее Миллерово и на р. Чир в районе Боковской и продвигались дальше на восток, к Сталинграду. Однако их пришлось сразу повернуть на юг. Тем самым был сделан еще один шаг, противоречивший духу всей Сталинградской операции. Попытка уничтожить крупные силы противника в районе Миллерово, правда, увенчалась успехом, однако две танковые дивизии, действовавшие на широком фронте вдоль р. Калитва фронтом на запад, не могли помешать тому, что большая часть сил русских пробилась на восток к плацдарму Вешенская, Еланская¹.

Таким образом, имевшее такое большое значение для исхода всей операции продвижение танковых и моторизованных дивизий вниз по течению Дона на Сталинград осуществлялось пока только силами 40-го танкового корпуса; когда же он окончательно перешел в состав 4-й танковой армии, 6-я армия потеряла на решающем направлении свою подвижную ударную группировку.

VI. «Битва в котле» под Ростовом²

За этим вмешательством в ход боевых действий последовал новый шаг, имевший важные последствия. 13 июля верховный главнокомандующий отдал приказ следующего содержания.

1-й и 4-й танковым армиям ускоренным маршем выйти в район устья р. Донец, затем повернуть на запад и, двигаясь по обе стороны от р. Дон (1-я танковая армия — севернее, а 4-я танковая армия — южнее его), нанести удар на Ростов, чтобы вместе с продвигавшейся с севера 17-й армией уничтожить главные силы рус-

¹ У Вешенской Дон летом можно перейти вброд.

² 16 июля 52-й армейский корпус, наносивший удар из района Иллирия на северо-восток в направлении на Ворошиловград, по приказу командующего 17-й армией был повернут на юго-восток к Ровеньки. Генерал Винценц Мюллер, передававший этот приказ, заявил, что в основу его положено указание фюрера: задача состояла в окружении главных сил противника в районе севернее Ростова. Продвигаясь на юго-восток, корпус лишь 22 июля встретил серьезное сопротивление у Бол. Должик (35 км севернее Ростова). На путях отступления противника не было заметно никаких признаков бегства или паники. Было ясно, что противник осуществляет планомерное отступление. Во время ежедневного обмена мнениями между 17-й армией и 52-м армейским корпусом представители командования армии неоднократно указывали на то, что они, а также командование группы армий «напрасно пытаются убедить вышестоящие инстанции в бессмысленности подобных действий. Фюрер намерен из пропагандистских соображений устроить здесь показательную «битву в котле» огромных размеров». Автор занимал тогда пост начальника штаба 52-го армейского корпуса; об этом свидетельствует также донесение командира 370-й пехотной дивизии от 23 июля.

ских, которые, по имеющимся данным, находятся между реками Дон и Донец севернее Ростова.

4-я танковая армия по этому приказу получила задачу по возможности быстрее захватить плацдармы на берегу р. Дон у Константиновской и восточнее ее.

Этот приказ означал по меньшей мере приостановление операции, имевшей целью захват Сталинграда.

Главная ударная сила — обе танковые армии на полпути к Сталинграду вынуждены были повернуть, чтобы сначала принять участие в сражении под Ростовом, о котором пропаганда уже раструбила всему миру как о «битве в котле» огромных масштабов. 1-я танковая армия, за неделю до этого переправившаяся через Донец на северо-восток, вторично вынуждена была форсировать его, на этот раз в юго-западном направлении.

В ставке фюрера придерживались того мнения, что «главные силы» русских, отходившие перед фронтом 6-й армии, после того как немецкие танковые соединения (один танковый корпус) отрезали им путь на восток, изменили направление отхода и двигаются теперь на юго-запад через Донец на Ростов, чтобы, по-видимому, спастись отходом за Дон на юг и далее на Кавказ. В ставке надеялись задержать их еще до переправы через Дон на юг.

Были ли эти надежды обоснованны и были ли в результате этого экспромта потеряны шансы на успех Сталинградской операции, можно судить по фактам, имевшим место приблизительно в то же время, когда был отдан этот приказ фюрера (13 июля):

а) 15 июля сопротивление перед фронтом 17-й армии внезапно ослабло, быстро продвигавшимся войскам едва удавалось поддерживать соприкосновение с отходившими на юг русскими; пути их отхода были безлюдны и не обнаруживали никаких признаков бегства (не было видно ни брошенного оружия, ни машин, ни имущества и т. д.). Следовательно, противник осуществлял планомерный отход. Это тогда мог заметить любой простой солдат.

б) Поскольку 1-я танковая армия, продвигаясь по ту сторону Донца, уже вышла на железнодорожную линию Миллерово — Каменск-Шахтинский, отход сил противника, находившихся по эту сторону Донца, не мог более продолжаться на восток, а мог быть совершен только через Дон в его нижнем течении на юг. Отход в этом направлении уже начался. Таким образом, уже при получении приказа фюрера от 13 июля было слишком поздно поворачивать обе танковые армии на запад для окружения сил русских севернее Дона.

в) 14 июля противник прорвался через рубеж, удерживаемый 40-м танковым корпусом на р. Калитва, в восточном направлении. Через день у Миллерово другая группировка противника была уничтожена силами трех немецких армий (1-я танковая армия, 6-я армия, 4-я танковая армия).

В связи с фактами, изложенными в пунктах «а», «б» и «в», было мало вероятно, что где-либо еще находятся «главные силы» русских.

г) 13 июля в Москве проходило заседание Военного совета¹, на котором было решено начать отход на Волгу, удерживать район Сталинграда и Кавказ и заставить немецкие армии зимовать на Волге.

д) Офицеры русской армии, захваченные нами в плен около 11 июля, сообщили, что русские по эту сторону Волги вряд ли будут оказывать серьезное сопротивление. Результаты нашей воздушной разведки подтвердили эти показания.

е) 14 июля в район юго-восточнее Кантемировки прибыли наконец задержанные на два дня из-за нехватки горючего соединения 4-й танковой армии.

За исключением сведений о заседаниях Военного совета в Москве, все эти данные были известны на фронте высшим штабам, и о них были посланы донесения в ОКХ.

В связи с тем что еще со времени операций под Воронежем все время существовали разногласия между верховным главнокомандующим и командующим группой армий «Юг» генерал-фельдмаршалом Боком, последний был смещен со своего поста. Его место занял генерал-полковник Вейхс.

К 14 июля все танковые и моторизованные соединения обеих групп армий «А» и «Б» располагались по ту сторону Донца (1-я танковая армия между Каменск-Шахтинский и Миллерово, 4-я танковая армия между Миллерово и верхним течением р. Чир). Никогда до этого и после этого обстановка не была такой благоприятной для наступления на Сталинград. Этот шанс был потерян ради проведения «битвы в котле», хотя окружать тогда, собственно говоря, было некого.

6-я армия осталась одна на сталинградском направлении. Однако 13 июля, когда 40-й танковый корпус был повернут на юг, она находилась еще на расстоянии нескольких дневных переходов от р. Чир. К тому же у нее не было в распоряжении танковых соединений, а ее ударная сила была ослаблена еще в связи с тем, что часть своих войск она была вынуждена оставить для обеспечения своего

---

¹ Согласно разведывательному донесению, полученному штабом группы армий «А» в середине июля от ОКХ (из труда бывшего начальника оперативного отдела штаба группы армий «А» генерал-лейтенанта Гильденфельда).

северного фланга на Дону, пока подошедшие дивизии союзников не позволили бы высвободить ее для участия в наступлении¹.

VII. Ход операций до 25 июля

Намеченная «битва в котле» под Ростовом была проведена не по имевшимся планам. Это объясняется тем, что в дни, следовавшие за 13 июля, верховный главнокомандующий в нервной спешке часто менял свои указания. Это нашло свое отражение в приказах от 13, 17, 20, 25 и 31 июля, противоречивших друг другу и бросавших армии, как полки на маневрах, то в одну, то в другую сторону². К счастью, ливший два дня дождь (17 и 18 июля) позволил избежать большей части этих совершенно излишних передвижений войск.

Подробное описание этого кризиса в главном командовании могло бы завести нас слишком далеко; достаточно будет указать следующее.

4-я танковая армия не направилась к Ростову, а осталась на своих плацдармах на южном берегу Дона. 16 июля она заняла Тащинскую, 18 июля — Морозовск, а 21 июля захватила плацдармы на Дону у Константиновской и Николаевской. Через три дня бла-

---

¹ Частая смена решений главного командования объясняется тем, что верховный главнокомандующий уже примерно через две недели после начала операции потерял веру в правильность своей собственной «Директивы № 41». После того как позиции противника перед фронтом группы армий «Юг» примерно 8 июля в результате наступления 6-й армии зашатались, Гитлер наполовину потерял уверенность в необходимости осуществления Сталинградской операции. Он никогда не соглашался с тем, что нужно выждать развития событий, пока не создастся благоприятный момент. Он думал и действовал импульсивно. Когда немецкие армии приближались к Миллерово, все действия начальника генерального штаба сухопутных сил, руководившего операциями, были направлены на то, чтобы в соответствии с приказом фюрера уничтожить противника в районе западнее Сталинграда. Верховный главнокомандующий же устремил свои взоры уже на Кавказ и на ворота к нему — Ростов. Теперь, когда нам лучше известны моральные и духовные качества Гитлера, мы можем допустить и такую мысль, что его неоднократное вмешательство в ход операций, имевшее целью осуществить разгром противника в сражении севернее Ростова, было продиктовано стремлением создать для немецких армий трамплин для прыжка на Кавказ. Выказанное им предположение о том, что севернее Ростова находятся крупные силы противника, которые необходимо окружить и уничтожить, было опровергнуто начальником генерального штаба сухопутных сил и высшими штабами на фронте. Это предположение могло представлять собой аргумент, в который Гитлер сам не верил, но который выдвинул лишь для того, чтобы преодолеть сопротивление командующих армиями, возражавших против отклонений от первоначального плана операций.

² 15 июля 52-й армейский корпус в течение одного утра трижды получал различные приказы относительно использования 11-го армейского корпуса. Начальник штаба 17-й армии просил командира 52-го армейского корпуса извинить его за эту неразбериху, объясняя тем, что «сверху все время вмешиваются в его действия» (записано автором, который был тогда начальником штаба 52-го армейского корпуса).

годаря успешно проведенной переправе 40-го танкового корпуса через р. Сал у Орловской ей удалось улучшить исходные позиции для развертывания дальнейших операций.

1-я танковая армия с боями форсировала 17 июля р. Донец в юго-западном направлении у Каменск-Шахтинский. Во взаимодействии с 17-й армией она наносила удар по упорно оборонявшемуся русскими обширному плацдарму в районе Ростова.

21 июля началось наступление 57-го танкового корпуса (17-й армии) из района севернее Таганрога на восток, представлявшее собой часть общего наступления обеих армий на оборонительные позиции севернее города.

23 июля силами 125-й пехотной дивизии, 13-й и 22-й танковых дивизий был взят Ростов, однако крупных сил русских здесь захвачено не было. Русские отошли за Дон на юг и дальше на Кавказ¹.

Авангарды 6-й армии 20 июля переправились через р. Чир в его верхнем течении у Боковская, там, где еще за неделю до этого готовился к переправе 40-й танковый корпус. Ее подвижные части 23 июля вышли к Сиротинской в излучине Дона южнее Кременской. Хотя со времени изменения направления наступления обеих танковых армий прошла уже неделя и должно было пройти еще несколько дней до того, как 1-я танковая армия после удара на Ростов снова выйдет в район восточнее р. Донец, очевидно, что немецкие армии и тогда, не встретив серьезного сопротивления, могли продвинуться до Сталинграда, если бы в соответствии с первоначальным планом все подвижные силы были использованы для выполнения этой задачи.

То, что 4-я танковая армия была повернута на юг с целью создания плацдармов на Дону, имело свои положительные стороны, так как путь к Сталинграду лежал через Дон и поэтому было выгодно заблаговременно выдвинуть на южный берег реки силы, которые могли продвинуться либо дальше до Волги южнее Сталинграда, либо к самому городу, либо на Калач, чтобы обеспечить переправу 6-й армии.

Возможно, что соображения, высказанные командованием группы армий «Б» относительно возможности успешного наступления на Сталинград крупными силами танков, побудили главное командование отменить наступление 4-й танковой армии на Ростов и снова ограничиться половинчатой мерой.

Ясно одно, что мысли Гитлера были направлены на обширные по территориальному размаху цели: Батуми — Тбилиси — Баку. Сообщение о решении Военного совета русских в Москве и незначительное сопротивление, встреченное 1-й танковой армией южнее Ростова, оказали на Гитлера большое влияние.

---

¹ 13-я танковая дивизия почти без боев продвинулась до Майкопа.

VIII. 23 июля

23 июля, по-видимому, можно считать днем, когда главное командование германской армии ясно показало, что оно не следует классическим законам ведения войны и вступило на новый путь, который был в большей степени продиктован ему своеволием и нелогичностью Гитлера, чем рациональным реалистическим образом мыслей солдата. Еще раз подтвердился опыт истории, свидетельствующий о том, что злой гений и вера сильнее, чем разум. Опытные офицеры из окружения Гитлера были почти беспомощны перед этими силами.

В этот день 23 июля Гитлер издал новую директиву № 45¹ о продолжении операций, которая, очевидно, и представляет собой поворотный пункт войны. В соответствии с этой директивой намечалось следующее.

Группа армий «А» силами армейской группы Руоффа (17-я армия и 3-я румынская армия) имела задачу нанести удар через Западный Кавказ и далее вдоль побережья Черного моря до района Батуми, имеющего запасы нефти, с целью его захвата, а силами 1-й и 4-й танковых армий овладеть нефтяными районами Майкопа и Грозного, перевалами Центрального Кавказа и, наконец, продвинуться до Тбилиси и Баку.

Группа армий «Б» имела задачу силами 6-й армии захватить Сталинград и занять оборону на остальном фронте на рубеже Дона. Решение об овладении Астраханью должно было быть принято после захвата Сталинграда.

В соответствии с директивой 11-я армия перебрасывалась в район Ленинграда для участия в операциях по захвату города. Две танковые дивизии из состава группы армий «А» перебрасывались во Францию.

О том, насколько это коренное изменение плана кампании не соответствовало обстановке и насколько сомнительными были лежавшие в ее основе соображения, яснее всего говорят следующие факты.

1) Наши силы.

28 июня с линии Таганрог, Курск начали наступление 68 немецких дивизий и 26 дивизий союзников.

1 августа для выполнения новых задач было сосредоточено 57 немецких дивизий и 36 дивизий союзников.

Силы итальянской, венгерской или румынской дивизий того времени составляли примерно 1/2 сил немецкой дивизии. Если исходить из этих расчетов, то 94 дивизии, которыми мы распола-

¹ См. приложение 2.

гали 28 июня, равнялись 81 немецкой дивизии, а 93 дивизии, сосредоточенные к 1 августа, равнялись 75 немецким дивизиям.

Таким образом, несмотря на то что номинальное количество дивизий было почти одинаково, обе группы армий «А» и «Б» имели для выполнения грандиозной задачи, поставленной теперь перед ними, на шесть дивизий меньше, чем в начале летней кампании. Наши потери еще не были восполнены, так как пополнение не поступало.

2) Пространство.

Протяженность линии фронта на 28 июня (Таганрог, Курск) составляла 800 км. Линия фронта на 25 июля (Ростов, Цимлянская, Воронеж) составляла около 1200 км.

После выполнения поставленных задач линия фронта (Тамань, Батуми, Тбилиси, Баку, Астрахань, Сталинград, Воронеж) составила бы около 4100 км (из них 1800 км по морю).

3) Время.

В нашем распоряжении имелось только около восьми недель; в начале октября мог начаться период осенней распутицы.

4) Противник.

Потери русской армии с 28 июня по 25 июля были, пожалуй, меньшими в сравнении с потерями наших сил. По нашим подсчетам, она потеряла только 80 000 пленными — цифра, почти не имевшая значения. Управление войсками на русской стороне, как это мы могли наблюдать с начала летней кампании, свидетельствовало о том, что противник стремится сохранить свои силы. Можно было предположить, что они будут использованы тогда, когда германская армия распылит свои силы в русских просторах и окажется в тяжелом положении в отношении снабжения¹.

¹ По сведениям отдела восточных армий разведывательного управления генерального штаба сухопутных сил, к середине августа 1942 г. Россия располагала следующими силами:

407 стрелковых дивизий, равнявшихся 287 немецким соединениям			
178 стрелковых бригад	"	142	"
39 кавалерийских дивизий	"	33	"
165 танковых бригад	"	33	"

789 соединений, равнявшихся 593 немецким соединениям

Из них:

На Восточном фронте	В резерве	На других фронтах
254 стрелковые дивизии (134 нем. див.)	73 стрелковые дивизии	80 стрелковых дивизий
83 стрелковые бригады (47 нем. див.)	66 стрелковых бригад	29 стрелковых бригад
13 кавалерийских дивизий (7 нем. див.)	20 кавалерийских дивизий	6 кавалерийских дивизий
68 танковых бригад (34 нем. див.)	86 танковых бригад	11 танковых бригад
418 соединений (222 нем. див.)	245 соединений	126 соединений

Изменение Гитлером своего замысла можно объяснить только его действительной убежденностью в то время, что России приходит конец. Очевидно, определенную роль здесь играли и экономические соображения (нефть) и политические цели (давление на Турцию), которые ставились выше военных соображений, что не представляет собой ничего удивительного в стратегии.

Советский Союз в те дни переживал тяжелый кризис. По всей видимости, русские, хотя и осуществили планомерный отход на Дон, под давлением немецких частей вынуждены были отступить к Волге и к Кавказу раньше намеченного срока; на некоторых участках их отступление превратилось в бегство. Это нашло свое отражение в знаменательном с различных точек зрения приказе Сталина¹, изданном в конце июля. В этом приказе, который можно скорее назвать обращением к армии и народу, Сталин указывает на серьезность сложившейся обстановки, обусловленной тем, что русские войска не задержали немцев на Дону; он останавливается на огромных потерях России в территории, полезных ископаемых, сельскохозяйственных районах и в населении с начала войны. Этот приказ был характерен также стилем изложения: отеческий тон обращения к солдатам и народу, никакого приукрашивания, никаких упреков, никаких угроз, никаких пустых обещаний, одна горькая непреложная истина. Он возымел действие. Примерно с 10 августа на всех участках фронта было отмечено усиление сопротивления противника.

Гитлер, возможно, чувствовал в тот момент наступление кризиса у русских. Однако он часто действовал лишь по наитию: не в его духе было выжидать развития событий или наступления наиболее благоприятного момента для начала операции.

IX. Вопросы снабжения

Уже одна проблема снабжения должна была внушить Гитлеру опасения.

Когда немецкие армии вышли к Дону, то от немецкой границы в районе Бреславля их отделяло расстояние 2500 км.

Поскольку в России почти не было дорог с твердым покрытием, снабжение осуществлялось главным образом по железным дорогам. Обе группы армий «А» и «Б» снабжались по железным дорогам, заканчивавшимся в Харькове и Сталино; далее шла одна железная дорога через Ростов. Эти дороги, в большинстве

---

¹ Этот приказ, датированный 31 июля, был захвачен в полосе 52-го армейского корпуса примерно 10 августа; он был передан мне в оригинале (тогда я занимал пост начальника штаба 52-го армейского корпуса).

своим однокорейные, очень эффективно эксплуатировались русскими (те, кто утверждает обратное, заблуждаются); их пришлось перешить с широкой колеи (1,51 м) на нормальную (1,43 м), так как в наши руки почти не попадало неповрежденного подвижного состава. К тому же имперские железные дороги не смогли выделить для нас необходимое количество людей и имущества, чтобы обеспечить такую же эффективную эксплуатацию железных дорог, как при русских. В результате пропускная способность этих железных дорог не превышала 50% той пропускной способности, какую они имели, когда находились в руках русских.

В таких условиях (отсутствие шоссейных дорог, небольшое количество железных дорог, слабая их эксплуатация, огромные расстояния) снабжение армий было почти неразрешимой проблемой. Ставя перед собой цель сделать снабжение более гибким, начальник тыла пытался восполнить недостаток в коммуникациях созданием сети баз в прифронтовой полосе, связь с которыми осуществлялась с помощью автомашин. Дело в том, что и в области обеспечения военных действий запасы также были весьма незначительными, более того, в ряде отраслей снабжения потребности редко удовлетворялись полностью. Горючего всегда и везде не хватало¹.

Если резкое изменение Гитлером планов ведения операций уже само по себе было отрицательным явлением, то на снабжение оно оказывало самое пагубное влияние, так как начальники тылов при внезапном перенесении направления главного удара не в состоянии были планировать и организовывать снабжение как путем подвоза из тыловых районов, так и непосредственно из Германии. Из положения выходили, прибегая к рокадным перевозкам в прифронтовой полосе и к заимствованию из запасов соседей. При этом почти всегда страдал какой-нибудь участок фронта, который нуждался в заимствованном у него имуществе так же настоятельно, как и тот, кто его получал.

То, что танковая дивизия сегодня может способствовать достижению победы на одном участке фронта, а несколькими днями позже на другом, немецкие солдаты показывали достаточно часто. Но железнодорожный состав с горючим может только один раз

---

¹ По сообщению (письмо к автору от 9 июля 1950 г.) генерала в отставке Хойзингера, занимавшего пост начальника оперативного управления ОКХ, в то время обсуждался вопрос о том, следует ли использовать 11-ю армию на Дону или под Ленинградом. Было принято решение бросить ее в район Ленинграда, так как армия в связи с катастрофическим положением на железных дорогах не могла быть перебросена к Дону. Хойзингер затем сообщил, что дивизия СС «Лейбштандарте» была направлена на запад в первую очередь в связи с тем, что она не могла действовать на Восточном фронте из-за недостатка горючего.

помочь сосредоточить силы на направлении главного удара, после этого он оказывается опустошенным и из него уже ничего не «выжмешь».

Верховный главнокомандующий не прислушивался к подобным аргументам начальника тыла германской армии, он указывал ему на громадные запасы, которые содержатся в нефтяных районах Кавказа. Он не соглашался с тем доводом, что пройдет много месяцев, прежде чем разрушенные сооружения смогут быть восстановлены и использованы.

Нетрудно доказать, что одних лишь перебоев с подвозом горючего было бы достаточно для срыва планов главного командования.

О снабжении армий, продвигавшихся теперь южнее Дона, начальнику тыла, правда, нечего было заботиться, так как вопреки всем ожиданиям в районе между Доном и Кавказом были найдены такие запасы зерна (1,5 млн т) и скота, что при благоприятных транспортных условиях большое количество этих запасов могло быть даже отправлено в тыл.

ВЫХОД В РАЙОН СТАЛИНГРАДА И НАСТУПЛЕНИЕ НА ГОРОД

Директива Гитлера от 23 июля положила начало походу на Сталинград. Хотя по плану операции, разработанному в апреле, это наступление должно было быть осуществлено силами четырех армий, несмотря на то что ОКВ ожидало встретить сильное сопротивление противника в районе Сталинграда (директива от 23 июля), теперь в операции должна была участвовать одна лишь 6-я армия, которая, однако, имела в своем составе мало танковых и моторизованных соединений. Между тем именно теперь, когда одновременно ставились две такие большие задачи, быстрота была необходима больше, чем когда-либо, так как только с помощью быстрых действий можно было добиться успеха за те несколько дней, какими немецкая армия могла располагать, пока русские не узнают об изменении плана операции в их пользу и не используют это обстоятельство.

Во всей германской армии умели быстро отдавать приказы и быстро действовать, но только не в ставке фюрера. И на этот раз из-за нерешительности Гитлера, который часто менял свои решения, были безвозвратно потеряны столь ценные дни.

Дело не ограничилось директивой № 45 от 23 июля. Как раз когда 40-й танковый корпус 4-й танковой армии 30 июля занял плацдарм на р. Маныч, имевший важное значение для дальнейшего продвижения к Кавказу, армия получила новую задачу: она была подчинена группе армий «Б» и должна была продвигаться к

югу от Дона через Калмыцкие степи с целью захвата Сталинграда с юга.

Если в противоречившем действительной обстановке плане операции от 23 июля еще можно было обнаружить главную группировку (группа армий «А» в составе трех армий и группа армий «Б» в составе только одной немецкой армии), то в новом приказе Гитлера от 30 июля последние остатки оперативной концепции были выброшены за борт. Две равные по численности группы армий под прямым углом продвигались к целям, не имевшим между собой ничего общего, так как, если ставилась задача овладения Кавказом, не нужно было стремиться к захвату Сталинграда, а если задача состояла в овладении Сталинградом, то не нужно было проводить наступление на Кавказ.

Перед тем как описать ход наступления группы армий «Б» на Сталинград, я хочу остановиться на характеристике местности, в которой оно проводилось.

Район, где развертывались описываемые здесь операции, своей западной частью входил в украинскую черноземную полосу, район же восточнее Дона относился к Донской степи и Калмыцкой степи. Стратегический центр этого района — Сталинград — расположен в интересной, единственной в своем роде местности: две крупные реки, Волга и Дон, приближающиеся здесь друг к другу на расстояние 50 км, на небольшом участке текут параллельно, а затем под прямым углом расходятся в стороны, к месту своего впадения в два величайших внутренних моря нашего континента. Посредине этой местности, перерезанной водными рубежами, с севера на юг простирается возвышенность, имеющая 1000 км в длину и 150 м в высоту, это — пологий спуск вдоль западного, высокого берега Волги и его продолжения на юг — холмистой местности Ергени — к Прикаспийской низменности (25 м ниже уровня моря).

В то время как в районе Дона большая часть поверхности покрыта огромными массивами полей, в долине Дона большое пространство занимает степь, а восточнее Дона она уже преобладает. Холмистая местность Ергени образует восточную границу частично возделываемой травянистой степи; район к востоку от нее вплоть до Волги представляет собой солончаковую степь с небольшими полосками пастбищ и немногими колодцами с пресной водой, большая же его часть носит облик пустыни. Восточнее Ергеней расположены озера с большим содержанием соли в воде. Между возвышенностью и Волгой нельзя сосредоточить или на долгое время располагать крупные массы войск. Река Маныч, представлявшая собой южную границу района боев, состоит из Западного Маныча с большим количеством водоемов и частично высохшего и иссякшего Восточного Маныча. В озере, располо-

женном южнее Ергеней, берут начало обе эти реки. Это озеро является их водоразделом.

Рубежи больших рек играли решающую роль во время операций, в особенности же большая излучина Дона, представляющая собой изгиб этой реки, дальше всего простирающийся на восток, от устья р. Хопер до устья р. Чир.

Любая наступательная операция на Дону неизбежно будет иметь своим направлением эту излучину и тем самым автоматически — Сталинград и Волгу. С давних времен перешеек между обеими реками являлся воротами для наступления на юг. До сегодняшнего дня сохранился возведенный в XIII веке против набегов врагов Татарский вал; он идет от устья р. Царица, находящегося ныне в центральной части Сталинграда, до Дона у Шишкина. Давно существовавший проект соединения обеих рек в последнее время осуществлен: канал ведет по руслу р. Карповка от Дона до впадения в нее р. Россошка, затем по р. Червленная на юго-восток и, огибая Красноармейск, на север до Волги.

Внешне местность выглядит довольно плоской и монотонной, бросается в глаза отсутствие деревьев. Однообразие нарушают только водные рубежи: через каждые 30—40 км (если смотреть с запада на восток) встречается обычно небольшая речушка, протекающая в широкой долине, в основном с крутыми, обычно танконедоступными берегами. В таких долинах расположены селения с садами и группами деревьев — особый ландшафт, запрятанный в степи, защищенный от губительных зимних метелей. Деревни можно различить лишь на близком расстоянии, кругом, куда ни кинь взгляд, простираются бескрайние степи.

Долины больших рек представляют собой радующие глаз пейзажи. Так, например, Дон образует долину шириной до 10 км, на больших участках его низменного левого берега раскинулись обширные леса; только здесь и можно увидеть деревья. Как и у всех других рек Южной России, правый берег Дона (обращенный в сторону наших позиций) значительно выше левого (до 150 м). Кое-где можно увидеть красивые ландшафты, на склонах холмов лежат деревни, окруженные виноградниками.

Во многих местах река наряду с широким главным руслом (200—300 м) имеет рукава, старицы и омывает острова.

Наряду с реками большое значение имеют балки. Это созданные в результате эрозии почвы овраги и канавы, поднимающиеся от рек на значительную высоту, часто, разветвляясь, образуют целую сеть складок на местности. Они являются серьезным препятствием для машин всех видов и вынуждают изменять маршруты движения механизированных и танковых частей в расположенные выше районы местности.

Вся местность просматривается до самого горизонта, возвышенностей нет. Хотя на участках, лежащих между течением рек, разница в высоте над уровнем моря достигает 100 м и более (если не учитывать глубины долин), создается впечатление, что поверхность местности ровная, так как эта разница скрадывается большими равнинами и почти незаметна для глаз. Возвышенности с крутыми склонами представляют собой исключение. На всех этих обширных равнинах бросаются в глаза только рассеянные по всей Южной России холмы высотой в несколько метров, называемые курганами.

Эта местность производит на солдата, сражающегося на суше, благодаря своим климатическим особенностям и ландшафту следующее впечатление: летом — однообразная равнина, ни деревца, ни тени, пыльные дороги, горячие песчаные бури, жара свыше 50°, миражи, степные пожары и, что особенно важно, недостаток воды. Несмотря на небольшую плотность населения, расстояние между деревнями и хуторами редко превышает 30 км; во всяком случае, такую картину можно наблюдать до Ергеней.

Летом здесь иногда внезапно проходят грозы с ливнями, которые за короткое время превращают ручейки в реки, балки — в рекушечные потоки, а дороги, особенно в черноземной полосе, — в липкую грязь. На много дней войска в таких случаях вынуждены прекращать всякие передвижения.

Особенно затрудняли ведение боевых действий немецкой пехоты, обычно уступавшей противнику по численности, обширные поля кукурузы и подсолнечника, которые не давали возможности использовать пулеметы и автоматы, а часто даже самоходные орудия.

Зимой вокруг простирается белая пустыня, на которой негде остановиться глазу, мороз достигает 40°, дров нет, скачки температуры составляют иногда до 20° в течение нескольких часов, и, что хуже всего, часто свирепствуют в течение многих дней северо-восточные бураны. Они начинают свирепствовать, особенно в районе восточнее Дона, так внезапно и с такой силой, что, например, на одном аэродроме южнее Сталинграда несколько самолетов было сорвано с места и уничтожено. Между деревнями здесь функционирует служба предупреждения, которая позволяет людям своевременно спрятаться в укрытиях и укрыть скот. Снежный покров невысок, но даже небольшие заносы (50—100 м в длину) во время метели не могут быть устранены, потому что сухой порошкообразный снег немедленно сдувается ветром с лопаты. В связи с упомянутыми климатическими условиями дороги и железнодорожные линии в основном проходят не в долинах, а по возвышенности.

ХОД ОПЕРАЦИЙ ДО ВЫХОДА К ВОЛГЕ (1 августа—16 сентября)

План группы армий «Б» был прост и ясен: обе армии (4-я танковая армия южнее, а 6-я армия севернее Сталинграда) наносили удар в направлении Волги, у реки поворачивали соответственно налево и направо и брали в клещи весь район Сталинграда с оборонявшими его войсками.

Обстановка в начале этой операции характеризовалась тем, что 4-я танковая армия уже стояла наготове на своих плацдармах на южном берегу Дона, в то время как 6-я армия продвинулась лишь незначительными силами в большую излучину Дона восточнее р. Чир, т. е. имела еще перед собой задачу форсирования реки.

Резервов группа армий «Б» не имела.

В воздухе ее поддерживал 4-й воздушный флот.

Разведка, действовавшая с плацдармов 4-й танковой армии, к 1 августа обнаружила скопления войск противника только в районе Цимлянской, однако русские в предыдущие недели уже продемонстрировали свое умение вести отступление. Можно было ожидать, что они будут упорно бороться за каждый сколько-нибудь важный участок местности.

Перед фронтом 6-й армии, в большой излучине Дона, русские удерживали плацдарм западнее Калача.

Поскольку описание операций обеих армий, наступавших на Сталинград, в одной главе представило бы трудности для читателя, я остановлюсь на действиях каждой армии в отдельности.

I. Наступление 4-й танковой армии восточнее Дона

После того как 4-я танковая армия 21 июля форсировала Дон, из ее состава в течение короткого времени были взяты следующие соединения: 23 июля — 24-й танковый корпус (передан 6-й армии); после получения новой задачи — 40-й танковый корпус (передан группе армий «А»); дивизия «Великая Германия» была переброшена на запад. После этого «обескровливания» в армии остались следующие соединения:

48-й танковый корпус в составе 14-й танковой и 29-й моторизованной дивизий;

4-й армейский корпус в составе 94-й и 371-й пехотных дивизий; в пути находился 6-й румынский армейский корпус в составе 1-й и 2-й румынских пехотных дивизий (еще две дивизии должны были прибыть позже).

Всего армия имела в своем составе одну танковую, одну моторизованную, две немецкие и две румынские пехотные дивизии. Называть такое объединение армией было не вполне правомерно.

4-я танковая армия имела своей задачей нанести главный удар непосредственно восточнее железной дороги Сальск — Сталинград на северо-восток и выйти к Волге в районе Красноармейска. 4-й армейский корпус должен был обеспечивать восточный фланг армии в Калмыцких степях, а 6-й румынский армейский корпус — западный фланг в районе между железной дорогой и Доном.

Противник начал организовывать оборону Сталинграда, наскоро оборудуя позиции. Южная линия позиций проходила у верхнего течения р. Мышкова и примыкала к господствующим над местностью высотам в районе высоты с отметкой 169, севернее станции Абганерово. Ближе к Сталинграду строились позиции полевого типа по линии проектируемого Волго-Донского канала (по течению р. Червленая) от Красноармейска через Ивановку и Цыбенко на р. Карповка, опорой которых были высоты южнее Красноармейска и Бекетовки.

Немецкая пропаганда называла эти полевые позиции «внутренним и внешним крепостным поясом» и вызвала у многих впечатление о Сталинграде как о крепости. Этот термин даже часто применялся к Сталинграду. Это все не соответствовало действительности и привело лишь к тому, что главное командование германской армии сделало из падения этой крепости *point d'honneur*¹.

1 августа 4-я танковая армия начала наступление с плацдарма в районе Цимлянской. Недостаток в горючем снова сковывал маневренность этой армии, в результате чего только 14-я танковая дивизия, следовавшая в первом эшелоне, смогла продвинуться вперед. 2 августа она овладела Котельниково, вечером 3 августа вышла к р. Аксай, а утром 4 августа продолжала движение на Плодовитое. 6 августа главные силы 48-го танкового корпуса сосредоточились у р. Аксай и осуществили прорыв до высот севернее станции Абганерово; однако и этот успех не удалось использовать, так как недостаток горючего и отсутствие поддержки со стороны пехоты вынудили ослабленный в результате этого танковый корпус перейти к обороне.

4-й армейский корпус задержался, преодолевая сопротивление арьергардов противника у Ремонтной. Теперь он быстро двигался вперед к р. Аксай, настолько это позволяла 50-градусная жара в степи, лишенной деревьев, а следовательно, и тени. Две дивизии 4-го армейского корпуса, совершавшего чудеса в отношении темпов продвижения, 6 августа в районе станции Гнилоаксайская встретили превосходящие силы противника и были отброшены.

¹ Вопрос престижа (франц.). (Прим. ред.)

Другие две дивизии этого корпуса еще находились на марше севернее Дона.

48-й танковый корпус, продвинувшись далеко вперед и имея открытые фланги, попал в районе севернее Абганеро в тяжелое положение, когда русские при сильной поддержке авиации начали крупными силами контратаки. В многодневных тяжелых боях он удерживал позиции севернее Плодовитое и станции Абганеро, пока не подошли пехотные дивизии 4-го армейского корпуса. Наконец, 94-я пехотная дивизия, захватив 10 августа высоты западнее станции Абганеро и закрыв тем самым брешь между нашими войсками и продвигавшимися юго-западнее от них румынами, разрядила обстановку.

4-я танковая армия, таким образом, в полном составе сосредоточилась в районе Абганеро, т. е. севернее р. Аксай, и вынуждена была перейти к обороне, что явилось следствием недостатка сил, и в первую очередь танковых и моторизованных соединений. Располагая всего одной танковой дивизией, нельзя было рассчитывать на быстрое развертывание операции, если к тому же учесть, что этому мешала также постоянная нехватка горючего. Когда главное командование осознало это, оно пришло на помощь; но, как и всегда, эта помощь оказалась не такой действенной, какой она могла быть в том случае, если бы те же силы, которые оно выделило сейчас, находились в распоряжении армии в начале операции.

Все это в свою очередь объяснялось тем, что на немецкой стороне не было резервов, которые необходимы для ведения войны. Верховный главнокомандующий не понимал, какую роль они призваны играть; он не мог допустить, чтобы какое-либо соединение не имело боевой задачи.

Однако здесь, к югу от Сталинграда, стало ясно, что 4-я танковая армия без дополнительно выделенных в ее распоряжение сил не сможет продвигаться дальше. Поэтому действовавшая в большой излучине Дона 6-я армия 12 августа передала две дивизии (24-ю танковую и 297-ю пехотную дивизии) 4-й танковой армии, перебросив их через только что наведенный временный мост у Потемкинской.

Получив эти подкрепления, 4-я танковая армия после перегруппировки продолжала наступление; она перенесла направление главного удара вправо и 17 августа начала наступать, имея задачей выйти на высокий берег Волги в районе Красноармейска.

48-й танковый корпус наступал западнее линии Цаца, Красноармейск; 6-й румынский армейский корпус и 4-й армейский корпус немцев — соответственно западнее и восточнее железнодорожной линии Абганеро — Тундутово.

20 августа танковый корпус вышел к высотам восточнее станции Тундутово непосредственно перед группой высот у Красноармейска, занятых крупными силами противника.

Западнее железной дороги Котельниково — Сталинград 4-й армейский корпус вышел к станции Тингута. 6-й румынский армейский корпус между тем отставал от левого фланга 4-го армейского корпуса. Румынские войска, несмотря на все их старания и неоднократно проявленное ими мужество, вследствие недостаточного вооружения и боевого опыта не смогли справиться с задачами, поставленными перед ними немецким командованием.

4-й армейский корпус, левый фланг которого был открытым, также слишком медленно продвигался вперед и не смог обеспечить постоянного взаимодействия с 48-м танковым корпусом. Этот корпус подвергся непрерывным контратакам на обоих флангах; он был остановлен, изолирован в районе станции Тундутово и под натиском превосходящих сил противника вынужден был перейти к обороне на подготовленных позициях.

В это время свежие силы русских появились в районе Черный Яр на Волге; они начали наступление в сторону почти не охранявшегося восточного фланга армии в районе Мал. Дербеты.

Против этих сил, численность которых была явно переоценена¹, сначала была брошена одна румынская дивизия (а позже — весь 6-й румынский корпус без 20-й дивизии), продвигавшаяся через Абганеро на Мал. Дербеты с задачей оборудовать на фланге армии оборону вдоль цепи озер.

Армия остановилась всего в 20 км от Волги: снова наступил решающий момент не только для действий 4-й танковой армии, но и для всей битвы за Сталинград.

Когда 4-я танковая армия 20 августа перешла к обороне у станции Тундутово, она находилась в непосредственной близости от важного участка местности, возможно, имевшего решающее значение для всего оперативного района Сталинграда — приволжских возвышенностей между Красноармейском и Бекетовкой.

У Красноармейска возвышающийся на 150 м над уровнем Волги высокий берег отходит от реки и поворачивает дальше на юг, переходя в Ергени. Здесь, если смотреть вниз по течению реки, расположена последняя возвышенность у берега. Она господствует над всем изгибом Волги с островом Сарпинский. Если вообще

---

¹ Гитлер опасался, что противник может атаковать восточный фланг 4-й танковой армии со стороны Астрахани, поэтому 20 августа он приказал перебросить 16-ю моторизованную дивизию с Кавказа в Степной, чтобы сменить там части 52-го армейского корпуса (автор в то время занимал пост начальника штаба 52-го армейского корпуса).

можно было взломать оборону Сталинграда, то удар следовало наносить именно отсюда.

Красноармейск был южным краеугольным камнем обороны Сталинграда и одновременно конечным пунктом единственной коммуникации, связывавшей по суше западный берег Волги с Астраханью. Ни в каком другом пункте появление немецких войск не было бы так неблагоприятно для русских, как здесь.

Кроме того, любой вид боя, который немецкие войска вели за город, будь то наступление или оборона, с самого начала был связан с большими трудностями, пока Красноармейск и Бекетовка оставались в руках русских, так как эта возвышенная местность господствовала над Волгой, предоставляла прекрасные возможности для ведения наблюдения за Калмыцкими степями, могла быть использована как место сосредоточения и как трамплин для контрудара русских по южному флангу войск, наступавших на Сталинград или занимавших там оборону.

Для 4-й танковой армии принятие решения о прекращении наступления в непосредственной близости от цели, с тем чтобы попытаться другим путем пробиться к Сталинграду и организовать взаимодействие с 6-й армией, было тяжелым ударом. Командующий армией отдал приказ об отводе с фронта в ночное время по частям 48-го танкового корпуса и о скрытном сосредоточении его за левым отогнутым назад флангом армии в районе северо-западнее станции Абганерово для нанесения внезапного удара в северном направлении в районе западнее Сталинграда. Это означало отказ от овладения группой высот в районе Красноармейска, отказ от намеченных группой армий «Б» сходящихся ударов по противнику.

Очевидно, что для 4-й танковой армии не было другого выхода, потому что имевшимися в ее распоряжении небольшими силами она не могла осуществить прорыв к Волге у Красноармейска. Выделить в ее распоряжение резервы не представлялось возможным, у группы армий «Б» их не было. К тому же в те дни все взоры были обращены на начинающееся 21 августа наступление 6-й армии через Дон, после чего она должна была прорваться к Волге севернее Сталинграда. Во всяком случае, у этой армии нельзя было забрать ни одного соединения, так как ее силы и так были недостаточны.

Таким образом, еще один шанс оказался неиспользованным. Причину следовало искать в директиве фюрера от 23 июля. Красноармейск и Бекетовка оставались в руках русских. Мы увидим, какие преимущества извлек для себя отсюда противник.

За две ночи — с 26 на 27 августа и с 27 на 28 августа — 4-й армейский корпус сменил дивизии танкового корпуса на высотах

юго-восточнее станции Тундутово. Противник вел себя подозрительно спокойно. Не перебрасывал ли и он свои силы от Красноармейска навстречу наступавшей 6-й армии?

29 августа 48-й танковый корпус нанес внезапный удар по левым позициям русских южнее Зеты, увенчавшийся на этот раз успехом. Ему удалось сравнительно быстро продвинуться по пологим высотам между р. Червленая и р. Донская Царица на север и 30 августа, несмотря на упорное сопротивление противника, форсировать р. Червленая у Плантатор (3 км юго-восточнее Гавриловки).

31 августа 24-я танковая дивизия вышла в район западнее Барсагино и обеспечила тем самым свободу действий южному флангу 6-й армии, наступавшему вдоль железнодорожной линии Калач — Сталинград. Уже 1 сентября 20-я румынская дивизия вышла на один рубеж с 24-й танковой дивизией. Таким образом, обе армии в соответствии с новым планом группы армий «Б» могли вместе продолжать наступление через железнодорожную линию у Басаргино и соответственно у Нов. Рогачик на северо-восток. 2 сентября войска обеих армий соединились у Яблочного и, продвигаясь дальше к Сталинграду, вечером того же дня захватили и станцию Воропоново.

Через сутки, 3 сентября, немецкие и румынские войска вышли к приволжским возвышенностям у западной окраины Сталинграда.

Для предстоящего совместного наступления на Сталинград между 4-й танковой и 6-й армиями была установлена разграничительная линия, проходившая по долине р. Царица. Однако контратаки русских из района Бекетовки вынудили 48-й танковый корпус сначала заняться их отражением. После новой перегруппировки контратакующие войска противника были частично уничтожены, частично отброшены к Бекетовке. Затем 48-й танковый корпус нанес удар с высот к реке и 10 сентября занял южнее Сталинграда Ельшанку и Купоросное, выйдя на берег Волги.

Возник вопрос, следует ли теперь, после выхода армии к Волге, продолжать наступление на город или овладеть сначала «плацдармом противника у Бекетовки»¹.

Было принято решение наступать на Сталинград.

С 11 по 15 сентября 4-я танковая армия после довольно тяжелых боев овладела большей частью районов Сталинграда, распо-

---

¹ Часто употреблявшееся в то время название «русский плацдарм у Бекетовки» было неправильным, так как немецкие войска вышли к Волге только севернее и никогда не достигали ее южнее Бекетовки. После того как 48-й танковый корпус занял Купоросное, район Сталинграда был изолирован и он стал, таким образом, краеугольным камнем на северном фланге русского фронта, простиравшегося от Кавказа до Сталинграда. Его никак нельзя было назвать «плацдармом».

ложенных к югу от р. Царица (они составляли когда-то территорию старого города Царицына). Однако русские засели в хорошо укрытых от наблюдения оборудованных позициях на западном крутом берегу Волги и, ведя ожесточенные бои, на большинстве участков не допустили наши атакующие войска к самому берегу реки.

Наступательная операция 4-й танковой армии, таким образом, закончилась. Овладение всем районом «Большого Сталинграда» являлось теперь задачей 6-й армии, полоса наступления которой была расширена до южной окраины города. 48-й танковый корпус, находившийся в составе 4-й танковой армии, с 16 сентября был переподчинен 6-й армии.

4-я танковая армия занимала теперь примерно следующие позиции (начиная с северного фланга):

48-й танковый корпус (передан с 16 сентября 6-й армии) в районе Ельшанка на юго-западной окраине города имел стык с 6-й армией. Оттуда начинался выступ фронта, упиравшийся в Волгу у Купоросное; севернее Бекетовки линия фронта снова отходила к группе высот.

4-й армейский корпус располагался на высотах северо-западнее, западнее и юго-западнее Бекетовки, правым флангом у Ивановки.

4-й румынский корпус (без 20-й дивизии, занимавшей позиции у Ивановки и подчинявшейся 4-му армейскому корпусу) на очень растянутом фронте от Мал. Дербеты до станции Тундутово обеспечивал фланг армии. Южнее румынского армейского корпуса зияла брешь шириной 180 км до позиций 16-й моторизованной дивизии, расположенной на широком фронте между Степной и Астраханью. Задача этой дивизии состояла в том, чтобы, опираясь на сеть опорных пунктов, контролировать огромную территорию от р. Маныч до цепи озер восточнее Ергеней, ведя нечто вроде «войны в пустыне». Она успешно отражала непрекращавшиеся атаки русских из района Астрахани.

В конце августа полоса 4-й танковой армии была расширена до р. Маныч (здесь проходила разграничительная линия с группой армий «А»); ей была передана 16-я моторизованная дивизия.

В настоящее время, оценив обстановку, можно определить, какое незначительное пополнение личным составом и вооружением было необходимо немецким войскам для достижения быстрого и решительного успеха. Достаточно было перебросить сюда еще одну танковую и одну пехотную дивизии, и наши наступавшие войска, остановленные в районе Абганерова, смогли бы продвигаться до станции Тундутово. Несмотря на то, что несколько недель было упущено, несмотря на потери вследствие непрерывных контратак противника, армия после перегруппировки за три дня,

нанеся удар со своего далеко загнутого назад юго-западного фланга, прошла более 50 км на север и взяла в конце концов старый Сталинград, и этим дело завершилось. Три пехотные дивизии (6-го румынского армейского корпуса) не принимали участия в операциях, так как их задача состояла в обеспечении фланга.

По всему было видно, что у русских тогда только хватало сил, чтобы обороняться и сковывать контратаками наступавшие войска, однако у них не было резервов для того, чтобы противопоставить наступлению немецких войск свое контрнаступление. Иначе они, безусловно, ответили бы на удар 48-го танкового корпуса из Зеты на север (31 августа) наступлением из района Бекетовки на запад.

Сравнительно небольшое усиление 4-й танковой армии увеличило бы ее ударную силу настолько, что она смогла бы выйти к Волге на участке Красноармейск, Бекетовка. Понятно, что чем скорее она получила бы такое подкрепление, тем меньше сил нужно было бы ей передать. Дивизии, прибывшие 12 августа, были бы вдвое ценнее, если бы они были переданы 1 августа.

II. Наступление 6-й армии

Когда 14 июля передовые немецкие части (40-го танкового корпуса) вышли на р. Чир у Боковской, район большой излучины Дона почти не оборонялся русскими войсками. Тогда же 40-й танковый корпус был повернут на юг. Произошло первое промедление в наступлении на Сталинград. Только неделей позже, 20 июля, другие передовые отряды 6-й армии (14-й танковый корпус) переправились через р. Чир в восточном направлении.

6-я армия для наступления в большой излучине Дона образовала две группировки:

северная группировка — 14-й танковый корпус и 8-й армейский корпус (позже также и 17-й корпус);

южная группировка — 51-й армейский корпус и 24-й танковый корпус (последний был переброшен из района нижнего течения Донца и переподчинен армии 24 июля).

Обе эти группировки имели своей задачей продвинуться вдоль берега Дона внутри его большой излучины до Калача и в этом районе соединиться для форсирования Дона и наступления на Сталинград. Таким образом, немецкое командование надеялось еще окружить войска противника в большой излучине Дона. Это все, что осталось от плана окружения русских силами двух групп армий. Этой операции, собственно говоря главному звену Сталинградской битвы, уже в самом начале был нанесен решительный удар еще до того, как противник предпринял какие-либо действия.

Большая часть горючего, предназначенного для 6-й армии, неожиданно, по решению главного командования от 23 июля, в пути была переадресована на Кавказ. Ввиду этого значительная часть моторизованных подразделений и транспортного парка на длительное время была обречена на бездействие. Не только передвижения боевых частей, но и снабжение армии было сильно парализовано. Это было вторым большим промедлением, которое ни в коей мере нельзя было вменить в вину армии, причем в такой момент, когда этого никак нельзя было допустить.

Дело в том, что противник, вопреки ожиданиям, очевидно, благодаря предоставленной ему восьмидневной передышке прекратил свое отступление за Дон в районе Калача, собираясь, по-видимому, дать нам сражение еще по эту сторону реки.

25 июля 14-й танковый корпус, наступая через Клетскую и Сиротинскую, при приближении к Калачу в районе юго-западнее Каменского натолкнулся на крупные силы противника, сопротивление которых он не мог сломить, так как в связи с недостатком горючего некоторые его боевые части отстали. Одновременно усиленная 24-м танковым корпусом южная группировка, наступавшая через Морозовск, приблизилась к устью р. Чир. И здесь трудности, связанные со снабжением, отразились на темпах продвижения.

Южная группировка не смогла продвинуться дальше чем до нижнего течения р. Чир, так как ей пришлось ожидать подхода отставших частей, а также подвоза боеприпасов и горючего.

Вскоре стало ясно, что противник перебрасывает свежие силы через Дон на запад¹.

Оказалось, что русские удерживают большой плацдарм западнее Калача, простиравшийся до нижнего течения р. Чир и р. Лиска, а на севере до Каменского. После того как ни одной из обеих группировок не удалось пробиться к Дону западнее Калача, армия начала готовиться к наступлению всеми силами на плацдарм противника. Его можно было начать только после подхода необходимых сил и подвоза снабжения. Снова было потеряно время и прежде всего в связи с тем, что части 14-го танкового корпуса, обеспечивавшие сильно растянутый северный фланг на Дону, могли быть высвобождены только после подхода пехотных соединений. Противник же не медлил.

31 июля русские в свою очередь начали наступление, и им удалось за несколько дней расширить свой плацдарм до высот западнее Голубинского, р. Лиска, района Качалинской, Зрянинский и до Верх.-Чирского на Дону.

¹ Дневник Гальдера, запись от 26 июля 1942 г.

Части 51-го армейского корпуса, переправившиеся через р. Чир у Суравикино, были разбиты. На северном фланге армии свежие силы противника перешли в наступление из излучины Дона в районе Кременской и стали угрожать с тыла нашим дивизиям северо-западнее Каменского. Части 8-го армейского корпуса под натиском противника вынуждены были начать отступление, поскольку сплошной линии обеспечения на Дону еще не существовало.

6 августа армия вела бои с переменным успехом против двенадцати стрелковых дивизий и пяти танковых бригад русских.

7 августа наконец прибыли отставшие боевые части. Снабжение армии было обеспечено в такой степени, что можно было начать наступление на позиции противника западнее Дона. В трехдневных боях, характеризовавшихся участием крупных сил танков, большинство оборонявшихся до последнего патрона русских западнее Дона было уничтожено.

10 августа 6-я армия одержала полную победу, последнюю в сражении на открытой местности. По какой причине она не была использована для немедленного форсирования Дона, автору установить не удалось.

Во всяком случае, в результате этого в операциях 6-й армии наступило еще одно, третье промедление, использованное противником для усиления своей обороны на восточном берегу Дона; теперь необходимо было планомерно готовиться к переправе через реку и к последующему наступлению.

Задержка наступления на р. Чир в ее верхнем течении дала возможность противнику снова сосредоточить в оставленной им большой излучине Дона новые силы. Бой в районе Калача отнял у него, правда, много сил, но зато принес выигрыш во времени примерно в две недели. Что тогда означали две недели для эвакуации промышленных предприятий из Сталинграда и для его обороны, говорить не приходится. Затем из двух недель стало три, так как лишь 21 августа 6-я армия смогла начать свое наступление через Дон, ввиду того что трудности со снабжением¹ и доставкой горячего задерживали проведение маршей и перегруппировку войск, а также подготовку техники, в особенности же переброску артиллерии и перебазирование авиации.

6-й армии непосредственно перед началом новой, решающей фазы своих действий пришлось отдать часть своих сил так же, как 1 августа 4-й танковой армии перед началом ее наступления: 12 августа из состава 6-й армии были переданы 4-й танковой армии две дивизии с задачей помочь войскам, наступавшим южнее Красноармейска.

¹ В переброске горячего помощь оказывал 4-й воздушный флот.

Это жонглирование силами фронта, которым виртуозно владели все инстанции, было изобретено главным командованием и превратилось в нездоровую систему, призванную заменить отсутствие резервов. Как ни почетно для фронта то, что он просуществовал пять лет, на главное командование падает вся тяжесть ответственности в связи с тем, что оно не только не создало резервов, но всегда было готово лишить фронт последних резервов в тех случаях, когда ему с трудом удавалось «наскрести» их. Вряд ли что-либо в большей степени способствовало вырождению военного искусства, деморализации командных кадров и обескровливанию войск, чем ведение «войны без резервов», осуществлявшейся по указаниям верховного главнокомандующего. Этот пагубный путь привел через ликвидацию органически сложившейся организации соединений к созданию батальонов отпусковников, фольксштурма, вервольфа¹ и боевых частей из подростков в 1945 г.

Анализ операций 4-й танковой армии приводит к выводу, что ее шансы значительно возросли бы, если бы 6-я армия форсировала Дон немедленно после окончания боев в районе Калача, поскольку и русским в те критические для них дни приходилось жонглировать своими силами.

Время, имевшееся у 6-й армии для подготовки к наступлению за Дон, она использовала для улучшения обстановки на своем левом фланге. Войска противника в излучине Дона в районе Кременской были отброшены за реку, однако через короткое время им удалось снова закрепиться на нескольких участках на южном берегу Дона. Почти весь берег реки вдоль большой излучины Дона, от устья р. Чир до Серафимовича, был теперь в руках немецких войск. Дальше вверх по течению Дона их сменила 8-я итальянская армия, усиленная немецкими частями.

В соответствии с приказом командующего группой армий «Б» о выходе к Волге севернее Сталинграда 6-я армия перебросила свои силы ближе к северному флангу и сосредоточила их для форсирования реки в самой восточной части большой излучины Дона между Лученским и Трехостровской. Использовать плацдарм, захваченный 16 августа 34-й пехотной дивизией у Верх.-Гниловского (здесь находился мост, пригодный для пешеходов), было, по-видимому, невозможно.

В соответствии с изданным 19 августа приказом задача 6-й армии состояла в захвате плацдарма по обе стороны от Вертячего и в нанесении с этого плацдарма удара подвижными частями через

---

¹ Фольксштурм — народное ополчение. Вервольф — террористическая фашистская организация, действовавшая в Германии на территории, освобожденной Красной Армией. (Прим. ред.)

цепь высот севернее Мал. Россошки, высота с отметкой 137, станция Конная с выходом к Волге севернее Сталинграда.

14-й танковый корпус, на который было возложено проведение этой операции, после выхода к Волге должен был повернуть часть своих сил на юг и занять северную часть Сталинграда. Для обеспечения его северного фланга другая часть сил должна была выдвигаться к высотам юго-западнее Ерзовки.

Обеспечение флангов 14-го танкового корпуса во время наступления осуществлялось следующим образом:

а) южный фланг обеспечивался наступавшим 51-м армейским корпусом, имевшим задачу нанести удар в юго-восточном направлении после форсирования р. Россошка на участке Новоалексеевский, Бол. Россошка и захватить центр и южную часть Сталинграда;

б) северный фланг обеспечивался продвижением 8-го армейского корпуса с плацдарма юго-восточнее Трехостровской в направлении на юго-восток, левым флангом вдоль Татарского вала. Корпус должен был при успехе своего продвижения впоследствии перейти к обороне фронтом на север на рубеже Кузьмичи, станция Качалино.

На правом фланге 6-й армии 24-й танковый корпус имел задачу занять плацдарм по обе стороны от Калача и с этого плацдарма силами усиленной 71-й пехотной дивизии наступать в восточном направлении.

* * *

Я хочу сделать здесь несколько замечаний по поводу наступления на город, так как неудача действий наступавших войск в этой операции не может быть объяснена только недостатком сил у наступающего и выдающимся мужеством и умелыми действиями обороняющегося, — ее следует также отнести за счет ошибок в группировке сил 6-й армии в начале наступления.

Из развернутого приказа 6-й армии от 19 августа 1942 г.¹ «О наступлении на Сталинград» не видно, как войска должны были овладеть огромным городом. Может быть, командование 6-й армии в тот момент еще не представляло себе ясно географическое положение города и его особенности? Можно задаться вопросом, было ли целесообразно и правильно, находясь еще к западу от Дона, начинать наступление на большой город, расположенный на расстоянии 60 км восточнее реки.

Ближайшая задача должна была состоять в форсировании Дона, рубеж которого оборонялся противником, глубоко эшелон-

¹ См. приложение 3.

нировавшим свои позиции и подготовившимся к обороне. После форсирования Дона главная задача 6-й армии должна была состоять в наступлении 14-го танкового корпуса к Волге; только после успеха этого наступления, в результате которого были бы перерезаны все коммуникации, связывающие Сталинград с севером, можно было приступить к штурму города.

Пришлось бы армии снова перегруппировываться или же корпуса, продолжая движение вперед, ворвались бы в Сталинград — зависело от того, будет ли противник оборонять город и в том случае, если немцы выйдут к Волге и перережут все коммуникации, ведущие к городу с севера.

«Приказ о наступлении на Сталинград», в котором, между прочим, о замысле командования 6-й армии в отношении захвата города говорится только: «...частью сил одновременно ворваться в город с северо-запада и захватить его», можно было толковать только таким образом, что корпуса должны использовать все возможности для того, чтобы ворваться в город, если обстановка благодаря внезапности действий позволит надеяться на успех.

Возможно, нам возразят, что теперь, мол, легко об этом судить. Но можно утверждать, что командование 6-й армии в известном отношении неправильно оценило обстановку. Об этом свидетельствуют следующие обстоятельства:

1) Опыт боев с русскими давал основание считать, что они будут оборонять Сталинград даже в безнадежном положении до последнего патрона. Впрочем, если судить по приказу, командование 6-й армии считало, что «русские будут упорно оборонять район Сталинграда» и что «они будут сосредоточивать силы для контрудара в районе Сталинграда, в том числе танковые бригады».

2) Командование армии, очевидно, недостаточно учло чрезвычайно сложные условия местности.

3) В результате выхода наших войск на Волгу севернее Сталинграда снабжение города было затруднено, однако коммуникации перерезаны не были.

4) В то время, очевидно, еще не представляли себе, в какой мере удастся преодолеть сопротивление противника, имеющего численное и оперативное превосходство, если обороняющийся ведет бой до последнего патрона и его нельзя взять измором.

5) Если было известно или ожидалось, что противник будет оборонять весь район Сталинграда, то концентрический удар или наступление на широком фронте с дальних подступов не были целесообразны. В результате таких действий можно было потеснить противника, но нельзя было нарушить его тактическое построение до тех пор, пока у него еще оставалась связь с тылом. Было необходимо расчленив войска, оборонявшие город, и перерезать пути

их снабжения. Поэтому в первую очередь следовало вбить клин в расположение войск в Сталинграде с таким расчетом, чтобы берег Волги с паромной переправой напротив Красной Слободы попал в наши руки. Наряду с наступлением 14-го танкового корпуса это было самой важной задачей. Следует даже задуматься над вопросом, не важнее ли было в тот момент, когда полагали, что мы встретим в Сталинграде лишь слабое сопротивление, выполнить эту задачу, чем осуществить наш удар в направлении на Рынок?

б) Район «Большого Сталинграда» был разделен 6-й армией на полосы для наступающих соединений, а не на основные объекты, это в конце концов привело к тому, что его географические особенности оказали свое действие тогда, когда нападающие вошли в такое тесное соприкосновение с противником, а обороняющиеся создали такую искусную оборону, что перегруппировка 6-й армии и перенос направления ее главного удара не могли больше вынудить русских к выполнению новых задач; момент внезапности был потерян.

21 августа 6-я армия форсировала Дон по обе стороны от Вертячего и заняла плацдарм, с которого 14-й танковый корпус начал наступление. Вечером того же дня он вышел к Волге севернее Сталинграда. Небольшой участок западного берега Волги был в наших руках.

Но любое наступление танков в глубину расположения противника может иметь успех только в том случае, если за ними быстро пройдет пехота, чтобы закрепить за собой завоеванное танками пространство и снова высвободить подвижную ударную силу; так и здесь удар 14-го танкового корпуса пока не мог быть использован, так как следовавшие за ним пехотные дивизии едва успевали отражать немедленно начавшиеся мощные контратаки русских на его флангах в коридоре длиной 60 км, образовавшемся от Вертячего до Бородинки. В результате этих контратак противнику удалось отрезать танковый корпус, который вынужден был в течение ряда дней отбивать атаки, получая снабжение по воздуху и от небольших групп, прибывавшихся к нему ночью под прикрытием танков¹.

Атаки русских были направлены главным образом против слабого северного фланга армии между Волгой и Доном, который тогда называли «перешейком». 8-й армейский корпус, наступавший на участке южнее Котлубань, оказался в тяжелом положении. Русские на этом перешейке не могли добиться решающих успехов,

---

¹ Командир 14-го танкового корпуса хотел даже оставить позиции на берегу Волги. Командующий 6-й армией отклонил это предложение (дневник Гальдера, запись от 26 августа 1942 г.).

и это является еще одним признаком, свидетельствующим о том, что и у них пока еще не хватало сил для эффективных контрмер.

В течение недели дивизии 14-го танкового корпуса находились в критической обстановке на берегу Волги. 51-й армейский корпус, наступавший через Россошку на Гумрак, частью своих сил отражал контратаки из долины р. Россошка и очень медленно продвигался к городу. В таком же положении находились части 24-го танкового корпуса, продвигавшиеся севернее Карповки (71-я пехотная дивизия).

Только 31 августа, когда 4-я танковая армия, наступая с юга, пересекла железнодорожную линию у Басаргино, русские оставили свои позиции на р. Россошка перед фронтом 6-й армии и отошли к городу.

2 сентября обе армии соединились у Яблочный для продолжения наступления на город объединенными силами. В качестве разграничительной линии между обеими армиями была выбрана небольшая река Царица.

Город

Воздушная разведка уже донесла, что площадь «Большого Сталинграда» во много раз превышает наши данные о размерах города. Когда наступавшие войска подошли к линии высот западнее Сталинграда, перед ними раскинулся большой промышленный город, занимавший все пространство до самой реки.

Центральная часть города расположена у Волги по обе стороны от окруженной крутыми берегами обычно высыхающей реки Царица и занимает около 8 км вдоль ее западного берега. Река образует лишь ядро большого застроенного участка, который тянется более чем на 35 км от Рынка на севере и далее через Спартаковку, Баррикады, Красный Октябрь (здесь везде расположены промышленные предприятия), район севернее р. Царица, в котором расположено много учреждений, старый город к югу от него до Ельшанки и простирается от отвесного берега Волги до расположенных в 3—5 км от него склонов так называемого гористого берега. Изрезанный многочисленными реками и ручьями, а также балками, этот район обеспечивает обороняющемуся хорошие условия для обороны и скрытного маневра в том случае, если продвигающийся с запада противник вышел к группе расположенных здесь высот. Весь этот обширный район заполнен жилыми кварталами города, деревнями, рабочими поселками, над которыми возвышаются огромные административные здания, фабричные корпуса, трубы, цистерны с нефтью, элеваторы, водочака; через него проходят железнодорожные пути то по насыпям, то в глубоких выемках.

Обороняющийся располагает здесь неограниченными возможностями для того, чтобы построить стабильную позиционную оборону, расчленив силы наступающего и не давать ему покоя, нападая из засад. Тот, кто с запада продвигается через голую степь к Волге, вначале мало что видит от этого обширного города (который, по европейским понятиям, вообще нельзя назвать городом — в нем нет сплошных длинных улиц), так как большая его часть скрыта за высотами, склоны которых обращены к реке. Тем более невыгодное впечатление производит огромный промышленный район и на заднем плане река шириной более 1 км с ее многочисленными рукавами и островами.

3 сентября 51-й армейский корпус начал наступление на город. На его долю выпала теперь самая тяжелая часть борьбы за Сталинград. В тот же день 4-я танковая армия (48-й танковый корпус) вышла к западной окраине города у Воропоново.

В последующем наступление уже не развертывалось в таком быстром темпе; вскоре стало ясно, что о «захвате города с ходу», как это планировало ОКВ, не может быть и речи. Лишь 10 сентября наши войска заняли западную окраину Сталинграда, овладели населенными пунктами Городище, Александровка и Садовая.

14 сентября 6-я армия захватила пункт, господствовавший над всем городом, Мамаев курган (высота с отметкой 192) на северной границе делового квартала города (северная половина города). 15 сентября почти весь этот квартал с захватом главного вокзала оказался в наших руках. Обе наступающие армии, 4-я танковая и 6-я армия, соединились у р. Царица, отделяющей старый Царыцын от нового делового квартала.

С 16 сентября командование 6-й армии по приказу группы армий «Б» стало отвечать за весь ход операций в городе; действовавший южнее р. Царица 48-й танковый корпус 4-й танковой армии был передан 6-й армии.

Город Сталинград находился теперь в основном в наших руках, но промышленные объекты севернее города до района южнее Рынка большей частью были еще заняты русскими.

Правда, Волга как водная магистраль уже не могла быть использована. Сталинград перестал быть узлом коммуникаций, но этого можно было достичь с таким же успехом, действуя к северу или к югу от города. Промышленные предприятия были эвакуированы, разрушены или находились в зоне обстрела немецкой артиллерии и не могли продолжать работу. Указанная в директиве фюрера от 5 апреля 1942 г. задача на этот период операции была, таким образом, выполнена. Продолжение наступления с целью окончательного овладения всем районом Сталинграда в этом отношении ничего больше не могло дать.

С чисто военной точки зрения в этом также не было необходимости, поскольку в стратегическом отношении для обеспечения северо-восточного фланга при наступлении на Кавказ достаточно было занять линию Астрахань, Калач, Воронеж с основным опорным пунктом на перешейке между Волгой и Доном. Сталинград не было необходимости включать в эту линию, так как высоты в излучине Волги у Красноармейска и западный берег Дона севернее Калача — краеугольные камни обороны перешейка — прочно удерживались немецкими войсками.

Главное командование, однако, хотело «завершить сражение за Сталинград, очистив от противника остальные районы города», — так говорилось в директивах ОКВ¹.

Эта задача носила теперь уже тактический характер. Пропандой обеих сторон ей было придано стратегическое значение. До тех пор, пока русские сражались западнее Волги, Сталин мог утверждать о героической обороне своего города. Гитлер не хотел успокаиваться, пока его войска не захватили последний клочок земли, называвшейся Сталинградом. Политика, престиж, пропаганда и чувство взяли верх над трезвой оценкой.

Главное командование позволило себе эту роскошь, так как ни оно само, ни командование 6-й армии тогда, в сентябре 1942 г., не допускали мысли, что у русских войск, действовавших под Сталинградом, найдется достаточно сил для оказания упорного сопротивления.

Начавшаяся теперь на улицах, в домах и развалинах позиционная война нагрелась неожиданно для немецких войск, потери в людях и технике были несоизмеримы с успехами, которые исчислялись квадратными метрами захваченной местности.

При этом для столь дорого обходившихся войскам боевых действий имелись более важные и стоящие цели. Но об этом ниже.

III. Обстановка на фронте группы армий «Б»

В середине сентября 1942 г. выяснилось, что двум армиям, участвовавшим в операции, не удалось взять Сталинград в клещи. 4-я танковая армия не овладела приволжскими высотами в районе Красноармейска, ее фронт был загнут на северо-запад. 6-й армии, задержанной западнее Калача и на Дону почти на три недели, удалось, правда, прорваться к реке севернее Сталинграда, однако она была слишком слабой для того, чтобы продолжить наступление вдоль Волги на юг.

---

¹ Эта формулировка неоднократно упоминалась с начала сентября 1942 г. во время переговоров между главным командованием и штабами.

Вместо того чтобы соединиться на берегу Волги, обе армии соединились западнее Сталинграда. Вместо операции по окружению войска вынуждены были наносить ряд лобовых ударов по войскам русских, оборонявшим огромный город; не удалось окружить ни всего района Сталинграда, ни находившихся здесь сил противника. Это объясняется тем, что необходимая для осуществления охвата одновременность действий обеих армий не могла быть достигнута в связи с недостатком сил и плохо налаженным снабжением войск. В течение всего хода операций с конца июля обе армии смогли наносить удары только поочередно.

Вследствие этого русские, которые не подвергались ударам превосходящих сил восточнее Дона, ведя маневренную оборону, выиграли время, для того чтобы перебросить через Волгу свежие силы и подготовиться к упорной защите города. Разрушенные в ходе боев большие предприятия, расположенные к северу от города, были еще в руках русских. На берегу Волги немецкие войска находились только в районе Купоросное, у окраины города южнее р. Царица и на севере, в районе Рынка и южнее его. Важнейшая часть Сталинграда с паромной переправой находилась в руках русских.

Немецкие позиции в Сталинграде были обращены, по крайней мере с тактической точки зрения, пока еще в основном к Дону, а не к Волге. Роль этих позиций как опорного пункта на Волге или клина, отрезающего Северную Россию от Кавказа и перерезающего русские коммуникации, по которым доставлялась нефть, носила чисто теоретический характер, так как для этого необходимо было взять Астрахань и овладеть районом устья р. Урал.

Задачи, которые в тот момент представлялись более важными, были связаны с действиями непосредственно на флангах группировки сил, наступавших на Сталинград. Высоты в районе Красноармейска и Бекетовки находились в руках противника и создавали постоянную угрозу для южного фланга 6-й армии; если бы мы ими владели, то имели бы важные преимущества. Поэтому командование 4-й танковой армии затребовало подкрепления для овладения этими высотами.

Еще важнее было улучшить нашу оборону на северном фланге. Возникший во время наступления 14-го танкового корпуса так называемый перешеек между Волгой и Доном в районе Рынок, Котлубань, Качалинская не обеспечивал возможности эшелонирования обороны в глубину, и в случае малейшего успеха противника здесь могла бы возникнуть непосредственная опасность для нашего фронта в Сталинграде. С самого начала этот перешеек подвергался сильным атакам со стороны русских, потому что нигде противнику не удавалось так быстро сосредоточивать и

бросать в бой крупные силы, как здесь. Поэтому было необходимо срочно выдвинуть наши позиции вперед до возвышенностей в районе высоты с отметкой 151, которые господствовали над местностью и были особенно опасны в руках русских.

Но улучшить позиции необходимо было не только на флангах 6-й армии. Гораздо больше опасений внушала слабость обоих флангов группы армий «Б» на среднем течении Дона и в Калмыцких степях.

Сталинградская операция покоилась теперь на песке.

IV. Обстановка на фронте группы армий «А»

К середине сентября, когда 4-я танковая армия и 6-я армия захватили центральную часть Сталинграда, стало ясно, что ни одна из далеко идущих целей группы армий «А» не была достигнута и больше не может быть достигнута.

Из всего побережья Черного моря только узкая полоса в районе Новороссийска была в руках немцев. Наступление 17-й армии на Туапсе и Сухуми привело наши войска едва только за перевалы Западного Кавказа. Штурм вершины Эльбруса высотой в 5680 м был справедливо отмечен как выдающееся достижение, однако военного значения он не имел. Пехотные и горные дивизии западнее Эльбруса заняли горную цепь до рубежа р. Лаба, однако затем на пути к Черному морю застряли в дремучих лесах; они столкнулись с невообразимыми трудностями в ведении боевых действий и снабжении.

1-я танковая армия, наступавшая через Центральный Кавказ и имевшая перед собой отдаленные цели, взяла Майкоп с небольшой частью нефтяных промыслов, продвинулась до района южнее Кисловодска и овладела южнее Моздока большим плацдармом на р. Терек; ее разведотряды вышли к Каспийскому морю и в районе Соста на р. Вост. Маныч установили контакт с группой армий «Б» (16-я моторизованная дивизия), который, правда, был очень непрочным.

На северной границе Кавказа, на Кубани и Тереке, преследование отступавших за Дон на юг русских закончилось. Отныне каждый шаг вперед проходил в борьбе не только с противником, но и с природой. Сил немцев, которых было достаточно для преследования по широким, открытым степям, не хватало для наступления на противника, который за это время значительно усилился, поддерживался авиацией и использовал благоприятные для него условия местности.

Немецкие дивизии не могли восполнить своих потерь, авиация, действовавшая в районе Сталинграда, также не могла оказать им поддержки. Вообще то, что немецкие солдаты находились в

Сталинграде, Новороссийске, Майкопе, под Туапсе, Сухуми, на Эльбрусе, под Орджоникидзе, Грозным и Астраханью, было их собственной заслугой и заслугой их фронтовых командиров. Единственным вкладом верховного главнокомандующего в этом отношении был лишь роковой приказ от 23 июля.

С середины августа стало ясно, что операции на юге России шли не по намеченному плану; армия вместо «победного марша» с трудом продвигалась вперед. В таком положении принято бросать в бой резервы или же менять план операции.

Резервов не было. Следовательно, было необходимо менять план операции. Он мог бы, например, заключаться в том, чтобы сосредоточить все силы на одной цели и временно отказаться от остальных. Решение главного командования могло быть двояким:

а) Ради достижения успеха на Кавказе отказаться от Сталинграда и перейти здесь к обороне на рубеже озера Цаца, Калач¹.

б) Взять Сталинград и отказаться от Кавказа, установить фронт примерно по линии Новороссийск, Майкоп, Ворошиловск, Степной. В этих условиях возможно было наладить эксплуатацию нефтяных промыслов, захваченных под Майкопом, и богатых сельскохозяйственных районов.

Если трудно было отказаться от таких значительных целей или если считали, что в это время года уже слишком поздно продолжать наступление, то оставалась еще одна возможность на самом Сталинградском фронте: улучшить обстановку на флангах (о чем уже говорилось выше) и отказаться от города с его промышленными районами.

Верховный главнокомандующий, однако, не хотел отказываться ни от чего и продолжал расходовать силы и средства в боях, которые не имели ничего общего с операцией. Большие разногласия внутри самого главного командования и возражения со стороны фронта привели к отставке командующего группой армий «А» (10 сентября) и вызвали сильное недовольство Гитлера начальниками его штабов Йодлем и Гальдером.

И снова немецкие войска, как и в сентябре 1941 г., вели тяжелые бои, в то время как разумнее было готовиться к предстоящей зиме. Печальный опыт 1941 г. не оставил, видимо, никаких следов в памяти верховного главнокомандующего. Таким образом, получилось, что, когда противник во второй половине сентября вынудил группу армий «А» прекратить проведение операции, ее армии, так же как и армии Сталинградского фронта, оказались ко времени наступления зимы в очень неблагоприятных условиях: войска

¹ Командование группы армий «Б» уже после боя под Калачом (10 августа) неоднократно обращалось в ОКХ с предложением отказаться от захвата Сталинграда и ограничиться установлением заградительной линии между Доном и Волгой — примерно между Красноармейском и излучиной Дона западнее Шишикина.

были переутомлены и сильно измотаны, потери не были восполнены, фронт (дефиле у Керчи, Новороссийск, район севернее Туапсе, район южнее Майкопа, Эльбрус, район южнее Моздока, район в 100 км западнее Астрахани, Сталинград, Воронеж) был очень растянут и имел протяженность 2600 км по сравнению с 800 км к началу летней кампании.

Снабжение этих армий было еще более затруднено, чем раньше. О какой-либо ударной силе этих групп армий не могло быть и речи, так как не было резервов, а скованные на таком обширном фронте с огромными полосами для наступления соединения нигде не могли быстро сосредоточиться. Их командование, действия которого были осложнены ввиду перемешивания немецких частей с разнородными частями союзников, в результате тоталитарного господства Гитлера в значительной мере утеряло нити управления войсками и зависело от навязанных ему планов, не соответствовавших реальной обстановке.

Начальник генерального штаба сухопутных сил потребовал прекращения наступления на Сталинград; 24 сентября он был уволен.

V. Отношения между главным командованием и фронтом

Действия главного командования вооруженных сил пагубно сказывались в первую очередь на сухопутных силах. В истории имеется очень мало примеров такого пренебрежительного отношения во время войны к личному составу действующей армии, как при Гитлере, так мало о нем проявлялось заботы. Гитлер сам участник Первой мировой войны, во время же Второй мировой войны не посещал фронта. Ему нельзя отказать в понимании запросов солдат и интересе к ним. Но большое расстояние от ставки до фронта имело своим следствием то, что он учитывал только успехи или неуспехи, отмеченные на карте, но не видел суровой, не приукрашенной пропагандой борьбы неизвестных солдат на фронте.

Правда, в случае успеха войска получали награды, причем часто вдвое больше тех, которые они заслужили; однако подчас чрезвычайно тяжелые условия боя, лишения и страдания, в особенности пехоты, либо были неизвестны верховному главнокомандующему, либо он не обращал на них внимания. Пропаганда уделяла внимание прежде всего тем родам войск, которые благодаря своим техническим средствам пробуждали всеобщий интерес и добивались успехов, сразу же находивших свое отражение на географической карте и запечатлевавшихся фотографами. С общепринятой точки зрения это все понятно. Верховный главнокомандующий должен был это как-то

компенсировать; однако он сам поддался этой пропаганде, и ему даже не приходила в голову мысль, что войска, движущей силой которых были не моторы, а сердца и легкие солдат, нуждались иногда в отдыхе. То, что мотору нужна передышка для технического осмотра, Гитлер, преклонявшийся перед техникой, понимал, однако он забывал о двигающихся в пешем строю солдатах.

Тот, кто руководит своими войсками лишь по карте с нанесенной на ней обстановкой, по донесениям органов пропаганды и восторженным устным рассказам тех, кому вручались Рыцарские кресты, не видит того, что происходит в действительности. Гитлер, не отдавая себе в этом отчета, своими действиями разрушил фундамент, на котором покоился фронт.

Когда читатель будет знакомиться с описанными здесь боевыми действиями, он всегда должен иметь в виду, что немецкие войска не знали ни смены, ни отдыха.

Несмотря на все это, немецкие войска на фронте, и в первую очередь пехота, упрочили свою традиционную славу и даже тогда совершали достойные восхищения подвиги, когда они, после пяти лет войны, разбитые, истекающие кровью и предоставленные самим себе, пытались отразить наступление прекрасно вооруженного противника, располагавшего свежими силами и имевшего на земле и в воздухе подавляющее преимущество в технике.

Нельзя отрицать того, что эти подвиги в значительной мере были совершены под руководством диктатора, стоявшего вне закона и морали. Так же, как в политике и руководстве военными действиями (где Гитлер прибегал к таким средствам, как ложь и насилие), ему удавалось в течение ряда лет добиваться сверхчеловеческих усилий, он добивался этого и от сражавшейся на фронте армии, воспитанной в духе высоких этических традиций и дисциплины, играя на ее патриотических чувствах, а также с помощью уверений о предстоящем вскоре окончательном разгроме противника.

Однако то, что он не знал обстановки на фронте, а также его метод руководства войсками привели к бесцельной растрате сил значительной части прекрасной подготовленной к войне армии и подрывали ее боевую мощь.

Материальный и физический ущерб, нанесенный войной немецкому народу, скоро будет возмещен благодаря его прекрасной способности восстанавливать свои силы. Но ущерб, нанесенный моральному состоянию народа в результате деятельности Гитлера как верховного главнокомандующего, нельзя будет преодолеть на протяжении жизни нескольких поколений.

VI. Ход боев в Сталинграде с 16 сентября до 19 ноября 1942 г.

Начавшийся в середине сентября период боев за Сталинградский промышленный район можно назвать позиционной или «крепостной» войной. Время для проведения крупных операций окончательно миновало. Из просторов степей война перешла на изрезанные оврагами приволжские высоты с перелесками и балками, в фабричный район Сталинграда, расположенный на неровной, изрытой, пересеченной местности, застроенной зданиями из железа, бетона и камня. Километр как мера длины был заменен метром, карта генерального штаба — планом города.

За каждый дом, цех, водонапорную башню, железнодорожную насыпь, стену, подвал и, наконец, за каждую кучу развалин велась ожесточенная борьба, которая не имела себе равных даже в период Первой мировой войны с ее гигантским расходом боеприпасов. Расстояние между нашими войсками и противником было предельно малым. Несмотря на массированные действия авиации и артиллерии, выйти из рамок ближнего боя было невозможно. Русские превосходили немцев в отношении использования местности и маскировки и были опытнее в баррикадных боях и боях за отдельные дома; они заняли прочную оборону.

Последовавшая затем катастрофа заставила поблекнуть эти недели «осады». Ее история являла бы собой перечень героических подвигов небольших подразделений, штурмовых групп и многих неизвестных солдат. Эти подвиги совершались как солдатами наступавшей германской армии, так и оборонявшимися солдатами русских.

Немецкие армии начали эту борьбу настолько ослабленными, что в обычных условиях о них можно было бы сказать, что они «измотаны боями»¹. Роты редко насчитывали более 60 человек, танковые дивизии — только 60—80 исправных танков. Но и силы 62-й армии русских в начале сентября были настолько истощены, что во всем районе города не было резервов. Единственное соединение 62-й армии, которое было предназначено для этой цели, 13-я стрелковая дивизия при прорыве 14-го танкового корпуса к Волге была оттеснена в район севернее Рынка. Так как она не смогла пробиться к Сталинграду, ей пришлось переправляться через Волгу на восток, и она проникла в город через переправу у Красной Слободы. Лишь во второй половине сентября 62-я армия получила подкрепления и в начале октября располагала примерно двенадцатью дивизиями.

¹ Запись в дневнике Гальдера от 20 сентября 1942 г.: «Под Сталинградом постепенно становится заметным, что войска выдыхаются».

6-я армия прилагала теперь все усилия для расширения плацдарма, захваченного у Рынка, в южном направлении, чтобы овладеть всем берегом Волги в районе Сталинграда. Это означало, что надо было захватить всю полосу крутого берега вплоть до самой реки, чтобы простреливать и мертвое пространство, имевшееся на ее западном берегу. Дело в том, что для обороняющегося достаточно было занимать узкую полосу на берегу глубиной только в 100 м, для того чтобы обеспечить от наблюдения и непосредственного воздействия наступающих войск при их приближении к берегу паромную и лодочную переправы через Волгу. Наблюдать за переправлявшимися через Волгу на запад лодками и другими переправочными средствами мог лишь тот, кто владел крутым берегом. Поэтому последние 100 м, прилегавшие к реке, как для наступающего, так и для обороняющегося имели решающее значение.

Путь к этой полосе лежал через районы города, промышленные предприятия и железнодорожные сооружения, которыми необходимо было овладеть; их сопротивляемость благодаря характеру местности, оборудованию позиций, боевым качествам личного состава и вооружению обороняющихся войск была настолько сильной, что сил 6-й армии никогда не хватало для того, чтобы одновременно атаковать эти два объекта.

Эти тяжелые условия тогда не сразу были учтены, они полностью выявились лишь в ходе боев.

14 октября началась самая большая в то время операция: наступление нескольких дивизий (в том числе 14-й танковой, 305-й и 389-й пехотных) на тракторный завод имени Дзержинского, на восточной окраине которого находился штаб 62-й армии русских. Со всех концов фронта, даже с флангов войск, расположенных на Дону и в Калмыцких степях, стягивались подкрепления, инженерные и противотанковые части и подразделения, которые были так необходимы там, где их брали. Пять саперных батальонов по воздуху были переброшены в район боев из Германии. Наступление поддерживал в полном составе 8-й авиакорпус.

Наступавшие войска продвинулись на 2 км, однако не смогли полностью преодолеть сопротивление трех русских дивизий, оборонявших завод, и овладеть отвесным берегом Волги. Если нашим войскам удавалось днем на некоторых участках фронта выйти к берегу, ночью они вынуждены были снова отходить, так как засевшие в врагах русские отрезали их от тыла.

3 октября 6-я армия захватила северо-западный пригород Сталинграда — Орловку. Через несколько дней ей удалось возобновить атаки на фабричные сооружения в Баррикады (военный завод), прорваться севернее и южнее их к Волге. 70-я стрелковая дивизия русских была отрезана от своих соседей, однако до начала

контратак русских войск ей удалось удержаться на узкой полосе кругого берега.

В начале ноября получившие подкрепления русские войска перешли на различных участках к частным контратакам. Хотя они и не добились ощутительных результатов, сам по себе этот факт свидетельствовал о том, что перспективы «окончательного захвата» Сталинграда не улучшились.

Несмотря на это, Гитлер отдал распоряжение о продолжении наступления с «нарастающей силой». 10 ноября 51-й армейский корпус предпринял наступление на химический завод «Лазурь» (он получил название «теннисная ракетка» в связи с формой железнодорожной петли, внутри которой он был расположен), восточнее высоты с отметкой 102 (Мамаев курган), которая уже много раз переходила из рук в руки (в этом наступлении участвовало много подразделений инженерных войск), а также на металлургический завод «Красный Октябрь». Рабочий поселок был взят, войскам удалось также проникнуть в цеха. Однако на этом наступательный порыв на второй день иссяк. Наступление было приостановлено; большая часть завода осталась в руках русских.

Общие результаты боев на протяжении этих двух месяцев были с оперативной точки зрения незначительными, а с тактической — недостаточными. 6-я армия занимала, кроме полосы берега севернее Сталинграда у Рынка, позиции на Волге только севернее и южнее Баррикады и у южной окраины Сталинграда. Из 35-км береговой полосы в районе Сталинграда всего 15 км действительно были в руках немцев. Но самый важный участок, причал парома между Красной Слободой и городом, оставался у русских. Потери 6-й армии в живой силе и технике были для нее самыми тяжелыми со времени начала летней кампании. Возможности ее оперативно-го использования значительно ухудшились.

Для оборонявшихся войск русских в эти недели был ряд критических моментов; особенно тяжелая обстановка складывалась для них 14 октября и 11 ноября. Оттесненные на узкий клочок территории, имея в тылу Волгу, они не имели другого выхода: либо им пришлось бы сдать город, либо они должны были упорно защищать каждую пядь земли западнее реки. Войска 62-й армии могли бы, правда, получать подкрепления, если бы для связи с противоположным берегом имелись более благоприятные условия, однако они улучшились только после начала контрнаступления русских 16 декабря, когда Волга замерзла; до этого времени вся связь с тылом осуществлялась на пароме и лодках. До 20 ноября мостов в районе Сталинграда не было. Впрочем, командование русских стремилось сохранить свои силы для контрнаступления, ставя перед собой задачу сковывать минимальными силами как можно больше сил немцев в Сталинграде.

VII. Фланги на Дону и в Калмыцких степях

Было нетрудно установить, где находились уязвимые места нашего фронта. В то время как упомянутая выше слабость флангов сталинградской позиции имела главным образом тактическое значение, недостаточное обеспечение флангов 6-й армии могло привести к опасным оперативным последствиям. В директиве ОКВ от 5 апреля 1942 г. № 41 говорилось о том, что в ходе наступления необходимо не только обращать серьезное внимание на надежное обеспечение северо-восточного фланга войск, участвующих в операции, но и немедленно начать оборудование позиций на Дону. При этом большое значение следует придавать созданию мощной противотанковой обороны. Позиции должны быть оборудованы с самого начала с учетом возможного использования их зимой.

Для занятия позиций на Донском фронте, который в ходе операций будет расширяться, в первую очередь будут использованы соединения союзников, с тем чтобы немецкие войска могли создать мощный барьер между Орлом и Доном, а также на Сталинградском перешейке; несколько немецких дивизий держать в качестве оперативного резерва за Донским фронтом.

Важность позиций на Донском фронте, являвшемся северо-восточным флангом войск, участвовавших в операции, таким образом, была признана. Формулировка «чтобы... создать мощный барьер» говорит о том, что войска союзников, по-видимому, не могли быть использованы для этой цели. Правда, по своему оборудованию позиции Донского фронта не отвечали этой важной задаче. Оба фланга наступавших на Сталинград войск с самого начала имели недостаточно сил и с началом общего наступления в развалинах города были еще более ослаблены.

10 июля 2-я венгерская армия после сражения под Воронежем получила задачу занять позиции на берегу Дона от Коротояк до района Богучар¹. Во время июльского наступления на большую излучину Дона 4-я танковая армия обеспечивала свой левый фланг на Дону подвижными частями, не стремясь к занятию сплошной линии позиций на южном его берегу. Следовавшая за ней 6-я армия заняла своими частями только узкую, растянутую линию позиций² на южном берегу Дона, который никогда на всем своем протяжении не находился полностью в руках германской армии.

¹ Запись в дневнике Гальдера от 10 июня 1942 г.

² 384-я пехотная дивизия в середине июля 1942 г. несла службу охранения на участке от устья Богучара до устья Черной Калитвы, т. е. на рубеже длиной 100 км (донесение 384-й пехотной дивизии о боевых действиях с 17 мая по 5 сентября 1942 г.).

На участке Серафимович, Еланская противник располагался южнее Дона.

Когда в конце июля 8-я итальянская армия сменила немецкие войска на Дону, высвобожденные немецкие дивизии были подтянуты к Сталинградскому фронту. Большая часть нашего фланга на Дону была доверена теперь менее боеспособным войскам союзников, имевшим недостаточное количество противотанковых средств. Противник воспользовался этим и в конце августа сравнительно небольшими силами добился расширения своего плацдарма южнее Еланской на стыке между 6-й немецкой и 8-й итальянской армиями. Для укрепления правого фланга итальянской армии пришлось взять части у 6-й армии. Тем не менее отбросить русских за Дон не удалось. Таким образом, фланг на Дону нельзя было считать стабильным.

Битва под Сталинградом поглощала все больше сил. Для обстановки, сложившейся в то время, очень характерно было то, что 6-я армия для высвобождения новых сил в начале октября вынуждена была в конце концов оставить излучину Дона в районе Кременской и отойти на позицию, расположенную на хорде, стягивавшей эту излучину: Сиротинская, Клетская, добровольно отдав противнику большой плацдарм.

Примерно 10 октября 3-я румынская армия заняла позиции между 6-й немецкой и 8-й итальянской армиями на участке Клетская, Вешенская. Итальянцы взяли на себя охранение участка на Дону далее к западу, от Вешенской до района выше Новой Калитвы.

Еще с конца сентября командующий войсками фронта и новый начальник генерального штаба сухопутных сил требовали прекращения операций. Зима стояла у порога, и, кроме того, уже тогда были заметны признаки предстоящего большого контрнаступления русских. Лишь после того, как в конце октября многочисленные донесения (о наведении большого количества новых мостов через Дон и др.)¹ не оставляли больше сомнения в том, что командование на фронте придерживается правильной точки зрения, Гитлер открыто признал, что опасность, которую он уже давно предчувствовал, надвигается. Однако он полагал, что главный удар русскими будет нанесен по позициям, занимаемым итальянцами, в то время как командование группы армий «Б» считало, что наиболее угрожаемой является полоса, занимаемая 3-й румынской армией.

---

¹ Уже после нанесения русскими удара по правому флангу 8-й итальянской армии в конце августа из 17-го армейского корпуса сообщили, что противник построил больше мостов, чем это необходимо для снабжения войск, частично под поверхностью воды (сообщение бывшего начальника разведки 17-го корпуса капитана в отставке Эрнста).

Наконец примерно 15 ноября 22-я танковая дивизия и 1-я румынская танковая дивизия были выделены в резерв группы армий и подчинены 48-му танковому корпусу: 22-я танковая дивизия в районе Перелазовского, 1-я румынская танковая дивизия — за 3-й румынской армией у Чернышевской.

Южнее Сталинграда в Калмыцких степях обстановка складывалась примерно так же. Когда в начале августа 1-я и 4-я танковые армии, форсировав Дон, под прямым углом начали двигаться в разные стороны, одна на Кавказ, а другая на Сталинград, для охранения обширного района между ними был выделен только 52-й армейский корпус (две пехотные дивизии), действовавший в направлении Степной, Астрахань. Тогда этого было достаточно, тем более что 111-я пехотная дивизия, захватив Степной, получила опорный пункт, позволявший ей контролировать Калмыцкие степи.

При приближении к Волге 4-я танковая армия выдвинула для обеспечения своего правого фланга к цепи озер севернее Мал. Дербеты 6-й румынский армейский корпус. От этого района до расположенной восточнее Степной 16-й моторизованной дивизии зияла брешь шириной до 200 км; она была в известной мере закрыта в начале октября, когда 4-я румынская армия прибыла в район восточнее Котельниково.

То, что линия фронта в Калмыцких степях, в противоположность фронту на Дону, была занята слабыми силами, было менее опасно, так как в пустынной местности восточнее Ергеней крупных операций противника можно было ожидать только по оси Астрахань, Степной и из района Красноармейска. Командование 4-й танковой армии считало, что именно этот пункт является наиболее уязвимым. Поэтому оно хотело наверстать то, что ей не удалось сделать в августе, — захватить высоты в районе Красноармейска, Бекетовки. Главное командование обещало 4-й армии «после окончания боев в Сталинграде» выделить необходимые для этого силы. Но на деле получилось иначе.

Сначала противник и здесь возобновил активные действия. 29 сентября при поддержке нескольких танков он вклинился в районе Плодовитое примерно на глубину 12 км в расположение 6-го румынского армейского корпуса, пытаясь захватить высоты у станции Абганерово. 4-й танковой армии пришлось снять с фронта действовавшую на южной окраине Сталинграда 14-ю танковую дивизию и направить ее в этот район для восстановления положения. Этот случай послужил предостережением для румын, армия которых была потрепана в предшествовавших боях и слабо вооружена, и дал русскому командованию ценные разведывательные данные. Атакам подверглись также позиции 4-го

армейского корпуса севернее Бекетовки (2 октября). Корпус отразил их.

10 октября 14-я танковая дивизия была передана из состава 4-й танковой армии 6-й армии для участия в наступлении на тракторный завод; сюда была подтянута и 29-я моторизованная дивизия, выделенная в резерв группы армий «Б», в район северо-восточнее Верхне-Царицынского. Вследствие этого штаб 48-го танкового корпуса лишился своих соединений. Ему было поручено руководство действиями вновь созданных резервов, расположенных за линией фронта на Дону.

VIII. Группировка сил на фронте группы армий «Б» перед контрнаступлением русских

По-видимому в основном по политическим соображениям, немецкие и союзные армии, расположенные по обе стороны от Сталинграда и на среднем течении Дона, первоначально должны были быть объединены под командованием маршала Антонеску в новую группу армий «Дон». Штаб этой группы армий с середины сентября находился в Ростове, однако сам маршал не хотел занять этот пост до окончания боев за Сталинград. Сначала от немецкой стороны его замещал бывший начальник немецкой военной миссии в Румынии, занимавший пост начальника штаба группы армий, а от румынской стороны — начальник королевского румынского большого генерального штаба.

Пока продолжались бои за Сталинград, действиями войск в этом районе в тактическом отношении руководила группа армий «Б». Соединения 4-й румынской армии были подчинены командующему 4-й танковой армией до прибытия на фронт и получения задачи от немецкого командования. После занятия позиций руководство боевыми действиями этих соединений должен был взять на себя штаб румынской армии (с начала октября находившийся в Котельниково).

Организация управления войсками в таких условиях была сложным делом. К тому же Гитлер уже тогда часто вмешивался в действия 6-й армии.

То, что маршал Антонеску не принял тогда командование, свидетельствует о его дальновидности. Но для дела это было отрицательным фактором, так как среди военачальников союзников (за исключением Маннергейма, имевшего весьма холодные отношения с Гитлером) он в наименьшей степени был подвержен влиянию главы немецкого государства, и ему, при его выдающихся данных, легче было бы настаивать на своем мнении перед Гитлером, чем подчиненным ему командующим армиями.

Фронт выглядел в то время следующим образом.

Группа армий «Б»

В ее состав входили (с правого фланга):

а) 4-я танковая армия (с 23 ноября — танковая группа Гота):
16-я моторизованная дивизия (в районе Астрахань, Степной, Маныч; по Манычу проходила разграничительная линия с группой армий «А»);

4-я румынская армия (Степной, Красноармейск):

7-й румынский армейский корпус;

6-й румынский армейский корпус;

4-я танковая армия (в районе Красноармейск, Купоросное):

4-й армейский корпус;

29-я моторизованная дивизия (резерв армии).

б) 6-я армия:

51-й армейский корпус;

14-й танковый корпус;

8-й армейский корпус;

11-й армейский корпус.

Армия вела бои на трех различных участках фронта: на Волжском фронте (Купоросное, район севернее Рынок), на перешейке (Рынок, Шишкин) и на Донском фронте (Шишкин, Мало-Клетская).

в) 3-я румынская армия (Клетская, Вешенская):

4-й румынский армейский корпус;

5-й румынский армейский корпус;

2-й румынский армейский корпус;

1-й румынский армейский корпус.

г) 8-я итальянская армия (Вешенская, Новая Калитва):

29-й немецкий армейский корпус;

35-й итальянский армейский корпус;

2-й итальянский армейский корпус;

итальянский альпийский корпус.

д) 2-я венгерская армия (Новая Калитва, Коротояк):

7-й венгерский корпус;

4-й венгерский корпус;

24-й немецкий танковый корпус;

3-й венгерский армейский корпус.

е) 2-я армия (Коротояк, район северо-восточнее Курска):

13-й армейский корпус;

7-й армейский корпус;

55-й армейский корпус.

ж) Резервы группы армий:

за 3-й румынской армией — 48-й танковый корпус в составе 22-й танковой дивизии и 1-й румынской танковой дивизии (в районе Перелазовский);

за 8-й итальянской армией — 298-я немецкая пехотная дивизия.

Характерные черты группировки немецких войск и обстановки перед началом контрнаступления русских состояли в следующем:

а) Главные силы всех немецких войск действовали в выступе фронта у Сталинграда на сравнительно узком пространстве.

б) Растянутые фланги наступавших под Сталинградом армий были недостаточно обеспечены.

в) За фронтом протяженностью 1400 км не было боеспособных оперативных резервов.

г) О подготавливавшемся противником крупном наступлении на ослабленные участки этих флангов было известно командирам всех степеней¹.

д) Атаки немецких войск «для окончательного овладения Сталинградом» продолжались.

IX. Румынские войска

В дальнейшем будет много говориться о разгроме, поражениях и неудачах румынских войск, так как события развивались именно так и их не следует приукрашивать в военно-историческом труде. Однако это не означает ни отрицания заслуг боеспособности румынских войск, ни признания их вины.

С начала похода на Восток большие контингенты румынских войск участвовали в операциях. В составе немецких соединений они храбро сражались и выполняли поставленные перед ними задачи. Именно потому, что румынские войска хорошо проявили себя, участвуя в боях в составе немецких соединений в Подолии, Донбассе, в Крыму, на Кавказе и т. д., летом и осенью 1942 г. были сформированы две румынские армии.

Маршал Антонеску, командующие армиями Думитреску и Константинеску, а также подчиненные им командиры, являясь верными товарищами своих братьев по оружию — немцев, делали все для хорошего сотрудничества с командованием немецких войск. Непритязательный румынский солдат храбро сражался, и две румынские дивизии разделили судьбу 6-й армии в Сталинграде.

Вину за развал румынских позиций в большой излучине Дона и в Калмыцких степях несет главное командование германской армии, которое в своем высокомерии, переходящем всякие границы, ставило перед союзниками невыполнимые для них задачи.

¹ В журнале боевых действий разведывательного управления ОКХ с 26 октября можно встретить неоднократные указания на сведения о предстоящем наступлении на фронте 6-й армии и 3-й румынской армии. 14 ноября отмечены сведения о получении противником подкреплений в районе Цаца (перед фронтом 4-й румынской армии).

Верховный главнокомандующий также игнорировал предложения своих военачальников, как и предложения военачальников союзников. Даже маршал Антонеску — единственное влиятельное лицо из всех деятелей держав оси, — говоривший с Гитлером без обиняков и не позволявший себя игнорировать, не мог добиться того, чтобы Гитлер обратил внимание на его предостережения. Он доказывал Гитлеру, что 3-я и 4-я румынские армии в связи с понесенными ими потерями, отсутствием противотанковых средств (у них были только 37-мм противотанковые орудия на конной тяге), тяжелого оружия (у дивизии не было артиллерии крупного калибра), а также другими недостатками в вооружении и обмундировании не были в состоянии противостоять решительному наступлению противника.

Несмотря на это, румынским дивизиям были отведены полосы, ширина которых по фронту была равна ширине фронта, принятой для дивизии в германской армии. Следует учесть, что румынские войска не были подготовлены для смелого ведения боя в боевых порядках, присущих германской армии; они прошли подготовку в духе французской тактики, предусматривавшей большую степень безопасности, что отвечало национальному духу румынского народа. Ширина полос для дивизий в 20 км и больше не отвечала возможностям румынских войск. Следствием явилось то, что войска с самого начала чувствовали себя неуверенно и слабее противника, так как они знали о своей неспособности отразить атаки танков.

В этих условиях нельзя было требовать от румынских дивизий таких же успешных действий, как и от имевших современное вооружение немецких дивизий. Если такие требования прямо и не предъявлялись, то это явствовало из самой постановки задач.

Несправедливое отношение к войскам этого союзника, в чем виновата Германия, вынуждает нас воздержаться от какой бы то ни было отрицательной оценки.

КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ РУССКИХ. ПЕРВЫЙ ПЕРИОД¹

I. Прорыв на обоих флангах и окружение немецких войск

В этой обстановке 19 ноября началось контрнаступление русских, которое быстро привело к охвату обоих флангов и окружению всех немецких сил 6-й армии и 4-й танковой армии.

---

¹ Описанные здесь события основываются на воспоминаниях и донесениях автора, занимавшего пост начальника 2-го немецкого штаба связи в Котельниково, подполковника генерального штаба Драбиш-Вэхтера, донесениях начальника оперативного отделения штаба 384-й пехотной дивизии, датированных январем 1943 г., трудах майора генерального штаба в отставке Бера, 1-го офицера для поручений при штабе 6-й армии, трудах генералов фон Зоденштерна, Винтера и Гейма.

В то время как атаки противника в сторону так называемого пешерейка между Доном и Волгой, а также ведение боевых действий штурмовыми группами сковывали немецкие силы в Сталинграде, русские произвели прорыв на обоих флангах — южнее Сталинграда и на Дону. Превосходящие нас по силам танковые соединения осуществили охват немецких армий и на четвертый день наступления соединились у Калача. В окружении оказались, таким образом, двадцать немецких и две румынские дивизии.

1. Прорыв русских на двух участках большой излучины Дона

а) События 19 ноября 1942 г.

После артиллерийской подготовки, продолжавшейся несколько часов, 19 ноября в 4 часа утра русские одновременно начали наступление на румынские позиции на Дону сразу на двух участках: со своих плацдармов у Клетской и из района юго-западнее Серафимовича.

Восточная группировка (3-я ударная армия русских)¹ прорвала западнее Клетской правый фланг 3-й румынской армий и продвинулась на юг до Селиваново. 4-й румынский армейский корпус был разгромлен. 6-я армия бросила для обеспечения своего левого фланга юго-западнее Клетской свой резерв (части 14-й танковой дивизии), находившийся в районе Крайний, и взяла на себя руководство действиями изолированной в этом районе от своих войск 1-й румынской кавалерийской дивизии. Дальнейшие меры в тот момент не казались необходимыми, так как умело действовавшее командование русских войск как здесь, так и в районе южнее Сталинграда наметило место прорыва так далеко от фланга немецких войск, что помощь немецких резервов была затребована не сразу. В районе Клетской между участком прорыва и немецкими войсками была расположена 1-я румынская дивизия, в районе Бекетовки — 20-я румынская пехотная дивизия. Кроме того, 3-я ударная армия русских наносила удар западнее Клетской, в юго-западном направлении, вследствие этого прошло много времени, прежде чем командование 6-й армии, которое еще не видело непосредственной угрозы, уяснило для себя обстановку, сложившуюся на ее левом фланге.

Западная группировка (5-я танковая армия русских в составе двух танковых, двух кавалерийских корпусов и большого количества стрелковых дивизий во втором эшелоне) начала наступление с высот в 10 км восточнее Девяткина² (30 км юго-западнее Се-

¹ Там, где автор упоминает 3-ю ударную армию, нужно иметь в виду 21-ю армию. (*Прим. ред.*)

² Русские войска отбили их в конце августа у итальянцев.

рафимовича), прорвала позиции 2-го румынского армейского корпуса и, быстро продвигаясь на юг, к середине дня овладела уже высотами севернее Перелазовского. Оттуда она повернула на юго-восток, переправилась через р. Куртлак и к вечеру достигла своими передовыми отрядами Гусынки и Калмыков, зайдя на 60 км в тыл 3-й румынской армии. Части русских на западном фланге достигли верхнего течения р. Чир и переправились через него.

Главные силы 3-й румынской армии были обойдены в результате этих двух прорывов и сбиты с позиций на Дону. Только по обе стороны от Распопинской усиленная 15-я пехотная дивизия румын под командой генерала Ласкара удерживала свои позиции между обоими участками прорыва на Дону, она повернулась на 180° и заняла оборону, имея в тылу реку.

Нельзя было принять эффективных мер против какой-либо из этих двух наступавших армий противника. У 3-й румынской армии не было никаких сил, которые она могла бы противопоставить танкам противника; слабые по численности резервы¹ за левым флангом 6-й армии ничего не могли предпринять, а резерв группы армий, 48-й танковый корпус, на который возлагались большие надежды, с самого начала преследовал злой рок.

б) Действия 48-го танкового корпуса²

Уже само название «танковый корпус» не соответствовало действительности, так как в его состав входили лишь 22-я танковая дивизия, насчитывавшая около 45 танков (большой частью легких), и 1-я румынская танковая дивизия, имевшая около 40 трофейных чешских танков. Ударная сила танков этого корпуса равнялась ударной силе танкового полка.

Исходное положение корпус должен был занять в районе Перелазовский, Бол. Донщинка, Петровка, так как предполагалось, что главный удар русские будут наносить с плацдарма у Клетской. Для контрудара по западному флангу наступающих войск район юго-западнее Перелазовского был благоприятным. Были разведаны возможности нанесения удара в направлении как на Клетскую, так и на Серафимович.

Когда 19 ноября поступили первые донесения о «вклинении противника на большую глубину» южнее Клетской и об «атаках» в районе Серафимовича, их можно было рассматривать как подтверждение предположения о том, что главный удар противник

¹ Половина 14-й танковой дивизии.

² Из труда бывшего командира 48-го танкового корпуса генерал-лейтенанта в отставке Гейма.

наносит у Клетской. Поэтому уже поднятый по тревоге корпус с одобрения командования 3-й румынской армии и группы армий «Б» был брошен в этом направлении.

Однако, когда в 11 часов 1-я румынская танковая дивизия прошла Верх.-Черенский, а 22-я танковая дивизия — Бол. Донщинку, 48-й танковый корпус получил приказ повернуть на северо-запад и, продвинувшись через Блиновский, атаковать противника, проравшегося юго-западнее Серафимовича.

48-й танковый корпус начал движение на Блиновский. 1-я румынская танковая дивизия продвигалась через Жирки, 22-я танковая дивизия — через Усть-Медведицкий. В связи с трудностями, вызванными поворотом войск налево, дивизии отошли друг от друга на значительное расстояние и в условиях бездорожья им не удалось сразу соединиться. Вскоре 1-я румынская танковая дивизия встретила у Жирки, а 22-я танковая дивизия южнее Усть-Медведицкого превосходящие силы танков противника, который атаковал их. Между обеими дивизиями и на их флангах русские танки прорвались на юг. 48-й танковый корпус был встречен фронтальным наступлением 5-й танковой армии русских. В течение всего дня 20 ноября этот корпус, оказавшийся почти окруженным русскими войсками, отражал атаки со всех сторон. Для того чтобы не жертвовать им без всякой пользы, командование группы армий отдало корпусу приказ в ночь на 21 ноября оторваться от противника и сосредоточиться южнее р. Куртлак.

Ввиду того что в это время была потеряна связь (даже по радио) с 1-й румынской танковой дивизией, лишь 22-я танковая дивизия с наступлением темноты начала отрываться от противника. В этой обстановке в 22 часа поступил приказ Гитлера (через группу армий), в котором корпусу была поставлена задача немедленно нанести удар по противнику в северном направлении и освободить «группу Ласкара», т. е. 15-ю румынскую дивизию, окруженную на Дону у Распопинской. Поэтому 22-я танковая дивизия остановилась в районе Медвежий и на рассвете 21 ноября начала двигаться на северо-восток, однако северо-западнее Перелазовского она встретила превосходящие силы противника, остановившие ее продвижение. Из-за недостатка в горючем дивизия не могла перегруппироваться и снова была окружена противником.

Итак, оба соединения корпуса были окружены противником и не могли принять участия в боях. Это положение не могли изменить и неоднократные приказы, передававшиеся из ставки фюрера по радио, согласно которым то надо было наступать на север, то на северо-восток, то организовывать круговую оборону. Лишь 26 ноября, после того как группе Ласкара удалось пробиться к 1-й ру-

мынской дивизии, корпус объединенными усилиями смог выйти из окружения и в районе Чернышевской занять оборонительные позиции на р. Чир.

Резерв Донского фронта был израсходован без всякой на то необходимости; потери в людях достигали 50%.

Главная причина этого поражения состояла в том, что так называемый 48-й танковый корпус был слишком слаб для решения оперативных задач. Другая причина заключалась в том, что позиции 3-й румынской армии были разгромлены так быстро и так сильно, что нельзя было осуществить перегруппировку, необходимую для нанесения эффективного контрудара.

Даже если бы приказ на наступление через Блиновский¹ был дан до того, как корпус начал двигаться к Клетской, остается еще под большим вопросом, смог ли бы он наступать на западный фланг противника у Серафимовича, так как, учитывая его слабый состав, можно утверждать, что части, действовавшие на западном фланге 5-й русской танковой армии, отразили бы его атаки. Впрочем, уже к середине дня противник взял Блиновский.

Приказ об изменении направления действий 48-го танкового корпуса в настоящее время часто считают причиной последовавшего затем поражения. Действительно, если бы корпус двигался дальше на Клетскую, он бы значительно задержал 3-ю русскую ударную армию; однако решительного успеха он бы там не добился. То, что 48-й танковый корпус был повернут, в связи с его неурепом имело отрицательное значение для армии, наступавшей на направлении главного удара, но явилось положительным фактором для всей операции, так как в противном случае корпус оказался бы в котле вместе с 6-й армией. Причем это произошло бы не в результате боев с противником в районе Клетской, а как следствие оперативного охвата силами намного превосходившей его западной группировки противника, которая с самого начала действовала на направлении главного удара. Следовательно, приказ об изменении направления движения явился результатом правильной оценки обстановки.

Мы несколько опередили развитие событий, остановившись на действиях 48-го танкового корпуса, и теперь вернемся к 19 ноября.

6-я армия в тот день еще не чувствовала непосредственной угрозы, и поэтому ее командование не считало нужным принять решительные меры. В 18 часов командование армии сообщило, что на 20 ноября оно намечает в Сталинграде продолжать действия разведывательных подразделений².

¹ Приказ был отдан Гитлером (по сообщению генерал-полковника Цейтшлера).

² Журнал боевых действий разведывательного отдела штаба 6-й армии, запись от 19 ноября 1942 г., 17 ч 50 мин.

Однако подробный приказ командующего группой армий «Б», отданный в 22 часа, не оставлял никаких сомнений относительно угрожающей опасности:

«Обстановка, складывающаяся на фронте 3-й румынской армии, вынуждает принять радикальные меры с целью быстрее освобождения сил для прикрытия фланга 6-й армии и обеспечения безопасности ее снабжения по железной дороге на участке Лихая (южнее Каменск-Шахтинского), Чир. В связи с этим приказываю:

1. Немедленно прекратить все наступательные операции в Сталинграде, за исключением действий разведывательных подразделений, сведения которых необходимы для организации обороны.

2. 6-й армии немедленно выделить из своего состава два моторизованных соединения, одну пехотную дивизию и по возможности одно моторизованное вспомогательное соединение, подчинив их штабу 14-го танкового корпуса, и, кроме того, как можно больше противотанковых средств и сосредоточить эту группировку по-ешелонно за своим левым флангом с целью нанесения удара в северо-западном или западном направлении¹.

Подпись: *барон фон Вейхс*»

Приказ этот только начали выполнять, как развитие событий уже опередило его.

После того как 19 ноября слабые попытки предпринять контратаки были пресечены противником, перед русскими открылся путь к далеко идущим целям. Что это были за цели, выявилось с полной очевидностью 20 ноября, когда началось наступление и в районе южнее Сталинграда: русское командование задумало крупную операцию по охвату всех немецких сил в районе Сталинграда и большой излучине Дона.

в) Изменение обстановки в период с 20 по 22 ноября

20 ноября восточная группировка противника расширила фронт прорыва на Дону, начав наступление в юго-восточном направлении на Верх. Бузиновку. Начались атаки противника также на Крайний. Угроза левому флангу 6-й армии стала еще более ощутимой, контратака расположенного в районе Венцы резерва (части 14-й танковой дивизии) не имела успеха; левый фланг 11-го армейского корпуса был отведен к Венцам.

Для прикрытия подступов к мосту в районе Калача 6-я армия заняла плацдарм на западном, высоком берегу Дона, обращенный

---

¹ Журнал боевых действий разведывательного отдела штаба 6-й армии, запись от 19 ноября, 22 ч.

фронтом в тыл, так как считалось, что объектом наступления восточной группировки противника, прорвавшей фронт под Клетской, является Калач.

Однако Калач являлся целью не восточной, а западной группировки русских; 20 ноября она продолжала наступление и, продвинувшись через Плесистовский, заняла Остров и Качалинскую на р. Лиска. Часть этой группировки повернула в долины рек Добрая и Лиска на юг к р. Чир. Во второй половине дня был занят Попов (севернее Суровикино); нависла непосредственная угроза над коммуникациями 6-й армии.

3-я румынская армия перестала оказывать организованное сопротивление. Двигаясь по слегка замерзшей и покрытой снегом степи, танки противника, не встречая препятствий в открытой местности, проникали в тыл, сеяли панику в населенных пунктах и принуждали оборонявшиеся части к бегству. Тыловых позиций оборудовано не было, так как Гитлер запретил не только их строительство, но и разведку. Позиции на р. Чир не были ни разведаны, ни подготовлены к обороне.

Уже 20 ноября западная группировка противника в районе Манойлин соединилась с восточной группировкой, наступавшей из района Клетской.

21 ноября начался серьезный кризис на фронте 6-й армии. Обе армии противника повернули по отношению к своему прежнему направлению на 90° и, соединившись, двигались теперь к Дону в районе Калача и севернее его, т. е. в тыл Сталинградского фронта немцев.

Утром около 40 русских танков атаковали плацдарм у Калача. Когда их атака была отражена, они повернули на северо-восток и к середине дня появились на высоком, западном берегу Дона в нескольких километрах юго-западнее Голубинского, где находился командный пункт 6-й армии.

Другая танковая часть русских подошла к мосту и с ходу захватила его без боя, так как охрана моста приняла ее за немецкую учебную часть, оснащенную трофейными русскими танками, которая часто пользовалась этим мостом. Попытки наших войск вернуть мост и город Калач, предпринятые еще в течение 21 ноября, оказались безуспешными.

Русские танки — перед штабом армии, важнейшая переправа через Дон — в руках противника! Уже намечалось предстоящее окружение 6-й армии и 4-й танковой армии.

Еще в течение ночи на 21 ноября 6-я армия начала на левом фланге отвод своих войск (11-й армейский корпус) на юго-запад, на рубеж Сиротинская, Венцы, Верх. Голубая, Евлампиевский. После захвата моста у Калача войска в большой излучине Дона были отрезаны. Для того чтобы выйти из окружения из района за-

паднее Дона в юго-западном направлении, их сил по сравнению с двумя армиями противника было недостаточно. У них не оставалось никакого иного выхода, кроме отхода на юго-восток, за Дон. «За Дон» — это означало к Сталинграду, т. е. в том же самом направлении, в котором 6-я армия ровно три месяца тому назад форсировала Дон, наступая на Сталинград.

Для охраны мостов в районе Перепольный и Акимовский, которые теперь, после потери Калача, приобретали особенно важное значение для намеченного маневра, 384-я пехотная дивизия образовала плацдарм фронтом на северо-запад.

События в районе Калача и большой излучине Дона были единственным предметом забот 6-й армии, которой 21 ноября были подчинены также и соединения 4-й танковой армии (примыкавшей к 6-й армии справа на южной окраине Сталинграда).

Южнее Сталинграда 51-я армия русских, наступавшая из района Бекетовки, также осуществила прорыв, принявший опасные размеры. 22 ноября утром противник овладел Бузиновкой и продвинулся дальше на северо-запад. В результате этого были почти полностью отрезаны и немецкие войска на юге Сталинграда.

Обстановка в районе Калача сильно обострилась. Противник занял Кривомузгинскую¹ и получил тем самым большой плацдарм восточнее Калача. С этого плацдарма войска, расположенные на восточном берегу Дона, продвинулись на север к Песковатке, по-видимому, с задачей отрезать путь через реку на юго-восток частям 6-й армии, действовавшим в излучине Дона между Голубинским и Клетской. Расположенная в районе Трехостровской 376-я пехотная дивизия была немедленно отведена через мост в Акимовский на восток и взяла на себя охрану мостов в тылу удерживаемого 384-й пехотной дивизией плацдарма.

В этой обстановке 22 ноября вечером замкнулось кольцо вокруг 6-й армии: 51-я армия русских, продвигавшаяся через Бузиновку, соединилась с войсками, занимавшими плацдарм восточнее Калача. Теперь обратимся к событиям, происшедшим за это время южнее Сталинграда, между Волгой и Доном.

2. Прорыв русских южнее Сталинграда

20 ноября, на другой день после начала наступления русских на Дону, пришла в движение вторая группировка русских — 51-я русская армия, сосредоточившаяся в районе Бекетовка, Красноармейск, Цаца. Нанося главный удар в районе Красноармейска, она прорвала фронт на левом фланге 4-й румынской армии, на стыке

¹ В донесении генерала Паулюса именуется Советский.

между 1-й и 20-й румынскими дивизиями, и вскоре захватила высоты северо-западнее станции Тундутово.

4-я танковая армия бросила в бой свой резерв — 29-ю моторизованную дивизию. Она вначале восстановила положение, но впоследствии не смогла удержать позиции. Южнее этого района войска противника, поддержанные танками, продвинулись через Плодовитое на Абганерово и захватили господствующие над этим районом высоты у станции Абганерово. Потерявший частично боеспособность 6-й румынский армейский корпус был разбит, его оставшиеся подразделения отошли в район населенного пункта Аксай. При этом он оголил фланг остановившегося у Мал. Дербеты неатакованного правого соседа — 7-го румынского армейского корпуса.

Немецкие войска, действовавшие у Сталинграда, были теперь навсегда отрезаны от находившихся на фланге в Калмыцких степях румынских войск. 20 ноября это уже было совершенно ясно, потому что за 4-й румынской армией резервов больше не было. Противник захватил район, имевший важное значение для нанесения удара на Калач, и 21 ноября продолжал главными силами наступление на северо-запад. В той же местности, по которой почти три месяца тому назад 4-я танковая армия осуществила успешное наступление на Сталинград, почти в том же направлении двигались теперь между реками Червленая и Донская Царица к железной дороге Калач — Сталинград русские танки.

Правый фланг 4-й танковой армии (4-й армейский корпус) в связи с угрозой ее южному флангу был отведен назад, штаб армии, расположенный в Верх. Царицынском, утром 21 ноября был атакован русскими танками и был переведен в Бузиновку. Затем он получил новую задачу и снова был отведен назад. 6-я армия приняла командование войсками, входившими в состав 4-й танковой армии (усиленный 4-й армейский корпус и 29-я моторизованная дивизия).

Группировка русских войск, наступавшая из района Цаца, осторожно использовала плоды своих успехов; она вела разведку в направлении на Аксай. При более энергичных действиях в этот же день 21 ноября она форсировала бы Аксай, тем более что в связи с событиями на фронте 4-й танковой армии возникло критическое положение в руководстве действиями войск, находившихся в Калмыцких степях. Дело в том, что штаб 4-й румынской армии не был подготовлен к тому, чтобы взять на себя командование¹.

Когда генерал Константинуеску в середине дня 21 ноября принял командование армией, она уже наполовину была разбита. Еще вечером 20 ноября по приказу командующего 4-й танковой ар-

¹ Отчет начальника немецкого штаба связи от 21 ноября.

мией единственное еще не принимавшее участия в боях соединенные румынских войск, две трети 8-й румынской кавалерийской дивизии, расположенной за южным флангом западнее Кетченеры, были брошены в район юго-западнее Тундутово, чтобы закрыть брешь, образовавшуюся между 6-м и 7-м армейскими корпусами румын. Сделать это не удалось.

В то время как русские войска, наступавшие из района Абганерово, 22 ноября медленно продвигались на юго-запад, войска, наносившие главный удар на северо-запад через Верх. Царицынский, быстро добились успеха. В первой половине дня противник овладел Бузиновкой, а вечером 51-я армия и 5-я танковая армия русских соединились в районе восточнее Калача.

II. Окружение 6-й армии и решение Гитлера

22 ноября в 18 часов командующий 6-й армией передал по радио следующее донесение в штаб группы армий «Б»:

«Армия окружена. Вся долина р. Царица¹, железная дорога от Советский до Калача, мост через Дон в этом районе, высоты на западном берегу реки до Голубинский, Оськинский и Крайний, несмотря на героическое сопротивление, перешли в руки русских. Другие их силы продвигаются с юго-востока через Бузиновку на север и особенно крупные силы — на запад. Обстановка в районе Сувоикино и на р. Чир неизвестна. В Сталинграде и на северном участке фронта отмечается усиленная деятельность разведывательных подразделений. Атаки, которым подвергались 4-й армейский корпус и 76-я пехотная дивизия, отражены. На этом участке противнику местами удалось вклиниться в расположение наших войск. Армия надеется, что ей удастся создать оборону на западном участке фронта, восточнее Дона по берегу р. Голубая². Южный участок фронта восточнее Дона после прорыва еще не был восстановлен. Стоит ли за счет значительного ослабления северного участка организовать оборону на узкой полосе на рубеже Карповка, Мариновка, Голубинский — сомнительно. Дон замерз, по льду переправляться можно. Запасы горючего скоро кончатся, танки и тяжелое оружие в этом случае будут неподвижны. Положение с боеприпасами критическое. Продовольствия хватит на 6 дней. Командование армии предполагает удерживать оставшееся в его распоряжении пространство от Сталинграда до Дона и уже принимает необходимые меры. Предпосылкой для их успеха является восстановление южного участка фронта и переброска достаточного количества запасов продовольствия по воздуху. Прошу

¹ Очевидно, имеется в виду не р. Царица в Сталинграде, а р. Донская Царица.

² Это место неясно: восточнее Дона нет р. Голубая.

предоставить свободу действий на случай, если не удастся создать круговую оборону. Обстановка может заставить тогда оставить Сталинград и северный участок фронта, чтобы обрушить удары на противника всеми силами на южном участке фронта между Доном и Волгой и соединиться здесь с 4-й танковой армией. Наступление в западном направлении не обещает успеха в связи со сложными условиями местности и наличием здесь крупных сил противника.

Подпись: *Паулюс*

«Армия окружена». Это было не совсем правильно. Армия была «блокирована», а это не то же самое, что окончательное окружение. Это понятие предполагает, что необходимо ликвидировать создавшееся тяжелое положение, пока войска еще не окружены. В тот момент войска противника, расположенные по кольцу, сомкнувшемуся вокруг немецких войск, не были еще достаточно сильны, чтобы укрепить и уплотнить его. Поэтому не совсем понятно, почему командующий 6-й армией в такой критический момент и в таком важном донесении в первую очередь не говорит о том, как он думает исправить создавшееся положение. Его план, обусловленный наличием соответствующих возможностей, теряется во многих подробностях этого недостаточно четкого донесения, в противовес этому в нем ясно сформулировано намерение удерживать район Сталинграда до Дона.

До известной степени такой характер донесения объясняется событиями, развернувшимися 21 ноября. Когда штаб армии около 14 часов получил донесение, что танки противника продвигаются от Калача по дороге, проходившей по гребню придонских высот на Голубинский, оперативная группа штаба 6-й армии перенесла свой командный пункт в Ниж.-Чирскую. Вечером туда поступила радиограмма Гитлера следующего содержания: «Командующему армией со штабом направиться в Сталинград. 6-й армии занять круговую оборону и ждать дальнейших указаний».

Следовательно, еще до того, как армия вообще была окружена, верховный главнокомандующий отдал приказ не предпринимать никаких действий против противника, имевшего намерение осуществить окружение. Еще до того, как армия была блокирована, а именно в ночь на 22 ноября, она получила приказ Гитлера именовать занимаемый ею район «Сталинградская крепость».

22 ноября к вечеру 6-я армия была блокирована противником. Однако еще до этого приказ верховного главнокомандующего лишил командующего армией и начальника его штаба свободы действий. Вот где следует искать ключ к донесению генерала Паулюса от 22 ноября в 18 часов. То, что такой опытный и умный военачальник, как командующий 6-й армией, должен был не позже второй половины дня 22 ноября правильно оценить обста-

новку, не подлежит сомнению. Только в одном командовании 6-й армии, очевидно, с самого начала не отдавало себе ясно отчета — в абсолютной невозможности организации снабжения армии по воздуху¹.

В ответ на донесение командующего 6-й армией верховный главнокомандующий вечером 22 ноября отдал приказ: «6-й армии занять круговую оборону и выжидать деблокирующего наступления извне».

23 ноября обстановка в полосе 11-го армейского корпуса западнее Дона была крайне тяжелой. Противник наступал теперь одновременно с запада, севера (Сиротинская) и северо-востока (излучина Дона западнее Шишкина) и вклинился на нескольких участках в наши позиции. Части корпуса были окружены у Венцы и северо-восточнее р. Верхняя Голубая. Командующий армией приказал корпусу отойти через плацдарм в Акимовский на восточный берег Дона и занять оборону, имея соседом 8-й армейский корпус южнее Котлубань на рубеже высота с отметкой 137 (7 км северо-западнее Россошки, на некоторых картах именуется высотой с отметкой 134), высота с отметкой 135 (8 км северо-западнее Мариновки). Окруженные части корпуса получили приказ вырваться из окружения. Отвод частей 11-го армейского корпуса удалось осуществить к вечеру 24 ноября без больших потерь.

3-я моторизованная дивизия была переброшена с северного участка фронта в район Мариновки, чтобы задержать противника, продвигавшегося от Калача и станции Кривомузгинская.

Командование группы армий «Б» осознало всю серьезность обстановки раньше и яснее, чем командование 6-й армии. Еще 20 ноября, когда южнее Сталинграда началось наступление крупных сил русских, для командующего группой армий, в первую очередь отвечавшего за боевые действия на растянутом фронте операций, не было сомнений в том, что надвигается угроза окружения 6-й армии.

Ввиду того что после не увенчавшихся успехом действий 48-го танкового корпуса на большом пространстве вокруг не было никаких соединений, которые могли бы деблокировать окруженную группировку противника извне, было ясно, что 6-я армия сама должна разорвать фронт окружения, причем в ближайшее же время. Ведь с первого дня своего наступления противник обнаружил опасное стремление отеснить как можно быстрее и дальше от окруженных немецких сил изолированные на обоих флангах союзные армии, чтобы уже в пространственном отношении затруднить какую бы то ни было попытку деблокирования или выхода из окружения.

---

¹ Запись в дневнике бывшего командующего 4-м воздушным флотом генерал-полковника Рихтгофена от 21 ноября 1942 г.

6-я армия располагала достаточными силами, чтобы с успехом разорвать фронт окружения и разбить противника. Само собой разумеющейся предпосылкой для этого был отвод войск назад, следовательно, отказ от Сталинграда.

Командование 6-й армии, обменявшись мнениями с командованием группы армий «Б», а также под влиянием настоятельных требований командиров корпусов пришло к убеждению, что другого выхода нет, и пересмотрело свои выводы, сделанные в донесении от 22 ноября.

Командующий группой армий подвел итоги переговорам, которые он вел в течение нескольких дней с начальником генерального штаба сухопутных сил (причем данная последним оценка обстановки с самого начала полностью соответствовала оценке командующего группой армий), в следующей телеграмме, отправленной 23 ноября в 18 ч 45 мин:

«Несмотря на всю тяжесть ответственности, которую я испытываю, принимая это решение, я должен доложить, что считаю необходимым поддержать предложение генерала Паулюса¹ об отводе 6-й армии. Для этого имеются следующие основания:

1. Снабжение армии, насчитывающей двадцать дивизий, по воздуху невозможно. При имеющемся парке транспортных самолетов при благоприятной погоде ежедневно в котел может быть переброшена только 1/10 часть продовольствия, необходимого на одни сутки.

2. Наступление с целью деблокирования окруженных войск вряд ли можно будет осуществить до 10 декабря в связи с тем, что развитие событий не обещает прочного успеха, а также ввиду необходимости иметь достаточно времени для перегруппировки. План перегруппировки был доложен генеральному штабу сухопутных сил.

6-я армия, запасы которой быстро иссякают, может растянуть их всего лишь на несколько дней. Боеприпасы будут быстро израсходованы, так как окруженные войска подвергаются атакам со всех сторон.

Если 6-й армии удастся пробиться на юго-запад, по моему мнению, это положительно скажется на всей обстановке в целом.

6-я армия представляет собой единственную боеспособную силу, которая может еще нанести ущерб противнику, поскольку 3-я румынская армия полностью разбита. Армия должна продвигаться при выходе из окружения в следующем направлении: на юго-запад, затем, продвигаясь северным флангом вдоль железной дороги, на Чир до Морозовска. Таким образом будет разряжена на-

---

¹ Речь идет о втором донесении генерала Паулюса, посланном по радио после первого донесения от 22 ноября.

пряженная обстановка в районе Заветное, Котельниково. Наконец, сохранение сил 6-й армии будет ценным вкладом в организацию обороны в этом районе и даст возможность предпринимать контратаки.

Я вполне сознаю, что предлагаемая операция связана с большими жертвами, в особенности техники и имущества. Они, однако, будут значительно меньшими, чем при голодной блокаде армии в котле, к которой приведут ее в противном случае развивающиеся сейчас события.

Генерал-полковник барон Вейхс»

В связи с убедительностью приведенных фактов и полным соответствием мнений начальника генерального штаба сухопутных сил и командования группы армий «Б» все рассчитывали на одобрение Гитлером предложений генерал-полковника Вейхса. Поэтому между штабами группы армий «Б» и 6-й армии в духе этого предложения были согласованы все детали операции; было намерено начать ее 25 ноября.

Между тем начальник генерального штаба сухопутных сил генерал пехоты Цейтцлер тоже вел борьбу за то, чтобы Гитлер изменил свое решение; до сих пор Гитлер упрямо настаивал на своем решении (при поддержке начальника ОКВ генерал-полковника Кейтеля и начальника штаба оперативного руководства ОКВ генерала Йодля) и отвечал неизменным «Нет» на все предложения начальника своего генерального штаба и донесения командующего группой армий относительно необходимости сдать Сталинград.

Поэтому все с облегчением встретили поступившую в 2 часа ночи 24 ноября телефонограмму начальника генерального штаба сухопутных сил начальнику штаба группы армий «Б» о том, что ему наконец удалось убедить Гитлера в необходимости сдать Сталинград. Приказ о выходе 6-й армии из окружения, как сообщил генерал Цейтцлер, будет отдан утром 24 ноября.

Командование группы армий немедленно известило об этом по радио 6-ю армию, на что ее командование ответило, что она выступит 25 ноября на рассвете правым флангом восточнее Дона на юго-запад и форсирует Дон в районе Верх.-Чирской.

Утром 24 ноября 1942 г. ожидавшийся приказ ОКХ группой армий «Б» получен не был. Около 10 часов утра начальник штаба группы армий генерал Зоденштерн вызвал по телефону начальника генерального штаба сухопутных сил. Тот ответил, что группе армий следует обождать. По тону Цейтцлера во время этого короткого разговора генерал Зоденштерн сделал вывод, что в ОКХ, т. е. между Гитлером и генералом Цейтцлером, по-видимому, снова возникли разногласия. Следовательно, обещанного приказа о выходе из окружения еще приходилось ждать.

В действительности Гитлер, как все военачальники, принимающие решения не в результате зрелого размышления, а под воздействием своих чувств, и на этот раз колебался до тех пор, пока утром 24 ноября не отменил принятого им за шесть часов до этого решения сдать Сталинград. В 8 часов начальник генерального штаба ВВС по поручению командующего ВВС доложил, что авиация обеспечит снабжение 6-й армии по воздуху. Командующий 4-м воздушным флотом еще в тот же день попросил начальников генеральных штабов сухопутных сил и ВВС доложить фюреру о том, что он придерживается противоположного мнения. На основании этого донесения обоих влиятельных представителей ВВС главное командование (Гитлер, Кейтель и Йодль) считало, что 6-я армия продержится в районе окружения до тех пор, пока она не будет освобождена в результате проведенного крупными силами тщательно подготовленного деблокирующего наступления.

Вследствие этого Гитлер не подписал поданного ему начальником генерального штаба сухопутных сил на утверждение приказа о выходе 6-й армии из окружения.

Вскоре после 10 часов единственная линия телефонной связи между группой армий «Б» и 6-й армией, имевшаяся в нашем распоряжении, была повреждена противником. Так как приказа ОКХ не поступило, а меры необходимо было принять срочно, командующий группой армий принял решение под собственную ответственность отдать приказ 6-й армии о выходе из окружения, не ожидая решения ОКХ.

О том, что решение ОКХ уже принято, командование группы армий, к своему неприятному изумлению, узнало уже через несколько минут. В тот момент, когда уже собирались передать радиogramму генерал-полковника барона Вейкса 6-й армии, начальник службы связи 6-й армии услышал, что передается радиogramма из ставки фюрера генералу Паулюсу. Приказ Гитлера гласил:

«6-я армия временно окружена русскими. Я решил сосредоточить армию в районе северная окраина Сталинграда, Котлубань, высота с отметкой 137, высота с отметкой 135, Мариновка, Цыбенко, южная окраина Сталинграда. Армия может поверить мне, что я сделаю все от меня зависящее для ее снабжения и своевременного деблокирования. Я знаю храбрую 6-ю армию и ее командующего и уверен, что она выполнит свой долг.

Адольф Гитлер»

Командующий группой армий «Б» решил, что его приказ о выходе из окружения не следует передавать командованию 6-й армии; он не хотел ставить командующего перед трудной дилеммой. Впрочем, генерал Паулюс, очевидно, не принял бы его приказа к исполнению, сославшись на то, что он противоречит приказу фюрера.

Командующий 6-й армией немедленно созвал на совещание командиров 4, 8, 11 и 51-го армейских корпусов и 14-го танкового корпуса и сообщил им приказ Гитлера. Командиры корпусов выступили с возражениями, однако командующий армией отклонил их. Только тогда командир 51-го армейского корпуса доложил, что он минувшей ночью без ведома командования армии уже оставил свои позиции юго-западнее Ерзовки (на северном участке фронта) и отошел примерно на 8 км. Он отдал этот приказ, хотя противник и не атаковал его позиций, очевидно надеясь оказать давление на решение высших штабов относительно выхода из окружения. Противник немедленно нанес удар по отходившим частям, и главные силы 94-й пехотной дивизии этого корпуса были разбиты. Оборудованные позиции были оставлены, личные вещи сожжены, войска на новых позициях в тактическом отношении и в отношении снабжения были плохо обеспечены.

Это нарушение дисциплины, совершенное командиром корпуса на фронте в крайне тяжелой обстановке, было оставлено его начальником — командующим армией — без последствий.

Здесь необходимо сказать несколько слов о двух генералах, стоявших во главе 6-й армии, — командующем армией генерал-полковнике Паулюсе и его начальнике штаба генерал-лейтенанте Шмидте, которых постигла трагическая судьба.

В германской армии уровень управления объединениями поднимался или падал в зависимости от тех или иных отношений между командующим и начальником штаба. Там, где не было полной гармонии между ними (различия во взглядах по специальным вопросам не играли тут никакой роли), один из них в зависимости от склада характера играл решающую роль в управлении войсками. Между Паулюсом и Шмидтом существовали корректные отношения, однако в них не было сердечности. Паулюс, умный, одаренный военачальник, великодушный, но очень чувствительный человек, легко поддающийся влиянию, не был сильной личностью. Начальник его штаба был холостяк, эстет, умен и энергичен, типичный офицер-тактик, настойчивый до упрямства. Такими различными качествами характера командующий и его начальник штаба могли бы хорошо дополнять друг друга, но Шмидт был более сильной и волевой личностью. Однако ни в коем случае нельзя утверждать, что у командования 6-й армии существовали напряженные отношения. Различие характеров и лишь чисто корректные отношения также не могли таким роковым образом сказаться на руководстве действиями армии в те критические дни. Роковую роль сыграло как раз то, что было свойственно им обоим: их вера в звезду Гитлера и их доверие к его моральным качествам, доверие, которое они разделяли со многими другими, не позволявшее возникнуть даже мысли, что их вер-

ховный главнокомандующий вводил их в заблуждение своей оценкой обстановки и давал торжественные обещания, которые он не мог сдержать.

24 ноября последние части 11-го армейского корпуса в районе Акимовский отошли за Дон на указанные им позиции. Итак, следующие немецкие соединения 4-й танковой армии и 6-й армии, подчиненные теперь командованию 6-й армии, были окружены в районе западнее Сталинграда между Волгой и Доном.

а) Немецкие войска:

штаб 6-й армии;

штабы 4, 8, 11, 51-го армейских корпусов и 14-го танкового корпуса;

44, 71, 76, 79, 94, 100, 113, 295, 297, 305, 371, 376, 384, 389-я пехотные дивизии;

3, 29, 60-я моторизованные дивизии;

14, 16, 24-я танковые дивизии;

части 8-го зенитного корпуса;

648-й армейский полк связи;

2-й и 51-й тяжелые минометные полки;

91-й зенитный полк;

243-й и 245-й дивизионы самоходных орудий;

45, 294, 336, 225, 501, 605, 652, 672, 685, 912, 921 и 925-й саперные батальоны.

149 отдельных частей всех родов войск, как, например, артиллерийские дивизионы РГК, строительные батальоны, полицейские части, подразделения организации Тодта¹, отделения полевой почты, аэродромы.

б) Соединения союзников:

1-я румынская кавалерийская дивизия;

20-я румынская пехотная дивизия;

100-й хорватский пехотный полк.

Силами этих войск 6-я армия заняла круговую оборону, ее позиции располагались примерно на следующем рубеже, оставшемся без существенных изменений до 10 января 1943 г.: южная окраина Купоросное, берег Волги до района 8 км северо-восточнее Купоросное; в районе напротив парового паромы он отходит от берега Волги к Красной Слободе и проходит примерно в 1 км от берега на северо-восток, через 10 км снова выходит к берегу и идет на протяжении 4 км до Рынка, юго-западная окраина балки у Рынка, высота с отметкой 139, полустанок в 6 км юго-восточнее станции Котлубань, отметка 133, район в 3 км севернее высоты с отметкой 137, перекресток дорог в 9 км юго-западнее деревни Котлубань, отметка 124 (5 км северо-западнее Бабуркина), высота

¹ Строительные части из гражданских лиц. (Прим. ред.)

с отметкой 127 (3 км северо-восточнее Дмитриевки), высота с отметкой 135 (5 км юго-западнее Дмитриевки), высота с отметкой 118 (5 км восточнее Илларионовского), западная и южная окраина Мариновки, южная окраина Прудбой, вдоль проектируемой железнодорожной линии западнее Ракотино, западнее Цыбенко, 1 км южнее Цыбенко, непосредственно севернее Ягодного, Елхи, южнее Новой Песчанки, Купоросное (по карте 1 : 300 000).

III. Создание единого фронта

Приказ Гитлера 6-й армии о занятии круговой обороны и о выжидании деблокирующего удара имел под собой зыбкое основание. 24 ноября было еще неизвестно, удастся ли удержать местность для контрнаступления; кроме того, для деблокирующего удара не было налицо достаточных сил.

На первый план выдвинулась настоятельная необходимость создать единый фронт и остановить русские армии. Чем дальше им удалось бы потеснить наши войска, тем хуже были бы условия для снабжения 6-й армии по воздуху, тем больше сил требовалось бы для контрнаступления и тем большей была бы опасность, что их наступательного порыва не хватило бы, чтобы пробиться к окруженным войскам.

Это понимало и главное командование русских. Вместо нанесения решительного удара по еще боеспособным двадцати двум дивизиям 6-й армии оно избрало более медленный, но и более надежный вариант: оно укрепило кольцо окружения и пыталось как можно дальше оттеснить соседние части союзников от 6-й армии. Уже первые дни наступления русских армий создали предпосылки для выполнения этой задачи. Южнее Сталинграда в результате быстрого продвижения 51-й армии русских к высотам юго-западнее Абганеро 4-я румынская армия не успела организовать оборону на рубеже р. Мышкова, который был бы подходящей исходной позицией для контрнаступления.

В большой излучине Дона продвижение западной группировки противника через Перелазовский неожиданно привело к разгрому 3-й румынской армии и лишило немецкое командование возможности остановить противника между реками Доном и Чир. С самого начала русские на флангах выдвинули в западном направлении сильные передовые отряды, продвинувшиеся далеко за р. Чир в его верхнем течении.

Когда 6-я армия вечером 22 ноября была окружена, хлынувшие назад войска румынского союзника отошли уже глубоко в тыл. Восточнее Дона расстояние от передовых немецких частей до ближайших частей 6-й армии составило 70 км (по прямой линии); в нижнем течении р. Чир 3-я румынская армия отошла примерно на

60 км от фронта окружения западнее Мариновки. Отход в тыл все еще продолжался.

Поэтому имело большое значение то, что благодаря энергичным действиям командиров был образован плацдарм восточнее моста через Дон в районе Верх.-Чирской от устья р. Мышкова у Немковского, станции Ложки, по ту сторону Дона на запад до станции Рычков. Он должен был служить для прикрытия и сбора многочисленных групп, которым удалось избежать окружения восточнее Дона, и представлял собой руку, протянутую окруженным армиям.

*1. Организация обороны на р. Чир до начала наступления
с целью деблокирования окруженных войск
(с 24 ноября до 11 декабря 1942 г.)*

Для нас было счастьем, что русские после проведения операции против 6-й армии сделали передышку для укрепления фронта окружения. Это дало возможность немецкому командованию (группы армий «Б») прекратить отход и расположить на рубеже р. Чир 3-ю румынскую армию, значительная часть которой уже переправилась через р. Чир в его верхнем течении на запад. Костяк этой оборонительной позиции составляли немецкие боевые группы, которые образовывались частично по инициативе командиров соединений, частично по приказу группы армий «Б» уже начиная с 19 ноября. Они создавались поспешно, включая в себя всех до последнего солдата: из сводных рот, штабов, комендатур, подразделений службы тыла, команд отпускников, строительных частей, наземного состава ВВС, железнодорожников, т. е. из любых подразделений, имевших номера полевой почты и находившихся в тыловом районе 6-й армии. В большинстве своем там были люди, по боевой подготовке, снаряжению и вооружению не подготовленные для действий в качестве пехотинцев в сложившейся тогда исключительно тяжелой обстановке. Эти храбрые люди, о которых не упоминалось ни в одной военной сводке и ни в одной истории полка, способствовали тогда стабилизации обстановки на южном участке Восточного фронта. Следует подчеркнуть, что это было бы невозможно, если бы среднее и младшее звено командиров, неоднократно проявлявших свою готовность к самопожертвованию, не показывало в этом примера.

Уравновешенному, обладавшему большой выдержкой командующему 3-й румынской армией удалось снова взять управление армией в свои руки. Под его командованием (во главе его штаба был поставлен от немецкой стороны полковник генерального штаба Венк) на рубеже станции Чир, плацдарм в этом районе, станция Дмитриевка, Суравикино, Обливская, Варламов была ор-

ганизована оборона. Вначале было намечено оборудовать ее севернее дороги Морозовск — Сталинград, по которой осуществлялось снабжение армии; но этот план удалось выполнить лишь частично.

Штабу 3-й румынской армии подчинялись штабы боевых групп:

«группы Штумпфельда» (начальник артиллерии 108-й дивизии); группа занимала правый фланг до Обливской (включительно);

«группы Шпанга» (начальник тылового района фронта); группа занимала левый фланг до Варламова.

Далее на север нашим войскам удалось стабилизировать положение и снова занять рубеж по р. Чир. Прибывший в район Нижнего Астахова 17-й армейский корпус 24 ноября отбросил противника западнее р. Чир в его верхнем течении на восток, занял плацдарм в районе Боковской, продвинулся по долине р. Кривая на север и захватил Дубовский. В течение следующих дней он занял оборону на реках Чир и Кривая. От Дубовского линия фронта отходила назад на северо-запад, где в районе Токина, в 40 км северо-западнее Боковской, проходил слабо обеспеченный стык с 8-й итальянской армией на Дону. 26 ноября остатки 48-го танкового корпуса, пробившиеся из окружения в районе Чернышевской, включились в оборону на р. Чир, заняв полосу по обе стороны населенного пункта Чир между 3-й румынской армией и 17-м армейским корпусом.

После того как 30 ноября из тыла была подтянута еще «группа Штахеля» (8-й авиакорпус), занявшая полосу между группой Штумпфельда и группой Шпанга в районе станция Секретев, Караичев, можно было считать, что обстановка в большой излучине Дона была стабилизирована. Между западным флангом армейской группы Гота у устья Акся севернее Потемкинской и плацдармом в Верх.-Чирской оборону на западном берегу Дона занимала располагавшая небольшими силами «группа Адама» (позже «группа Абрахама»), на которую была возложена также и оборона плацдарма.

26 ноября противник возобновил свои действия на флангах 6-й армии. Его первые и уже не прекращавшиеся атаки имели своей целью захват за Доном плацдарма, который в конце месяца был сужен в результате действий противника. Одновременно он вел разведку боем на фронте 3-й румынской армии и на нескольких участках перешел в наступление. 29 ноября он прорвал оборону восточнее Суравикино, вышел на южный берег р. Чир и овладел Островским.

Чтобы ликвидировать возникший в результате этого плацдарм противника, расширенный в следующие дни, севернее Сысойкина

была сосредоточена усиленная 336-я пехотная дивизия, которая 7 декабря должна была нанести контрудар.

Наступление этой дивизии 7 декабря натолкнулось на встречное наступление значительно превосходящих сил противника с его плацдарма на юг; по-видимому, он ставил перед собой задачу ликвидировать немецкий плацдарм в районе Верх.-Чирской, действуя с высот в районе Нижне-Солоновского. 336-я пехотная дивизия была вынуждена перейти к обороне; ей удалось остановить противника непосредственно севернее Солоновского. В тяжелых боях в конце концов удалось, введя в бой подтянутую в этот район 11-ю танковую дивизию, разбить вклинившегося противника, причем обе стороны понесли большие потери. Наши войска снова овладели господствующими высотами южнее р. Чир.

Войска, занимавшие плацдарм в районе Верх.-Чирской, подвергшиеся в то же время атакам превосходящих сил противника, были отеснены вплоть до самого моста, где они заняли круговую оборону, и отрезаны от фронта на р. Чир.

Русские перенесли направление главного удара в район западнее Суровикино и в результате занятия Чувилевского снова создали тяжелую обстановку, которую удалось разрядить только после того, как был сдан населенный пункт Суровикино; оборона его поглощала много сил. 12 декабря высоты на юге р. Чир прочно удерживались немцами.

В целом фронт на р. Чир, несмотря на нехватку в людях и технике, выстоял перед натиском сил противника, во много раз превосходивших наши силы. Это имело огромное значение для начавшегося 12 декабря деблокирующего наступления армейской группы Гота восточнее Дона. Однако теперь нельзя было и думать, что силы, находившиеся на плацдарме у Верх.-Чирской, смогут принять какое-нибудь участие в операции.

Усиленные действия импровизированных боевых групп в этом районе следует отметить особенно потому, что большую часть их личного состава составляли солдаты нестроевой службы.

2. Бои в районе Котельниково до начала деблокирующего наступления

Когда русские 20 и 21 ноября прорвали позиции 6-го румынского армейского корпуса западнее озера Цаца и захватили высоты западнее Абганерово, северный фланг 4-й румынской армии был разбит. Ее южный фронт держался от Алцын Хуть (40 км юго-западнее Кетченеры) до Малые Дербеты, где северный фланг 7-го румынского армейского корпуса был оголен. Между ним и Доном на фронте шириной 130 км располагались лишь две малочисленные немецкие боевые группы силой до батальона (Заубера

и Сауванта), созданные по инициативе их командиров и сдерживавшие противника, продвигавшегося от Абганерово к р. Аксай у Гончаровского, станции Гнилоаксаяская и Васильевки. За ними 6-й румынский армейский корпус тщетно пытался привести в порядок свои разбитые части на рубеже р. Аксай, как это было приказано командованием группы армий «Б».

2-й немецкий штаб связи, до 23 ноября являвшийся единственным немецким штабом в полосе 4-й румынской армии, по собственной инициативе организовал оборону р. Аксай силами четырех наскоро созданных боевых групп (Прусковского, Биркенбиля, Сауванта и Заубера) на участке: район южнее населенного пункта Аксай, Кругляков с плацдармом севернее железнодорожного моста в Чаусовском.

Вечером 21 ноября 7-й румынский армейский корпус сдал на своем северном фланге Малые Дербеты. Подтянутая в Красный Герой для заполнения бреши между 7-м и остатками 6-го армейского корпуса румын «группа Корна» (два полка 5-й румынской кавалерийской дивизии) 22 ноября была обойдена и окружена. В ночь на 23 ноября она пробилась на юго-запад. Брешь в 30 км между обоими румынскими корпусами осталась открытой.

23 ноября, в связи с тем что командир 6-го румынского армейского корпуса после потери моста в Аксай дал приказ отходить к Котельниково, хотя противник не предпринимал атак, а немецкие боевые группы удерживали свои участки на р. Аксай, положение стало критическим. Благодаря доверию, оказываемому любезным командующим румынской армией 2-му немецкому штабу связи, а также промедлению 51-й армии русских беспорядочно отступавший перед противником 6-й румынский армейский корпус под прикрытием немецких войск ночью 24 ноября снова был переброшен к р. Аксай. Напротив, составленный в категорическом духе контрприказ 4-й танковой армии (армейской группы Гота) не мог помешать тому, что 7-й румынский армейский корпус вечером 23 ноября в связи с угрозой его северному флангу отошел на тыловой рубеж в 15—20 км от прежней линии фронта: район восточнее Кетченеры, Обильное, район южнее Уманцево.

23 ноября командование 4-й танковой армии, которая стала теперь именоваться «армейской группой Гота» (командный пункт в Зимовниках), приняло на себя руководство боевыми действиями между Волгой и Доном, а также в районе нижнего течения р. Чир с задачей подтянуть свежие силы и развернуть наступление из района Котельниково для освобождения 6-й армии из окружения.

Поэтому решающее значение имел тот факт, что 4-я румынская армия удерживала Котельниково. С 25 ноября противник продвигался через брешь между 6-м и 7-м румынскими армейскими кор-

пугами на Шарнутовский. 7-й румынский армейский корпус северным флангом отходил на Вершин Сал. 2-й немецкий штаб связи образовал для обороны Котельниково сильную боевую группу, сосредоточив ее под командованием полковника Паннвитца в районе Шарнутовский, Самохин. 26 ноября она атаковала северный фланг противника, продвигавшегося через Крайнюю Балку на Котельниково, в тот момент, когда он приблизился к городу на 20 км, и уничтожила его. Румынская группа Корне, расположенная в районе Дарганова, оказала при этом немецким войскам сильную поддержку.

Если с этой стороны опасность, угрожавшая Котельниково, была устранена, то в другом месте назревала новая угроза: вечером того же дня группа Биркенбиля, расположенная в районе нижнего течения Аксая, была оттеснена противником до р. Курмоярский Аксай в район Нижне-Яблочный. Можно было, следовательно, ожидать, что Котельниково подвергнется теперь атакам с севера.

В результате плохой организации разведки с немецкой стороны утром 27 ноября противнику удалось внезапно приблизиться к северной окраине города, после того как он захватил мост через р. Курмоярский Аксай. Русские ворвались на северную окраину Котельниково, а часть их сил обошла город с северо-запада в направлении на вокзал. Румыны прекратили сопротивление, и небольшая кучка немецких защитников города во главе с 16-м немецким штабом связи вряд ли смогла бы удержаться, если бы в последующую минуту неожиданно не подоспела помощь. В 8 часов на вокзал, уже находившийся под артиллерийским обстрелом, прибыл первый состав переброшенной с Кавказа 6-й танковой дивизии. Один батальон 4-го моторизованного полка прямо с поезда бросился в атаку, выбил противника из северной части города и снова захватил мост. В середине дня группа Паннвитца, продвинувшаяся через Гремячий, во взаимодействии с группой Бишофа, обходившей Котельниково с востока (эта группа была сформирована 2-м немецким штабом связи в Ремонтной вечером 26 ноября), зашла в тыл противнику, сосредоточившемуся севернее города для наступления, и разгромила его.

Котельниково во второй раз было спасено. Однако в тот же день был потерян столь важный рубеж, как р. Аксай. Русские, с 23 ноября удерживавшие отдельные плацдармы на южном берегу, перешли в наступление в районе Перегрузочный и южнее Жутов I. 6-й румынский армейский корпус тотчас же отошел назад к позициям групп Корне и Паннвитца в 10 км северо-восточнее Шарнутовского и южнее Небыкова. Группа Прусковского, оставшаяся на плацдарме в Круглякове без соседей справа и слева и обойденная русскими с двух сторон, отошла к станции Гремячая.

Несмотря на успешную оборону Котельниково, обстановка для контрнаступления в целом ухудшилась.

С прибытием предназначенного для участия в контрнаступлении 57-го танкового корпуса обстановка на фронте 4-й румынской армии разрядилась. Танковый корпус сам обеспечивал район своего развертывания западнее линии Караичев, Пимен-Черни, Жутов I (разграничительная линия с 4-й румынской армией) и далее к Дону. Несмотря на это, 4-й румынской армии, которую продолжали поддерживать немецкие боевые группы, не удалось ни закрыть брешь, возникшую между 7-м и 6-м румынскими армейскими корпусами (Ики Зоргакин, Шарнутовский), ни удержать свои позиции на р. Курмоярский Аксай.

Противник продолжал проявлять активность. Его усиленные атаки 4 декабря, несмотря на храбрые действия трех румынских батальонов, привели к потере населенных пунктов Шарнутовский и Дорганов. С трудом удалось удержать подвергавшийся сильным атакам противника с юга Пимен-Черни. 61-я кавалерийская дивизия русских проникла через брешь в районе Крайней Балки непосредственно до восточной окраины Котельниково. На северо-западном фланге 7-й румынский армейский корпус оставил Вершин Сал.

Успешные действия наземных сил противника, сочетавшиеся с активными действиями авиации (налеты на Котельниково, Ремонтную, Зимовники), давали возможность предполагать, что в первые дни декабря противник собирается крупными силами прорвать фронт румынских войск в Калмыцких степях и таким путем сорвать сосредоточение войск 57-го танкового корпуса в районе Котельниково. О далеко идущих планах свидетельствовало и то, что русские в то же время пытались крупными силами атаковать наши войска в районе нижнего течения р. Чир и на плацдарме в районе Верх.-Чирской. Возобновились атаки и на внешнем фронте окружения армии.

4 и 5 декабря наши части, проводившие разведку боем, были отброшены противником, продвигавшимся по Крайней Балке в районе Бударки; в связи с плохими метеорологическими условиями не могли быть также получены разведывательные данные путем наземной и воздушной разведки. В результате этого 4-я румынская армия оказалась в сложной обстановке. Ее удалось разрядить только благодаря тому, что командование армейской группы Гота приказало 57-му танковому корпусу перебросить подвижную боевую группу для усиления западного фланга 4-й румынской армии в район Караичева.

В эти дни достаточно было малейшего удара, чтобы вызвать катастрофу 4-й румынской армии. При дальнейшем продвижении по Крайней Балке на юго-запад противник не встретил бы сопротивления, так как в районе действий 4-й румынской армии не

было никаких резервов. С появлением русских перед Ремонтной (где был расположен штаб румынской армии) могла возникнуть паника. 57-й танковый корпус в этих условиях не смог бы ничего предпринять и сам бы оказался в тяжелом положении.

Однако дело в том, что противник в то же время пытался нанести решающий удар по Котельниково, где он крупными силами (одна кавалерийская дивизия и одна танковая бригада) атаковал 5 декабря в районе Похлебина сосредоточившуюся там 6-ю танковую дивизию. Но после двухдневных боев 6-я танковая дивизия нанесла противнику поражение. 19 тяжелых танков и 14 орудий были уничтожены или взяты в качестве трофеев, было захвачено 800 лошадей и взято в плен 2000 человек. Однако в те дни 6-я танковая дивизия не могла бы принять участия в боях 4-й румынской армии. Что касается другой дивизии танкового корпуса, 23-й танковой, то пока по железной дороге прибыли только ее гусеничные машины; без колесных машин использовать их было невозможно, последние же двигались своим ходом с Кавказского фронта и в связи с дождливой погодой застряли где-то в грязи.

Несмотря на сравнительно затишье, напряженность обстановки в течение 6 декабря усилилась, так как снова не удалось провести разведку. Штаб группы армий и ОКХ считали, исходя из имевшихся у них разведывательных данных, что русские развернули широкое наступление между группами армий «А» и «Дон» на Ростов.

Поэтому с большим облегчением была воспринята неожиданная для нас новость о том, что противник 7 декабря не только не наступал, но даже начал отходить из района Бударка, Крайняя Балка на восток. То ли командование русских не сумело понять всю выгоду создавшейся обстановки, то ли у него были на то свои причины, теперь уже не представляется возможным установить. Однако можно предположить, что поражение, нанесенное 6-й танковой дивизией противнику 5 декабря в районе Котельниково, заставило командование 51-й армии русских действовать осторожно.

Русские не предполагали, как легко было в те дни разгромить 4-ю румынскую армию.

НАСТУПЛЕНИЕ С ЦЕЛЬЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОКРУЖЕННЫХ ВОЙСК¹

После поражения 6-й армии (так как иначе нельзя рассматривать окружение, чем бы оно ни кончилось), а также после получе-

---

¹ Источники: записи в дневнике начальника штаба 57-го танкового корпуса; отчет начальника 2-го немецкою штаба связи начальнику генерального штаба сухопутных сил.

ния приказа о сохранении создавшегося положения верховный главнокомандующий принял меры для деблокирования окруженных сил извне.

С этой целью генерал-полковник Манштейн был назначен командующим группой армий «Дон», которая первоначально была обещана маршалу Антонеску. Его задача состояла в том, чтобы нанести удар с юга на Сталинград и соединиться с 6-й армией, разорвав фронт окружения. В результате этого назначения в группировке сил произошли изменения.

I. Изменения в группировке войск

Группа армий «Дон» (разграничительная линия справа с группой армий «А» — р. Маньч).

Армейская группа Гота (4-я танковая армия).

а) Восточнее Дона: 16-я моторизованная дивизия; 4-я румынская армия в составе 7-го румынского армейского корпуса и 6-го румынского армейского корпуса; боевые группы 2-го немецкого штаба связи; 57-й танковый корпус в составе 6-й и 23-й танковых дивизий.

б) Западнее Дона: группа Адама (позже группа Габленца — 384-я пехотная дивизия); 48-й танковый корпус; группа Штумпфельда.

6-я армия: 4-й армейский корпус; 8-й армейский корпус; 11-й армейский корпус; 51-й армейский корпус; 14-й танковый корпус.

3-я румынская армия: группа Штахеля; группа Шпанга.

17-й армейский корпус с 1-м и 2-м румынскими армейскими корпусами.

Группа армий «Б» (сосед справа — группа армий «Дон», разграничительная линия — Вешенская):

8-я итальянская армия;

2-я венгерская армия;

2-я армия.

Тот факт, что штабу группы армий и армейской группе поручили руководить наступлением с целью деблокирования окруженных войск, мог и, вероятно, должен был произвести впечатление крупной перегруппировки сил. Но об этом не было и речи, потому что Гитлер, так же как и осенью 1942 г., когда ни одна задача летней кампании не была выполнена, и на этот раз не решился отказаться ни от одной пяди захваченной местности. Все, что получили новая группа армий и армейская группа Гота, это были две танковые дивизии. Это надо все время иметь в виду: для прорыва подготовленных позиций, занятых превосходящими силами противника, имевшего крупные оперативные

резервы, на глубину по крайней мере 120 км были выделены всего две дивизии¹.

Для того чтобы предоставить армейской группе Гота по крайней мере пространственные возможности для проведения операции, ей были переданы плацдарм на Дону в районе Верх.-Чирская, который иногда еще мог быть использован в качестве исходных позиций для наступления, и позиции на рубеже р. Чир в ее нижнем течении до Обливской. Здесь определенную роль играла мысль об использовании для наступления сил, расположенных на донском плацдарме.

Прежде чем остановиться на боевых действиях армейской группы Гота, еще раз кратко охарактеризуем обстановку, сложившуюся в этом районе к 10 декабря 1942 г.

Глубоко на восточном фланге у разграничительной линии с группой армий «А» 16-я моторизованная дивизия благодаря своим маневренным действиям с опорных пунктов Кельгута, Утта, Чилгир и Яшкуль контролировала широкое пространство между р. Маныч, Астраханью и Степной. Далее на север 7-й румынский армейский корпус 4-й румынской армии занимал оборону фронтом на восток на рубеже Алцын Хуть, Годжур, Кетченеры, Вершин Сал; серьезных боевых действий здесь не отмечалось. Отколовшийся 20 ноября северный фланг 4-й румынской армии, а именно остатки 6-го румынского армейского корпуса, а также немецкие боевые группы Паннвитца и Бишофа вели оборонительные бои южнее Дарганов, Пимен-Черни, вплотную примыкая к 57-му танковому корпусу, прикрывавшему на рубеже Караичев, полустанок Курмоярский, Похлебин, Кудинов сосредоточение своих войск в районе Котельниково.

У моста через Дон в Верх.-Чирской удерживался небольшой плацдарм, отрезанный от позиций на р. Чир.

В нижнем течении р. Чир 48-й танковый корпус удерживал в тяжелых боях южный берег реки.

II. Задачи и планы группы армий «Дон» и армейской группы Гота

Задача, которую группа армий «Дон» поставила перед армейской группой Гота, заключалась в том, чтобы, «наступая восточнее р. Дон на север, пробиться к 6-й армии». 6-й армии командование группы армий «Дон» приказало: «Подготовиться к тому, чтобы прорваться на юг, когда армейская группа Гота выйдет к высотам восточнее Ерико-Крепинский».

---

¹ Генерал-полковник Манштейн своевременно доложил верховному главнокомандующему, что двух дивизий для этой операции недостаточно.

План армейской группы Гота состоял в том, чтобы нанести удар правым флангом ударной группировки вдоль железнодорожной линии Котельниково — Сталинград и юго-западнее станции Тундутово (высота с отметкой 180 восточнее Зеты) попытаться соединиться с 6-й армией.

Для этого ставились следующие задачи:

а) 57-му танковому корпусу продвигнуться на северо-восток, имея направление главного удара вдоль железной дороги на Котельниково, уничтожить силы противника между железной дорогой и Доном и занять плацдарм на р. Аксай в районе Кругляков и западнее его.

О продолжении удара на Зеты армейская группа должна была дать приказ впоследствии, в зависимости от действий противника севернее р. Аксай.

б) 4-й румынской армии (7-й румынский армейский корпус) обеспечивать глубокий восточный фланг, оставаясь на прежних позициях.

Для обеспечения правого фланга наступавшего 57-го танкового корпуса 4-й румынской армии сформировать из 5-й и 8-й румынских кавалерийских дивизий «кавалерийский корпус Попеску». Перед ним ставилась задача овладеть населенными пунктами Дарганов и Шарнутовский и затем уступом справа следовать за танковым корпусом через Жутов II к р. Аксай.

в) 6-му румынскому армейскому корпусу до начала наступления удерживать свои позиции по обе стороны от Пимен-Черни, а затем, двигаясь за наступающим 57-м танковым корпусом, очистить от противника район северо-западнее Котельниково. В дальнейшем он должен был в районе нижнего течения р. Аксай обеспечивать западный фланг.

Как в задаче, поставленной группой армий «Дон», так и в плане операций армейской группы Гота чувствовалось отсутствие ясного решения относительно действий 6-й армии. Решение должен был принять верховный главнокомандующий вооруженными силами. Как это часто уже случалось раньше, и на этот раз добиться его получения было невозможно.

В соответствии с задачей, поставленной группой армий «Дон» на основе приказа Гитлера, армейская группа Гота должна была, «наступая восточнее р. Дон, кратчайшим путем пробиться к 6-й армии». Это означало, что она сама должна была прорвать фронт окружения, если бы 6-я армия не получила до этого приказа пробиться из окружения.

План операций армейской группы Гота, однако, не заходил так далеко. Она собиралась только «юго-западнее станции Тундутово попытаться соединиться с 6-й армией».

Как бы то ни было, высоты восточнее Зеты должны были явиться районом, в котором решался исход операции. Отсюда должен быть сделан последний бросок на север для прорыва фронта окружения или здесь должны были соединиться обе армии.

Только от высоты в районе Зеты местность становится пригодной для удара танков на Ракотино — ближайший населенный пункт (35 км) в районе окружения 6-й армии. Армейская группа Гота знала об этой танкодоступной местности, так как она в конце августа уже осуществляла такой удар на Ракотино через эти высоты: тогда этот удар быстро привел к соединению с 6-й армией восточнее Ново-Рогачика. Как сильно изменилась, однако, обстановка! Тогда русские из последних сил оборонялись от наступавших немецких армий, теперь сила и свобода действий были на их стороне, они могли бросить навстречу наступавшим немецким войскам все имевшиеся в их распоряжении резервы.

Для правильной оценки операции ниже приводятся следующие данные о расстояниях:

от исходных позиций у полустанка Курмоярский до Круглякова — 55 км;

от исходных позиций у полустанка Курмоярский до Заливского — 45 км;

от исходных позиций у полустанка Курмоярский до Васильевки — 80 км;

от Васильевки до Ново-Рогачика — 72 км;

от Васильевки до Ракотино — 65 км;

от Бирзового до высот восточнее Зеты — 39 км;

от высот восточнее Зеты до Ново-Рогачика — 46 км;

от высот восточнее Зеты до Ракотино — 36 км.

Эти расстояния представляют собой кратчайшие маршруты, полученные путем измерения на карте расстояния между соответствующими пунктами +20%. Другие данные, приводящиеся в трудах, изданных после войны, являются обычно преуменьшенными и не соответствуют действительности.

Эта местность, в которой должно было развернуться наступление, была для противника более благоприятной, чем для наступавших войск. На пути последних лежало много водных рубежей: Аксай, Мышкова, Мишково (у Ерико-Крепинский) и Донская Царица. Обойти р. Аксай было невозможно. Но севернее его полоса шириной в несколько километров приподнималась над этим районом; она проходила в направлении железнодорожной линии Котельниково — Сталинград восточнее р. Мышкова в ее верхнем течении через станцию Абганерово к высотам восточнее Зеты и далее на Ракотино.

Если бы наступавший мог двигаться в этом направлении, его шансы возрастали бы. Однако следовало предполагать, что про-

тивник, руководствуясь теми же соображениями, попытается отеснить наступавшие войска немцев на тяжелый маршрут, проходивший через водные преграды.

Направление главного удара, избранное армейской группой Гота, в отношении характера местности было наиболее удачным. Во всяком случае, следовало попытаться нанести удар в этом районе.

Основная тяжесть операции выпала на долю 57-го танкового корпуса. Он состоял тогда из двух дивизий: прибывшей из Франции 6-й танковой дивизии, имевшей прекрасный личный состав и вооружение (160 танков и 40 самоходных орудий), и прибывшей с Кавказа 23-й танковой дивизии, имевшей всего лишь 30 танков.

Корпусу недоставало моторизованной дивизии с ее сильной пехотой; это обстоятельство имело впоследствии весьма отрицательное значение.

Командование корпуса намеревалось как можно скорее овладеть рубежом р. Аксай как плацдармом для своих дальнейших действий. Для этого было необходимо разгромить силы противника между железной дорогой и Доном, южнее этой реки, чтобы они в дальнейшем не препятствовали продвижению наших войск.

В связи с этим дивизиям были поставлены следующие задачи.

6-й танковой дивизии, главные силы которой образовали ударный клин наступления, прорвать позиции противника у полустанка Курмоярский и нанести далее главный удар непосредственно западнее железнодорожной линии в направлении р. Аксай. Смешанной полковой группе из состава этой дивизии захватить Верх. Яблочный и очистить от противника левый фланг и тыл наступающих войск.

23-й танковой дивизии правее 6-й танковой дивизии, эшелонируя свои части на небольшую глубину, продвинуться восточнее железнодорожной линии и через Небыков выйти к Аксаю.

Обеим дивизиям было приказано использовать любую возможность для захвата плацдармов.

III. Ход наступления

Наступление 57-го танкового корпуса началось в соответствии с намеченным планом 12 декабря и вначале принесло ожидавшийся успех. С наступлением темноты 6-я танковая дивизия вышла на южный берег р. Аксай, 23-я танковая дивизия — в район севернее Небыкова.

13 декабря 6-я танковая дивизия на рассвете захватила плацдарм на р. Аксай у Заливского и отсюда частью сил продвинулась на Верх. Кумский.

К середине дня русские предприняли атаки на флангах корпуса, на Верх. Яблочный и Небыков. 23-я танковая дивизия, нанеся ответный удар, разгромила на исходных позициях стрелковый полк, сосредоточившийся за танковой бригадой.

Уже 14 декабря стало ясно, что противник превосходящими силами танков попытается задержать дальнейшее продвижение 57-го танкового корпуса за р. Аксай. Корпус вел в это время бои с 4-м кавалерийским и 13-м танковым корпусами русских. На р. Аксай и в районе Красноармейска противник сосредоточил крупные силы.

6-я танковая дивизия отражала сильные атаки на западный фланг ее плацдарма в районе Заливского; при этом было уничтожено 46 танков противника.

23-я танковая дивизия, наступая из района Небыкова на северо-восток, во встречном бою отразила атаку моторизованной бригады противника, в составе которой действовали тяжелые танки; после этого, продвинувшись через Самохин, она вышла к р. Аксай и захватила плацдарм у железнодорожного и шоссейного моста у Кругляков.

8-я румынская кавалерийская дивизия кавалерийского корпуса Попеску взяла Дарганов. Постоянное опасение 57-го танкового корпуса за тыл и фланги увеличилось, когда 15 декабря 23-я танковая дивизия была вынуждена бросить свои моторизованные части против атакующих танков и пехоты противника, неожиданно появившихся в районе Кашара (7 км юго-западнее Самохина). Передовые части дивизии захватили еще один плацдарм — у населенного пункта Шестаков (5 км западнее Кругляков). 6-я танковая дивизия в это время завязала танковые бои с противником, атаковавшим силами трех танковых бригад танковый полк, посланный в район Верх. Кумский на помощь войскам, ведущим тяжелые бои. После тяжелых боев, в которых полк понес большие потери, не добившись никаких результатов, он пробился обратно к плацдарму в Заливский, куда прибыл как раз вовремя, чтобы успеть нанести удар в тыл танкам противника, атаковавшим плацдарм с запада. Полк потерял 23 танка.

Кавалерийский корпус Попеску взял Шарнутовский, группа Бишофа — Шошелдакин. В этот день по приказу командования армейской группы Гота был оставлен мост в Верх.-Чирской; на протяжении многих дней на небольшом плацдарме у моста велась круговая оборона. Оборонявшиеся войска теперь уже подвергались атакам танков противника не только восточнее Дона, но и с запада. Этот плацдарм оборонялся так упорно в связи с тем, что существовал план, по которому в рамках общего наступления для освобождения 6-й армии крупные силы должны были выступить также и с этого плацдарма. Намеченные,

однако, для этого дивизии 48-го танкового корпуса были использованы в качестве резервов для отражения сильных атак противника на рубеже р. Чир, и использовать их для наступления с этого плацдарма на северо-восток оказалось невозможным. Мост через Дон в Верх.-Чирской не оправдывал теперь тех больших потерь, которые мы ежедневно несли, обороняя его, тем более что рядом с этим деревянным мостом теперь возникла естественная переправа (по льду). Мост перешел в руки противника неразрушенным, так как команде подрывников, солдаты которой все до одного были убиты или ранены, не удалось восстановить связь, нарушенную в результате огня противника.

16 декабря атака танков корпуса, входивших в бригаду Гюнерсдорфа, на Верх. Кумский окончилась неудачей. В Верх. Кумском находились в окружении части 6-й танковой дивизии. Атака была отражена в результате массированного применения противником новых хорошо замаскированных противотанковых средств. Напротив, 6-й танковой дивизии удалось разбить две танковые бригады русских (проникших на западный фланг) и занять населенный пункт Водянский.

К середине дня плацдарм 23-й танковой дивизии севернее Кругляков был атакован крупными силами танков; его удалось удержать, лишь введя в бой последние резервы. Для отражения все усиливавшихся атак против восточного фланга корпуса севернее р. Аксай было необходимо использовать все силы 23-й танковой дивизии; таким образом, продолжать наступление могла лишь 6-я танковая дивизия.

17 декабря создалась чрезвычайно критическая обстановка. Рано утром войска, оборонявшие плацдарм у Кругляков, были атакованы с востока получившей свежее пополнение 87-й русской стрелковой дивизией и танковой бригадой. Вклинившегося противника удалось отбросить только при поддержке 6-й танковой дивизии и авиации.

Вскоре после этого бригаде Гюнерсдорфа, которая как раз должна была выступить для нанесения решающего удара по танкам противника в районе Верх. Кумский, пришлось повернуть часть сил для борьбы с 40 танками противника, прорвавшимися с севера. После того как противник был отброшен на северо-восток, началось наступление танковой бригады на Верх. Кумский. Но и это наступление окончилось неудачей из-за хорошо организованной противником противотанковой обороны; понеся тяжелые потери, бригада отошла назад.

Румынский кавалерийский корпус Попеску взял Сомин-Экин и впервые после 21 ноября закрыл брешь между 6-м и 7-м армейскими корпусами румын на рубеже Кануково, Сомин-Экин.

6-й румынский армейский корпус, имевший задачу овладеть районом нижнего течения р. Аксай, без боя занял Верх. Яблочный.

Подтянутая в этот район 17-я танковая дивизия форсировала р. Аксай в ее нижнем течении в районе Генераловский и 18 декабря быстро продвинулась к Восьмое Марта (7 км западнее Верх. Кумский), где она разгромила атаковавшие русские танки, подбив 22 из них; введенные противником свежие силы (моторизованные и танковые части) вынудили дивизию прекратить продвижение.

6-я танковая дивизия медленно продвигалась вперед к юго-восточной окраине Верх. Кумского; однако в этот день овладеть им не удалось.

На рассвете 19 декабря 17-я танковая дивизия заняла высоты северо-западнее Верх. Кумского, в то время как 6-я танковая дивизия с трудом продвигалась, ведя бои с крупными силами противника, с южного и западного направлений. Наконец, к середине дня, после шестидневных боев, Верх. Кумский был захвачен. При этом были уничтожены крупные силы противника, остатки их беспорядочно отступали на север. Преследуя противника, 17-я танковая дивизия во второй половине дня взяла Ниж. Кумский и в результате этого вышла на южный берег р. Мышкова.

Несмотря на прошедшие тяжелые бои, сопровождавшиеся большими потерями, 57-й танковый корпус после занятия Верх. Кумского продолжал преследование и ночью, стремясь овладеть плацдармами на р. Мышкова. Для этого в течение ночи танковая бригада Гюнерсдорфа должна была переправиться через реку в Васильевке, а 17-я танковая дивизия — в Громославке. Бригаде Гюнерсдорфа удалось ночью ворваться в Васильевку и захватить этот населенный пункт и мост, но на рассвете 20 декабря она вела уже тяжелые оборонительные бои с противником, атаковавшим при сильной поддержке артиллерии.

В то же время 17-я танковая дивизия была внезапно контратакована в Ниж. Кумском противником, пытавшимся добиться охвата ее фланга. При отражении этих контратак дивизия понесла большие потери. Наступление на Громославку было сорвано. 23-я танковая дивизия, наступавшая на станцию Гнилоаксайская, была остановлена крупными силами противника северо-восточнее Кругляков.

После того как 6-я танковая дивизия очистила от противника дорогу из Заливского в Васильевку, чтобы обеспечить снабжение бригады Гюнерсдорфа, последней удалось расширить свой плацдарм. Наступление 17-й танковой дивизии на Громославку окончилось неудачей из-за наличия сильной обороны, созданной здесь 2-м русским гвардейским корпусом. 23-я танковая дивизия в свя-

зи с непрерывными атаками, которым подвергался ее восточный фланг, застряла в Каменке.

Румынский кавалерийский корпус Попеску удерживал Самохин и западную часть Жутов II.

Во время совещания командующего армейской группой Гота и командира 57-го танкового корпуса на командном пункте корпуса в Пимен-Черни было признано, что без подхода свежих сил успешно продолжать операцию невозможно. Однако, чтобы использовать все возможности, командующий приказал 57-му танковому корпусу отойти из Ниж. Кумского и, сосредоточив все силы, 22 декабря нанести удар от Васильевки на север. Для этой цели командир 57-го танкового корпуса решил подтянуть ночью 17-ю танковую дивизию из района Ниж. Кумский и сосредоточить ее за 6-й танковой дивизией.

Но намеченное наступление не удалось осуществить, так как 22 декабря противник еще до наступления рассвета со всех сторон с возрастающей силой возобновил атаки на населенный пункт Васильевка, причем южнее ее он пытался перерезать дороги, по которым осуществлялась связь корпуса с западом. Поэтому 57-й танковый корпус выдвинул 17-ю танковую дивизию на юго-восток в направлении на Аксай, чтобы ликвидировать постоянную угрозу своему восточному флангу.

Однако и это наступление не было проведено, так как с севера к р. Мышкова подходил новый русский танковый корпус, для отражения атак которого пришлось использовать 17-ю танковую дивизию.

Все же удалось высвободить для намеченной операции один усиленный полк (группа Гейдебрека), который 23 декабря, наступая с юго-востока, взял Бирзовой (4 км юго-восточнее Васильевки) и тем самым ликвидировал непосредственную угрозу восточному флангу плацдарма на р. Мышкова.

Но в это время севернее Верх. Кумского, на северо-западном фланге 57-го танкового корпуса, появились новые танковые части противника, очевидно из состава корпуса русских, который, по данным разведки, подходил в район боев с севера. Эти части переправились через р. Мышкова у Громославки.

Наши войска предприняли разведывательные поиски на участке Ивановка, Громославка, Ниж. Кумский, занятом противником; в это время 57-й танковый корпус получил от группы армий «Дон» приказ немедленно высвободить 6-ю танковую дивизию для использования в другом районе, а остальные соединения корпуса отвести на плацдарм севернее р. Аксай.

Деблокирующее наступление армейской группы Гота, таким образом, было прервано еще до того, как она смогла подойти к окруженной 6-й армии на такое расстояние, чтобы обеспечить со-

единение обеих армий. Это роковое решение было принято в связи с прорывом русских на среднем течении Дона. Но об этом ниже.

IV. Результаты и перспективы наступления в момент его прекращения

(23 декабря 1942 г.)

За 10 дней, с 12 по 21 декабря, 57-й танковый корпус, преодолевая сопротивление противника, во много раз превосходящего его по численности, наличию танков и противотанковых средств, продвинулся на 80 км.

Для выполнения ближайшей задачи — овладение удаленным на 45 км от исходных позиций рубежом р. Аксай, а также занятие плацдармов в районе Заливский, Шестаков и Кругляков — корпусу понадобилось три дня.

Следующий бросок — от р. Аксай до расположенной от нее на расстоянии 35 км р. Мышкова — стоил нам семи дней тяжелых боев и очень больших потерь. Когда корпус 23 декабря, т. е. на девятый день с момента начала наступления, вынужден был прекратить его, находясь на плацдармах на р. Аксай, р. Мышкова еще не была преодолена.

Возможность имеющимися силами продвинуться дальше была незначительной. Боевые действия корпуса за последние три дня показали, что его силы были настолько израсходованы в результате боев с противником, наступавшим с фланга и тыла и все усиливавшим свои атаки, что их было уже недостаточно для достижения решающих успехов. К тому же растягивать еще больше позиции румынских войск на флангах не представлялось возможным.

Войска были измотаны, долгое время не имели отдыха ни днем, ни ночью и крыши над головой. Потери были велики: только 6-я танковая дивизия с 12 по 20 декабря потеряла 1100 человек.

Несмотря на то что 57-й танковый корпус нанес противнику, значительно превосходявшему его по численности и хорошо проявившему себя в боях, ряд чувствительных ударов, не было признаков того, что сопротивление противника после форсирования р. Мышкова ослабнет. При трезвой и ясной оценке можно было прийти к выводу, что если 57-й танковый корпус останется в том же составе, в котором он тогда действовал, и не будет пополнен свежими силами, то с каждым шагом за р. Мышкова на север будут улучшаться возможности противника по нанесению этому корпусу сокрушительного удара. Это положение могло измениться только в том случае, если бы 6-я армия немедленно прорвала фронт окружения ударом на юг.

В течение девяти дней 57-й танковый корпус после форсирования р. Аксай вел бои, но рубеж р. Мышкова еще не был в его руках, да и единственный плацдарм у Васильевки не был бы захвачен им, если бы на пути от р. Аксай к р. Мышкова к нему не была подтянута 17-я танковая дивизия.

Следующим шагом должен был быть захват находившегося в 35 км рубежа р. Донская Царица. Лишь севернее этой реки возможно было соединение с войсками 6-й армии, причем еще не было ясно, будет ли она в состоянии выступить навстречу 57-му танковому корпусу и получит ли она приказ об этом.

Неоднократно высказывавшееся мнение о том, что армейская группа Гота от Васильевки могла беспрепятственно продвигаться дальше и достичь расположения 6-й армии или что 6-я армия могла пробиться к 57-му танковому корпусу, не соответствует действительности и свидетельствует о недооценке противника, которую в тот момент уже ничем нельзя было оправдать.

Другой вопрос: мог ли 57-й танковый корпус при ином плане операции ближе подойти к расположению 6-й армии? Поскольку армейская группа Гота поставила перед собой задачу юго-западнее станции Тундутово попытаться соединиться с 6-й армией, возникает вопрос, почему 57-й танковый корпус после занятия плацдарма в районе Кругляков не нанес удара по кратчайшему и наиболее благоприятному для действий танков направлению через станцию Абганерово на северо-восток, а повернул на северо-запад, где он потерял много дней, ведя тяжелые бои в районе Верх. Кумский, и понес большие потери в живой силе и технике¹. В результате того, что этот корпус застрял на рубеже р. Мышкова, он потерял свою ударную силу в боях, не отвечавших его назначению, для которых у него не было столь необходимой в подобной обстановке пехоты.

Нельзя не согласиться с тем, что 57-й танковый корпус в том составе, в каком он действовал, и при своей незначительной численности не мог бы иметь больших шансов на успех и в том случае, если бы он наступал по прямой линии, минуя водные преграды. Очевидно, ему удалось бы при наступлении через станцию Абганерово, если бы против него действовали те же силы, с которыми он вел бои с 12 до 23 декабря, продвинуться дальше, чем до р. Мышкова.

Для 6-й армии перспективы на осуществление прорыва из Ракотино к высотам в районе Зеты также были более благоприятными, чем перспективы прорыва к р. Мышкова, так как в последнем случае ее войска были бы остановлены, вероятно, уже на р. Донская Царица.

---

¹ В дни боев в районе Верх. Кумский существовали серьезные разногласия между командованием армейской группы и командиром 57-го танкового корпуса.

На этих вопросах здесь можно остановиться лишь в самом общем плане, для выяснения их у автора нет необходимых данных.

В связи с разочарованием по поводу прекращения наступления, а также последовавшего затем крушения наших позиций на Дону почти ничего не было сообщено о том, какие действия предпринял 57-й танковый корпус. Очень редко во время Второй мировой войны танковый корпус, предоставленный самому себе, стоял перед такими трудными задачами. Командиры и войска совершали беспримерные дела, сознавая, что от их борьбы зависит судьба сотен тысяч людей; через несколько дней им пришлось вести по крайней мере столь же ожесточенные бои за свою собственную жизнь.

V. Возможности 6-й армии

6-я армия со времени своего окружения в значительной степени потеряла свою боеспособность, что объясняется не столько расходом сил в бою, сколько недостаточным снабжением по воздуху, составлявшим только 1/10 ее потребности. На южном участке с 4 по 9 декабря одновременно с сильными атаками на р. Чир русские возобновили атаки и юго-восточнее Котельниково, где вследствие этого создалась сложная обстановка.

10 декабря армия начала готовиться на южном участке к прорыву из окружения.

Право отдать приказ на выход из окружения верховный главнокомандующий оставил за собой; приказ не обуславливали достижением какого-либо рубежа армейской группой Гота. Ожидали его получения тогда, когда армейская группа Гота подойдет настолько близко к расположению 6-й армии, что она в едином порыве прорвет фронт окружения и соединится с нашими войсками. О недостатке у нее горючего было известно. Поэтому намечалось перебросить ей горючее с высот в районе Зеты ночью под прикрытием танков¹.

Примерно 20 декабря стало ясно, что наступление 57-го танкового корпуса без подтягивания свежих сил к решительному успеху не приведет. О подкреплениях, однако, нечего было и думать, так как в результате глубокого прорыва русских в среднем течении Дона в тыл позициям на р. Чир наступило значительное ухудшение общей обстановки.

---

¹ Еще 25 ноября, когда немецкий штаб связи получал в Котельниково грузовые автомашины для снабжения боевых групп, командир одной автоколонны доложил автору этой книги, что он не может выделить в его распоряжение машин, так как по приказу штаба армейской группы формирует колонну, которая в ходе деблокирующего наступления должна быть перебросена 6-й армии.

Пришлось признать, что попытка освободить 6-ю армию извне не удалась. Единственное, на что она могла теперь рассчитывать, — это пробиваться своими силами из окружения. На суше ей уже нельзя было оказать никакой поддержки. Кроме того, можно было предвидеть, что армейская группа Гота, остановленная на р. Мышкова, долго там не продержится, необходимо было действовать немедленно.

6-я армия должна была получить приказ о выходе из окружения¹, ей должны были быть выделены для поддержки крупные силы авиации. Последнее было нелегким делом, так как за это время за фронтом на р. Чир были потеряны важные аэродромы.

Выход 6-й армии из окружения не мог быть осуществлен без основательной подготовки. До тех пор пока армия не получила приказа, командующий армией не мог взять на себя ответственность начать проводить соответствующую подготовку, ибо это поставило бы под угрозу выполнение ее основной задачи — оборону 200-километрового фронта окружения. Перегруппировка сил вряд ли могла бы ускользнуть от противника, внимательно наблюдавшего за районом окружения, потому что любое сосредоточение сил на каком-либо участке возможно было только за счет отвода сил с других участков. Поэтому имела угроза немедленного удара противника по ослабленному участку. Если бы армия и располагала резервами, они находились бы слишком далеко, чтобы в случае опасности прибыть на угрожаемый участок, так как их место было бы в ядре группировки, осуществляющей прорыв. Не приходится уже говорить о том, что при существовавшем тогда катастрофическом положении со снабжением имели практическое значение только такие резервы, которым не пришлось бы совершать длинных переходов. Лишь располагая подвижными частями, можно было принять решение о сосредоточении сил в одном районе. Однако в связи с недостатком горючего быстрое передвижение было невозможно, а ослабшие от голода и холода войска не могли пройти за день более 15 км.

Один из возможных районов сосредоточения находился за рубежом Старый Рогачик, Ракотино; только три дивизии могли выйти в этот район за дневной переход, 11 из 22 дивизий должны были проделать до него более 40 км.

Но ведь сосредоточением группировки для осуществления прорыва дело еще не заканчивалось. С началом прорыва весь фронт окружения должен был начать сжиматься по направлению к месту прорыва, а за группировкой, состоявшей из танковых и моторизо-

---

¹ Высказывавшееся иногда мнение о том, что 6-я армия тогда непосредственно подчинялась ОКХ (Гитлеру), ошибочно; она подчинялась группе армий «Дон».

ванных частей, должны были стоять наготове крупные силы пехоты отчасти для того, чтобы не дать сомкнуться разорванному фронту, отчасти чтобы следовать вплотную за танковым клином.

Насколько сложно, однако, планомерное сужение района окружения, показал 23 ноября отход северного фланга 51-го армейского корпуса, вызванный нарушением дисциплины со стороны его командира. Тогда была потеряна целая дивизия. Было ясно, что теперь, через месяц, положение не изменилось к лучшему.

Относительно одного, правда, не могло быть сомнений: если бы 6-я армия начала выходить из окружения, она должна была бы довести дело до конца, не обращая внимания на то, возможно ли будет осуществить при этом тактическое взаимодействие с наступающей — или застрявшей на р. Мышкова — армейской группой Гота. 21 декабря оно было возможно; правда, непосредственной помощи 57-й танковый корпус оказать не мог, однако он сковывал на р. Мышкова такие крупные силы, что это обстоятельство благоприятно сказалось бы при совершении 6-й армией выхода из окружения. Кроме того, существовал и такой вариант, что прорыв 6-й армии между 20 и 23 декабря обеспечил бы корпусу возможность возобновить наступление.

Для этого, конечно, 6-я армия должна была получить соответствующий приказ не позднее 20 декабря, потому что уже 23 декабря обстановка на фронте 57-го танкового корпуса в связи с передачей им 6-й танковой дивизии коренным образом изменилась.

Командование группы армий «Дон» учло все это и попросило у верховного главнокомандующего срочно дать разрешение на выход 6-й армии из окружения. Когда ему в этом было отказано и было предложено осуществить прорыв только при условии удержания Сталинграда, командующий группой армий «Дон» приказал 6-й армии готовиться к выходу из окружения. На его запрос вечером 20 декабря, готова ли армия через 24 часа начать прорыв через фронт окружения на юг, командующий армией наряду с другими соображениями сообщил также, что у него имеется горючего всего на 30 км и что он должен поэтому выждать, пока армейская группа Гота не подойдет на такое расстояние.

Этот мало обоснованный ответ командующего 6-й армией показал, что он, возможно, вследствие недостаточно ясного представления об общей обстановке, либо не понял исключительно серьезного положения, в котором находилась его армия, либо не хотел отдавать приказа, противоречившего указаниям верховного главнокомандующего (у Гитлера был свой офицер связи при 6-й армии).

В связи с ответом командующего 6-й армией командование группы армий «Дон» не настаивало на выполнении своего приказа от 19 декабря.

Приказом 57-му танковому корпусу передать 6-ю танковую дивизию и отойти на р. Аксай судьба 6-й армии была решена.

КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ РУССКИХ. ВТОРОЙ ПЕРИОД: ПРОРЫВЫ НА ДОНУ И В КАЛМЫЦКИХ СТЕПЯХ

I. Отвод войск с рубежа р. Чир

Приказ 57-му танковому корпусу от 23 декабря, в соответствии с которым он должен был немедленно снять с фронта 6-ю танковую дивизию для выполнения других задач, являлся следствием воздействия рычага, пущенного в ход русскими в 250 км дальше на северо-запад, — прорыва русских на среднем течении Дона в направлении на Ростов.

Этот прорыв, правда, не был ответом на попытку немцев освободить 6-ю армию, но в связи с тем что по срокам прорыв был, безусловно, заранее согласован, он отчасти преследовал и эту цель. В первую же очередь в этот второй период своего контрнаступления русские преследовали крупную оперативную цель: отрезать на юге России все силы немцев и их союзников, т. е. главные силы группы армий «Дон» и группы армий «А». Это было именно то, чего Гитлер уже давно опасался.

16 декабря русские на нескольких участках прорвали фронт 8-й итальянской армии, занимавшей с сентября западнее 3-й румынской армии полосу Вешенская, район севернее Новой Калитвы. Главный удар противник наносил по обе стороны от Верхнего Мамона, однако и у Казанской, и западнее Вешенской противнику удалось вклиниться в наши позиции на большую глубину. Так же, как и за несколько недель до этого на фронте 3-й румынской армии, благодаря хорошо налаженному взаимодействию между войсками, совершавшими прорыв, русские на разных участках вырвали из немецкого фронта целые куски и тем самым добились разгрома всей 8-й итальянской армии, начавшей беспорядочное отступление.

Непосредственный удар по обороне, созданной на р. Чир, был нанесен 3-й русской гвардейской армией, которая, наступая из района западнее Вешенской на юго-запад, прорвала фронт на участке 1-го румынского армейского корпуса, расположенного на левом фланге 17-го армейского корпуса, а также на правом фланге 8-й итальянской армии, и форсировала р. Чир северо-западнее Боковской. По сведениям, добытым разведкой, ее задача состояла в том, чтобы продвинуться на юг к Морозовску и во взаимодействии с 5-й танковой армией, одновременно наступавшей от Об-

ливской на запад, взломать фронт на р. Чир¹. События следующих дней подтвердили эти данные. Правда, фронт на р. Чир не был взломан, но в результате атак с севера войска, занимавшие его, отошли назад.

В то время многочисленные сильные атаки в среднем течении р. Чир (в районе нижнего течения реки обстановка была спокойной) у Обливской и Караичева удалось отразить, быстрое продвижение группировки противника от Казанской (2-й танковый корпус русских) на юг вынудило отвести назад северный фланг 17-го армейского корпуса. Когда противник, располагавший танками, повернул из района Терновской (северо-восточнее Миллерово) на Боковскую, корпус 20 декабря отошел северным флангом на р. Большая, заняв позиции на рубеже Боковская, Греков².

Этот маневр был проведен слишком поздно, так как 2-й танковый корпус русских 21 декабря вышел уже в район Поздеевки, т. е. глубоко продвинулся на западном фланге позиций на р. Большая, которые одновременно с фронта подвергались атакам 3-й русской гвардейской армии, наступавшей по обе стороны дороги на Морозовск. Обе ударные группировки противника последовательными ударами начали отбрасывать 17-й армейский корпус от рубежа к рубежу на юг; расположенные на р. Чир севернее Чернышевской части группы Шпанга вынуждены были, начав с северного фланга, также отойти назад.

Попытка остановиться на р. Начальная не удалась, так как русские прорвались в Верх. Свечников и проникли с запада до района Покровский. 17-й армейский корпус и группа Шпанга быстро отошли на рубеж рек Гнилая и Быстрая с задачей организовать оборону на участке Грязновский, Орлов, Милютинская, Скосырская. При этом в ходе перегруппировки 3-й румынской армии 17-й армейский корпус должен был занять восточную, а группа Шпанга — западную часть этой вновь создаваемой позиции.

Отрыв от противника удался без больших потерь, хотя передовые танковые отряды русских неоднократно вклинивались в боевые порядки отходивших частей. Но как только последние заняли новый рубеж, создалось еще более опасное положение. Противник на рассвете 23 декабря прорвал фронт на западном участке и взял Скосырскую, важнейший опорный пункт на р. Быстрая. 3-я румынская армия немедленно бросила свой единственный резерв, расположенный в Обливской, 11-ю танковую дивизию, к Морозовску, чтобы путем контратаки восстановить положение в районе Скосырской.

¹ Сообщено бывшим начальником разведывательного отдела 17-го армейского корпуса.

² По сообщению бывшего начальника оперативного отдела 17-го армейского корпуса полковника генерального штаба в отставке Шефера.

В то время как все еще производилась переброска этой дивизии, крупные силы танков прорвали фронт на севере и начали окружать Милютинскую.

3-я румынская армия могла бороться только с одной из двух наступавших группировок, потому что других сил, кроме 11-й танковой дивизии, у нее в резерве не было, а дивизию разделить было нельзя. Командование этой армии считало, что главная опасность находится на западе, где возникла непосредственная угроза важной базе снабжения — станции Тацинская и находящемуся там не менее важному аэродрому, с которого снабжалась окруженная 6-я армия. 11-я танковая дивизия получила поэтому задачу отбить Скосырскую и отбросить противника за р. Быстрая.

Танкам противника в районе Милютинской армии противопоставить было нечего.

Такова была обстановка, которая вынудила командование группы армий «Дон» передать 23 декабря 3-й румынской армии 6-ю танковую дивизию, принимавшую участие в деблокирующем наступлении. Ведь теперь на карту было поставлено нечто большее, чем освобождение 6-й армии.

Западнее 3-й румынской армии дело выглядело не лучше. На фронте шириной в 150 км до р. Богучар были рассеяны отдельные немецкие части, которые тщетно пытались удержаться на одной линии с отходившей 8-й итальянской армией. Противник окружил у Миллерово 3-ю горную дивизию и продвигался на Каменск-Шахтинский и Старобельск. 24 декабря в район севернее Каменск-Шахтинский был перебросен 30-й армейский корпус, принимавший затем участие в боях под названием армейской группы Фреттер-Пико. Эта группировка освободила Миллерово и создала ряд крупных опорных пунктов, которые в конце концов вынудили противника остановить свое наступление.

За 9 дней противник продвинулся от Дона в районе Казанской на 180 км на юг. За это же время армейская группа Гота смогла пройти только от р. Аксай до р. Мышкова (35 км). Русские стояли у Тацинской в 170 км от Ростова, а у немцев не было в резерве танковых корпусов, которые могли бы преградить русским путь.

Одним из сильнейших проявлений далеко зашедшего вырождения верховных органов командования германской армии было то, что в создавшейся критической оперативной обстановке подобных масштабов у командующего группы армий не было в распоряжении иных средств, кроме переброски единственной дивизии из одного района боев в другой. А ведь в тот момент существовала возможность оказать оперативное воздействие на всю обстановку в целом: отдать 6-й армии приказ немедленно выходить из окружения.

Нельзя не признать, что в то время выход 6-й армии из окружения повлек бы за собой большие жертвы. Но эти жертвы были бы оправданы в борьбе за исход важной операции в южной части Восточного фронта, не говоря уже о спасении самой армии. Подвиги, совершавшиеся в течение ряда недель боевыми группами на рубеже р. Чир, в особенности в дни рождества при 20° мороза и в метель, достойны удивления. Какие же героические поступки готовы были совершить испытанные в боях соединения 6-й армии, чтобы сделать невозможное возможным, в бою, в котором каждый солдат знал, что дело идет о его собственной жизни.

Если распространявшееся тогда Гитлером утверждение, что «жертвоприношение 6-й армии» было необходимо с военной точки зрения, еще сейчас со всей серьезностью повторяют авторы трудов о Сталинграде, то в этом проявляется только абсолютное непонимание существа военного искусства, не говоря уже о бесчеловечности таких высказываний.

24 декабря вначале не принесло 3-й румынской армии никакого облегчения, наоборот, обстановка еще более осложнилась. Наступление 11-й танковой дивизии задерживалось. Вследствие этого западная группировка противника продвинулась дальше вперед и заняла Тацинскую. Посланный туда вскоре из Обливской бронепоезд уже на станции Ковылкин был обстрелян русскими танками.

Навстречу противнику, продвигавшемуся от Тацинской дальше на юг, в районе Кольцов была брошена наскоро сколоченная из различных батальонов «боевая группа Филиппа», которой действительно удалось остановить его.

Вечером того же дня (сумерки наступали тогда уже в 15 часов) 306-я пехотная дивизия в связи с угрозой окружения преждевременно оставила Милютинскую и начала беспорядочно отходить на юг. К счастью, противник не использовал сразу этого положения; дорога на Морозовск была свободна.

Расположенный там штаб 17-го армейского корпуса получил роковое известие об этом отступлении в 21 час. Командир корпуса со своим штабом повернул отступающие части и расположил дивизию для обороны Морозовска на рубеже Чиков, Урюпин. Войскам удалось удержать эти позиции. Итак, в районе Морозовска опасность была устранена; на западе также наступил решительный поворот к лучшему, когда 11-я танковая дивизия, развернув наступление, не только снова заняла Скосырскую, но и повернула затем на юг против сил противника в районе Тацинской и окружила их. В бою, продолжавшемся несколько дней, в котором 24-й танковый корпус русских, неоднократно пытавшийся вырваться из окружения, потерял 63 танка, при эффективной поддержке авиации к 28 декабря были уничтожены крупные силы противни-

ка. Тацинская с аэродромом, на котором находилось почти 100 неповрежденных немецких самолетов, 28 декабря снова была в наших руках.

306-я пехотная дивизия удержала свои позиции; остальные соединения, занимавшие рубеж р. Гнилая, были планомерно отведены на восток на рубеж Ярославской (там проходил стык с войсками, расположенными в районе нижнего течения р. Чир), Сиволобов, Чиков. К 27 декабря перегруппировка закончилась. Однако новые позиции вскоре снова подверглись атакам противника и чуть было не были прорваны.

Русские 27 и 28 декабря попытались взломать новые позиции 17-го армейского корпуса, осуществив два прорыва, западнее Ярославской и в районе Чапура. Обстановка усложнилась, когда восточная группировка наступавшего противника, 5-й моторизованный и 8-й кавалерийский корпуса, крупными силами вышла к Чернышевской; за ней следовали с севера другие соединения русских.

Но в самый последний момент 6-я танковая дивизия, переброшенная от армейской группы Гота, прибыла из Цимлянской и подошла на помощь. Боевая группа фон Гюнерсдорфа после двухдневных боев отбросила противника на его исходные позиции, уничтожив при этом много танков. Часть дивизии принимала еще раньше участие в заключительной фазе боев 11-й танковой дивизии за Тацинскую.

27 декабря перед командованием 3-й румынской армии была поставлена новая задача, и все ее части, находившиеся еще на западном берегу Дона, в нижнем течении р. Чир и на запад до р. Быстрая, перешли в подчинение командования 17-го армейского корпуса, получив теперь название «армейская группа Голлидта».

Наконец удалось закрыть брешь между западным флангом армейской группы Голлидта и армейской группой Фреттер-Пико в районе между реками Быстрая и Калитва. Ее кое-как прикрыли остатки 48-го танкового корпуса. Позднее оказалось весьма пагубным то, что здесь не было пехоты.

Группа Пфейфера, действовавшая в районе Скосырской, 28 декабря неожиданно получила подкрепление, так как находившиеся несколько дней в окружении у Николаевского остатки 29-го армейского корпуса, проявив храбрость, пробились к Скосырской; с ними вместе прибыло около 4000 итальянцев из дивизии «Равенна» и румын.

На пороге нового, 1943 года угроза удара противника на Ростов все еще не была устранена, и это показали последующие недели; однако благодаря стабилизации обстановки возникла передышка.

В то время как здесь, между р. Дон и р. Калитва, в тяжелых боях удалось временно остановить русских на широком фронте между Волгой и Доном после неудавшегося освобождения и несостояв-

шейся попытки выхода из окружения 6-й армии наступило то, что и следовало ожидать: полный разгром 4-й румынской армии в Калмыцких степях и отступление, или, лучше сказать, борьба не на жизнь, а на смерть 4-й танковой армии.

II. Разгром 4-й румынской армии и отступление 4-й танковой армии на р. Маныч

С передачей 6-й танковой дивизии армейская группа Гота лишилась ядра своей ударной силы. Слабые и сильно выдвинутые вперед части 57-го танкового корпуса, фланги которого лишь для видимости прикрывались потерявшими способность к сопротивлению румынами, ожидали теперь неизбежного контрудара во много раз превосходящих сил противника. Переход от характерного для наступления построения, при котором передовые части находились у р. Мышкова, к обороне на рубеже р. Аксай удался. Васильевка и Верх. Кумский были оставлены без потерь.

24 декабря построение армейской группы Гота, занявшей оборону, выглядело следующим образом:

7-й румынский армейский корпус — Обильное, Кенкря, Шоселдакин;

кавалерийский корпус Попеску — Сомин-Экин, Жутов II, северная окраина Самохина;

57-й танковый корпус — плацдарм у Кругляков, высоты севернее р. Аксай, Кондауров;

6-й румынский армейский корпус — Генераловский (вкл.), плацдарм в районе Чаусовский¹.

Оборона должна была носить маневренный характер², потому что на большее армейская группа уже не была способна.

В ночь на 25 декабря противник предпринял атаки на фронте 57-го танкового корпуса, прорвал линию охранения 23-й танковой дивизии севернее р. Аксай, прошел через боевые порядки пехоты и проник танками до моста в районе Шестакова, откуда был отброшен назад. 17-я танковая дивизия также вела тяжелые оборонительные бои, но корпус устоял.

Когда 25 декабря выяснилось, что противник готовит наступление на фланги румынских войск у Самохина на востоке и Генераловского на западе, командир 57-го танкового корпуса отдал 17-й танковой дивизии приказ в ночь на 26 декабря отойти за р. Аксай и сосредоточиться у Чилеково и Небыкова. На р. Аксай осталась одна 23-я танковая дивизия.

¹ Тому, что он вообще (без боя!) занял этот плацдарм, он был обязан только 16-му немецкому штабу связи.

² Понятие «маневренная оборона» возникло как раз в те месяцы сталинградской катастрофы.

Насколько правильно поступил командир 57-го танкового корпуса, вскоре обнаружилось.

26 декабря на рассвете русские прорвались у Генераловского и в течение нескольких часов разбили 6-й румынский армейский корпус, в панике бежавший частично на юг, а частично через замерзший Дон — на запад. Позже удалось остановить остатки этого корпуса у Кудинова¹.

Прибывшая на рассвете после тяжелых ночных боев в районе Чилеково 17-я танковая дивизия из-за переутомления личного состава не смогла достаточно быстро перейти в контратаку, чтобы восстановить положение. За исключением переброшенной сюда в короткие сроки небольшой группы Бишофа (одна усиленная моторизованная рота с двумя самоходными орудиями), занявшей позиции в Верх. и Ниж. Яблочном, в этот момент не было каких-либо сил, которые могли бы преградить русским путь в Котельниково.

После разгрома западного фланга румынской армии создалась критическая обстановка на восточном фланге; противник атаковал кавалерийский корпус, были оставлены Шарнутовский и Самохин.

23-я танковая дивизия еще удерживала населенные пункты в долине р. Аксай, однако армейская группа вынуждена была принять решение отойти в ночь на 27 декабря на линию Кетченеры, Верх. Сальск, Крайняя Балка, Гремячая, Верх.-Курмоярская.

Отход 57-го танкового корпуса удалось провести, несмотря на гололед, а также на попытки противника обойти корпус с флангов.

Однако 4-я румынская армия потерпела окончательное поражение. Уже ночью она отошла дальше, чем ей было приказано, и без боя отдала противнику Кетченеры; утром 27 декабря она располагалась на рубеже район северо-восточнее Киселевки, Ики-Зоргакин, Верх. Сальск.

Перед 57-м танковым корпусом противник продвинулся до района 8 км севернее Котельниково и собирался (подобные попытки он предпринимал уже дважды) овладеть городом путем охвата его с востока. Он нанес удар на юго-запад, неожиданно быстро овладев Выпасной (кавалерийский корпус Попеску) и Пимен-Черни (23-я танковая дивизия).

Ввиду этого создалась угроза для левого фланга 7-го румынского кавалерийского корпуса в районе Верх. Сальск. Следовало ожидать, что при малейшем ударе он начнет отступать. Когда около 11 часов 10 танков противника появились в Кадженкин, 1-я румын-

---

¹ Только командир 2-й румынской дивизии пытался организовать сопротивление у пункта 103 (10 км южнее Генераловский), однако его части вскоре были разбиты; командование 4-й румынской армии не одобрило его действий.

ская дивизия в панике начала отступление через Шебалин; ее не удалось удержать и расположенному там резерву армейской группы (156-й моторизованный полк).

Следствием этого явился отход и на остальных участках фронта, занимаемых корпусом; он отошел на рубеж р. Акшибай. Когда затем противник¹ с танками предпринял сильные атаки и южнее Киселевки разгромил храбро сражавшуюся 4-ю румынскую пехотную дивизию², 7-й румынский корпус отошел еще дальше к р. Сал по обе стороны от Заветное. Вечером он был снова атакован танками противника, войска потеряли управление и были рассеяны.

Борьба 4-й румынской армии окончилась. Армейской группы Гота больше не существовало; 4-я танковая армия состояла только из двух обескровленных дивизий³, изолированной в районе Степной 16-й моторизованной дивизии и остатков бежавшей 4-й румынской армии⁴.

Когда во второй половине дня 27 декабря противник взял Похлебин и одновременно продвинулся с востока через железную дорогу южнее Котельниково на запад, положение 57-го танкового корпуса казалось безнадежным.

Несмотря на это, корпус 28 декабря еще удерживал Котельниково, потому что верховный главнокомандующий и в этой обстановке запретил отход. Русские не использовали этого столь благоприятного для них «мероприятия» немецкого командования (на этом мы еще остановимся).

В донесении командующего 4-й танковой армией, поступившем 28 декабря вечером, командующему группой армий «Дон» говорилось: «57-й танковый корпус сегодня уже семнадцатый день непрерывно ведет бой с постоянно усиливающимся противником, не имея ни одной ночи отдыха. Несмотря на это, до сегодняшнего дня он сумел выстоять. Нельзя, однако, не учитывать, что невероятное напряжение вызвало сильное переутомление».

29 декабря Котельниково было оставлено. 57-й танковый корпус отошел сначала на запад на рубеж р. Ерик севернее Ремонтной. Здесь он получил подкрепление — дивизию СС «Викинг», имевшую задачу оборонять Ремонтную и обеспечивать южный фланг.

¹ 3-й гвардейский мотомеханизированный корпус.

² Особенно следует отметить кавалерийский полк полковника Христеа, который сам вел свою часть с палкой и пистолетом в руках против вражеских танков и был тяжело ранен.

³ По данным начальника штаба 57-го танкового корпуса, на 30 декабря каждая из этих двух дивизий насчитывала всего лишь 10—15 танков и от 300 до 500 солдат.

⁴ Так как наличие их создавало затруднения на тыловых коммуникациях 4-й танковой армии, 31 декабря они были переправлены через район нижнего течения р. Маныч в район южнее Ростова.

Русские между тем продвигались на флангах, не занятых теперь нашими войсками, и 30 декабря появились на южном фланге у Мал. Гашун. 31 декабря они ворвались в Зимовники, однако были отброшены назад дивизией СС «Викинг». Когда противник начал атаковать также и с севера на юг в тыл 17-й дивизии на р. Ерик, корпус отошел на рубеж р. Куберле на участке Юндин, Зимовники, Веселый Гай.

57-й танковый корпус не смог бы в те дни устоять под непрерывным натиском противника, пытавшегося отрезать его с флангов, если бы ему не была подчинена еще одна дивизия — дивизия СС «Германия». Теперь ему удалось создать за обоими флангами по одной группировке, которые контратаками отражали попытки противника прорваться на наших флангах.

2 января противник атаковал позиции на р. Куберле и захватил Стояновский и Веселый Гай. 3 января удалось с помощью контратак снова овладеть этими населенными пунктами, но продвижение противника между р. Сал и р. Дон на запад требовало принятия более решительных мер. Главные силы 17-й танковой дивизии были сняты с фронта и сосредоточены севернее Кутейниково для наступления на север.

5 января эти войска неожиданно натолкнулись на крупные силы противника, отбросившие дивизию в результате контрудара к Ниж. Щербаковке и в свою очередь форсировавшие Сал в южном направлении. На рубеже р. Куберле сложилась критическая обстановка.

На южном фланге 4-й танковой армии обстановка также ухудшилась. Крупные силы противника, продвигаясь севернее р. Маныч на запад, прошли Ставрополь; 23-я танковая дивизия, сосредоточенная севернее Островянского, атаковала их и 6 января добилась полного успеха. Противник отступил на восток¹.

В ночь на 8 января корпус отошел с рубежа р. Куберле на р. Бол. Куберле. На юге 23-я танковая дивизия захватила Ленино; однако здесь противник получил крупные подкрепления. Атака противника при поддержке танков в ночь на 9 января привела к захвату Орловской; были перерезаны все коммуникации. Возникла серьезная угроза для Пролетарской — важнейшей переправы через р. Маныч в тылу 4-й танковой армии.

Новая атака 23-й танковой дивизии на Веселый оказалась безуспешной. На северо-западе русские медленно продвигались за р. Сал на юг. 16-я моторизованная дивизия, подтягиваемая из района Степной, между тем переправилась у Дивное через р. Маныч в южном направлении и продвигалась через Сальск в район Буденовской.

---

¹ Во время этих атак впервые были применены новые танки типа «тигр».

На южном фланге положение становилось все более угрожающим. 10 января противник овладел Островянским, Николаевским и вечером Красным Скотоводом. 57-й танковый корпус не имел больше резервов, поэтому в ночь на 11 января дивизии СС «Викинг» и 17-й танковой дивизии было приказано отойти на линию Орловская, Красное Знамя, чтобы высвободить дивизию СС «Германия» для нанесения контрудара на юг. 11 января дивизия «Германия» начала наступление и снова овладела Николаевским и Беднотой. В тот же день продвижение 16-й моторизованной дивизии до Новосадковского облегчило положение на северо-западном фланге. Но теперь противник переправился через р. Маныч на юг у Красного Октября. Для ликвидации угрозы охвата переправы у Пролетарской навстречу ему через Екатериновку была брошена вновь образованная боевая группа с батальоном танков типа «тигр».

Когда 14 января превосходящие силы противника атаковали дивизию «Викинг» и 17-ю танковую дивизию, а восточнее Пролетарской в бой вступили свежие силы 28-й армии русских, командование 4-й танковой армии решило отвести свои части за р. Маныч, оставив в своих руках небольшой плацдарм в районе Пролетарской.

К 16 января группировка армии выглядела следующим образом:

дивизия СС «Викинг» обороняла окраину Пролетарской;

23-я танковая дивизия обороняла южный берег р. Маныч северо-западнее Пролетарской;

17-я танковая дивизия переправилась через временный мост у Буденновской и сосредоточилась на правом берегу армии у Бараники, чтобы отбросить назад противника, переправившегося у Красного Октября;

15-я авиаполевая дивизия, действовавшая до сих пор в районе Пролетарской, получила задачу оборонять город Сальск и его аэродром.

В дневнике начальника штаба 57-го танкового корпуса говорится: «16 января — первый спокойный день, так как русские еще не подошли к новому плацдарму. Южнее р. Маныч они также ведут только разрозненные атаки небольшими силами пехоты».

Немецкие войска и командиры на фронте во время войны с Россией редко были на такой высоте, как во время арьергардных боев против все возраставших сил противника, которые начались после Сталинграда. «Безнадежное положение» — так можно было охарактеризовать обстановку на протяжении всего отхода танковой армии от р. Мышкова до р. Маныч. Приходится только удивляться, как ей удалось при помощи временных мер в течение ряда недель «выкручиваться», несмотря на то что противник значитель-

но превосходил ее в силах и имел на своей стороне все преимущества, связанные с выходом на оперативный простор.

Именно эти аррьергардные бои показывали, какими возможностями обладала бы 6-я армия, если бы она получила свободу действий.

Необходимо все же сказать, что командование и войска противника — 51-я и 28-я армии русских — не использовали целый ряд выгодных ситуаций. При более энергичных и быстрых действиях такой значительно превосходящий нас силами противник, каким была 51-я армия русских, мог бы разбить 57-й танковый корпус уже 24 или 25 января между Котельниково и р. Аксай. Ни одна из непрерывных атак русских на открытых после ухода румын флангах 4-й танковой армии не велась энергично и смело, ни один из тактических успехов не был быстро использован; в контрнаступлении русских, последовавшем за неудачей деблокирующего наступления, не было видно ясного оперативного замысла, хотя эта операция могла принести богатые плоды.

Уже 4 января, когда 4-я танковая армия еще вела бои на рубеже р. Куберле, севернее Зимовники, русские находились у Островянского, всего в 40 км восточнее важной переправы у Пролетарской. Только 13 января они форсировали р. Маныч в южном направлении у Красного Октября; девять дней эта переправа находилась перед ними, не защищаемая немецкими войсками.

Еще 12 января, т. е. до того, как вступили в бой передовые части 28-й армии русских, перед фронтом 4-й танковой армии находились девять стрелковых дивизий, пять танковых бригад и одиннадцать мотобригад. Даже по осторожным подсчетам противник превосходил наши силы в три раза.

Только в районе севернее р. Маныч можно было разгромить 4-ю танковую армию. Теперь же она приближалась к отходившим с Кавказа войскам 1-й танковой армии, и ей нельзя было теперь нанести удар изолированно от других немецких войск. Противник не использовал предоставившиеся большие возможности.

СНАБЖЕНИЕ 6-й АРМИИ ПО ВОЗДУХУ

Учитывая уроки последней войны с Россией, следует в будущем при подготовке офицерских кадров, а также в планах генерального штаба рассматривать снабжение в масштабах, выходящих за рамки ведения операции и боя. Если бы это было принято в германской армии, то утром 24 ноября начальник генерального штаба ВВС не доложил бы, что снабжение 6-й армии по воздуху возможно. Относительно проблем и возможностей стратегии и тактики можно придерживаться различных мнений, но на вопросы, связанные со снабжением, следует отвечать почти с математи-

ческой точностью; поэтому здесь и легче установить, на ком лежит ответственность. Известно, что за ошибки при проведении операций, а также за тактические ошибки соответствующие командиры подвергались наказанию, однако неизвестно ни одного случая, когда бы военачальник был привлечен к ответственности за то, что его войскам нечего было есть. В этом отношении нам предстоит переучиться. В будущем следует считать предосудительным, если войскам будут ставить задачу, не обеспечив снабжение их всем необходимым для ее выполнения.

Безответственный доклад обоих высших военачальников германских ВВС был возможен и был встречен без возражений потому, что главное командование уже привыкло нарушать моральные законы заботы о подчиненных. Поскольку высокий боевой дух и способность быстро восстанавливать свои силы все время компенсировали ошибки главного командования, оно, вместо того чтобы исправить их в связи с неудачами на фронте, воспринять их как предостережение, побуждалось к новым безответственным шагам.

На вопрос о снабжении окруженной 6-й армии можно было ответить 24 ноября 1942 г. так же ясно, как и сегодня. Об этом свидетельствует записка командующего группой армий «Б» от 22 ноября¹. В этой записке ясно сказано, что обеспечить снабжение армии невозможно.

По подсчетам Г. Шрётера, 6-я армия 25 ноября 1942 г. насчитывала 284 000 человек, а 24 января еще имела в своем составе 255 000 человек. Так как в первую цифру вошли также войска, находившиеся вне кольца окружения, то мы в наших расчетах исходим из цифры в 250 000 человек.

24 ноября 6-я армия имела еще около 8000 лошадей, около 1800 орудий и по крайней мере 10 000 автомашин.

Исходя из этого, можно подсчитать ежедневный расход продовольствия, боеприпасов и горючего:

На 250 000 человек по 1,225 кг ²	306 т продовольствия
На 1800 орудий при расходе в день 10 снарядов.	540 т боеприпасов
На 10 000 моторов при норме расхода горючего в день 10 л, причем предполагается, что большая часть их не работает	100 т горючего
<hr/>	<hr/>
Всего	946 т

В этих подсчетах не учтены 8000 лошадей, боеприпасы для стрелкового оружия всех видов, инженерное имущество, материалы для ремонтно-восстановительных работ, санитарное имущество

¹ Начальник генерального штаба сухопутных сил, генерал-квартирмейстер и командующий 4-м воздушным флотом также доложили, что снабжение 6-й армии по воздуху обеспечить невозможно.

² В этих расчетах хлебный паек сокращен с 750 до 500 г.

во, обмундирование и полевая почта, хотя без всего этого нельзя обойтись. Если учесть все это, то итог возрастает до 1200 т в сутки. При этом не трудно убедиться, что расход боеприпасов и горючего предусмотрен минимальный. Возражение относительно того, что расход продовольствия в условиях окружения можно было бы еще сократить, так как войска почти совсем не передвигались, необоснованно, так как необходимо было сохранить, а частично и восстановить полную боеспособность 6-й армии. Она ведь должна была снова вести боевые действия, и поэтому, не говоря уже об обязательствах, вытекающих из требований человечности, было недопустимо сокращать ее паек наполовину. Кроме того, в любое время следовало ожидать наступления превосходящих сил противника с разных направлений; уже по одному этому 6-я армия должна была сохранить полную боеспособность, а также иметь резервы боеприпасов и горючего¹.

Если командование 6-й армии в те ноябрьские дни 1942 г. действительно сообщило, что армии ежедневно необходимо при снабжении по воздуху только 600 т грузов, то это можно объяснить тем, что многие высшие штабы на фронте после полученного ими горького опыта и разочарований, руководствуясь ложными чувствами, занижали свои потребности. Впрочем, большинство командиров среднего и младшего звена прямо указывали на недостаточную заботу со стороны главного командования.

Для операции по снабжению армии по воздуху в таких больших масштабах авиация в мирное время совсем не готовилась. Да и как она могла учесть катастрофические последствия безрассудных действий своего командования! Поэтому во время войны для этих целей не имелось специальных авиационных соединений. Приходилось снимать с других участков части и сводить их в специальные соединения для выполнения этой задачи; только у авиационных училищ для этой цели было позаимствовано несколько сот машин.

Для снабжения по воздуху в больших масштабах необходимы, как правило, следующие условия.

1. Окруженные войска должны занимать район, который вообще пригоден для снабжения по воздуху. При слишком узком пространстве снабжение возможно только путем сбрасывания

---

¹ Уже в первые дни окружения запасы продовольствия были такими незначительными, что их могло хватить только на 12 дней, а фуража почти совсем не было. Боезапас составлял 20%, а часто только 10% от нормы. Горючего было так мало, что перегруппировки тактического характера, как, например, сосредоточение танков для прорыва на юге кольца окружения, были невыполнимы.

пакетов с самолетов; в таких условиях снабжение может осуществляться только в течение нескольких дней.

2. При снабжении такого большого объединения, как 6-я армия, транспортные самолеты сами должны иметь возможность совершать посадку в районе окружения, так как при длительном окружении войска должны не только получать по воздуху грузы, но и иметь возможность вывозить из котла раненых, больных, нуждающиеся в ремонте вооружение, приборы и т. д.

3. Это означает, следовательно, что в районе окружения должно иметься такое количество аэродромов и обслуживающего персонала, которые могли бы принимать необходимое количество грузов. Естественно, что аэродромы должны находиться вне пределов воздействия наземной артиллерии противника.

4. Снабжение по воздуху в любом случае имеет тот недостаток, что все самолеты сосредоточены на одном и том же узком пространстве, и противнику достаточно сконцентрировать свои усилия по борьбе с ними в одном узком строго ограниченном районе. Этот недостаток может быть только частично преодолен путем распределения транспортных самолетов по аэродромам и чередования их вылетов. Снабжение по воздуху крупных соединений поэтому возможно лишь при безусловном превосходстве в воздухе над районом окружения и на достаточном расстоянии от его центра.

Первые три условия с некоторыми ограничениями при окружении 6-й армии имелись налицо. Превосходством в воздухе немецкая авиация обладала лишь отчасти. В связи с этим, чем дольше длилось окружение, тем в большей степени снабжение приходилось переносить на ночные часы.

Возникли и другие значительные трудности, которые, впрочем, вполне можно было учесть заранее. Снабжение по воздуху — это не только задача авиации. Так, распределение аэродромов, с которых производится вылет самолетов, должно соответствовать распределению грузов, или же органы, ведающие снабжением сухопутных сил, должны приспособлять свои учреждения и коммуникации к требованиям авиации. Опыт первой зимней кампании в России ясно показал, что именно в России это часто было невозможно.

Часто в связи с недостатком времени и плохим состоянием дорог транспортные машины нагружались на аэродромах не теми грузами, которые были предусмотрены для отправки. В таких случаях самолеты брали на борт какие-либо другие грузы, чтобы использовать имевшуюся возможность. Таким образом, получалось,

что в район окружения часто перебрасывались грузы, потребность в которых ощущалась меньше всего, в то время как другие, необходимые грузы не поступали¹.

Разгрузка приземлявшихся в районе окружения самолетов на основных аэродромах Питомник и Гумрак в связи с отсутствием необходимого оборудования производилась медленно. Так, например, большая часть горючего из баков самолетов в бензоцистерны перекачивалась вручную.

Это, конечно, лишь небольшая часть тех факторов, которые затрудняли снабжение; самым важным из них, важнее воздействия противника и технических трудностей, было пагубное влияние погоды. Плохая погода больше всего способствовала уменьшению количества перебрасываемых грузов. И этот факт, а именно, что в ноябре, декабре и январе плохая погода осложняет снабжение войск в России, был ведь тоже известен.

Когда руководители ВВС сделали свой имевший роковое значение доклад, они, очевидно, имели перед глазами пример Демянска, где с января по май 1942 г. было окружено около 100 000 человек из состава группы армий «Север». Там благодаря резкому сокращению норм выдачи продовольствия и всех других видов снабжения до почти недопустимого минимума удалось сохранить жизнь личного состава при помощи снабжения по воздуху. Но в районе окружения 6-й армии обстановка была с самого начала менее благоприятной. Во-первых, объединение, которое необходимо было снабжать, было в 2 1/2 раза больше. Далее, в Демянске расстояние от баз авиации составляло 60—80 км, а базы самолетов, снабжавших 6-ю армию, даже в первый, наиболее благоприятный период были расположены в три раза дальше.

В качестве баз вначале использовались Тацинская, Морозовск, Тормосин и Богоявленская. 24 декабря, после крушения фронта на р. Чир, авиация вынуждена была перенести свои базы в Зверово, Шахты, Каменск-Шахтинский, Новочеркасск, Мечетинскую и Сальск. В третьем, последнем периоде использовались аэродромы в Артемовске, Горловке, Макеевке и Сталино.

Среднее расстояние от баз авиации до посадочных площадок 6-й армии составляло:

в первом периоде — 200 км;

во втором периоде — 300 км, причем необходимо отметить, что в это время транспортные самолеты в связи с воздействием

---

¹ Сообщено майором генерального штаба в отставке Дёлингом, работавшим в штабе 4-го воздушного флота.

авиации противника на их прямом маршруте часто вынуждены были избирать окольные пути, например до нижнего течения Волги;

в третьем периоде — 450 км.

В результате удара русских, нанесенного 10 января 1943 г., ухудшились вскоре и условия для посадки самолетов и сбрасывания грузов в самом районе окружения. 14 января был оставлен главный аэродром 6-й армии — Питомник. Возможности приема самолетов на аэродром Гумрак значительно ухудшились. Кроме того, вследствие тяжелых боев этот аэродром был неудовлетворительно подготовлен и находился в плохом состоянии (глубокий снег, слабое освещение, воронки от бомб). 21 января был оставлен и Гумрак; с 22 января лишь немного самолетов могло садиться на небольшую площадку у Сталинградского (8 км восточнее Гумрак), и то только днем. С 26 января посадка самолетов в районе окружения 6-й армии стала невозможной.

В какой катастрофической степени снабжение 6-й армии по воздуху отставало от ее потребностей, показывает следующая сводка, составленная последним начальником военно-исторического управления ВВС.

6-й армии удавалось перебрасывать в среднем в сутки лишь следующее количество грузов:

с 25 по 29 ноября — 53,8 т;

с 1 по 11 декабря — 97,3 т;

с 13 по 21 декабря — 137,7 т;

с 23 декабря по 11 января — 105,45 т;

с 12 по 16 января — 60 т;

с 17 по 21 января — 79 т;

с 22 по 23 января — 45 т;

с 24 января по 2 февраля — 77,9 т.

Всего за 70 дней снабжения по воздуху 6-я армия получала в среднем 94,16 т грузов в день.

22 ноября 1942 г. командующий группой армий «Б» доносил верховному главнокомандующему вооруженными силами: «Снабжение 6-й армии, объединяющей двадцать дивизий, по воздуху невозможно. При благоприятной погоде с помощью имеющихся у нас транспортных самолетов можно будет перебрасывать в район окружения только 1/10 потребного количества грузов».

Сравнение приведенного выше среднего тоннажа (94,16 т в день) с приведенными выше расчетными данными (946 т в день) убедительно показывает, что можно было заранее точно определить, когда 6-я армия окажется в катастрофическом положении в

отношении своего снабжения, а следовательно, и можно было его предотвратить.

Со стороны 6-й армии предъявлялись тяжелые обвинения авиации, осуществлявшей ее снабжение. Учитывая безвыходное положение армии, можно было чисто по-человечески понять их, однако, они не были обоснованны. Соединения 4-го воздушного флота делали все, что было в их силах, стараясь выполнить свою нереальную задачу; они заслужили безграничную признательность за свои подвиги, граничившие с самопожертвованием.

Немецкая авиация, потеряв 488 самолетов и около 1000 человек летного состава, понесла в этой операции самые большие потери со времени воздушного наступления на Англию, так как для выполнения поставленной задачи использовались почти только боевые самолеты. Не только сухопутные силы, но и авиация потеряла под Сталинградом целую армию.

КОНЕЦ 6-й АРМИИ

С географической точки зрения оборонительные позиции 6-й армии с 22 ноября 1942 г. до 8 января 1943 г. мало изменились. Однако вследствие недостаточного снабжения физическая сила солдат¹, запасы боеприпасов и горючего настолько снизились, что армия почти потеряла свою боеспособность. Она находилась в таком положении, в котором, по прежним понятиям, могла последовать почетная капитуляция. Блюхер в 1806 г. у Ратекау в аналогичном положении капитулировал.

8 января русские сделали 6-й армии предложение о капитуляции. Генерал-полковник Паулюс отклонил его после переговоров с ОКХ и по приказу Гитлера. То, что он это сделал не по собственной инициативе, а обратился в ставку с просьбой предоставить ему свободу действий, позволяет сделать вывод, что командование 6-й армии уже в это время не считало капитуляцию не соответствующей понятиям чести.

Между тем события шли своим чередом. После мощной артиллерийской подготовки 10 января русские атаковали с разных направлений западную часть оборонительных позиций 6-й армии. Им удалось прорваться на юге у Цыбенко, на западе у Дмитриевки и на севере у высоты с отметкой 137 (5 км северо-западнее Рос-

¹ Шрётер в своей книге «Сталинград» пишет, что с 25 ноября 1942 г. по 24 января 1943 г. было вывезено из района окружения 29 000 раненых. Так как до 10 января не происходило крупных боев, следует предположить, что примерно половина этого количества была вывезена с 10 по 24 января. Потери в личном составе до 8 января, следовательно, были незначительными.

сошка). Все атаки имели общее направление на Питомник — главный аэродром 6-й армии.

Вскоре выяснилось, что 6-я армия не была больше в состоянии вести бой как единое целое. Несмотря на храбрые действия оборонявшихся на переднем крае отдельных частей, прорвавшегося противника нельзя было задержать ни в пределах оборонительной позиции, ни в глубине района окружения, так как не хватало подвижных резервов из-за недостатка горючего и физической силы людей. Вечером 10 января командующий группой армий «Дон» докладывал ОКХ: «Командующий 6-й армией доносит о прорывах крупных сил русских на севере, западе и юге, нацеленных на Карповку и Питомник. 44-я и 76-я пехотные дивизии понесли тяжелые потери; 29-я моторизованная дивизия имеет только отдельные боеспособные части. Нет никаких надежд восстановить положение. Оставлены Дмитриевка, Цыбенко и Ракотино».

В ночь на 11 января поступил следующий ответ ОКХ: «Во что бы то ни стало удерживать рубеж Цыбенко, Карповка, Россоска. Всеми силами помешать тому, чтобы Питомник попал в руки русских. Цыбенко во что бы то ни стало отбить у противника. Командующему армией сообщить о принятых контрмерах, а также о том, при каких обстоятельствах без разрешения ОКХ было оставлено Цыбенко».

Управление войсками и действия русских были основаны на убеждении в неотвратимости судьбы 6-й армии. Не умаляя храбрости русских солдат, можно все же сказать, что начавшееся 10 января 1943 г. наступление русских при огромном превосходстве их в людях и технике могло бы привести к уничтожению 6-й армии уже через несколько дней. Следует ли в затянувшихся более чем на три недели заключительных боях видеть слабость командования и войск русских или же скорее рациональное расходование живой силы и техники в связи с тем, что уже тогда можно было предвидеть неизбежность уничтожения окруженных немецких войск?

К 16 января русские сократили территорию района окружения 6-й армии до размеров, составлявших менее 1/3 первоначальных. Западный его участок проходил теперь от Купоросное на Волге южнее города через Верхнюю Ельшу, станцию Воропоново, Алексеевку, по окружной дороге до Гумрака, по железнодорожной линии до района южнее полустанка Конная, далее на восток, огибая Орловку, до Волги севернее Рынка. Линия фронта в городе и по Волге осталась в основном без изменений. Большое значение имел захват противником аэродрома Питомник.

16 января фронтовая сводка сообщала: «...в районе Сталинграда наши войска, уже много недель героически обороняющие свои позиции, вчера снова отразили с большими потерями для большевиков сильные атаки противника, предпринимаемые со всех сторон при поддержке танков».

12 января командование 6-й армии наметило создать новый оборонительный рубеж Ново-Надежда, Гончара, дуга железной дороги в 5 км юго-восточнее Питомник, высота с отметкой 135 (5 км западнее Воропоново), Ельшанка (названия населенных пунктов по карте 1 : 300 000). Этот план, однако, был признан подчиненными командирами корпусов невыполнимым. ОКХ одобрило этот план при условии, что рубеж будет проходить через Нов. Рогачик, Цыбенко. Оба эти населенных пункта уже 10 января были взяты русскими.

К 23 января русские на северо-западе и западе района окружения добились новых решительных успехов. На западном участке окруженные войска отошли на линию Городище, район западнее Сталинградский, западная окраина Таловой овраг, район восточнее Воропоново, Ельшанка.

24 января командующий армией докладывал ОКХ: «Докладываю обстановку на основе донесений корпусов и личного доклада тех командиров, с которыми я мог связаться: войска не имеют боеприпасов и продовольствия; связь поддерживается только с частями шести дивизий. На южном, северном и западном фронтах отмечены явления разложения дисциплины. Единое управление войсками невозможно. На восточном участке изменения незначительные. 18 000 раненым не оказывается даже самая элементарная помощь из-за отсутствия перевязочных средств и медикаментов. 44, 76, 100, 305 и 384-я пехотные дивизии уничтожены. Ввиду вклинения противника на многих участках фронт разорван. Опорные пункты и укрытия есть только в районе города, дальнейшая оборона бессмысленна. Катастрофа неизбежна. Для спасения еще оставшихся в живых людей прошу немедленно дать разрешение на капитуляцию.

Подпись: *Паулюс*»

Верховный главнокомандующий снова отклонил просьбу о капитуляции.

26 января русским удалось расколоть район окружения 6-й армии на две части. Одна группировка наступавших войск прорвалась между Сталинградом и Таловой овраг на восток, продвинулась по дороге Гумрак — Сталинград до района бывшего аэродрома и соединилась там с другой группировкой, наступав-

шей из района «Теннисная ракетка» (химический завод «Лазурь») на запад и занявшей господствующую высоту с отметкой 102 (Мамаев курган). С новыми силами противник повернул теперь на юг к городу, а частью сил на север, где он захватил фабрику «Красный Октябрь». В южной части Сталинграда противник захватил элеваторы, консервную фабрику и Южный вокзал Сталинграда.

Вечером 26 января 6-я армия действовала двумя группировками: 11-й армейский корпус — в районе Баррикады; 4, 8 и 51-й армейские корпуса и 14-й танковый корпус — непосредственно в Сталинграде южнее и севернее долины р. Царица; штаб армии находился на Красной площади.

28 января южная часть района окружения в свою очередь была раздроблена. 6-я армия, раздробленная на три части, изолированные друг от друга, вела борьбу насмерть.

31 января штаб 6-й армии вместе с командующим был взят на Красной площади в плен, а 2 февраля 11-й армейский корпус последним из соединений армии прекратил борьбу.

Только в период с 24 января по 2 февраля было убито и умерло еще более 100 000 человек.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вспомним еще раз критические моменты в судьбе 6-й армии: 22 ноября — армия окружена; 24 ноября — Гитлер запрещает армии выход из окружения; проходит четыре недели после неудачи деблокирующего наступления — Гитлер снова отказывается предоставить армии свободу действий; 8 января — предложение русских о капитуляции отклоняется; 24 января — последняя настоятельная просьба командующего армией, и снова Гитлер отклоняет предложение о капитуляции.

О решениях и действиях верховного главнокомандующего вооруженными силами может быть только одно мнение. Напротив, о поведении командующего армией существуют различные мнения. Автор данного труда не намерен скрывать своей точки зрения.

Благодаря имеющимся в наше время средствам связи возможен почти непрерывный обмен мнениями между главным командованием и подчиненными ему военачальниками. Это техническое преимущество имеет психологические минусы. Дело в том, что оно побуждает главное командование слишком много внимания уделять вопросам руководства действиями армий и ведет к тому, что некоторые командующие армиями

склонны запрашивать перед принятием своего решения мнение главного командования. Для военного искусства это отрицательный фактор.

Что касается 6-й армии, то в течение всего периода ее окружения поддерживалась связь техническими средствами между ее штабом и ставкой фюрера; перед принятием каждого решения происходил обмен мнениями. Между Гитлером и Паулюсом он носил, по-видимому, односторонний характер.

Нельзя одинаково оценивать действия командующего 6-й армией во время четырех решающих дней: 24 ноября, 22 декабря, 8 января и 24 января. Когда Гитлер 24 ноября запретил выход армии из окружения, она была еще полностью боеспособна. Если командование армии и придерживалось того мнения, что другого решения, кроме выхода из окружения, не было, то все же не было признаков того, что деблокирующее наступление, о котором уже был отдан приказ, не удастся и что обещанное снабжение по воздуху сорвется. Нарушение повиновения в тот день, 24 ноября, нельзя было бы сейчас одобрить; такие действия в зависимости от их успеха или неуспеха может оценить только история.

22 декабря положение 6-й армии значительно ухудшилось. Деблокирующее наступление армейской группы Гота окончилось неудачей, обещанное снабжение по воздуху не поступало. Тем не менее армия еще была боеспособной и находилась всего на расстоянии 65 км от ближайшего участка немецкого фронта. При сложившейся в то время общей обстановке она могла бы спасти большую часть своего личного состава. Поскольку можно было ясно предвидеть, что эта возможность через несколько дней исчезнет и не возобновится, нарушение приказа Гитлера было бы оправдано.

8 января условия для выхода из окружения уже больше не существовали, так как армия уже была небоеспособна, а немецкие и союзные войска находились от нее на расстоянии 200 км.

Обстановка и состояние 6-й армии в последующие дни ясно видны из сообщения генерал-полковника Паулюса от 24 января¹. Все же в тот день, 24 января, у нее еще было значительно больше 200 000 человек.

То, что ответственный за свои войска командующий в такой обстановке, вместо того чтобы действовать самостоятельно, за-

---

¹ 15 января командующий 6-й армией докладывал командующему группой армий «Дон», что трудно справиться с отмечавшимися уже в то время явлениями разложения дисциплины.

просил разрешения у верховного главнокомандующего, находившегося за 2000 км от фронта, не соответствовало духу немецких воинских традиций. 24 января были налицо уже такие убедительные признаки страшных размеров надвигающейся катастрофы, что генерал-полковник Паулюс в соответствии с традициями армии имел право и был обязан поставить ответственность за жизнь более 200 000 человек выше ставшей уже беспредметной боевой задачи.

Ведь борьба — это действия, исходом которых может быть победа или поражение, сохранение жизни или смерть. Для 6-й армии этой альтернативы тогда уже больше не существовало. Она могла лишь стать беззащитной жертвой. История до сих пор не предоставляла право ни одному полководцу жертвовать жизнью своих солдат, когда они уже не могут продолжать борьбу.

В конце концов существовал и более высокий судья, чем история и чем верховный главнокомандующий вооруженными силами Адольф Гитлер¹.

Когда в фронтовой сводке в начале января 1943 г. о Восточном фронте появились слова: «В районе Сталинграда ведет бои славная 6-я армия...», сотням тысяч немцев стало ясно, что для их родных под Сталинградом не было уже никакой надежды. Вся тяжесть катастрофы стала известна только после войны. Сочувствие каждому из 200 000 солдат, героически выполнявшему свой долг, огромные страдания и бесчисленные жертвы 6-й армии явились причиной того, что солдаты, сражавшиеся под Сталинградом, и тем самым битва под Сталинградом вызывают в наши дни сожаление у немецкого народа. И все же военное поражение таких масштабов нельзя прикрывать пафосом и облекать в миф.

Военные действия под Сталинградом не были таким подвигом, как борьба за Фермопилы, актом самопожертвования, как в битве при Нумансии; Сталинград должен войти в историю войн как величайшая ошибка, когда-либо совершенная военным командованием, как величайшее пренебрежение к живому организму своей армии, когда-либо проявленное руководством государства.

---

¹ Еще 29 января генерал-полковник Паулюс подписал следующую (правда, еще не отправленную) радиограмму: «Фюреру. В годовщину Вашего прихода к власти 6-я армия передает привет своему фюреру. Флаг со свастикой все еще веет над Сталинградом. Пусть наша борьба будет для сегодняшнего и грядущего поколений примером того, что и в безнадежном положении войска не капитулируют, и тогда Германия одержит победу».

«Во время войны никогда не следует стремиться к тому, чтобы во что бы то ни стало осуществить намеченный план или предприятие, если обстоятельства и время не благоприятствуют этому. Ибо в обстановке надвигающейся опасности попытка заставить время и счастье служить себе есть не что иное, как попытка идти на парусах против ветра и течения, что является признаком ослепления и излишней самоуверенности»¹.

---

¹ Из высказываний о войне барона Лацаруса Швенди (родился в 1522 г., умер в 1584 г.).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Фюрер и верховный главнокомандующий вооруженными силами ОКВ (Штаб оперативного руководства) № 55616/42. Сов. секретно. Только для командования

Ставка фюрера
5.4.1942 г.

ДИРЕКТИВА № 41

Зимняя кампания в России приближается к концу. Благодаря выдающейся храбрости и готовности солдат Восточного фронта к самопожертвованию оборона наших позиций увенчалась большим успехом немецкого оружия.

Противник понес огромные потери в людях и технике. Стремясь использовать мнимый первоначальный успех, он израсходовал этой зимой большинство резервов, предназначенных для дальнейших операций.

Учитывая превосходство немецкого командования и немецких войск, мы должны снова овладеть инициативой и навязать свою волю противнику, как только это позволят условия погоды и местности.

Цель заключается в том, чтобы окончательно уничтожить оставшиеся еще в распоряжении Советов силы и лишить их по мере возможности важнейших военно-экономических центров.

Для этого будут использованы все войска, имеющиеся в распоряжении наших вооруженных сил и вооруженных сил союзников. При этом следует обеспечить при всех обстоятельствах охрану областей, оккупируемых нами на западе и севере Европы, в особенности побережья.

I. ОБЩИЙ ЗАМЫСЕЛ

Общие первоначальные планы кампании на Востоке остаются в силе; главная задача состоит в том, чтобы, сохраняя положение на центральном участке, на севере взять Ленинград и установить связь на суше с финнами, а на южном фланге фронта осуществить прорыв на Кавказ.

Эта задача может быть выполнена только путем расчленения ее на несколько этапов, так как необходимо учитывать обстановку, создавшуюся после окончания зимней кампании, наличие сил и средств, а также транспортные возможности.

Поэтому в первую очередь все имеющиеся в распоряжении силы должны быть сосредоточены для проведения главной операции на южном участке с целью уничтожить противника западнее Дона, чтобы затем захватить нефтеносные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет.

Окончательное окружение Ленинграда и захват Ингерманландии откладываются до тех пор, пока изменение обстановки в районе окружения или высвобождение других достаточных для этого сил не создадут соответствующих возможностей.

II. ПРОВЕДЕНИЕ ОПЕРАЦИЙ

А. Первоочередной задачей сухопутных сил и авиации после окончания периода распутицы является создание условий для осуществления главной операции.

Для этого необходимы стабилизация и укрепление всего Восточного фронта и тыловых районов с задачей высвободить благодаря этому по возможности больше сил для главной операции, одновременно на остальных фронтах быть в состоянии небольшими силами отразить наступление противника.

Там, где для этой цели по моему указанию будут проводиться наступательные операции с ограниченной целью, необходимо также обеспечить во всех случаях использование всех имеющихся в распоряжении наступательных средств сухопутных сил и авиации для достижения быстрых и решительных успехов превосходящими силами. Только таким путем уже перед началом крупных операций весной этого года в наших войсках будет укреплена непреклонная уверенность в победе, а войска противника убедятся в том, что мы обладаем подавляющим превосходством.

Б. Последующие задачи в рамках этих операций: очистить от противника в Крыму Керченский полуостров и овладеть Севастополем. Авиация, а вслед за тем и военно-морской флот должны с целью создания условий для этих операций блокировать порты Черного моря и Керченский пролив.

На юге противник, вклинившийся по обе стороны от Изюма, должен быть отрезан на р. Донец и уничтожен.

Операции, которые необходимы для выравнивания линии фронта на его центральном и северном участках, могут быть разработаны и проведены только по окончании ведущихся в настоящее время боевых действий и периода распутицы. Однако, как только позволит обстановка, необходимые для этого силы должны быть выделены с фронта.

В. Главная операция на Восточном фронте. Ее цель, как уже указывалось, — разбить и уничтожить русские войска, находящиеся в районе Воронежа, южнее его, а также западнее и севернее р. Дон. В связи с тем что необходимые для этого соединения будут поступать только постепенно, эта операция распадается на ряд последовательных, но связанных между собой ударов, дополняющих друг друга. Поэтому их следует распределить по времени с севера на юг с таким расчетом, чтобы в каждом из этих ударов на решающих направлениях было сосредоточено как можно больше сил как сухопутной армии, так и в особенности авиации.

В связи с тем что в настоящее время совершенно ясно выявилась нечувствительность русских к окружающей оперативного характера, главное внимание (как это было в обоих сражениях в районе Вязьма, Брянск) следует уделять отдельным прорывам с целью плотного окружения группировок противника.

Необходимо избегать того, чтобы в результате слишком позднего подхода войск, предназначенных для окружения, противник получил возможность избежать этого окружения.

Не следует допускать, чтобы вследствие слишком быстрого продвижения танков и моторизованных войск на большую глубину терялась связь со следующей за ними пехотой; нельзя также допускать такого положения, когда танковые и моторизованные войска сами теряют возможность оказывать непосредственную помощь продвигающейся с тяжелыми боями пехоте путем нанесения ударов в тыл взятого в клещи противника.

Следовательно, независимо от главной оперативной цели, всегда следует ставить перед собой задачу уничтожения атакованного противника, причем эта цель

должна найти свое отражение в самой организации наступления и использования войск.

Началом всей этой операции должно послужить охватывающее наступление или прорыв из района южнее Орел в направлении на Воронеж. Из обеих группировок танковых и моторизованных войск, предназначенных для охватывающего маневра, северная должна быть сильнее южной. Цель этого прорыва — захват города Воронежа. В то время как часть пехотных дивизий будет иметь своей задачей немедленное оборудование мощного оборонительного рубежа от исходного района наступления (Орел) в направлении на Воронеж, танковые и моторизованные соединения должны будут продолжать наступление своим левым флангом от Воронежа вдоль р. Дон на юг для взаимодействия с войсками, осуществляющими прорыв примерно из района Харьков на восток. И здесь главная задача состоит не в том, чтобы заставить русских отодвинуть свой фронт, а в том, чтобы уничтожить силы русских во взаимодействии с наносящими удар вниз по течению р. Дон моторизованными соединениями.

Третье наступление в рамках этой операции необходимо организовать таким образом, чтобы силы, наносящие удар вниз по течению р. Дон, соединились в районе Сталинграда с теми силами, которые наступают из района Таганрог, Артемовск между нижним течением р. Дон и Ворошиловградом через р. Донец на восток. Эти силы должны затем соединиться с наступающей на Сталинград танковой армией.

Если в ходе этой операции, в особенности в результате захвата неразрушенных мостов, представится возможность создать плацдармы восточнее или южнее р. Дон, — ее необходимо использовать. В любом случае необходимо попытаться достигнуть Сталинграда или по крайней мере подвергнуть его воздействию нашего тяжелого оружия с тем, чтобы он потерял свое значение как центр военной промышленности и узел коммуникаций.

В особенности желательно либо захватить неразрушенные мосты в самом Ростове, либо прочно овладеть плацдармами южнее р. Дон для продолжения операций, намеченных на последующий период.

Чтобы не дать возможности большей части находящихся севернее р. Дон русских сил уйти за реку на юг, важно, чтобы группировка, продвигающаяся из района Таганрога на восток, получила подкрепления на своем правом фланге — танки и моторизованные части; в случае необходимости из них можно создать подвижные группы.

Во время проведения этих операций нужно не только учитывать необходимость обеспечения северо-восточного фланга наступающих войск, но и немедленно начать оборудование позиций на р. Дон. Особенно большое значение следует придавать созданию мощной противотанковой обороны. Позиции должны быть оборудованы с учетом их возможного использования в зимнее время и обеспечены всеми требующимися для этого средствами.

Для занятия позиции на этом растянутом по р. Дон фронте, который будет постоянно увеличиваться по мере разветвления операций, будут в первую очередь выделяться соединения союзников с тем, чтобы использовать немецкие войска для создания мощного барьера между Орлом и р. Дон, а также на Сталинградском перешейке; отдельные высвободившиеся немецкие дивизии должны быть сосредоточены в качестве подвижного резерва за линией фронта на р. Дон.

Союзные войска должны распределяться по нашим позициям с таким расчетом, чтобы на наиболее северных участках располагались венгры, затем итальянцы, а дальше всего на юго-восток — румыны.

Г. Для достижения цели операции необходимо обеспечить **быстрое продвижение войск** за р. Дон на юг, поскольку к этому вынуждает небольшая продолжительность благоприятного времени года.

III. АВИАЦИЯ

Наряду с непосредственной поддержкой сухопутных сил задача авиации состоит в **усилении прикрытия с воздуха** района разветвления группы армий «Юг». В особенности это относится к железнодорожным мостам через р. Днепр.

Если будет установлено, что противник **сосредоточивает свои силы для наступления**, необходимо парализовать его коммуникации и железные дороги, ведущие к району боев. Для этого в первую очередь разрушить железнодорожные мосты через р. Дон.

Перед началом операции концентрированными ударами обеспечить уничтожение **авиации противника** и его аэродромов в районе наступательных операций.

Следует учитывать возможность **быстрого перебазирования** авиации на центральный и северный участки фронта; для этого по возможности сохранить существующие аэродромы.

IV. ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ

На **Черном море** главная задача военно-морского флота, поскольку это позволяют имеющиеся в распоряжении боевые и сторожевые корабли, а также тоннаж грузовых судов, состоит в том, чтобы частично взять на себя подвоз снабжения для сухопутных сил и авиации.

Ввиду того что русский Черноморский флот еще сохранил свою боеспособность, особенно важно быстрое приведение в боевую готовность легких боевых кораблей, переводимых в Черное море.

Безопасность плавания в Балтийском море должна быть обеспечена путем блокады русских военно-морских сил во внутренней части Финского залива.

V

Еще раз напоминаю всем участвующим в подготовке операций инстанциям о моих указаниях относительно **сохранения тайны**. О характере отношений к союзникам мною будут даны дополнительные указания.

VI

О планах подготовки трех видов вооруженных сил к намеченным операциям и о ходе ее проведения докладывать мне через ОКВ.

Подпись: *Адольф Гитлер*

Фюрер ОКВ (Штаб оперативного руководства)
Оп. № 551288/42. Сов. секретно. Только для
командования

Ставка фюрера
23.7.1942 г.

ДИРЕКТИВА № 45 О ПРОДОЛЖЕНИИ ОПЕРАЦИИ «БРАУНШВЕЙГ»

I. Во время кампании, продолжавшейся менее трех недель, большие задачи, поставленные мной перед южным флангом Восточного фронта, в основном выполнены. Только небольшим силам противника, оборонявшимся в этом районе, удалось уйти от окружения и достичь южного берега р. Дон. Следует считаться с тем, что они будут усилены за счет войск, находящихся на Кавказе.

Происходит сосредоточение еще одной группировки противника в районе Сталинграда, который он, по-видимому, собирается оборонять.

II. ЗАДАЧИ ДАЛЬНЕЙШИХ ОПЕРАЦИЙ

А. Сухопутные силы

1. Ближайшая задача группы армий «А» состоит в окружении и уничтожении сил противника, ушедших за р. Дон, в районе южнее и юго-восточнее Ростова.

Для этого использовать крупные силы танковых и моторизованных войск, которые должны наступать с плацдармов в районе Константиновская, Цимлянская (эти плацдармы должны быть заблаговременно захвачены нашими войсками) в общем направлении на юго-запад (примерно на Тихорецк), а также пехотные, егерские и горные дивизии. Реку Дон форсировать в районе Ростова.

Наряду с этим остается в силе задача передовых частей оседлать железную дорогу Тихорецк — Сталинград.

Два танковых соединения группы армий «А» (в том числе 24-ю танковую дивизию) передать группе армий «Б» для продолжения операций в юго-восточном направлении.

Пехотную дивизию «Великая Германия» не выдвигать дальше рубежа р. Маныч. Подготовить ее отправку на Западный фронт.

2. После уничтожения группировки противника южнее р. Дон важнейшей задачей группы армий «А» является овладение всем восточным побережьем Черного моря, в результате чего черноморские порты и Черноморский флот противника будут парализованы.

Для этого переправить предназначенные для выполнения этой задачи соединения 11-й армии (румынский горный корпус) через Керченский пролив, как только обозначится успех продвижения главных сил группы армий «А», чтобы затем нанести удар вдоль дороги, проходящей по Черноморскому побережью на юго-восток.

Другая группировка, в состав которой войдут все остальные горные и егерские дивизии, имеет задачей форсировать р. Кубань и захватить возвышенную местность в районе Майкопа и Армавира.

В ходе дальнейшего продвижения этой группировки, которая должна быть своевременно усилена горными частями, в направлении на Кавказ и через его западную

часть должны быть использованы все его доступные перевалы. Задача состоит в том, чтобы во взаимодействии с войсками 11-й армии захватить Черноморское побережье.

3. Одновременно группировка, имеющая в своем составе главным образом танковые и моторизованные соединения, выделив часть сил для обеспечения фланга и выдвинув их в восточном направлении, имеет задачу захватить район Грозный и частью сил перерезать Военно-Осетинскую и Военно-Грузинскую дороги по возможности на перевалах. В заключение ударом вдоль Каспийского моря овладеть районом Баку.

Группе армий «А» будет передан итальянский альпийский корпус. Для этих операций группы армий «А» вводится кодированное название «Эдельвейс». Степень секретности: сов. секретно.

4. На долю группы армий «Б», как указывалось ранее, выпадает задача наряду с оборудованием оборонительных позиций на р. Дон нанести удар по Сталинграду и разгромить сосредоточившуюся там группировку противника, захватить город, а также перерезать перешеек между Доном и Волгой.

Вслед за этим танковые и моторизованные войска должны нанести удар вдоль Волги с задачей выйти к Астрахани и парализовать там также движение по главному руслу Волги.

Эти операции группы армий «Б» получают кодированное название «Фишрейер». Степень секретности: сов. секретно.

Б. Авиация

Задача авиации состоит в первый период в том, чтобы крупными силами обеспечить переправу войск через Дон, затем оказать поддержку восточной группировке, наступающей вдоль железной дороги на Тихорецк. После этого главные силы ее должны быть сосредоточены для уничтожения армий Тимошенко. Наряду с этим необходимо оказывать помощь наступлению группы армий «Б» на Сталинград и Астрахань. Особенно большое значение имеет заблаговременное разрушение города Сталинграда. Кроме того, следует при случае производить налеты на Астрахань; движение судов в нижнем течении Волги должно быть парализовано путем сбрасывания мин.

В ходе дальнейшего развертывания операций главная задача авиации состоит во взаимодействии с войсками, продвигающимися к портам Черного моря, причем, помимо непосредственной поддержки сухопутных сил, необходимо воспрепятствовать воздействию военно-морских сил противника на наступающие войска, взаимодействуя при этом с военно-морским флотом.

Далее, необходимо выделить достаточное количество сил для взаимодействия с войсками, наносящими удар через Грозный на Баку.

В связи с решающим значением, которое имеет нефтяная промышленность Кавказа для продолжения войны, налеты авиации на промыслы и крупные нефтехранилища, а также перевалочные порты на Черном море разрешается проводить только в тех случаях, когда это безусловно необходимо для операций сухопутных сил. Однако для того, чтобы в ближайшее время лишить противника возможности доставлять нефть с Кавказа, необходимо разрушить используемые для этой цели железные дороги, а также парализовать перевозки по Каспийскому морю.

В. Военно-морской флот

На долю военно-морского флота выпадает задача наряду с непосредственной поддержкой сухопутных сил при переправе через Керченский пролив имеющимися

в Черном море силами не дать противнику возможности с моря воздействовать на войска, ведущие операции на Черноморском побережье.

Для облегчения снабжения сухопутных сил по возможности скорее перебросить через Керченский пролив на р. Дон несколько морских паромов.

Главному штабу военно-морских сил, кроме того, принять необходимые меры для того, чтобы использовать в Каспийском море легкие корабли военно-морских сил для действий на морских коммуникациях противника (транспорты с нефтью и связь с англосаксами в Иране).

III

Операции, к которым сейчас проводится подготовка на участках фронта групп армий «Центр» и «Север», должны быть проведены быстро одна за другой. Таким путем в значительной мере будет обеспечено расчленение сил противника и падение морального состояния его командного состава и войск.

Группе армий «Север» к началу сентября подготовить захват Ленинграда. Операция получает кодовое наименование «Фойерцаубер». Для этого передать группе армий пять дивизий 11-й армии наряду с тяжелой артиллерией и артиллерией особой мощности, а также другие части резерва главного командования.

Две немецкие и две румынские дивизии временно остаются в Крыму; 22-я дивизия, как было указано ранее, направляется в распоряжение командующего войсками юго-восточного направления.

IV

При разработке планов на основе этой директивы и ее передаче в другие инстанции, а также отдаче связанных с ней приказов и распоряжений руководствоваться приказом от 12.7 о сохранении тайны.

Подпись: *Адольф Гитлер*

Штаб 6-й армии. Оперативный отдел. Дело № 1
№ 3044/42. Сов. секретно

Ставка, 19 августа 1942 г.
18 ч. 45 м.
11 экземпляров
9-й экземпляр

**ПРИКАЗ АРМИИ
О НАСТУПЛЕНИИ НА СТАЛИНГРАД
(карта 1 : 100 000)**

1. Русские войска будут упорно оборонять район Сталинграда. Они заняли высоты на восточном берегу Дона западнее Сталинграда и на большую глубину оборудовали здесь позиции.

Следует считаться с тем, что они, возможно, сосредоточили силы, в том числе танковые бригады, в районе Сталинграда и севернее перешейка между Волгой и Доном для организации контратак.

Поэтому войска при продвижении через Дон на Сталинград могут встретить сопротивление с фронта и сильные контратаки в сторону нашего северного фланга.

Возможно, что в результате сокрушительных ударов последних недель у русских уже не хватит сил для оказания решительного сопротивления.

2. **6-я армия** имеет задачей овладеть перешейком между Волгой и Доном севернее железной дороги Калач — Сталинград и быть готовой к отражению атак противника с востока и севера.

Для этого армия форсирует Дон между Песковатка и Трехостровская главными силами по обе стороны от Вертячий. Обеспечивая себя от атак с севера, она наносит затем удар главными силами через цепь холмов между р. Россошка и истоками р. Б. Каренная¹ в район непосредственно севернее Сталинграда до Волги. Одновременно часть сил проникает в город с северо-запада и овладевает им.

Этот удар сопровождается на южном фланге продвижением части сил через р. Россошка в ее среднем течении, которые юго-западнее Сталинграда должны соединиться с продвигающимися с юга подвижными соединениями соседней армии.

Для обеспечения фланга войск в район между нижним течением рек Россошка и Карповка и р. Дон выше Калача с северо-востока выдвигаются пока что только слабые силы. С подходом сил соседней армии с юга к Карповка войска выводятся из этого района.

С переносом наступления на восточный берег р. Дон на ее западном берегу ниже Малый остаются только небольшие силы. Впоследствии они наносят удар через Дон по обе стороны от Калача и участвуют в уничтожении расположенных там сил противника.

3. Задачи:

24-му танковому корпусу оборонять р. Дон от правой разграничительной линии армии до Лученский (иск.); 71-й пехотной дивизии, оставив слабые заслоны на р. Дон, овладеть плацдармом по обе стороны от Калача и затем наступать в восточном направлении. Подготовиться к выполнению новой задачи.

¹ В районе 10 км восточнее Самофаловка.

51-му армейскому корпусу захватить второй плацдарм на р. Дон по обе стороны от Вертячий. Для этого ему временно придаются артиллерия, инженерные части, группы регулирования движением, противотанковые части и необходимые средства связи из состава 14-го танкового корпуса.

С прохождением плацдарма 14-м танковым корпусом 51-му армейскому корпусу обеспечить его южный фланг. Для этого корпусу переправиться между Ново-Алексеевский и Бол. Россошка через р. Россошка, занять холмистую местность западнее Сталинграда и, продвигаясь на юго-восток, соединиться с наступающими с юга подвижными соединениями соседней армии справа.

Затем корпусу овладеть центральной и южной частями Сталинграда.

Частью сил корпуса нанести удар с северо-запада, ворваться в северную часть Сталинграда и захватить ее. Танки при этом не использовать.

На цепи холмов юго-западнее Ерзовка и южнее р. Б. Грачевая выставить заслоны для обеспечения от ударов с севера. При этом поддерживать тесное взаимодействие с подходящим с запада 8-м армейским корпусом.

8-му армейскому корпусу прикрывать северный фланг 14-го танкового корпуса. Для этого нанести удар с плацдармов, захваченных между Нижней Герасимов и Трехостровская, на юго-восток и, постепенно поворачивая на север, выйти на рубеж (по возможности недоступный для танков противника) между Кузьмичи и Качалинская. Поддерживать тесное взаимодействие с 14-м танковым корпусом.

11-му и 17-му армейским корпусам обеспечивать северный фланг армии.

11-му армейскому корпусу — на рубеже р. Дон от Мелов до Клетская (иск.) и дальше до левой разграничительной линии армии.

11-му армейскому корпусу в ближайшее время направить 22-ю танковую дивизию в район Далий-Перековской, Ореховский, Селиванов в распоряжение командования армии.

4. День и время начала наступления будут указаны в особом приказе.

5. Разграничительные линии указаны на специально изготовленной карте.

6. 8-й авиационный корпус главными силами будет поддерживать вначале 51-й армейский корпус, затем 14-й танковый корпус.

7. КП армии с утра 21.8 — Осиновский.

8. Настоящий приказ довести до сведения соответствующих инстанций только в части, их касающейся.

Перевозить приказ на самолете запрещаю. Положения о сохранении тайны учтены в содержании приказа и расчете рассылки.

Командующий армией *Паулюс*

ЗАМЕЩЕНИЕ ВЫСШИХ КОМАНДНЫХ ПОСТОВ

Верховный главнокомандующий вооруженными силами	Адольф Гитлер
Начальник штаба главного командования вооруженных сил (ОКВ)	генерал-фельдмаршал Кейтель
Штаб оперативного руководства вооруженными силами	генерал-полковник Йодль
Командующий сухопутными силами ОКХ (главное командование сухопутных сил)	Адольф Гитлер
Начальник генерального штаба сухопутных сил:	
до 24 сентября 1942 г.	генерал-полковник Гальдер
с 25 сентября 1942 г.	генерал пехоты Цейтцлер
Генерал-квартирмейстер (начальник тыла вооруженных сил)	генерал артиллерии Вагнер
Командующий ВВС	рейхсмаршал Геринг
Начальник генерального штаба ВВС	генерал-полковник Ешоннек
Группа армий «А»:	
до 10 сентября 1942 г.	генерал-фельдмаршал Лист
с 10 сентября по 21 ноября	под непосредственным руководством ОКХ
	генерал-полковник Клейст
с 22 ноября 1942 г.	генерал-полковник барон фон Вейхс
Группа армий «Б»	назначались только начальники штаба:
	генерал пехоты Гауффе ¹
	генерал-фельдмаршал фон Манштейн
	генерал-фельдмаршал фон Бок
	генерал-полковник Гот
	генерал-полковник Руофф
	генерал-полковник барон фон Вейхс
Группа армий «Юг»	
Армейская группа Гота	
Армейская группа Руоффа	
Армейская группа Вейхса	
1-я танковая армия:	
до 21 ноября 1942 г.	генерал-полковник фон Клейст
с 22 ноября 1942 г.	генерал кавалерии фон Макензен
2-я армия:	
до 14 июля 1942 г.	генерал-полковник барон фон Вейхс

¹ Одновременно начальник немецкой военной миссии в Румынии.

с 15 июля 1942 г.	генерал-полковник фон Залмут
4-я танковая армия	генерал-полковник Гот
6-я армия	генерал танковых войск (позже генерал-полковник и генерал-фельдмаршал) Паулюс
11-я армия	генерал-фельдмаршал фон Манштейн
17-я армия	генерал-полковник Руофф
Армейская группа Фреттер-Пико	генерал артиллерии Фреттер-Пико
Армейская группа Голлидта	генерал пехоты Голлидт
4-й армейский корпус	генерал пехоты фон Шведлер, генерал инженерных войск Енеке, генерал артиллерии Пфэффер
7-й армейский корпус	генерал артиллерии Хель
8-й армейский корпус	генерал артиллерии (позже генерал-полковник) Гейтц
11-й армейский корпус	генерал пехоты (позже генерал-полковник) Штреккер
13-й армейский корпус	генерал пехоты Штраубе
17-й армейский корпус	генерал пехоты Голлидт
29-й армейский корпус	генерал пехоты фон Обстфельдер
30-й армейский корпус	генерал артиллерии Фреттер-Пико
51-й армейский корпус	генерал артиллерии фон Зейдлиц-Курцбах
52-й армейский корпус	генерал пехоты Отт
55-й армейский корпус	генерал пехоты Виров
14-й танковый корпус	генерал танковых войск фон Витерсгейм, генерал танковых войск Хюбе
24-й танковый корпус	генерал танковых войск фон Кнобельсдорф (с 10 октября 1942 г.)
40-й танковый корпус	генерал танковых войск Гейр фон Швеппенбург
48-й танковый корпус	генерал-лейтенант Гейм, генерал танковых войск фон Кнобельсдорф (с 1 декабря 1942 г.), генерал-лейтенант фон Холтитц
57-й танковый корпус	генерал танковых войск Кирхнер
Группа Витерсгейма (14-й танковый корпус)	генерал танковых войск фон Витерсгейм

Группа Пфейфера	генерал-лейтенант Пфейфер
Группа Филиппа	генерал-майор Филипп
Группа Шпанга	генерал-лейтенант Шпанг
Группа Штумпфельда	генерал-лейтенант фон Штумпфельд
4-й воздушный флот	генерал-полковник барон фон Рихтгофен
8-й авиакорпус	генерал-лейтенант Фибиг
Начальник королевского румынского большого генерального штаба	генерал Штефлеа
Начальник немецкой военной миссии в Румынии	генерал пехоты Гауффе
3-я румынская армия	генерал-полковник Думитреску
4-я румынская армия	генерал Константинуеску
1-й румынский армейский корпус	
2-й румынский армейский корпус	
4-й румынский армейский корпус	
5-й румынский армейский корпус	
6-й румынский армейский корпус	генерал Драгалина
7-й румынский армейский корпус	генерал Минтранеску
Румынский кавалерийский корпус Попеску	генерал-майор Попеску
8-я итальянская армия	генерал-полковник Гарибольди
Итальянский альпийский корпус	
2-й итальянский армейский корпус	
35-й итальянский армейский корпус (до 1 сентября 1942 г.)	генерал Мессе
2-я венгерская армия	генерал-полковник Яны
3-й венгерский армейский корпус	
4-й венгерский армейский корпус	
7-й венгерский армейский корпус	

Примечание. Указано воинское звание, которое носили соответствующие начальники в период с 1 июля 1942 г. по 31 января 1943 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

«А» и «Б» — обозначение двух армейских группировок вермахта в южной группе армий.

Гестапо (нем. Gestapo, сокр. от **Geheime Staatspolizei**) — тайная государственная полиция.

ГФП — (GFP, сокр. от нем. **Geheime Feldpolizei**) — тайная полевая полиция (жандармерия).

НСДАП — национал-социалистическая рабочая партия Германии.

ОКВ (нем. O.K.W., сокр. от **Oberkommando der Wehrmacht**) — верховное командование вермахта.

ОКХ (нем. O.K.H., сокр. от **Oberkommando der Heeres**) — главное командование сухопутных войск вермахта.

СА (нем. SA, сокр. от **Sturmabteilungen**) — штурмовые отряды.

СС (нем. SS, сокр. от **Schutzstaffeln**) — охранные отряды.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В.В. Амельченко. Как это было...</i>	3
<i>Иохим Видер. КАТАСТРОФА НА ВОЛГЕ</i>	9
Немецкая группировка окружена	11
Час роковых решений	19
«Бунт» генерала Зейдлица	24
«Держитесь! Фюрер выручит вас!»	28
Тревожные будни аэродрома Питомник	32
Черные дни декабря	37
Манштейн идет!	41
Рождество и Новый год в котле	47
Мы отклоняем русское предложение капитулировать.	53
Русские разбивают котел вдребезги	59
Трагедия близится к своему апогею	63
Переживания и встречи во время бегства	68
Разгром нашего корпуса и прощание у командующего	73
Гибнущая армия устремляется в сталинградские развалины	77
Агония затягивается	83
Мы слушаем панихиду по самим себе	89
Бесславный конец	93
Взгляд в бездну	98
Мы попадаем в плен	103
Сталинградская трагедия не кончилась	109
Заключение	114
<i>Фридрих Паулюс. ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ КРАХ</i>	123
<i>Курт Цейтцлер. СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА</i>	149
<i>Ганс Дёрр. ПОХОД НА СТАЛИНГРАД</i>	199
От автора	201
Сталинград.	204
Операции группы армий «Юг» (позже групп армий «А» и «Б») до выхода на Волгу	205
Выход в район Сталинграда и наступление на город.	222
Контрнаступление русских. Первый период.	257
Наступление с целью освобождения окруженных войск	281

Контрнаступление русских. Второй период:	
прорывы на Дону и в Калмыцких степях	296
Снабжение 6-й армии по воздуху	306
Конец 6-й армии	312
Заключение	315
Приложения	319

СТАЛИНГРАД
К 60-летию сражения на Волге

Редактор *В.В. Амельченко*
Художественный редактор *Л.Е. Кривокобыльская*
Технический редактор *Н.Я. Богданова*
Корректоры *Г.В. Казнина, В.Л. Соловьева*
Компьютерная верстка *О.С. Михеева*
Репродукции *В.В. Солдатова*

Лицензия ЛР № 020872 от 8 июля 1999.

Сдано в набор 31.08.01. Подписано в печать 20.11.01.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс»

Формат 60×88/16. Печ. л. 21+вкл. 1 печ. л.

Усл. печ. л. 20,56. Уч.-изд. л. 21,97.

Изд. № С/01/402. Тираж 5000. Зак. 471

Воениздат, 103160, Москва, К-160.

Отпечатано в типографии ОАО «Внешторгиздат»
127576, Москва, ул. Илимская, 7.

К
РЕД
КНИ

В ноябре я говорил Гитлеру, что потерять под Сталинградом четверть миллиона солдат — значит подорвать основу всего Восточного фронта. Ход событий показал, что я был прав. Сталинградское сражение действительно оказалось поворотным пунктом всей войны.

Курт ЦЕЙТЦЛЕР

Зимой 1942 года я понял, что нам не одержать победы в этой войне. Мы уже никак не могли удержать предельно растянутый фронт в России. Я понимал, что русские с их неисчерпаемыми людскими резервами, продвигаясь шаг за шагом, в конце концов раздавят нас.

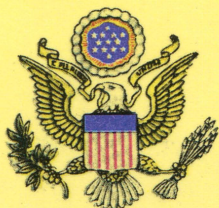
Эрих фон МАНШТЕЙН

Для Германии битва под Сталинградом была тягчайшим поражением в ее истории, для России — ее величайшей победой. Под Полтавой (1709 г.) Россия добилась права называться великой европейской державой, Сталинград явился началом ее превращения в одну из двух величайших мировых держав.

Ганс ДЁРР

Грамота Сталинграду президента США Франклина Д. Рузвельта и почетный меч — дар короля Великобритании Георга VI — сталинградцам в ознаменование разгрома немецко-фашистских захватчиков

ИГА • РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА
КАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКА
ТА • РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА

In the name of the people of the
United States of America,
I present this scroll to the
City of Stalingrad
to commemorate our admiration for
its gallant defenders whose courage,
fortitude, and devotion during the siege
of September 13, 1942 to January 31, 1943
will inspire forever the hearts of all
free people. Their glorious victory
stemmed the tide of invasion and
marked the turning point in the
war of the Allied Nations against
the forces of aggression

May 17 1944

Franklin D. Roosevelt

Washington, D.C.

